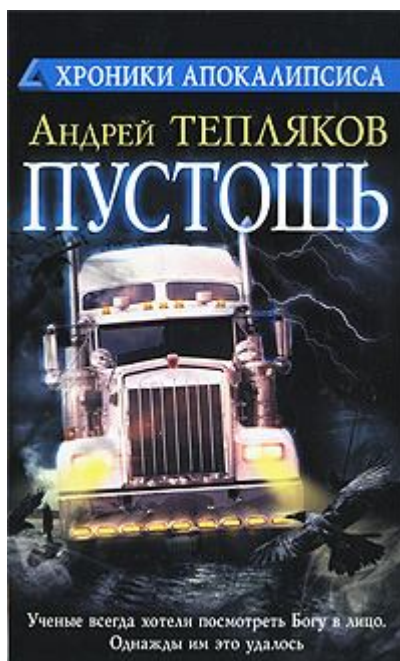

Андрей Владимирович Тепляков Пустошь

Сны разума –

«Пустошь»: АСТ, Астрель-СПб; СПб; 2010
ISBN 978-5-17-069085-5

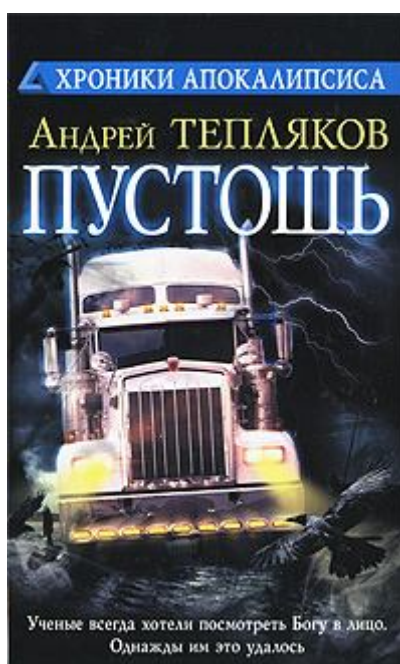
Аннотация

Ученые всегда хотели посмотреть Богу в лицо. И однажды им это удалось.

Пустынные равнины штата Нью-Мексико стали ареной необъяснимых явлений: здесь начали пропадать люди, исчезали целые поселения, пространство и время перестали подчиняться привычным законам. Аномальную область оцепили военные. Местные дали ей имя "Пустошь". Лишь с одним городом внутри этой зоны осталась связь. После многих тщетных попыток удалось найти строгий свод правил, соблюдая которые можно было преодолеть Пустошь и добраться до плененного города. Следуя этим правилам, райдеры отправлялись в опасные рейсы, рискуя никогда не вернуться домой. Они проносились по пустынным дорогам, свято блюдя главную заповедь — не терять скорость и ни в коем случае не останавливаться. Вопреки запрету, один из них, Майкл Хоуп, согласился взять с собой пассажира. Ему первому предстоит узнать, что же такое на самом деле Пустошь.

**Андрей Тепляков
ПУСТОШЬ**

ГЛАВА 1

Водитель погасил огни и свернул с дороги. Машину мгновенно окружила непроглядная тьма без луны и звезд. Огромный GMC, покачиваясь, словно корабль на волнах, покатил вглубь предгорья.

По словам Ника, только такая ночь, темная как уголь, даст шанс миновать кордоны незамеченными, и им очень повезло, что не пришлось долго ждать: в последние дни погода в этой части Нью Мексико стояла ясная.

Анна почувствовала озноб. От холода или от страха, она не могла понять, но уже почти раскаялась в том, что затеяла это безумное мероприятие.

— Холодно, — тихо сказала она. — Можно включить печку?

— Конечно.

Водитель повернул переключатель, и по машине разлилось приятное тепло. Но дрожь не исчезла. Анна тревожно вглядывалась в окружающую темноту, пытаясь различить какие-нибудь очертания. За окном медленно проползали громоздкие силуэты гор, словно морские чудовища со старинных карт. С каждой минутой они, казалось, подкрадывались все ближе, выжидая удобного момента, чтобы навалиться на них и раздавить своей колоссальной тяжестью.

— Не волнуйтесь, — сказал водитель, заметив, с каким напряжением она смотрит в окно. — Эту дорогу я отлично знаю. Мальчишкой я гонял здесь на байке. Хорошее было время...

Машину тряхнуло.

— Чертовски жалко, что все так обернулось.

За время безумного спринта от Вермонта до Нью Мексико у Анны не было возможности расспросить о том, что происходило в этих краях. Люди в Форт Вингейт, с которыми она говорила, старательно избегали этой темы, словно какое-то проклятие довлело над пустынными равнинами северо-запада штата. Она так и осталась бы ни с чем и попалась бы первому патрулю где-нибудь на шоссе номер 371, если бы ей не посоветовали Ника — единственного и неповторимого специалиста по решению дорожных проблем в этой части Нью Мексико.

Единственного и неповторимого специалиста она нашла возле дома. Он занимался починкой ворот маленького дощатого гаража, откуда, занимая почти все свободное пространство, высовывалась хромированная морда огромного чудовища производства «Дженерал Моторс». По выжженной солнцем траве носились двое ребятишек, лет четырех-пяти, за которыми присматривала молодая мексиканка.

— Мистер Сомберс?

Мужчина обернулся. На вид ему можно было дать лет сорок. На нем были выцветшие джинсы в пятнах смазки, обнаженная кожа лоснилась от пота. «Такие, как он, долго не стареют. С годами они становятся только лучше, как хорошо выдержанное виски». Анна почувствовала легкий укол в груди и смущенно опустила глаза, успев заметить, как мексиканка отложила книгу и посмотрела в их сторону.

Перехватив ее взгляд, мужчина улыбнулся.

— Зовите меня Ник. Что вам нужно?

От Ника Анна узнала, что военные перекрыли все дороги, ведущие от Форт Вингейт на северо-восток и восток, кроме автострады номер 40 на Альбукерке и Санта Фе. Когда она сказала, что ей надо попасть в городок Куба, он только покачал головой.

— В этом я вам не помощник, леди. Все, что я могу — это доставить вас в Санта Розита через патрули. Попробуйте счастья там. Это единственное место, где вам, возможно, помогут.

— Неужели все так сложно?

— Да, леди, сложно. И дорого.

— Сколько?

Ник прищурил глаза, внимательно оглядывая Анну: ее дорогой костюм; темные очки, стоящие никак не меньше двухсот баксов; хороший дорожный чемодан.

— Полторы тысячи, независимо от результата.

— Что?!

— Соглашайтесь, леди. Это единственное предложение, которое вы можете услышать в этом городе.

— Полторы тысячи за дорогу в тридцать миль?!

— Дело не в милях.

Анна ошарашено молчала.

— Подумайте, — сказал Ник. — Я буду здесь.

В кафе было темно и жарко. Под низким потолком лениво вращались лопасти двух вентиляторов, не приносящих никакого облегчения. Пахло луком и жареной картошкой. Анна поставила чемодан рядом со столиком и заказала себе мороженое.

«Бросить! Бросить все это к чертовой матери! Она так устала, что еле сдерживалась, чтобы не расплакаться. Не так Анна представляла свою поездку. Конечно, что-то должно было случиться — но такое! Тайны, кругом тайны: военные патрули, настороженные взгляды людей и огромная область на северо-востоке штата, опечатанная, как место преступления. И что теперь? Ринутся туда, как скотина на бойню? Нарушить запреты, обмануть патрули? А что потом? — Да что угодно! Все что угодно.

А София? Что же будет с ней?»

С тех пор, как погибли родители, Анна воспитывала сестру, словно собственного ребенка. Конечно, это была не равнозначная замена, но она старалась и думала, что у нее получается. Думала до тех пор, пока не узнала, что София беременна (в выпускном классе школы!) и что решила выйти замуж за этого парня из Кубы — то ли автослесаря, то ли сантехника. Что тут можно было сказать?

Анна вспомнила, как была у них на свадьбе и поморщилась — нахлынули старые обиды, скользкой змеей зашевелилась ревность. «Я отдала тебе все», — в который раз думала она. — «Я пожертвовала всеми радостями жизни, чтобы заменить тебе мать. А ты...». До окончания колледжа, они почти не встречались, а потом Анна получила диплом юриста и уехала в Вермонт.

Они писали друг другу, если так можно назвать пару строк на открытке в день рождения или на Рождество, и с каждым словом все больше отдалялись. А потом София и вовсе замолчала.

«Девочка выросла, и ты ей больше не нужна», — говорила себе Анна. — «Стерва!».

Спустя два года, она позвонила Софии и наткнулась на молчащую линию. Это случилось в апреле 2010. Телефон молчал и на следующий день, и через неделю, и через месяц — словно другой конец провода уводил прямиком в преисподнюю. И эта тишина пугала.

Анна обзвонила близлежащие городки, но так ничего и не добилась: молчащая линия или записанный на пленку голос, сообщающий, что в таком-то городе существуют локальные проблемы со связью — это все, что ей удалось узнать. И она сделала последнее, что еще можно было сделать — взяла отпуск и купила билет на самолет.

И вот теперь она сидит здесь, в этом адском кафе с издевательским названием «Бриз» и всерьез обдумывает возможность вернуться домой.

«Ты проделала такой путь, девочка. Ну же, решайся! Хотя раз в жизни не будь трусихой! Из-за своей дурацкой привычки прятать голову в песок, ты уже один раз потеряла сестру. Не делай этого снова! И если власти не хотят ничего объяснять, выясни все сама! Ты имеешь на это право!»

Анна энергично кивнула, заплатила за мороженое и вышла в яркое дневное марево.

Дверь ей открыла та же женщина, которую она видела во дворе с детьми. «Она явно моложе мужа. Ей, наверное, лет тридцать». Большие карие глаза смотрели с нескрываемой неприязнью.

«Поделом мне», — подумала Анна. — «Я позволила себе паяльаться на ее собственность».

— Мистер Сомберс дома? — спросила она, старясь придать своему голосу приветливые интонации. На мексиканку это не произвело никакого впечатления.

— Ники! — крикнула та, отвернувшись. — Ники! Там тебя спрашивает эта женщина.

— Иду!

Женщина кивнула и осталась стоять в дверях, не выказывая не малейшего желания пропустить в гостию в дом или, скажем, предложить холодного лимонада. Анна слышала, как внутри кричат дети. На нее нахлынуло раздражение. Она пришла сюда, чтобы заплатить им полторы тысячи баксов (несомненно, целое состояние для такой дыры, как эта), а они даже не пускают ее на порог!

«Ох, София, что мне приходится терпеть из-за тебя!»

Появился Ник. Он подошел к жене и обнял ее за плечи.

— Иди к детям, Карла. Нам нужно поговорить.

Карла молча посторонилась, пропуская мужа на улицу. Как только он вышел, она захлопнула за ним дверь.

— Не сердитесь на мою жену, — сказал Ник. — Ей не нравятся такие дела.

— Мне тоже! — заявила Анна.

— Итак, как я понимаю, вы приняли решение?

— Да. Выбора у меня нет. Я согласна на ваши условия.

— О'кей. Тогда слушайте, что вам нужно купить в дорогу...

Колесо машины попало в яму, и GMC сильно трянуло. Анна вскрикнула.

— Не волнуйтесь, — сказал Ник. — Этой машине все нипочем.

— Машине нипочем. Но я не машина! — возразила она.

Ник промолчал, сосредоточившись на том, что должно было называться дорогой. Анна заметила, как вздулись жилки у него на висках, когда он всматривался в темноту. Больше они не произнесли ни слова. Спустя полчаса прыжков по ухабам Ник выключил передачу и остановил машину.

— Дальше вы пойдете пешком, — сказал он. — Дороги тут около полумили на северо-восток. Вот держите, — он дал ей маленький компас. — Когда увидите огни, идите на них. Двухэтажный белый дом, он на самой окраине города — вы не ошибетесь.

— Спасибо, Ник, — неожиданно для себя сказала Анна. — Пусть не из сострадания, но

вы мне помогли.

— Поймите меня правильно, леди. Вы мне симпатичны, но если бы я проявлял сострадание к каждому, кто мне симпатичен, мои дети сидели бы голодными.

— Да, наверное. И все равно, спасибо.

— Не за что. Если вдруг заблудитесь, не кружите. Ждите на месте. Когда рассветет, вы сможете сориентироваться.

Анна открыла дверь и вышла в холодную темноту ночи.

— Держите, — Ник передал ей чемодан.

Где-то сзади них вспыхнули и погасли огни. Это произошло за долю секунды, и Анна даже решила, что ей показалось. Но, посмотрев на Ника, она поняла, что это не так.

— Черт! — прошептал он. — Вонючий патруль! Давайте, леди! Вперед! Вы не знаете, кто вас сюда отвез, ясно! Не запомнили имя. Вас подобрали на дороге. Любую чушь, понятно?

— Да.

— Идите!

И снова мигнули огни — на этот раз немного ближе и левее. Анна обхватила чемодан руками и, как могла, заспешила прочь. Двигатель GMC затих. Тишину теперь нарушал только приглушенный гул моторов патруля. Судя по звуку, военные сильно забирали в сторону.

«И слава Богу!», — подумала Анна. Идти было трудно, тяжелый чемодан сильно мешал, да и полная темнота не способствовала быстрому передвижению. Она отошла не больше, чем на сто ярдов, когда из темноты, на этот раз впереди, ударил яркий свет фар. Больше инстинктивно, чем обдуманно Анна упала на землю. Шум двигателя нарастал. Военный патруль ехал как раз в ее сторону.

«Вот и попалась», — подумала она. — «И конец путешествию. А может быть, они не заметят? Может быть, проедут мимо?» В этот момент за ее спиной раздался рев двигателя и вспыхнул свет. На военной машине зажегся прожектор и зашарил на том месте, где они с Ником расстались. Анна осторожно повернула голову. Прожектор высветил GMC, который быстро разворачивался. Патруль изменил направления, взяв чуть в сторону от Анны, и ринулся за нарушителем. Анна заметила, что Ник все-таки успел развернуться, и красные огни его машины запрыгали, удаляясь. Патруль пронесся футах в десяти от нее. Машина даже не притормозила. Они гнались за Ником.

«Да он специально их отвлек!» — подумала она. — «Интересно, донкихотство входит в его гонорар?» Неожиданно ей стало стыдно. Перед глазами появилось лицо молодой мексиканки. Карлы. Теперь ее муж сядет в тюрьму. И во всем будут винить ее, как будто она могла что-то изменить. Но ведь это не так. Ничего нельзя было изменить.

Анна лежала и не смела пошевелиться. Через десять минут она заставила себя встать и, дрожа всем телом, медленно побрела на северо-восток.

ГЛАВА 2

Открыв глаза, Анна некоторое время не могла понять, где находится. Яркий свет проникал в небольшую комнату через единственное окно, и в солнечных лучах кружились частички пыли. Стены были оклеены выцветшими обоями, купленными, наверное, еще во времена гражданской войны. Анна лежала в кровати под тонким шерстяным одеялом. У изголовья стоял стул с аккуратно сложенной одеждой. «Где я...?». Ее взгляд упал на свитер, валяющийся в ногах, и она вспомнила. Все до мелочей: ночной бросок через кордоны, военный патруль, Ник.

Ник! Что с ним стало?

Анна вскочила на ноги и стала быстро одеваться.

Выйдя из комнаты, она оказалась в просторной кухне, очевидно, по совместительству, служившей и столовой. Вдоль всей противоположной стены тянулась столешница,

заваленная посудой и целлофановыми пакетами. В центре за большим столом, покрытом клетчатой скатертью, сидел молодой мужчина и читал газету. На нем была цвета хаки футболка без рукавов, из штанин линялых джинсов выглядывали босые ступни. В правой руке он держал бутылку пива. Анна сразу же узнала его. Именно этот человек открыл дверь, когда она, совершенно обессилившая, добралась до обещанных Ником огней.

— Доброе утро, — сказала она.

Он поднял голову.

— Доброе утро. Хотя, скорее, уже день. Сейчас половина второго, — он поставил бутылку на стол и улыбнулся, продемонстрировав отличные зубы.

— Извините, я не знаю вашего имени.

— Вайтберд. Чарльз Вайтберд. Но вы зовите меня Чарли. Меня все так зовут.

Он протянул руку.

— Анна. Очень приятно.

Они обменялись рукопожатием.

— Хотите есть?

— Было бы неплохо!

— Садитесь.

Анна села и стала смотреть в окно. Сквозь пыльные стекла было видно часть двора: несколько сгорбленных деревьев и старый пикап неопределенного цвета, припаркованный рядом с колодцем. Дальше начиналась выжженная солнцем равнина, рассеченная желтой колеёй автомобильных колес.

— Могу предложить яичницу с беконом, — сказал Чарли, осматривая холодильник. — И тосты.

Он вопросительно взглянул на Анну.

— Идет?

— Да, конечно, большое спасибо!

Он кивнул и принялся вытаскивать из холодильника продукты.

Анну буквально распирало от вопросов. Чем закончилась вчерашняя погоня? Что стало с Ником? Может быть ему нужна помощь? Хотя, чем она может помочь? Но он спас ее! Он рисковал.

— Чарли, у нас вчера ночью возникли затруднения и...

— Да, я знаю.

Зашипела сковородка. Чарли говорил, стоя к гостье спиной, наблюдая за процессом.

— И что? Чем все закончилось?

— Ха! Ник гонял их на своем чудовище почти полчаса!

— Они догнали его?

— Хрен бы они его догнали! Простите. Если бы не затеяли пальбу!

— Боже мой!

— Не волнуйтесь. Зная Ника, могу поспорить, что они оплатят ему новые покрышки.

— Его арестовали?

— Да, но у них ничего нет. Никто вас не видел. А Ник скажет, что просто сбился с дороги. А сматывался от них потому, что принял за бандитов. Здесь иногда попадает всякая шваль.

— И ему поверят? Сомневаюсь, что эту историю можно рассказывать больше одного раза.

— Ник еще никогда не попадался.

— Правда?

— Точно. Никогда.

— Сколько же он перевез людей?

— Вы четвертая.

Анна опешила.

— Всего?

— А что? У нас тут не самое популярное место. Нельзя сказать, что туристы выстраиваются в очередь, чтобы попасть в Санта Розита.

— Значит, Ника отпустят?

— Скорее всего. Он ушлый парень.

Анна позволила себе расслабиться и ощутить прекрасный аромат готовящейся еды. Бремя вины свалилось с ее плеч. Ник выкрутится. Это хорошо! Не хотелось бы, чтобы из-за нее он сел в тюрьму. Конечно, у него будут неприятности, но за беспокойство она щедро заплатила.

«Только четверо», — подумала она. — «Не пользуется популярностью — это не то слово!» Анна была уверена, что городок просто обжаны были наводнить репортеры и искатели приключений. Военные что-то скрывают — любимая тема бульварной прессы!

Только четверо.

— Чарли, а почему я смотрю в окно и не вижу города?

Он поставил перед ней тарелку с божественно пахнущей яичницей.

— Спасибо!

— Дом находится на самой окраине, — сказал он, вновь усаживаясь за стол. — Но, прежде чем поехать в город, надо решить к кому вас отвезти.

— А разве здесь нет гостиницы?

— Здесь был пансион, но теперь он закрыт. В город никого не пускают, сами понимаете. Так что с чемоданами у нас по улицам не походишь.

— Но как я могу решить, кто мне нужен, находясь здесь? — спросила Анна.

Чарли присел рядом.

— Сделаем так — вы расскажите мне, что привело вас в город, и я скажу, кто вам нужен.

Анна подцепила на вилку кусок бекона, отправила его в рот и стала медленно жевать, обдумывая, с чего лучше начать.

— Это произошло около двух лет назад, — сказала она. — Моя сестра София перестала писать и...

— Значит вам нужно в Кубу, — резюмировал Чарли. — Считайте, что вам повезло.

— Почему?

— Хотите кофе?

— Да, спасибо.

Чарли встал и подошел к кофеварке в углу кухни.

— Почему мне повезло? — снова спросила Анна.

— Что вы знаете о происходящем здесь?

— Ничего не знаю. Все телефоны молчат, военные стреляют по машинам, и никто не хочет сказать мне, в чем дело — вроде бы, это все.

— Да, вояки не очень-то приветливы. Они объявились здесь пару лет назад, спустя неделю, после возникновения пустоши.

— Пустоши? Какой пустоши?

Некоторое время Чарли стоял вполборота, барабанил пальцами по столешнице. Анне показалось, что он старается подобрать слова. И ему это не просто.

— О'кей. Два года назад в наших краях стали пропадать люди. Они выходили из дома, садились в машины и исчезали — поехал дядюшка Фредди на фермерскую ярмарку в Бонито, и нет его — в таком духе. Ну, началась паника, все такое — чего только не думали: банда, маньяки, НЛО — выбирайте по вкусу. А потом вырубилась связь. Несколько городков просто растворилось, и никто не знал, что там творится. В основном маленьких, так что никто и не интересовался, но были и покрупнее — Уайт-Рок, Пондероза, Лос-Аламос, Чимайо...

— А Куба?

Чарли взял чашку и кофейник и подошел к столу.

— С Кубой странно получилось. Связь с ней есть, несмотря на то, что город почти в самом центре этого безобразия, но добраться до него нельзя.

Он налил кофе в чашку и подвинул ее Анне.

— Спасибо. Но я не понимаю. Почему туда нельзя добраться?

— Никто не знает. Люди пробовали, но никто не вернулся. А потом появились солдаты, и район оцепили.

— Но с Кубой все в порядке? — спросила Анна. — Город остался на месте?

Чарли пожал плечами.

— Вы говорите, что связь есть. Почему тогда я не могла дозвониться?

— Телефоны не работают — только радио. Да и то, в последнее время военные глушат передачи. Только райдерам выделена частота.

— Райдерам?

— Ну, вообще, я говорил, что никто так и не добрался до Кубы, но это не совсем так.

— Не поняла.

Анна отхлебнула кофе. Напиток был не самого лучшего качества, но пить можно.

— До Хорька в пустоши исчезло восемь человек. По крайней мере, о восьми я знаю точно. Ему первому удалось добраться до Кубы и вернуться обратно.

— Вот как?

— Да. Он гнал, как сумасшедший и, выехав отсюда в пять утра, уже в половине седьмого был в Кубе. Сказал, что город в порядке. Народ напуган, но все живы и здоровы. Хорек пробыл там пару дней, а потом рванул обратно, прихватив пассажиров. Он сбавил скорость до семидесяти миль в час, и вот тут произошло кое-что интересное.

— Что?

— На такой скорости от Кубы до Санта Розита можно доехать примерно за два часа. А у Хорька на дорогу ушло три. Понимаете? Он где-то потерял целый час, хотя клялся и божился, что ни разу не останавливался.

— Ну мало ли... — с сомнением протянула Анна.

— Это еще не самое захватывающее.

— Да?

— Да! Народ в Кубе готов был платить, лишь бы выбраться оттуда. Вот Хорек и предпринял еще несколько ездов и, при этом, каждый раз снижал скорость. Черт, лично я не понимаю, как он до этого додумался! Проинтуичил, наверное.

— И что произошло?

— Получилось, что на скорости шестьдесят миль в час дорога заняла уже шесть часов, а на скорости пятьдесят пять — все двенадцать!

— Этого не может быть!

— Ниже он не опустился — испугался. А потом, свои эксперименты ему пришлось на время прервать. У нас тут стали твориться жуткие вещи.

— Какие вещи?

— Это случилось с теми, кого Хорек привез из своей первой поездки.

ГЛАВА 3

На улице просигналил автомобиль. Чарли вынырнул из-за стола и подскочил к окну. На дорожку перед домом поворачивал старый желтый «Лендровер». Чарли помахал рукой водителю и обернулся к Анне.

— Подождите немного. Я скоро вернусь.

Он вышел.

Анна положила тост, который только что намазывала джемом и стала медленно разглаживать складки на брюках. «Кто, интересно, меня раздел?» — подумала она. — «Уж не милашка ли Чарли?». Возможно, при других обстоятельствах, она бы не возражала, чтобы

он помог ей избавиться от одежды — Чарли производил впечатление привлекательного парня, но Анна предпочла бы находиться в сознании. Она не была ханжой, но мысль о том, что ей могли воспользоваться, когда она была беспомощной, не вызвала приятных эмоций.

Что же тут творится?

Из его рассказа она поняла немного, но достаточно, чтобы испугаться. Пустошь — что это за чертовщина такая? Исчезнувшие города, исчезнувшие люди, солдаты... И снова ей голову пришла мысль отступить. Бросить все и вернуться назад, в Вермонт, где можно ходить с чемоданом по улице, не опасаясь, что тебя задержит военный патруль, и ездить на любой скорости (конечно, в пределах разрешенной), не боясь пропасть где-нибудь на полпути.

А София?

Анна вспомнила, как они с сестрой, будучи еще совсем маленькими, отправились с родителями в зоопарк. Они носились между клетками и вольерами, разглядывая их диких обитателей, и смеялись, как сумасшедшие. В тех местах, где народу было много, родители сажали их на плечи (отец ее, мама — Софию). Было весело. Они с Софией, хохоча, пытались дотянуться друг до друга, а потом родители устроили соревнование по бегу, и тогда Анне показалось, что она летит над землей, как птица. Она до сих пор помнила это ощущение полета и переполняющей ее любви — к маме и папе, к Софии, ко всему миру! В тот момент она поверила, что это счастье будет длиться вечно, потому что ничего не может случиться с людьми, которые так любят друг друга. От этих воспоминаний на глаза навернулись слезы. Они потеряли своих родителей, и мир в одно мгновение разлетелся на куски, как разбитое зеркало, за которым оказалась обшарпанная стена. Мир оказался жестоким, глухим и слепым, и ему было наплевать на тех, кто живет в нем. Анна с мукой обрела это понимание. И она перенесла всю свою любовь на сестру. Заботилась о ней, участвовала во всех ее проблемах и радостях. Она смогла заполнить этой привязанностью ту огромную пустоту, которая образовалась в ней после смерти родителей. И София отвечала ей тем же, пока...

«Пустошь — слово какое жуткое! Как змея, ползущая между камней — пустошшшш...».

Анна подняла со стола тост и снова принялась мазать его джемом.

Ее отстраненный взгляд упал на окно. «Лендровер» остановился возле пикапа Чарли, и теперь его хозяин стоял рядом с открытой дверцей, небрежно опираясь одной рукой на крышу своей машины. Во рту у него была сигарета. Он что-то неспешно говорил. Анна не могла как следует рассмотреть его лица, из-за тени, которую отбрасывал козырек бейсболки. Чарли тоже курил, стоя спиной к окну. От этой картины так и веяло безмятежным спокойствием маленького городка, где люди обстоятельны и неторопливы, и где ровным счетом ничего не происходит. Только это было не так. Потому что не звонил телефон, потому что нельзя было выйти на улицу с чемоданом, потому что что-то происходило.

Пока снаружи шла беседа, Анна успела допить кофе и вымыть посуду. С улицы донесся шум двигателя, и через несколько секунд вернулся Чарли. Он выглядел озабоченным.

— Плохие новости? — спросила Анна.

Он удивленно посмотрел на нее.

— Нет. Ничего плохого. Военный транспорт отбыл сегодня утром в Кубу. Том говорит, что с ними пошла цистерна с топливом. А это значит, что в ближайшие пару дней бензина не будет.

— А часто военные ездят в Кубу?

— Примерно раз в две недели.

— Может быть, мне стоит поехать с ними?

Чарли покачал головой.

— Плохая идея.

— А как же быть?

— Если вы еще не передумали...

— Нет, — Анна вздохнула. — Не передумала.

— Ну тогда ваша надежда — райдеры. Правда, после происшествия с пассажирами Хорька, они не очень-то склонны брать кого-то с собой.

— Да! — Анна вспомнила их прерванный разговор. — Так что же с ними стряслось? Что за жуткие вещи?

Чарли сел за стол и жестом предложил Анне последовать его примеру.

— Хорек привез троих, — сказал он. — Семью с маленькой девочкой. Что здесь творилось — настоящая сенсация! Герой! Они поселились в пансионе, и военные набросились на них, как стервятники. Каждый день за ними приезжала машина и увозила на базу ко всем этим профессорам и экспертам. Нам подкидывали кое-какие крохи информации. Впрочем, выходило, что все хорошо. Все в норме — и так было всю неделю, пока однажды утром отец семейства не ворвался в местное кафе и не устроил драку.

— Драку?

— Да. В тот день в кафе было шесть человек. В основном рабочие с карьера, который тут неподалеку. Все здоровые крепкие парни. Они говорят, когда Стэнли вошел в кафе, он был не в себе. Глаза бегали, он нес какую-то околесицу. Он был похож на человека, который мается от сильной боли. Который не может ни стоять, ни сидеть, ни лежать и не способен больше терпеть.

— Господи!

— Конечно, со временем эта история обросла подробностями, но, уверен, в основном все было именно так. В итоге он набросился на Германа Лаферти и схватил его за горло.

— Так просто взял и набросился?

— Да, без всякого вступления. Когда он стал душить Германа, остальные навалились на него, стараясь оттащить. И ни хрена не получилось! Роза, хозяйка кафе, связалась по рации с военными, а Стэнли, все продолжал отбиваться, как-будто и не замечал, что его мутузят... А били грамотно... Впрочем, потом кто-то взял швабру и стал молотить его по голове, пока он не обмяк. Когда приехали солдаты, Стэнли был уже мертв. Вот так.

— А что стало с семьей этого человека?

— Их перевезли на базу. Через два дня поползли слухи, что его жена тоже умерла. Подробностей никто не знает, но Роза говорила, что к ней в бар заходил военный врач, и он был белым, как снег. Купил сигарет и ушел. А еще через несколько дней девочка стала кричать. Вот это было по-настоящему страшно.

Чарли на минуту замолчал, мрачно глядя на собственные руки.

— Они умерли все, в полном составе, спустя две недели, после приезда в Санта Розита. Я видел, как их хоронили.

— Это была какая-то болезнь?

— А черт его знает! Люди в Кубе здоровы. Эти тоже были здоровы, до тех пор, пока не приехали сюда.

— А как же остальные?

— Хорек отвез их обратно. После такого, они боялись оставаться.

— И больше никто оттуда не уезжал?

— Нет. Военные ставили эксперименты на животных. Привозили оттуда кошек, собак.

— И что?

— Насколько я знаю, история повторялась. Никто из Кубы не может протянуть здесь больше пары недель.

— А люди отсюда? Они могут оставаться в Кубе?

— Райдеры, бывает, задерживаются там. Но не больше четырех дней. Страшно.

Он вытащил из кармана пачку сигарет и закурил.

— Будете?

— Нет, я не курю.

— Вы все еще хотите поехать в Кубу?

— О господи, я не знаю!

Анна почувствовала, что совершенно сбита с толку. Ей было страшно. Несмотря на жару, ее знобило.

— А что это за райдеры? — спросила она.

— Райдеры — это те, кто ездит через пустошь в Кубу. Возможно, кто-то из них согласится взять вас.

— Много их?

— На сегодня — четверо. У братьев Краучеров фура. Но они возят большие грузы и не возьмут пассажиров. Грантмахер. Он стал курсировать до Кубы пару месяцев назад. Хвастается, что доезжает до места за час. Но я бы не советовал вам связываться с ним.

— Почему?

— Он псих. И всегда был психом, еще со школы. Нет никакой гарантии, что он довезет вас в целости. Да и... Ну, вообще, не стоит. Остается Майкл. Если кто и может отвезти вас в Кубу, то только он.

— А он возит пассажиров?

— Нет. Никто не возит, на самом деле. Но Майкл курсирует до Кубы уже полтора года. Я думаю, он вполне надежен.

— А этот ваш Хорек?

Чарли выпустил кольцо дыма и задумчиво проследил за его полетом.

— А его больше нет. Через три месяца после первой поездки он не вернулся. Выехал утром, как всегда, но до Кубы не добрался.

— А что с ним случилось?

Чарли погасил сигарету и посмотрел на часы.

— Сейчас без десяти пять. Если мы хотим поговорить с Майком сегодня, надо ехать. Остальное я расскажу вам вечером.

Он встал.

— Чарли?

— Да?

— А кто вчера ночью уложил меня в кровать?

Чарли остановился на полпути к двери. Обернулся. На его губах заплесала озорная улыбка. Анна нахмурилась.

— Не волнуйтесь. Вас уложила моя сестра. Вечером вы с ней познакомитесь.

— Я так и думала.

ГЛАВА 4

Если бы не рассказ Чарли, Анна ни на минуту бы не усомнилась, что этот городок в полном порядке. Мимо их потрепанного пикапа то и дело проезжали машины, пешеходы неспешно шли по своим делам, люди в баре пили пиво — все было нормально. И одновременно не было. «Это спокойствие обреченности», — подумала Анна. — «Они спокойны потому, что вынуждены воспринимать все, как есть, не имея выбора. В конце концов, жизнь не остановилась. Жизнь продолжается».

Санта Розита оказался меньше, чем она думала. Город имел две главные улицы, пересекающие его крест на крест и сходящиеся на небольшой площади в центре. Миновав ее, Чарли повернул направо, затем налево и медленно двинулся между низких домов. Они проехали почту, галантерейную лавку «Мелочи Дейва» и большой, во весь квартал, одноэтажный блок с надписью «Автомастерская» с притулившимся рядом магазином запчастей. На дверях мастерской висел большой замок. Чарли еще несколько раз повернул и остановился у двухэтажного желтого дома. Хозяев видно не было, как и никакой летней мебели на ухоженном газоне. Двигатель пикапа умолк и стало слышно, как фыркают, вращаясь, распыскиватели воды.

— Может быть, надо было позвонить? — спросила Анна. — Судя по всему, здесь не ждут гостей.

— Позвонить?

— Ах да!

Они выбрались из машины.

— Думаете, он дома?

— Скорее всего. В автомастерской его нет — я посмотрел, когда мы проезжали мимо. Значит, дома.

— А, может быть, он где-нибудь в баре?

— Только не Док, — ответил Чарли. — Идемте.

Распыскиватели были включены на полную мощность, и часть брызг летела через дорожку, образуя над ней миниатюрную радугу. Анна в нерешительности остановилась. Чарли, не обращая внимания на брызги, подошел к дому и нажал кнопку звонка.

— Док! Хэллоу! Это Чарли!

Входная дверь открылась, и на пороге появилась фигура хозяина. Он что-то сказал Чарли и пожал ему руку. Тот обернулся.

— Анна, идите сюда!

Она нерешительно посмотрела на залитую водой дорожку, сделала шаг вперед и снова остановилась. Заметив ее замешательство, Майкл отступил вглубь прихожей, что-то повернул и распыскиватели остановились. Осторожно, стараясь не наступать в лужи, Анна подошла к дому.

— Здравствуйте, меня зовут Анна, — сказала она, остановившись у двери. — Анна Биллингз.

— Рад познакомиться, — ответил Майкл и жестом пригласил их войти.

После жары, царящей на улице, дом Майкла показался Анне прохладным раем. Когда глаза привыкли к полутьме, она увидела маленькую гостиную с круглым столом в центре, на котором беспорядочно валялись бумаги и топографические карты. На противоположной стене висела репродукция. Посмотрев на нее, Анна улыбнулась — «Поля в Овере». В колледже она записалась на курс истории искусств, и профессор, который его вел, оказался большим поклонником творчества Ван Гога. Настоящая, искренняя любовь часто оказывается заразной, и студенты поневоле переняли его восхищение. Анна не явилась исключением и, спустя несколько лет, уже переехав в Вермонт, она тоже раздобыла себе репродукцию; правда это была картина «Хижины», но написал ее Ван Гог все в том же Овере. Любопытное совпадение.

Пейзаж гостиной завершал камин с единственной фотографией в рамке, с которой на гостей смотрела симпатичная молодая девушка. Диван и несколько стульев — на этом обстановка исчерпывалась. Не было даже телевизора! Если бы не картина на стене, комната выглядела бы пустой.

Майкл усадил гостей на диван, а сам устроился на небольшом табурете. — Я вас слушаю.

Неожиданно для самой себя, Анна почувствовала разочарование. Глядя на этого человека, она не верила, что он сможет доставить ее к сестре. С круглыми очками, мягкими чертами лица, тонкой шеей, кожа на которой была гладкой, как у девушки, он больше напоминал библиотекаря, чем супергероя, образ которого нарисовало ее воображение. Она не верила, что этот человек способен на что-то большее, чем марианье бумаги или возню с калькулятором, который валялся среди бумаг на маленьком круглом столе. «Может быть, он бухгалтер?». И снова в голову полезли сомнения — если этот человек действительно ездит через пустошь, доверит ли она ему свою жизнь? Окажется ли он мужчиной в той степени, в которой им оказался Ник? Сможет ли он позаботиться о ней? Анна сомневалась в этом.

— Я привел тебе клиента, Майкл. Этой женщине нужно добратсьа до Кубы.

— Нет.

Оба, и Анна и Чарли, удивленно уставились на Майкла. Очкастый библиотекарь

нисколько не смутился.

— Нет? — переспросил Чарли.

— Нет. Я не беру пассажиров. И ты, Чарли, это знаешь.

— Знаю, Майкл, знаю. Но почему бы тебе не сделать исключение? Один человек или два, какая разница? Леди оплатит твои услуги.

Глаза бухгалтера вспыхнули, как будто ему сказали что-то в высшей степени оскорбительное.

— Чарли, ты соображаешь, что говоришь? Это что — прогулка, по-твоему?

— Нет, но... Я подумал, что ты мог бы ее взять. Ты уже столько едешь и можешь гарантировать...

— Я ничего не гарантирую!

— Майкл...

— Это все! Я сказал — нет. Я никого не повезу. Она сама не знает, о чем просит!

— Я вас не прошу! — зло сказала Анна. — И, честно говоря, не думаю, что хотела бы! Она встала.

— Идемте, Чарли! Поговорим с вашим Грантмахером.

Услышав эти слова, Майкл вскочил.

— Подождите!

— Зачем? По-моему, вы все ясно сказали.

— Сядьте!

Они стояли друг напротив друга несколько секунд, и Чарли, оказавшийся между ними, буквально почувствовал, как гремят над его головой невысказанные слова. Наконец, с трудом подавив раздражение, Анна снова опустилась на диван.

— Зачем вам нужно в Кубу?

— Там моя младшая сестра.

— И что с ней?

— Я не знаю, что с ней! — эти слова Анна почти прокричала. — Поэтому я здесь! Я пересекла полстраны! Люди, хорошие люди, рисковали, чтобы помочь мне. Я устала, я запуталась. И я испугана... Но я должна туда поехать! Пусть даже и не хочу этого! И вот теперь вы сидите здесь на стуле и говорите мне нет. Даже не выслушав меня, вы просто говорите — нет. И я должна вас упрашивать. Но при этом я не уверена, что я хочу сказать вам да.

Анна вздохнула, пытаясь успокоиться.

— Вы не хотите ехать, — сказал Майкл.

— Дело не в том, хочу я или нет — я должна. Понимаете, мы с сестрой...

Неожиданно, даже не успев подумать, что делает, Анна стала пересказывать Майклу свою историю. Она рассказала о смерти родителей и о том, как заботилась о Софии, отказавшись от всех удовольствий привольной студенческой жизни. Рассказала о невысказанных обидах, появившихся между ними, и как они все больше отдалялись друг от друга.

Чарли слушал, удивленно раскрыв рот — настолько эта история отличалась от того, что Анна рассказывала раньше. Ее как будто прорвало — наверное, на исповеди не говорят того, что было сказано здесь, в маленькой гостиной захолустного городка. И эта история... захватывала.

— Думаю, во многом я виновата сама. Эта обида — глупая, детская обида — как будто у меня отняли куклу в песочнице. Я заупрямилась тогда, а теперь понимаю, что сама оттолкнула сестру! Завернулась в свои переживания — мне было так жалко себя. А она не понимала или не хотела понять, что я сделала для нее! И вот к чему это привело. Если бы не...

Майкл слушал ее внимательно и, с течением рассказа, лицо его все больше мрачнело. В какой-то момент Анне показалось, что он принял решение. Его губы сжались, на лбу

появились морщины. Согласится или нет? А хочет ли она этого? Хочет ли на самом деле? Все так сложно и так страшно. Господи! Почему приходится столько раз проходить через этот выбор? Быть может, сама судьба велит ей остановиться? Остановиться, пока еще не поздно. Пока эти люди дают ей шанс.

«Хорошо. Пусть этот бухгалтер с лицом библиотекаря, пусть он принимает решение. Я соглашусь с ним. Но, только, пожалуйста, пусть это будет правильное решение!»

— Вы понимаете, что хотите сделать? — спросил ее Майкл, после того как она закончила.

— Туманно.

— Вы знаете, что мы можем не вернуться?

— Да, знаю.

— Что вы не сможете пробыть в Кубе больше недели?

— Да.

— Что ваша сестра не сможет покинуть свой город?

— Да.

— И все равно хотите ехать?

— Я хочу увидеть ее. Хочу попросить прощения... Наверное.

Майкл опустил голову и начал тереть лицо ладонями.

— Хотите холодного чая?

— Вы отвезете меня туда?

— Да. Отвезу.

— Сколько это будет стоить?

— Я не возьму с вас денег. Но вы должны мне кое-что пообещать.

— Что?

— Что с вами не будет проблем. Никаких проблем.

— Я сделаю все, что скажите.

— Хорошо. Вы остановились у Чарли?

— Да.

— Ее привез Ник. Этой ночью.

Майкл не удостоил его вниманием.

— У Ника были проблемы, — медленно, с ударением на каждом слове, произнес он.

— Не из-за меня.

Он смотрел ей в глаза целую вечность. Анне начало казаться, что он пытается увидеть что-то, прячущееся глубоко в ее мыслях. Что-то, что даст ему ответ, на какой-то внутренний не заданный вопрос. Она тоже смотрела на него. Потом взгляд Майкла сместился, скользнул по Чарли и снова остановился на Анне.

— Хотите холодного чая?

Майкл накрыл им на круглом столике, сдвинув в сторону набросанные там бумаги. Анна пила чай маленькими глотками. На нее нахлынуло чувство отстраненности, нереальности всего происходящего. Как будто она смотрела кино, в котором играла актриса, как две капли воды похожая на нее. Она переступила черту, слава Богу — хватило сил, и теперь от нее больше ничего не зависит. Анна почувствовала себя почти хорошо. «Будь что будет!»

— Отсюда до Кубы примерно сто миль.

Майкл извлек из кучи бумаг дорожную карту штата Нью Мексико и разложил перед ними.

— Дорога проходит по шоссе номер 57, это сорок пять миль. Потом поворот на шоссе 44. В течение всей поездки, мы будем держать скорость шестьдесят миль в час.

— Сколько времени это займет?

— Шесть часов. Плюс-минус минуты.

— А мы можем останавливаться?

— Никаких остановок! Если потребуется справить нужду, воспользуйтесь памперсами.

Анна возмущенно посмотрела на Майкла, позволившего себе такую грубую шутку. Их взгляды встретились. И тут она поняла, что он не шутит. Прочитала это в его глазах. И еще она поняла, что он не бухгалтер. И не библиотекарь. Совсем нет.

— Хорошо, — тихо сказала она.

— У вас есть теплые вещи?

— Да. Я купила в Порт Вингейт.

Майкл отложил карту и принялся изучать свой стакан. Выражение его лица сделалось отсутствующим.

— Когда мы отправляемся?

Он вздохнул и поставил стакан на стол.

— Послезавтра. В семь утра.

— Отсюда?

— Да. Приезжайте к половине седьмого.

— Спасибо.

— Я ничего вам не обещаю.

— А я ничего не прошу.

ГЛАВА 5

Чарли оставил Анну одну, а сам укатил, сославшись на дела. Некоторое время она бесцельно переходила от одной открытой двери к другой, разглядывая комнаты. В одной из них обнаружилась внушительная коллекция пивных банок, занимавших почти всю стену. Каждая банка была аккуратно прикручена тонкой проволокой к деревянным стропилам. «Сколько труда на это ушло», — подумала Анна. Она немного поразглядывала коллекцию, но все банки показались ей одинаковыми или почти одинаковыми. Соскучившись, она пошла дальше. Другая комната заинтересовала ее больше: свежие цветы на подоконнике, туалетный столик с большим зеркалом — все это свидетельствовало о том, что здесь живет молодая женщина. «Наверное, его сестра». На убранной кровати страницами вниз лежала открытая книга. «Унесенные ветром», — прочитала Анна на обложке. Книгу эту она не читала, но зато смотрела фильм с Кларком Гейблом и Вивьен Ли. Фильм ей очень понравился. Она рыдала там, где надо было рыдать, и смеялась там, где нужно было смеяться. Да и главная героиня была как будто списана с нее самой. Только вот Ретта Батлера нет, и пока не предвидится. На туалетном столике Анна обнаружила пепельницу с двумя окурками сигарет «Лаки Страйк». «Интересно, как выглядит женщина, читающая „Унесенных ветром“ и курящая „Лаки Страйк“?».

С тех пор, как они уехали от Майкла, Анну неотступно преследовало ощущение, будто что-то не так. Будто она что-то упустила. В третий раз выйдя на кухню, она выглянула в окно. Тень от дома стала длиннее и накрывала теперь значительную часть «лужайки» перед домом, на которой уныло доживали свой срок чахлые островки травы. У крыльца обнаружилось плетеное кресло. «То, что нужно!»

Анна заглянула в холодильник. Значительное пространство в нем занимали бутылки с пивом. Помимо них, полки были забиты всевозможной едой, в большинстве своем замороженными полуфабрикатами. «Наверное, здесь нелегко достать свежие продукты», — подумала Анна. И тут неожиданно, мысль, которая до этого неуловимо вертелась у нее в голове, оформилась. Она взяла одну из бутылок и вышла на улицу.

Сидя в кресле и глядя на силуэты гор вдалеке, Анна прокручивала в голове все, что услышала от Чарли, Ника и Майкла. Информация сегодня выливалась на нее в таком изобилии, что ей не оставалось ничего другого, кроме как впитывать ее, не имея времени собраться с мыслями и подумать. Чарли рассказал ей много, и все, что он говорил, звучало совершенно фантастически. Да, он отвечал на ее вопросы, и ответы показались ей искренними. Только один вопрос она не задала. Прежде всего, самой себе. Вопрос

заклучался в следующем — верит ли она во все это? Она произнесла этот вопрос вслух, обращаясь к сухому дереву, у которого Чарли ставил свой пикап. Ответа не последовало.

Она считала себя здравомыслящей девушкой, по крайней мере, достаточно разумной для того, чтобы не залететь во время учебы в колледже и поступить на юридический. И, если честно, здравомыслие, это ведь ее хлеб. А что случилось теперь? Она оставила свою рассудительность в Вермонте? А вдруг все в этом городке рехнулись? Что если у них тут массовое помешательство, и все эти истории — только плод их коллективного больного воображения? Нет. Слишком это в духе «Секретных материалов». Надо отталкиваться от фактов. Как говорил один из ее преподавателей — что имеем? А имеем следующее: телефоны не работают — это факт, город охраняют военные — это тоже факт. Сюда же можно присовокупить совпадение историй Майкла, Чарли и Ника о том, что с этими местами не все в порядке. Майкл и Чарли запросто могли сговориться. Но зачем?

Верит ли она? И если верит, то во что?

Что в такой ситуации может сделать самостоятельная и реалистически мыслящая женщина? Ответ был простым и лежал на поверхности — пойти в город. Открыть глаза и уши пошире, пройтись по магазинам, пообщаться с продавцами. Вот, что она может, и вот что она сделает.

Приняв решение, Анна успокоилась.

Вокруг царил почти идеальная тишина. Ветер, подвывая, поднимал небольшие облачка пыли, где-то на крыше чирикали птицы. День клонился к закату. Анна начала клевать носом. Последняя ее мысль была о радуге, висящей над дорожкой у дома Майкла.

Из состояния сладкой дремы ее вырвал шум двигателя. Анна раскрыла глаза. Полулежа в кресле, с недопитой бутылкой пива, в которой теперь, конечно, полно песка, она, скорее всего, была похожа на алкоголичку, которую разморило на солнце. Она села ровнее, глядя, как к дому медленно подкатывается потрепанный «Гольф». Ярко-красное солнце отражалось от лобового стекла, и Анна не могла рассмотреть того, кто сидел внутри. Она встала. Приветственно просигналив, «Гольф» остановился. Дверь распахнулась и наружу высунулась нога, облаченная в ядовито-синие джинсы и розовый кроссовок. Двигатель взревел напоследок и заглох. К первой ноге присоединилась вторая и, наконец, хозяйка «Гольфа» предстала целиком. Двумя руками она держала большой бумажный пакет, прижимая его к яркой футболке. Половину ее лица закрывали темные очки. Девушка ногой захлопнула дверцу и направилась к Анне.

— Здравствуйте! — весело сказала она и, перехватив свой пакет, протянула руку. — Вы меня не помните? Я Линда, сестра Чарли.

— Очень приятно, — сказала Анна, отвечая на рукопожатие. Девушке пришлось немного отклониться назад, чтобы не уронить пакет. На песок вывалилась жестяная банка.

— Черт! — выругалась Линда и улыбнулась.

— Ничего, я подниму.

На кухне Линда грохнула свою ношу на стол.

— Черт бы побрал этих вояк! — заявила она. — Они продают продукты раз в неделю, и вы бы видели, что тогда творится!

Анна вежливо улыбнулась. Линда открыла холодильник и стала перекладывать туда содержимое пакета.

— В следующий раз поедет Чарли. Честное слово! И пусть он брюзжит сколько душе угодно. То, что я женщина, еще не значит, что я должна возиться со всей этой хренью! Вы со мной согласны?

— Хмм. Наверное, да.

— Вы не замужем? Простите, что спрашиваю — если не хотите, не отвечайте.

— Все в порядке, я не замужем.

— Тогда, в определенном смысле вам повезло. Я тоже холостячка, но иметь такого братца как Чарли, это все равно, что быть замужем за двойней!

Линда рассмеялась. Ее смех оказался мелодичным и очень заразительным. Анна

улыбалась. Ей понравилась эта девчонка. Она была единственным живым человеком за последние несколько дней. Остальные больше напоминали героев апокалипсиса.

Линда захлопнула холодильник.

— Я оставлю вас не надолго, — сказала она. — Сбегаю в душ. Из-за этой жары, я чувствую себя сваренной в собственном соку.

— Да, конечно.

Линда упорхнула наверх.

Воспользовавшись отсутствием хозяйки, Анна вышла на крыльцо, вылила остатки пива в песок и положила бутылку в мусорный бак. Покончив с этим, она вернулась на кухню и уселась за стол.

Линда появилась спустя четверть часа. На этот раз на ней были красные выцветшие на солнце шорты и белая майка.

— Фу, как снова родилась! Если хотите, можете воспользоваться душем. Это на втором этаже. Полотенца и все прочее в шкафу. Не стесняйтесь.

— Спасибо.

— Не за что. А я пока сварганю что-нибудь на ужин.

Стоя под струей прохладной воды, Анна поняла, что ей не хватало именно этого. Каждый миллиметр ее кожи раскрылся и задышал. Нет, она не собиралась укладываться в пятнадцать минут. На самом деле, ей с трудом хватило получаса.

Завернувшись в полотенце, она спустилась вниз. Линда сидела на стуле, положив скрещенные ноги на стол, и читала какой-то журнал.

— Ну как, полегчало? — спросила она.

— Не то слово! Я переоденусь и вернусь.

— Конечно, все готово.

На ужин была курица. Аромат от нее исходил чудесный, и, на время еды, о разговорах было забыто. Поглощая содержимое своей тарелки, Анна подумала о том, какое странное существо человек. Вокруг него мир может разваливаться на куски, но, если в животе урчит, а перед носом стоит ужин — то прошу извинить. После ужина, пожалуйста, хоть конец света. Но на время еды — пусть он подождет.

Когда с ужином было покончено, и Линда, удовлетворенно похлопав себя по животу, откинулась на стуле, Анна не выдержала.

— Чарли сказал, что мне опасно выходить из дома. Сказал, что меня может остановить патруль.

— Не берите в голову, Чарли — перестраховщик. Есть, конечно, опасность, что вас остановят, но совсем не большая. Солдаты здесь сонные — делать-то у нас особенно нечего.

— А я бы хотела пройтись по магазинам. Впереди еще целый день — не сидеть же на одном месте.

— Точно! Сделаем так: Чарли завтра уезжает рано, у него дела в городе. Я поеду около девяти. Если хотите, подкину вас до центра. А вечером подберу.

— Спасибо!

— Да не за что! Если соскучитесь — заходите ко мне. Я работаю в магазине Лайана на площади. Городок у нас маленький, но кое-что имеется — и магазинчики, и кафешки. Получите удовольствие. Гарантирую.

Линда подалась на стуле вперед.

— А вы серьезно решили ехать?

— Да.

— Не боитесь?

— Боюсь. Но мне действительно очень нужно.

— Я верю. А кто вас повезет?

— Майкл.

— Док? — удивилась Линда. — Правда что ли? Да он вас не возьмет!

— Мы его уже уговорили.

— Ого! Вы должны были сказать что-то чертовски убедительное!

Анна хотела ответить, но слов не нашла. Линда была хорошая девчонка, но рассказывать ей о своих делах не хотелось. Причины ехать были очень личные, и даже самой ей не совсем понятные. Ее рассказ вряд ли показался бы Линде чем-нибудь большим, чем занимательная история из жизни. Анна не хотела рассказывать занимательные истории и промолчала.

— Ладно, я не лезу. Это ваши дела, и меня они не касаются.

— А вам никогда не хотелось поехать туда? — неожиданно спросила Анна.

— Нет! — неожиданно резко ответила Линда. — На самом деле я и вам не советую туда соваться. Вы...

Входная дверь скрипнула, и она замолчала.

— Привет, — сказал Чарли. — Смотрю, вы уже познакомились.

— Да, — хором ответили женщины.

— Садись. У нас сегодня курица.

Поужинав и перемыв посуду, все трое собрались у крыльца. Чарли принес еще два кресла и упаковку пива. На темнеющем небе стали появляться первые звезды.

— Чарли, вы сказали, что Хорек срезался, — произнесла Анна. — А что с ним произошло?

Чарли откинулся на спинку кресла; Линда закурила сигарету и стала смотреть куда-то вдаль. Анна не была уверена, что хочет узнать эту историю, но выхода не было — она должна знать.

— Чарли?

— Да. Хорошо. Хорек, на самом деле его зовут Бенжамин, был первым, кому удалось пересечь пустошь и единственным человеком, кто хоть что-то знал о ней, поэтому военные его не трогали и даже снабдили рацией. Линда стала его диспетчером.

Анна удивленно посмотрела на нее. Линда молча курила, не глядя ни на кого из них. Вся ее жизнерадостность померкла. Она как будто превратилась в тень.

— Он был женихом Линды. Они должны были пожениться.

Плечи Линды затряслись. Она беззвучно плакала. Чарли обнял ее одной рукой.

— Не плачь сестренка. Не плачь. Мы ведь не знаем наверняка. Ну?

Она не ответила, только покачала головой. Плечи у нее вздрагивали. Анна почувствовала себя очень неловко.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Линда, я не думала...

— Ничего, — прошептала та. — Ладно. Это было давно.

Дрожащими пальцами она поднесла сигарету ко рту и затянулась.

— Продолжай, Чарли. Пусть она знает.

— Бен пропал во время одной из своих поездок на пути в Кубу. Первые полчаса Линда приняла две его передачи. Все было прекрасно — он просто болтал. А потом у него пробило колесо.

Чарли замолчал.

— Дай ей пленку. Пусть послушает, — сказала Линда.

Чарли кивнул и ушел в дом.

— Какую пленку?

— Я записывала все передачи. Хочу, чтобы ты послушала. Это будет честно. Я считаю, что ты должна все знать, прежде чем отправишься в это проклятое место.

— Линда, если тебе тяжело, я могу...

— Нет. Ничего. Я смирилась. Это было давно.

Она улыбнулась Анне.

— Просто я такая плакса. Ничего не могу с собой поделать.

Вернулся Чарли. Он принес с собой маленький магнитофон и передал его Анне. Линда кивнула.

— Давай.

Анна нажала «Play».

— Третье февраля 2008 года. Семь часов двадцать девять минут утра, — произнес голос Чарли. Другой голос Анна не узнала — скорее всего, он принадлежал Хорьку.

— Детка, тебе надо это видеть! В следующий раз поедем вместе. Здесь до хрена красивой чертовщины!

— Не отвлекайся, Бен, — это был голос Линды. Звучал он весело. — А то слетишь с дороги.

— Бенжамин Флай никогда не слетает с дороги! Бенжамин Флай лучший водила в этих местах!

— Бенжамин Флай самый большой хвастун в Нью Мексико!

— Бенни любит Линду! И у Бенни есть большая машина.

— Заткнись, Бен!

— Я приеду, крошка!

— Третье февраля 2008 года. Семь часов сорок четыре минуты утра.

— Черт! Черт!

— Бенни, что случилось?

— Что за хрень! Твою мать!

— Бенни! Бенжамин, отвечай! Это Линда. Бенжамин!

— Я здесь, детка. Похоже, я пробил колесо.

— Боже мой!

— Спокойно, я на дороге. Детка, мне придется сбросить. С таким колесом я не могу ехать быстро.

— Бенни, не рискуй, снижай до двадцати пяти!

— Линда...

— Третье февраля 2008 года. Восемь часов одна минута утра.

— Зараза!

— Бенни! Бенни, что происходит? Ты пропадаешь! Бенни!

— Стучит! Линда передай Доку, что у меня стучит слева. Там, где было колесо. Иду на обочине и теряю скорость. Пусть Чарли тащит Дока к рации. Давай, давай!

— Третье февраля 2008 года. Одиннадцать часов шестнадцать минут утра.

— Линда, черт возьми, где Док?

— Он здесь, Бенни.

— Хорек? Что у тебя?

— Хреново, Док. Покрышка уже слетела, я иду по железке. Сзади дребезжит, как стадо гаечных ключей.

— Береги ось, сбрасывай. Доведи до пятнадцати.

— Я боюсь, Майки.

— Спокойно, я выезжаю за тобой. Где ты?

— Проехал Пуэбло Бонито десять минут назад.

— Держись, я еду.

— Храни тебя бог, Майки. Линда?

— Да! Да, Бенни!

— Не переживай, мы...

— Одиннадцатое февраля 2008 года. Девять часов три минуты вечера.

— Да е... У меня сломалась ось! Ребята, слышите меня? Пусть Док поторопится. Я скоро остановлюсь! Ребята!

— Бенни. О господи, что с тобой? Где ты пропадал? Бенни, ты где? Ты едешь? Бен!

... Бен... Бенжамин!

— Хорек, я тебя не нашел! Это Майкл. Слышишь меня? Я не нашел!

— Девятое января 2009 года. Два часа пятьдесят одно минута ночи.

— Какого хрена? Я плетусь посередине шоссе. У меня дым валит!

— Бенни!

— Куда пропал? Я на шоссе, идиоты безглазые! На шоссе, мать вашу! Док, ты где?

— Бенни!

— Пятнадцатое мая 2010 года. Одиннадцать часов две минуты утра.

— Что Бенни? Вот сволочь! Я останавливаюсь!

Анна не верила своим ушам. Чарли взял у нее магнитофон и выключил запись.

— Все это мы приняли в течение двух лет, — сказал он. — Больше он на связь не выходил.

— Что это? О господи! — что это за чертовщина?

— Хорек терял скорость. А потом... Я думаю, в итоге, он остановился.

— А Майкл? Он же поехал? Да? Ведь так?

— Поехал и никого не нашел, — сказала Линда. — Никого. Ни одной живой души. Никого-го.

Она снова закурила.

— Если я еще раз услышу его передачу, я сойду с ума!

Повисла тишина. Линда встала.

— Пойдемте спать, — сказала она, выбросила сигарету и, не дожидаясь никого, ушла в дом. Анна и Чарли просидели еще полчаса под ярким звездным небом. Никто из них не проронил ни слова.

ГЛАВА 6

Анну разбудил стук в дверь.

— Одну минуту!

Она вскочила с кровати и принялась лихорадочно одеваться.

— Это Линда. Вставай! Нам через полчаса выезжать.

— Я сейчас!

Анна схватила сотовый и непонимающе уставилась на экран. Пузатые цифры на синем фоне показывали восемь пятнадцать утра. Но ведь она точно помнила, как поставила будильник на половину восьмого. Беда с этими телефонами — вечно где-нибудь напутаешь. Она сунула его в карман и поспешила в ванную.

— Привет, — сказала Линда.

— Привет.

— У нас сегодня апельсиновый сок и хлопья.

— Отлично! Обожаю апельсиновый сок и хлопья!

— Как спалось?

— Хорошо. Настолько, что я даже не услышала будильник.

— Ничего страшного. Торопиться некуда.

— Линда.

— Да?

— Насчет вчерашнего... Мне очень жаль. Правда! Я не ожидала, что все будет так.

— Не бери в голову.

Вновь блеснула знаменитая улыбка.

— Я тоже виновата. Сама не знаю, какой черт меня дернул дать тебе эту запись. А

Чарли у меня слишком послушный, чтобы возразить.

Она тряхнула головой так, что волосы рассыпались по плечам.

— Все не так страшно. Док отличный райдер. У вас не будет проблем.

— Спасибо. А ты до сих пор... ну, диспетчер у райдеров?

— Да. Так сложилось. Вас с Доком я тоже поведу.

— А если что-то случится? За нами пойдет помощь?

— Ну да. Помимо меня передачу принимают военные. В случае проблем, они примут меры. Но у вас все будет хорошо. Поверь мне.

— Я верю.

Закончив завтрак, они вышли на улицу. На солнцепеке кабина «Гольфа» раскалилась, как духовка. Линда завела двигатель и включила кондиционер.

— Через пять минут можно будет ехать.

— Думаю, придется купить воды в дорогу, — сказала Анна.

— Не волнуйся. Док обо всем позаботится. У него свои методы.

— Он тебе нравится?

Анна не ожидала от себя этого вопроса. После услышанного вчера, он казался совершенно неуместным. Просто вырвался, как чертик из табакерки. Она покраснела.

Линда улыбнулась.

— Док хороший парень. Но он не из тех, кто заставит женское сердечко трепыхаться.

— Почему?

— Он фанатик: миллиметр здесь, миллиметр там; дополнительный бак; экспоненциальное приближение — бла-бла-бла. И машина, машина, машина. Он любит свой «Шевроле» больше, чем кого-либо другого. Но это все внешнее, понимаешь? На самом деле он... пустой. Иногда мне кажется, что он мотается в пустошь, потому что сам такой же, как она.

— А мне показалось, что он чувствительный человек.

— Док?

— Да. Например, у него в гостиной картина. Большая репродукция. Не дыру же в стене она закрывает.

— А откуда ты знаешь, может быть и дыру! На самом деле, все, что он ценит — эту проклятую дорогу.

— А может быть он романтик?

Линда прищурилась. Ее губы растянулись в широкую улыбку.

— Ой! — весело сказала она, глядя на Анну. — Ой!

Анна тоже заулыбалась в ответ, сообразив, как звучат ее слова.

— Нет! — сказала она.

— Ой!

— Нет!

— Ой! Ой! Ой!

— Он мне совсем не нравится!

— Ну конечно!

— Линда!

— Да!

— Ты меня смущаешь!

— Ах!

— Я думаю, в машине уже прохладно.

Анна открыла дверь и забралась на заднее сидение. Линда уселась на свое место, повернулась, и положила подбородок на спинку кресла.

— На самом деле, он неплохой парень.

— Мне все равно!

— И симпатичный.

— Линда, мне все равно!

— Он...

— Мы можем ехать?

В голосе Анны прозвучало раздражение.

— Да, мэм. Конечно, мэм.

Линда отвернулась, и «Гольф» медленно покати́л в сторону центра.

Увлечшись покупками, Анна не заметила, как подошло время обеда. В целом, ее поход можно было считать удачным: она купила белые «капри», неплохую юбку и топ к ней и пару веселеньких блузок. При этом мысль пообщаться с продавцами начисто вылетела у нее из головы. Как всегда, удачный шоппинг привел ее в хорошее расположение духа. Теперь требовалось пообедать где-нибудь в уютном местечке и отправится к Линде показывать покупки. Предположительно она находилась примерно в трех кварталах к югу от центра, поэтому Анна двинулась на север, поглядывая по сторонам в поисках подходящего заведения.

Неожиданно ее мысли коснулись Майкла. «И как такое могло прийти в голову, что между ним и Линдой что-то есть! Вот глупости! Она преданная, и, наверное, до сих пор ждет своего Бенни. Просто я плохо разбираюсь в людях».

«Но по поводу Майкла, Линда точно ошибалась! Не был он таким, и не мог быть! С чего она взяла, что он пустышка?» На самом деле Майкл произвел на Анну сильное впечатление. Просто его внешность и характер каким-то парадоксальным образом не соответствовали друг другу. В нем сочетались сила и, одновременно, какая-то трогательная уязвимость. Он напоминал героя-одиночку — лорда Байрона. «А я-то, дура, решила, что райдер обязательно должен быть похож на Ника. Вовсе нет! Совсем даже не обязательно! На самом деле...»

— Мэм?

Анна вздрогнула и обернулась. Позади нее у обочины остановился военный «Хаммер». Прямо перед ней стоял солдат в форме, но без оружия. «Бедный, как ему не жарко?», — почему-то подумала она.

— Мэм? Могу я взглянуть на ваши документы?

— А в чем дело?

— Ничего серьезного, мэм. Обычная проверка. Вы отсюда?

Она сразу поняла, что его интересует, и соврала быстро, даже не успев задуматься.

— Да. Я живу там, — Анна неопределенно махнула рукой в сторону противоположную центру. — Вышла за покупками. Я как раз собиралась обедать.

— Да, мэм, — лицо солдата, казалось, было лишено какого-либо выражения. — Могу я взглянуть на ваши водительские права?

— Да, конечно.

Анна извлекла из сумочки права и передала ему.

— Одну минуту.

Солдат вернулся к машине, присел на пассажирское сидение и положил на колени ноутбук. На крышке, искрясь в ярком солнце, блестели буквы «НР». Медленно, словно выполняя, непривычную работу, солдат стал что-то набивать на клавиатуре, поглядывая на документы. Его коллега, приоткрыл водительскую дверцу и нагнулся. Анна увидела, как его высокий ботинок опустился на асфальт.

Все последующие события произошли очень быстро.

«Сейчас он проверит мои права и выяснит, что я нахожусь в городе нелегально. Меня арестуют. Наверное, посадят в тюрьму. Все! Конец!». Анна огляделась. Улица была пустынна. Оба солдата занимались своими делами и на нее не смотрели. Это был шанс.

Она скользнула в сторону и оказалась между домами. Побежала. Сердце быстро заколотилось в груди. Мелькали стены. Вывеска — «Лучшая одежда». Анна открыла дверь и юркнула внутрь.

— Вам помочь?

Она чуть не вскрикнула и повернулась. Перед ней стояла молодая девушка. Анна почувствовала, что сильно вспотела.

— Нет. Спасибо. Я сама.

Она быстро прошла мимо ряда одежды, пытаясь делать вид, будто рассматривает товар. Потом нервы не выдержали, она схватила какие-то брюки и шмыгнула в примерочную.

«Что теперь? Надо как-то пробраться к Линде. Надо спрятаться. Но как же туда попасть?»

«Очень скоро здесь будут солдаты. Очень скоро все оцепят. Надо идти! Пока они не успели вызвать помощь. А, может быть, уже успели? Некогда об этом думать»

Анна раздвинула шторы и выглянула в образовавшуюся щель. Все спокойно. Солдат не видно. Девушка-продавщица сидела за кассой и листала журнал. Анна еще раз глубоко вздохнула и вышла. Девушка оторвалась от журнала и посмотрела на нее. Анна улыбнулась.

— Похоже, мне надо похудеть, — сказала она и повесила брюки на место.

Улыбка в ответ.

— У нас есть и другие размеры.

— В другой раз. Боюсь, я не взяла с собой денег.

Анне в голову пришла гениальная идея.

— Где тут поблизости можно пообедать?

— В «Вишневом пироге». Это сразу за углом. Я сама туда хожу.

— Спасибо.

Анна вышла. На улице было спокойно. Она быстро пошла к центру.

Через пару кварталов она снова чуть не налетела на «Хаммер». Он двигался в противоположную сторону. Анна с трудом заставила себя продолжать идти, только немного замедлила шаг. Машина повернула в паре десятков ярдов от нее и скрылась. Сердце бухало так, что его удары отдавались болью где-то в горле. Улицы, как назло, были пустынные.

На площади стоял еще один джип. Солдаты сидели в машине. Один из них что-то говорил в рацию. Здесь людей было больше — старики на деревянных стульях сидели возле фасада одного из зданий, дети со скейтбордами, молодая мамаша катила большую коляску. «Наверное, у нее двойня». Анна двинулась вперед. Ее никто не остановил. Она миновала военный джип и встала перед дверями магазина, в котором работала Линда. Желание оглянуться было нестерпимым. «Только не оглядываться! Не смей оглядываться!». На негнувшихся ногах Анна подошла к двери, толкнула ее и вошла внутрь.

В магазине было пусто.

— Линда?

Тишина.

Анна затравленно озиралась. К первому «Хаммеру» присоединился второй. Солдаты вышли из машин и теперь стояли плотной группой. В груди заныло.

— Линда?

Послышался шум воды. Небольшая боковая дверь открылась.

— Ты меня выдернула с унитаза! Что стряслось?

Анна бросилась к девушке.

— Линда! Катастрофа! Они меня разыскивают! Не нужно было мне выходить в город. О Боже!

— Зайди в офис. Я сейчас.

Анна убежала. Линда подошла к окну. На площади стояли солдаты. Старший что-то говорил и раздавал бумаги.

— Черт!

Она сменила табличку «ОТКРЫТО» на «ЗАКРЫТО» и заперла замок.

Сидя на стуле в офисе, Анна рыдала.

— Что случилось?

— Боже, Линда! Меня остановил патруль. Они потребовали документы. Я им дала.

Права. Мои права. А что я могла сделать? Я просто шла по улице. И все. Они остановились и потребовали документы. А пока он смотрел, я убежала. И теперь они меня ищут. О! Почему я не послушала Чарли!

Линда молча выслушала ее стенания.

— Хреново. Ладно, теперь уже ничего не поделать. Ты оставайся здесь, а я поеду за Чарли. Что-нибудь придумаем. Сиди здесь. Поняла?

— Да!

Линда вышла. Анна заплакала навзрыд.

ГЛАВА 7

Побег Анны удался благодаря чистому везению. В магазине готовой одежды солдаты разминутись с ней всего на несколько минут. Перепуганная продавщица рассказала им о странной посетительнице, а на вопрос, куда та могла пойти, неожиданно вспомнила про кафе «Вишневый пирог». Там след Анны и затерялся.

Уже довольно давно гарнизон в Санта Розита выполнял в городе почти декоративные функции. Тем, кто дежурил в окрестностях, повезло больше — порой они ловили любителей острых ощущений, пытающихся пробраться через кордон, и делали это с большим энтузиазмом. И вот теперь, в самом городе кое-что назрело и, измученные вынужденным бездействием, военные вцепились в след Анны, как бульдоги, намереваясь разыскать ее во что бы то ни стало. Круг поисков сомкнулся и начал медленно стягиваться к центру.

Из всех заведений, расположенных на площади лишь три были закрыты: оптика «Открытый взгляд», магазин электротоваров Лайана и парикмахерская. У каждого из них поставили солдата, а специальная группа отправилась связаться с владельцами.

Ни Анна, ни ее друзья ничего не знали об этом. Точно так же, на удачу, Линде удалось незамеченной выехать из центра еще до того, как он оказался перекрыт. Она направилась на Парк-стрит, где Чарли в составе строительной бригады занимался ремонтом средней школы Санта Розита. Кое-как втиснувшись в свободное место между машинами, она побежала к площадке. Брата она заметила стоящим на лесах с валиком для покраски в руке.

— Чарли! — закричала она и замахала рукой. — Чарли!

— Эй, Чарли, к тебе сестренка приехала! — крикнул один из рабочих.

Он обернулся. Линда нетерпеливо замахала рукой. Он махнул в ответ и стал спускаться.

— В чем дело? — спросил он. — Что-то случилось?

— Да, Чарли, случилось.

Рассказывая о возникших трудностях, Линда все больше и больше возбуждалась. Под конец она уже почти кричала, так что Чарли пришлось несколько раз останавливать ее, прося сбавить громкость. Мрачно глядя на ее слезы, он почувствовал, как внутри вскипает раздражение. Как можно быть такой глупой? Господи, как можно быть НАСТОЛЬКО глупой? От бессилия очень хотелось наорать на сестру, но это только ухудшило бы ситуацию. Чарли заставил себя молчать.

— Что же нам теперь делать? — спросила Линда, закончив рассказ.

— Ей надо сматываться отсюда. Сегодня же. Я поговорю с Доком.

— Чарли, прости, я не думала...

— Да. Это правда. Не думала. Надеюсь, они не вломятся в магазин.

— Это частная собственность!

Линда всхлипнула.

— Ага.

— Но...

— Хорошо. Едем к Майклу. Садись в мою машину. Я сейчас приду.

Линда послушно ушла. Чарли переговорил с бригадиром, и через пять минут его

старый пикап, пыхтя и скрипя, выехал со стройплощадки, направляясь в автомастерскую. Волна погони, которую удалось обогнать Анне и Линде, теперь прокатилась далеко вперед, накрыв почти весь город. По дороге их остановили дважды. Первый раз проверили документы у Линды и отпустили; сержант из второго патруля поинтересовался, куда они направляются.

— Везу эту рухлядь в автомастерскую, — сказал Чарли. — Коробка совсем поддыхает. Еще немного и придется пешком ходить.

— Где вы живете?

— Либерти-лейн, это в другом конце города. А что стряслось? У вас, ребята, что-то встревоженный вид,

— Ничего особенного, сэр. Вы можете ехать.

— Ищите что ли кого?

— Проезжайте.

Чарли пожал плечами и двинулся дальше. Переходя на вторую передачу, он нарочно бросил сцепление раньше, чем нужно, отчего коробка передач издала громкий скрежет.

Он настороженно посмотрел в зеркало заднего вида. Солдаты отвернулись, а сержант уже поднимал руку, останавливая следующую машину. Вроде бы, все хорошо — спектакль удался. Чарли по очереди вытер вспотевшие ладони о футболку.

— Ну и денек, — тихо сказал он.

Линда промолчала.

В автомастерской было прохладно. Пахло бензином и смазкой. Свет, струящийся из ряда больших окон у самого потолка, освещал две машины: выдавший виды «Де Лориан» с открытым капотом и огромный «Шевроле Сабурбан» — машину Майкла. Над «Де Лориан» колдовал один из механиков. Услышав скрежет двери, он обернулся.

— Хай, Чарли! Решил подлатать свой рыдван?

— Привет, Чак. Может быть в другой раз. Док здесь?

— В подсобке. Обедает. С самого утра возится тут со своей громадиной.

— Спасибо.

— Не за что, — Чак подмигнул Линде и вернулся к прерванному занятию.

Майкл был один. Перед ним на железном столе стояла початая бутылка «Пепси», в руке он держал кусок пирога.

— Привет, Майкл, — сказал Чарли, входя. — Как дела?

— Нормально. Машина готова.

— Привет, Майкл, — поздоровалась Линда.

— Привет.

Он удивленно посмотрел на гостей.

— Что-то не так?

Чарли вздохнул.

— У нас проблемы.

— И почему я не удивлен?

Он указал на стул.

— Садись — выкладывай.

Чарли пересказал все, что слышал от Линды, от себя добавив, как их останавливали патрули. Он старался говорить спокойно, но голос предательски охрип, и ему пришлось прочистить горло. Майкл перестал жевать и смотрел на него мрачно. Когда Чарли закончил, повисла тишина.

— Что скажешь, Док? Нам нужно что-то делать.

— Без тебя знаю, что нужно! Черт, я так и знал, что не стоило с этим затеваться. Какого хрена вы не удержали ее дома?

Чарли не знал, что сказать.

— Это я виновата, — сказала Линда. — Я разрешила ей поехать в город.

— Ты с ума сошла!

— Майкл, она была расстроена и... Ну, и я решила, что она может немного развеяться.
— От тебя, Линда, я этого не ожидал!
— Я сама от себя этого не ожидала.
— Прекрасно, просто здорово! И что вы теперь хотите?
— Я считаю, что вам нужно выехать сегодня же, — сказал Чарли. — Ее нельзя прятать в городе.

— Ты считаешь? Ты думаешь, это так просто? Сел в машину и поехал?
— Ты сам сказал, что машина готова.
— Сказал. А дальше?

Линда сидела, готовая провалиться сквозь землю. Она виновата, виновата во всем. Но кто мог подумать? Кто мог предположить, что случится такое? Она привыкла к тому, что в Санта Розита военные и практически перестала их замечать. Они усыпили ее бдительность. Заставили поверить, что их как бы и нет. Это была ошибка. Непростительная, дурацкая ошибка. Прошло два года, а они все на чеку. Не задремали, убаюканные спокойствием маленького города.

Чарли тоже молчал и смотрел на Майкла. Тот сидел, потирая ладонью лоб, и о чем-то думал.

— Хорошо, — сказал он. — Я и сам виноват — затеял все это. Теперь поздно все бросать. Но и задницу подставлять я не хочу. Мы попробуем сделать так: я один поеду к Линии. Думаю, там уже полно солдат, но может случиться, что меня они пропустят, в конце концов, не такая она важная особа, чтобы закупорить из-за нее весь город. Через полмили я сверну с дороги. Там до пустоши уже недалеко. Вы привезете ее к окраине и объясните, как меня найти. Если нам сильно повезет, все получится. Линда, ты сядешь на передатчик в магазине. Каждые полчаса я выхожу на связь. Если что-то идет не так, я уезжаю один.

— О'кей, — сказал Чарли, вставая. — Когда выезжаешь?

— Дайте мне час.

— Хорошо.

— И, Чарли...

— Да.

— Будь осторожен. Не подставь нас всех.

Чарли хотел что-то сказать, но промолчал. Вместо этого он направился к двери.

— Мне очень жаль, Майкл, — сказала Линда.

— Идите. Будем надеяться, что все обойдется.

Военные застали Лайана Вайтберда на лужайке перед домом. В руках у него была книга, которую он читал, устроившись в старом кресле. Джип остановился у подъездной дорожки, и из него вышли двое солдат. Лайан нахмурился — он недолюбливал людей в форме.

— Что вам надо? — спросил он.

— Здравствуйте, сэр. Вы владеете магазинам в центре?

— Да.

— Вы не могли бы открыть его? В городе посторонние.

— Что значит открыть? Он должен быть открыт!

— Он закрыт, сэр.

— Думаете, я кого-то прячу?

— Это просто проверка, сэр, — уточнил солдат. — Нам нужно убедиться. Прошу вас, сэр.

— Черт возьми, хорошо! Я только возьму ключи.

— Спасибо, сэр.

Пикап подкатил к маленькой стоянке у магазина и остановился.

— Черт! — выругался Чарли. — Они уже здесь.

У входа стоял солдат и равнодушно смотрел на подъехавшую машину. На груди у него висела рация, из которой доносились неясные голоса.

— Что будем делать?

— Ничего. Выходим.

На негнувшихся ногах Линда подошла к двери. Солдат сразу оживился.

— Мэм?

— Да?

— Вы владелица этого магазина?

— Не я. Мой отец. А в чем дело?

— У меня приказ осмотреть помещение, мэм.

— Покажите.

— Простите, что?

— Приказ покажите!

Солдат несколько смутился. Очевидно, он не ожидал подобной просьбы.

— Приказ у лейтенанта, мэм.

— Тогда пусть ваш лейтенант его покажет.

— Его нет. Он поехал за владельцем.

— Поехал к отцу?

— Полагаю, да.

— Черт, у меня будут неприятности.

— Мэм?

— Ничего. Я не могу пустить вас осматривать магазин без согласия отца. Вам придется подождать.

Линда решительно открыла дверь и вошла. Этот чертов солдат последовал за ней.

— Я же сказала...

— Я подожду внутри. Ведь магазин открыт? На улице жарко.

Линда равнодушно пожала плечами, но внутри у нее все сжалось.

— Можете взять стул.

— Спасибо, мэм.

Стараясь не дрожать, Линда подошла к двери в офис, чувствуя на спине изучающий взгляд. Ну, если быть точной, то чуть ниже спины. «Вряд ли он что-то подозревает. Пока». Она остановилась, сделав вид, что ищет нужный ключ, и прислушалась. В офисе было тихо. Чарли остановился рядом.

— Побудь в зале, — тихо сказала она ему. — Присмотри за ним.

— О'кей.

Чарли зашел за прилавок и уселся возле кассы. Солдат повернулся к нему и принялся рассказывать анекдот, смеясь после каждого второго слова. Чарли это устраивало. «По крайней мере, этот болван не смотрит за Линдой».

Линда проскользнула в офис и закрыла за собой дверь. В помещении было пусто.

— Анна, — тихо позвала она. — Анна, ты здесь?

Дверца стенного шкафа приоткрылась, и показалось испуганное лицо.

— Линда?

— Это я. Выходи.

— Ну как там?

— Плохо. В зале сидит солдат. А скоро будет еще и мой отец.

— Господи! Что же делать?

— Майкл согласился отвезти тебя сегодня же. Нужно только придумать, как отсюда выбраться.

Линда присела за стол и принялась барабанить пальцами по блестящей поверхности. Анна стояла молча, от страха ее начало подташнивать. Мысли путались. Нужен был план, но в голову ничего не лезло. Из-за двери раздавались приглушенные голоса. Линда перестала барабанить и внимательно посмотрела на Анну.

— Мы примерно одного с тобой роста, — сказала она. — И фигуры у нас похожи.

— Нет! Они не поверят!

— Не знаю, дай подумать. Так. Стой здесь.

Линда приоткрыла дверь.

— Чарли, я зайду на минуту к Соне. Посидишь тут?

Одна бровь Чарли удивленно приподнялась.

— Конечно, — ответил он. — Нет проблем.

— Хорошо.

Линда закрыла дверь и стала торопливо расстегивать блузку.

— Раздевайся, — сказала она изумленной Анне. — Быстро!

Чарли похолодел, когда увидел выходящую из офиса Анну. Они с Линдой поменялись одеждой, но, ради Бога! — только слепой купится на эту бездарную хитрость! С тем же успехом, Анна могла выйти и в своей. Она была выше Линды и не такая полная в груди и бедрах — джинсы сидели нескладно, блузка морщила. Хорошо еще, что Линда носила ее навыпуск. Стоит этому идиоту в форме хоть чуть засомневаться и... Провал налицо. Чарли внутренне сжался, готовый ко всему. Анна быстро шла к двери.

Солдат посмотрел на нее. Не такая уж аппетитная, как ему показалось вначале. Правда, он не успел ее толком рассмотреть. Единственное, что бросилось в глаза — аппликация на блузке в виде синих китайских драконов. Когда Анна прошла мимо, он отметил, что лапы дракона схватили девчонку за задницу. Он улыбнулся.

— Может, хотите что-нибудь выпить? — спросил Чарли.

Солдат обернулся.

— Чертовски жарко.

— Неплохая идея.

— Есть кока-кола из холодильника.

— Отлично!

Обмирая от страха, Анна вышла на улицу. Линда сказала, что слева от выхода будет узкий проулок. На площади буквально кишели солдаты. Девять шансов из десяти, что ее увидят и арестуют. Только не бежать. Всего десять шагов. Только бы не расплакаться.

Никто не успел заметить, как вышедшая из магазина женщина, повернула и скрылась в тени между домов.

В проулке было темно. В нос ударил запах плесени. На стенах граффити и непристойные воззвания. А вот и дверь, о которой говорила Линда. Анна открыла ее ключом, быстро осмотрелась и, никем не замеченная, вошла внутрь.

Дверь магазина открылась. Чарли поднял глаза. На пороге стоял Лайан в сопровождении солдат.

— Привет, Чарли. Где Линда?

Майкл еще раз оглядел машину и снова не нашел ничего, что могло бы внушить опасения. Но береженого Бог бережет. Два ряда задних сидений были сняты, и огромное образовавшееся пространство занимали ящики всевозможных размеров, от которых расходились скрепленные изоляцией провода и трубки, скрывавшиеся под обшивкой. Один на другом стояли два запасных топливных бака. Все было закреплено на своих местах, образуя идеальный порядок. Майкл удовлетворенно кивнул, закрыл салон и занял водительское сидение.

Приборную доску «Сабурбана» он заменил на самодельную. Помимо стандартных, туда было встроено не меньше десятка дополнительных индикаторов и датчиков. Между сидениями была вмонтирована плоская панель, усеянная кнопками и тумблерами. Некоторые из них сопровождались светодиодами. Рядом с рулем крепилась рация. Майкл повернул

ключ зажигания. Мощный двигатель раскатисто загудел. Стрелки индикаторов шевельнулись и заняли свои места. На самодельном пульте загорелась пара диодов. Майкл надел темные очки, высунулся в окошко и махнул рукой стоящему в стороне Чаку.

— Ни пуха, — сказал тот.

— К черту.

Он плавно надавил на газ, и машина тронулась. Чак хлопнул «Шевроле» по блестящему боку и сплюнул на огромное колесо. Только психи могут ездить через пустошь. Психи и Док. Майкл вырулил на улицу и взял курс на север.

Как он и предполагал, у Линии, которую он сам когда-то нарисовал на асфальте, поперек дороги стоял военный джип. Навстречу Майклу шел солдат, вытянув вперед руку. Пришлось останавливаться.

— Поворачивайте, сэр. На сегодня никаких выездов. Приказ.

— Я договорился, — возразил Майкл, чувствуя, что напрашивается на неприятности.

— Я ничего об этом не знаю, — сказал солдат. — Велено никого не выпускать.

— Где Пламер?

— На базе. Если хотите, можете поговорить с ним.

— Вот черт! А что случилось-то?

— Не знаю, — ответил солдат. — Мне приказали — я выполняю.

— Черт, — еще раз выругался Майкл и стал разворачиваться. Покрышки взвизгнули. Он едва ли ожидал, что они позволят выехать из города, но в глубине все же души верил, что все не так серьезно. Эти ребята объявили настоящую охоту на ведьм. Анну наверняка поймают — и делу конец. Жалко ее.

«Какого хрена!» — подумал Майкл и нажал на газ.

— Райдер? — спросил подошедший солдат.

— Да. Это Майкл. Он уже собрался, а тут такая засада.

— Не повезло. Хотя ему какая хрен разница, когда ехать. Вся эта тягомотина останется на месте и завтра.

— Точно. У тебя курить есть?

ГЛАВА 8

Чарли пожал руку отцу.

— Линда вышла ненадолго. Скоро вернется.

— Что случилось?

Лайан внимательно смотрел на сына. Он был почти уверен, что Чарли и Линда попали в серьезную переделку. Конечно, он знал об их делах с Сомберсом из Порт Вингейт и сейчас был уверен, что на этот раз у них все пошло не так, как планировалось. Глядя в темные глаза Чарли, он пытался угадать, какая роль ему отводилась в предстоящей спасательной операции.

— Я и сам толком не знаю, — спокойно ответил Чарли. — У нас здесь все тихо.

Лайан достаточно хорошо знал сына, чтобы заметить, как тот нервничает. Его пальцы подрагивали, а ладонь при рукопожатии оказалась влажной. Но что тут можно сделать? Как помочь?

— С вашего разрешения, я хотел бы начать осмотр, — сказал лейтенант.

— Делайте свое дело.

Солдаты разошлись по магазину, методично осматривая ярд за ярдом. Лайан и Чарли сели у кассы.

— Где? — тихо спросил Лайан.

— В офисе. Если они туда полезут, нам конец.

Солдаты работали быстро и слаженно. Лейтенант стоял в центре зала и наблюдал. Он

казался сонным. «Это ощущение обманчиво», — подумал Лайан. — «Стоит только возникнуть малейшему подозрению, и перемена будет разительной».

Крах казался неминуемым. Еще несколько минут, и они подойдут к двери офиса. Увидят Линду. И зададут вопрос. Простой вопрос: кто же вышел пять минут назад из этого магазина?

«Судя по всему, их арестуют», — размышлял Лайан. — «И здесь ничего не поделаешь». Судьба чужака его не интересовала. Что может грозить Чарли и Линде? Их посадят в изолятор? Будут держать под наблюдением? Последнее даже неплохо. Им придется прекратить свое сотрудничество с этим мексиканским контрабандистом. А что, если все гораздо серьезнее? Дети, дети — во что же вы ввязались?

Минуты ползли, заставляя предвкушать момент катастрофы. Нет ничего хуже этого — сидеть и ждать конца, зная, что ничто не может его предотвратить. Весь мир застыл. Солдаты ходили по магазину, словно злые пришельцы. Они явно чувствовали себя спокойно и уверенно, как будто находились у себя на базе. Знали, что им ничего не угрожает. Охота на испуганного, слабого и безоружного человека — приятное и легкое занятие. Лайана охватило возмущение. Как они смеют врывать к нему в магазин! Как они смеют обвинять его детей! Как они смеют делать это так бесцеремонно!

Двигаясь двумя группами навстречу друг другу, солдаты осмотрели помещение и остановились у офисной двери. Один из них взялся за ручку и потянул. Сердце у Чарли подпрыгнуло и забилось как сумасшедшее, так, что в груди заболело.

— Заперто, — доложил солдат.

Лейтенант вопросительно взглянул на хозяев.

— Наверное, Линда заперла офис, когда выходила, — предположил Чарли.

— У вас есть ключ, сэр?

Лайан задумался. Можно было бы соврать, сказать, что Линда недавно сменила замок, и ключ есть только у нее. Что это даст? Скорее всего, лейтенант, если он не дурак, сразу заподозрит неладное. Они выиграют время, но для чего? Оттянуть катастрофу? Лайан взглянул на сына. В глазах Чарли он увидел безнадежную отрешенность. Лайан поднялся.

— Да, лейтенант, — сказал он.

Пересекая город, Майкл в полной мере осознал, насколько серьезна ситуация. Раньше солдат почти не было видно, только изредка встречались мобильные патрули. Они не питались в многочисленных барах и кафе, их жизнь была автономна и связана с базой на юге города. В обычный день вообще можно было забыть об их присутствии. И надо же было так вляпаться! Теперь же патрули стояли почти на каждой улице. Солдаты останавливали и проверяли практически все машины. Несколько раз он видел, как люди вытаскивали тряпье и ветошь, скопившиеся где-нибудь между сидениями. «У нас нет ни шанса вывезти девчонку», — мрачно подумал он. — «Ни малейшего шанса».

«Сабурбан» не остановили ни разу. Военные знали машину Майкла и пропускали его без вопросов. Для командования гарнизоном слово «райдер» звучало почти ругательством — слишком много их исчезло в первые месяцы существования пустоши, а это очень не нравилось вышестоящему начальству. Аксиома была простой — любой «райдер» рано или поздно пропадает, и начинаются неприятности. В конце концов, на передвижения по пустоши наложили запрет, оставив лишь тех, кто смог доказать свое благоразумие или был полезен. И Майкл оказался одним из таких. Но он оказался и чем-то большим. Во-первых, он был единственным, кто продержался так долго, а во-вторых, он знал пустошь. В гарнизоне находилось научное подразделение, но именно его голос всегда был решающим. Майклу верили потому, что он никогда не ошибался. Он ходил по пропасти между землей и адом так легко, как будто точно знал, где проходит безопасный путь. Но даже при таком отношении не существовало никакой гарантии, что его выпустят из города.

Майкл подъехал к шлагбауму. Навстречу вышел солдат.

— Сэр?

— Я Майкл Хоуп, к капитану Пламеру.

— Можно взглянуть на ваши права, сэр?

Майкл полез в карман.

— Недавно здесь? — спросил он.

— Пару месяцев.

Солдат посмотрел на фотографию, сверился со своей бумагой и вернул документы.

— Все в порядке, сэр. Можете проезжать.

Шлагбаум поднялся. Майкл махнул рукой и медленно покатил по лагерю к штабу. Скорее всего, Пламер там.

Они познакомились полтора года назад, когда капитан сменил прежнего начальника. По многим причинам замена оказалась удачной. Прежний командир, полковник Дотт, был типичным воякой, для которого на первом месте стояла секретность. Даже своих ученых он терпел только потому, что подчинялся приказу. В те времена райдеры действовали на полулегальных основаниях, и пару раз Майкл сам оказывался в кутузке за несоблюдение многочисленных правил, установленных этим тугодумом. С приходом Пламера все изменилось. В отличие от предшественника, Пламер имел университетское образование и степень магистра по физике. Тайна пустоши увлекала его, не меньше, чем Майкла, и если Дотт отбывал здесь неприятную вахту, то Пламер относился к своей работе с большим энтузиазмом. Конечно, он был военным и так же подчинялся приказам, но препятствий райдерам он до последнего времени не чинил, а, наоборот, старался наладить с ними сотрудничество. Можно сказать, что Ричард Пламер и Майкл нашли друг друга. Капитан происходил из семьи техасских фермеров, невысокого роста, крепкий и шумный, он представлял собой полную противоположность Майклу, но они прекрасно ладили и поддерживали дружеские отношения. Именно на них Майкл и рассчитывал.

Он остановил машину рядом с большим армейским грузовиком и направился к палатке. У входа его остановил часовой, и Майкл снова произнес имя Пламера. Попросив его подождать, часовой скрылся внутри.

На базе было почти пустынно. В поле зрения находилось не больше пяти человек. На вид со стороны, все были заняты своими обычными делами. Майкл посмотрел на небо. Легкие облака висели почти неподвижно вокруг готовящегося к закату солнца, а по земле неуверенно ползли первые щупальца сумерек. Он нахмурился. Интуиция, за время поездок по пустоши обострившаяся почти до уровня откровений, предупреждала его о беде. Этот голос был знаком и очень редко ошибался. И все же, она опять звала. Ждала его. Пустошь. И он чувствовал, что хочет ответить на этот зов.

Полог палатки откинулся.

— Проходите, мистер Хоуп. Капитан ждет вас.

Внутри царил приятный полумрак. Рассеянный солнечный свет попадал в палатку сквозь два больших окна в верхней части. За внушительным столом, загроможденным различными приборами, в одиночестве сидел Пламер. Увидев Майкла, он встал и протянул руку.

— Рад тебя видеть. Садись.

— Спасибо.

Майкл сел на один из стульев. Пламер опустился рядом.

— В чем проблема?

— Ричард, что здесь творится? Твои ребята завернули меня у Линии.

Пламер нахмурился и откинулся на стуле.

— Скажем так, у нас небольшие проблемы, и мы хотим быть уверены, что никто не покинет город, пока они не будут решены.

— А при чем тут я?

— Майкл, это касается всех. Надо подождать.

— Вы кого-то ищете?

— А ты что-то знаешь об этом?

— Ничего не знаю. Но я же не слепой! Кого вы ищете?

— Хорошо. В общем-то, это не секрет. В городе чужой. Женщина. Ее имя Анна Биллингз. Ты что-нибудь слышал?

— Нет. Я такими вещами не занимаюсь.

— Знаю. Сейчас мы ее потеряли, и я полагаю, что она попытается выбраться из города. А это очень нежелательно.

— Ну так изолируйте город. Я тут при чем?

— Именно так я и поступил. Мои люди уже отозваны с улиц. Я создаю внешнее оцепление. Все равно искать ее здесь бесполезно. Важно, чтобы она не покинула город.

— Ну и хорошо.

— Вот почему я приказал никого не выпускать.

— Но Ричард, я еду в пустошь! Даже если бы я и подобрал бы ее, нахрена ей туда? Это бессмысленно.

— Вот и я так думаю. А еще я думаю, зачем этой Биллингз, юристу из Вермонта, приспичило в нашу дыру? И я ничего не понимаю. А когда я ничего не понимаю, я беспокоюсь, а когда я беспокоюсь, я закрываю все двери. Бах! Во имя Безопасности Соединенных Штатов. Вот тебе мой ответ.

— Во-первых, я не беру пассажиров. Во-вторых, ты знаешь, как я отношусь к выездам...

— Религиозно.

— Ричард. Я езжу уже больше полутора лет. Как по-твоему, почему я все еще жив и сижу тут рядом с тобой?

— Если бы я знал, Майкл! Если бы я знал!

— В таком случае, я умываю руки. Работайте с Грантмахером. Тем более, что он так рвется. Возможно, он протянет еще пару месяцев. А потом, есть и Краучеры.

Майкл замолчал. Пламер долго смотрел на него, хмурясь.

— Майкл, я не хотел такого тона.

Тот пожал плечами.

— И мне не нравятся твои слова. Они похожи на шантаж.

— Это не шантаж, Дик. Это моя позиция. Я не хочу рисковать.

— Если ты не хочешь рисковать — кой черт несет тебя туда на ночь глядя?

Майкла прошиб пот, и он на минуту потерял дар речи. Пламер смотрел дружелюбно, но кто знает, что у него на уме.

— Я хочу знать, какая она ночью.

— Поговори с Краучерами.

— Нет. Я должен сам.

Капитан отвернулся и стал смотреть на потолок, туда, где через окна в палатку лился свет. Он просидел так с минуту, что-то обдумывая. Потом снова посмотрел на Майкла. Провел рукой по стриженной голове.

— Ну хорошо. Надеюсь, ты не против, если мы осмотрим машину?

— Нет. Она здесь рядом.

— Посиди, я сейчас вернусь.

Пламер вышел. Майкл бросил быстрый взгляд на полог палатки, вытащил платок и промакнул лоб. Очень плохо не уметь сдерживать эмоции. Майкл никогда этого не умел; если он возбуждался, то потел, у него дрожали руки и ноги, и ничего нельзя было поделать. Остается надеяться, что Пламер воспринял эту реакцию, как возмущение. Майкл заставил себя расслабиться и глубоко вздохнул.

Притаившись за дверью офиса, сидя тихо, как мышь, Линда напряженно прислушивалась к разговорам в магазине. Похоже, она совершила еще одну глупость.

Единственным оправданием ей было полное отсутствие времени на обдумывание ситуации. Она вывела Анну, но загнала себя в ловушку. Было слышно, как солдаты говорят с отцом. Через несколько минут, они откроют дверь и войдут. Увидят Линду в одежде, которая явно ей мала. Линду, появившуюся из ниоткуда. И тогда все будет кончено. Господи, зачем она разрешила Анне выйти в город!

В замочной скважине раздался чуть слышный шорох ключа, и сердце Линды едва не выскочило из груди. Она метнулась к стенному шкафу, вскочила в него, смяв висящую там одежду, и захлопнула дверцы за секунду до того, как дверь открылась.

Лайан вошел в офис первым, вслед за ним Чарли и лейтенант. Помещение было пустым. Уже готовый к немедленной катастрофе, Лайан немного расслабился. Он отступил в сторону и повернулся.

— Ну вот...

Неожиданно рация, висевшая на груди лейтенанта, заговорила.

— Внимание, всем группам прибыть на базу. Срочно! Внимание, всем группам прибыть...

Лайан закрыл рот. Где-то в глубине сердца слабо затеплилась надежда. Лейтенант посмотрел по сторонам, на потолок и шумно выдохнул.

— Спасибо, сэр, — сказал он Лайану. — Прошу простить за беспокойство. Желаю удачи.

Ему никто не ответил. Лейтенант окликнул своих людей, и солдаты покинули магазин. Чарли проводил взглядом удаляющийся «Хаммер», и, убедившись, что тот скрылся из виду, вернулся в офис.

— Линда? Все в порядке. Ты может выходить.

Дверь шкафа чуть приоткрылась, и из него выглянуло перепуганное лицо.

— Они уехали?

— Да. Нам повезло.

Линда вывалилась из шкафа и села прямо на пол. Ноги отказывались держать ее.

— Я уже думала, что все. Нам конец.

— Так оно и было.

Лайан наблюдал эту картину молча, стоя посреди офиса.

— Дети, вы не хотите объяснить мне, что происходит?

Проверка машины заняла около часа. С трудом скрывая раздражение, Майкл снимал панели и передвигал баки, чтобы солдаты могли увидеть все, что хотели. В какой-то момент рация в кабине ожила.

— Майкл, ты слышишь меня? Майкл? Это Линда. Майкл.

Он уселся на водительское сидение и вытащил микрофон из гнезда.

— Это Майкл. Слушаю тебя.

— Все в порядке, Майкл. Мы готовы. Ты поедешь?

— Да. Командование дало мне добро. Сейчас мою машину обыскивают.

— О Боже!

— Я свяжусь с тобой, когда они закончат.

— О'кей. До связи.

— До связи.

Майкл повесил микрофон на место и, ругаясь про себя, вернулся к солдатам.

После того, как буря, вызванная отцом, улеглась, Линда привела Анну обратно в магазин. Лайан был потрясен беспечностью своих детей и недвусмысленно дал понять, что больше такого не потерпит. Он не хотел иметь ничего общего с деятельностью Самберса и не хотел, чтобы они в этом участвовали. Как часто бывает, его страх быстро сменился гневом — Лайан гремел и метал молнии, не давая никакой возможности возражать, поэтому Чарли и

Линда молчали, ожидая, когда все закончится. Высказав свою точку зрения, отец отбыл.

Выпроводив брата из офиса, Линда снова поменялась с Анной одеждой.

— Я тебе кое-что собрала, — сказала она. — Кое-какие вещи.

— Спасибо!

Затем все устроились у рации и стали ждать. Время тянулось медленно, почти физически ощутимо — оно текло по комнате, как большая река, и ничего не происходило. Постепенно женщины стали успокаиваться.

— Уже пять, — сказала Линда, очередной раз взглянув на часы. — Если вы отправитесь сегодня, то придется ехать в ночь.

— А может быть, отложить до завтра?

Анна уже пришла в себя и, оказавшись в относительной безопасности, осмелела.

— Откладывать поздно, — возразила Линда. — Придется ехать.

Через некоторое время Чарли оправился в пиццерию и принес обед, который съели в полном молчании. Линда то и дело посматривала на рацию.

— Мой чемодан остался у вас, — сказала Анна.

— А что если солдаты вернутся? — спросила Линда, обращаясь к Чарли. — А мы сидим тут.

— Вряд ли, они сейчас заняты оцеплением. Томми говорит, что они перекрывают все дороги из города. Он уже два часа перехватывает их переговоры.

— А как мы выведем ее?

— Давай подождем Майкла, — предложил Чарли. — Может быть, и вывозить никого не придется.

Рация на столе ожила.

— Линда, это Майкл. Ты слышишь меня?

— Легко на помине.

Линда поднялась, стряхивая с брюк крошки, и взяла микрофон.

— Я слышу тебя. Как дела?

— Все нормально. Я уже за пределами лагеря. Буду проезжать мимо вас через десять минут. Капитан дал разрешение под свою личную ответственность.

— Хорошо, Майкл. Я на месте.

Линда положила микрофон. Все поднялись со своих мест. Аппетит пропал.

— Похоже, Майкл возьмет тебя прямо отсюда, — сказала она Анне.

— Да.

— Ладно, ничего страшного. Вроде бы, все заканчивается нормально.

— Не говори раньше времени, — возразил Чарли.

Линда замолчала, а Чарли пошел встречать райдера.

Прощание было недолгим и натянутым. В половине шестого вечера «Сабурбан» отчалил от магазина и взял курс на север. Чарли и Линда остались у рации.

Майкл посадил Анну в багажном отделении и прикрыл брезентом. Если удастся пересечь кордон у Линии, дальше можно будет не беспокоиться. По крайней мере, со стороны военных опасности не будет. Они не сунутся за ним. Дальше все будет зависеть от удачи.

Его пропустили беспрепятственно. Пламер выполнил свое обещание, и отступить теперь было поздно. Единственная для них дорога вела в пустошь.

Отъехав на милю, Майкл разрешил Анне покинуть укрытие. Она медленно проползла по салону и заняла свое место рядом с водителем. На самодельном пульте Майкла загорались и гасли огни. Пока еще машина двигалась медленно. Майкл взял микрофон.

— Линда.

— Я готова.

— Хорошо. Я разгоняюсь.

— Удачи в... удачи тебе. Будь осторожен.

— Непременно.

Он положил рацию на место. Взглянул на Анну.

— Вы готовы?

— Не знаю.

— Ну что ж, путешествие начинается!

Он надавил на педаль газа, и «Сабурбан» начал плавно разгоняться, набирая необходимую скорость шестьдесят миль в час.

ГЛАВА 9

Чуть слышно гудел двигатель. Огромная машина быстро скользила по пустынному двухрядному шоссе, оставляя между колес желтую разделительную линию. Вокруг раскинулась широкая пустая равнина, поросшая невысокими кустами, по краям которой в неверном свете сумерек возвышались горы. Красный солнечный диск висел низко над горизонтом, освещая землю, словно большой китайский фонарик. Майкл провел рукой по пульту и переключил тумблер. Загорелась красная лампочка.

— Что это? — тревожно спросила Анна. — У нас все в порядке?

— Не беспокойтесь. Это радиомаяк. Его сигнал будет отслеживать Линда, чтобы убедиться, что у нас все хорошо.

— А мы уже в...

Анна запнулась, остановленная странным нежеланием произносить это слово вслух.

— Да, мы уже в пустоши.

Больше Майкл ничего не добавил. Анна приникла к стеклу автомобиля.

Окружающий пейзаж дышал миром и спокойствием. Легкий ветер с гор слегка покачивал ветви кустов. Мелькали яркие линии разметки.

«А если на самом деле нет никакой пустоши? Может быть мне дурят голову?». Анна вспомнила о солдатах, остановивших ее, о своем бегстве и мысленно покачала головой. Каким бы мирным не выглядело это место, оно опасно. Это точно. Как греющаяся на солнце змея, оно могло пробудиться в любой момент и ужалить, обрекая на верную гибель. У опасности не было конкретного лица, но от этого было только хуже.

Они плыли по пустынной дороге, словно две частички планктона, увлекаемые исполинским океанским течением, не имея ни малейшего представления о том, куда их несет и что за силы ими управляют. А где-то рядом в огромной реке плавают, наверное, невидимые и непостижимые хищники, высматривая свою добычу.

Анна беспокойно заерзала в своем кресле.

— Майкл, вам не помешает, если я буду говорить? Мне немного страшно.

— Бояться нечего. И вы мне нисколько не мешаете.

— Чарли сказал, что вы занимаетесь этим уже полтора года.

— На самом деле, немного больше.

— Зачем?

Майкл удивленно взглянул на нее.

— Простите?

— Зачем вы ездите здесь? Вы не возите ни груза, ни пассажиров. Зачем так бессмысленно рисковать?

Повисла тишина. Анна смотрела на Майкла. Его взгляд был направлен на дорогу. Он походил на каменную статую в каком-нибудь греческом музее.

— Это непростой вопрос, — наконец, сказал он. — По-видимому, у меня нет никаких причин делать то, что я делаю. И одновременно их множество.

— Я не понимаю.

— Когда-то давно я считал, что рожден для того, чтобы перевернуть этот мир.

— И не вы один.

— Разумеется. Почти каждый проходит через это. А потом наступает разочарование. Вот и у меня так же. Наверное, захотелось сделать что-то значительное. Такое, что еще никто не делал.

— Вы любите пустошь?

Ее вопрос прозвучал почти как утверждение.

— Почему вы так думаете?

— Не знаю, — призналась Анна. — Мне так кажется.

Он ненадолго замолчал.

— Нет. Наверное, нет. Здесь что-то другое.

— Расскажите мне о ней.

— Она — как беспокойный океан. Именно так я ее себе представляю. Пока двигаешься носом к волне, есть шанс благополучно добраться до порта. Вокруг образуется что-то вроде острова локального порядка, в котором все ведет себя так, как мы привыкли. Но стоит лодке повернуться кормой, и вы попадете в хаос. И тогда — храни вас Бог! Никто не знает, что живет там.

— Поэтично.

Майкл улыбнулся, и в этот момент заговорила рация.

— Майкл. Майкл ты слышишь меня? Прием.

— Да, Линда. Я слышу тебя.

— Ваш радиомаяк в порядке. Я выходила на несколько минут, тут...

Линда осеклась.

— Не важно. Теперь до конца поездки я буду у рации.

— О'кей.

— Все в нормально?

— Все прекрасно. Через полчаса я выйду на связь.

— Хорошо. Дорога просматривается хорошо?

— Не волнуйся, ты же видела мою оптику. Я одной рукой из ночи сделаю день.

— Но все-таки...

— Успокойся. Все в порядке.

— Да. В порядке. Ладно. До связи, Майкл.

— До связи.

Во время разговора Анна сидела тихо, как мышь. Когда Майкл положил микрофон на место, она спросила.

— Может быть, стоит включить фары?

— Пожалуй.

Он повернул тумблер. И сумерки расступились.

Помимо четырех мощных фар вдоль радиаторной решетки, на крыше «Сабурбана» было расположено еще шесть, включая два ярких прожектора, которыми можно было управлять из кабины при помощи джойстика. Анна тихо ахнула. Дорога перед машиной была просто залита светом.

— Наверное, эта машина стоит целое состояние, — сказала она, наконец.

— Пламеру виднее.

— Кто такой Пламер?

— Капитан Ричард Пламер. Командующий местным военным гарнизоном. Это он объявил на вас охоту.

— Вот как? И этот Пламер...

— Неплохой человек. По крайней мере, по сравнению с другими.

— Мне сразу стало легче, — съязвила Анна.

Майкл не обратил на это внимания.

— Пустошь — это его дитя, в некотором смысле. А я — его глаза и уши. Если бы не наши с ним хорошие отношения, вы бы уже сидели в кутузке.

- Так он знает, что я поехала с вами?!
- Нет. Пламер мне друг, но не до такой степени.
- Понятно.

Солнце продолжало клониться к закату. Теперь уже половина его диска скрылась за вершинами гор. Темнота постепенно охватывала огромную машину, и только яркие огни разгоняли приближающуюся ночь.

- Анна посмотрела на панель перед собой.
- Скажите, это вы все сами сделали?
- Отчасти.
- А зачем все это?
- Можете считать, что это амулет на удачу.
- И это может нас уберечь?
- Я кое-что скажу, чтобы вы лучше понимали ситуацию. Идет?
- Да.

— Итак — в машине есть радиомаяк. Он соединен с устройством, которое в случае снижения скорости менее двадцати пяти миль в час сразу подаст сигнал тревоги; есть несколько дополнительных баков, которые дают возможность проехать без заправки почти до Вашингтона.

- Ого!
- Ну и прочие мелочи, вроде устройства, автоматически поддерживающего давление в колесах, и трехнедельного запаса продовольствия.

Анна заулыбалась.

- Похоже, вы все предусмотрели.
- Похоже. Но это не так. Все это поможет, только если машина будет двигаться со скоростью не меньше, чем пятьдесят миль в час. Если замедлиться ниже этого предела, то все эти вещи станут бесполезными.
- Почему?
- Чарли рассказывал вам про Хорька?
- Да. Он был женихом Линды.
- Именно. Так вот, Хорек обнаружил, что время в пути зависит от скорости нелинейно.

- Чего?
- До Кубы сто миль. Мы движемся со скоростью шестьдесят миль в час. Сколько времени должна занять наша дорога?

Анна нахмурилась, подсчитывая.

- Так, сто миль... шестьдесят миль в час... Получается, чуть больше полутора часов.
- А сколько мы будем в пути?
- Шесть часов.
- Именно это и обнаружил Хорек.
- Да, Чарли мне рассказывал. Правда толком я ничего не поняла.

Темнота сгущалась. Горы отступили за горизонт, поглощенные наступающей ночью. В свете мощных фар змеилась пустынная дорога.

Майкл вытащил из нагрудного кармана сигарету и закурил. Дым вырвался в приоткрытое окно и растворился в холодном воздухе. Сделав несколько затяжек, Майкл продолжил.

- Да, странное дело. Вы знаете, что Грантмахер передвигается со скоростью больше, чем шестьдесят миль в час?
- Нет. Я слышала о нем. Все говорят, что он сумасшедший.
- Иногда мне кажется, что так оно и есть. Он держит в пути около семидесяти пяти миль в час. Дорога занимает у него полтора часа.
- Почти столько, сколько и должно быть.
- Да.

— А почему вы едете медленнее?

— Это опасно. Здесь все обманчиво. Грантмахер не знает об этом и не хочет знать. На большой скорости трудно среагировать на неожиданности.

— А они случаются?

— Иногда. Редко.

Анна хотела что-то сказать, но Майкл не дал ей такой возможности, заговорив первым.

— По другую сторону стоят Краучеры. У них грузовик. Возят топливо, разные грузы. Они на жаловании у военных. Те не очень любят соваться в пустошь.

— Их можно понять.

— Можно. Краучеры держат скорость около тридцати пяти миль в час. Знаете, сколько им требуется времени, чтобы добраться до Кубы?

— Сколько?

— Четверо суток!

— Боже мой!

— Да. Интересно, правда?

— Чертовщина какая-то! Но это бессмысленно!

— Не так уж и бессмысленно. Когда я сопоставил все это, у меня получились три точки на графике, ситуацию в которых я знал. Я аппроксимировал эти данные и получил все остальные точки, которые меня интересовали.

— Что вы сделали?

— Это математический термин. Он означает... Не важно, что он означает. Важен результат, который я получил.

— И что там?

— Если бы Краучеры двигались со скоростью тридцать миль в час, время в пути составило бы девять дней. При двадцати — полтора месяца. При пяти милях в час — год. При двух — почти четыре года!

— Боже мой!

— Да уж. Но и это еще не все.

— А что же еще?

— Когда Хорек поехал в последний раз, у него пробило колесо, и он начал терять скорость.

— Да, я знаю. Линда давала мне прослушать запись.

— Правда? Наверное, ей не очень хотелось, чтобы вы отправились в путь.

— Скажем так — она была не в восторге.

— Если вы слушали запись, то знаете, что каждый ответ Хорька приходил позже предыдущего.

— Да.

— Я считаю, что скорость и время прохождения сигнала так же связаны. Здесь я снова опирался на свой опыт и опыт поездок Краучеров и Грантмахера. Вы знаете, что ответы Краучеров Линде запаздывают минут на двадцать?

— Неужели?

— Да. Если разделить эту цифру на два, мы получим время прохождения сигнала. Около девяти минут. Девять минут! Вы только подумайте об этом!

Майкл быстро взглянул на Анну. Не заметив никакого благоговения на ее лице, он снова повернулся к дороге и продолжил.

— Передачи Грантмахера не задерживаются. По крайней мере, задержка неуловима. Наши запаздывают совсем немного. Снова есть три точки.

— И вы снова проделали эту вашу аннексацию?

— Аппроксимацию.

— Да, я так и подумала.

— Проделал и получил очень интересные цифры. На скорости двадцать пять миль в час сигнал будет идти четырнадцать часов, при этом время в пути составит девятнадцать часов.

При скорости двадцать сигнал будет уже идти шесть дней, пять — полтора года и так далее.

— Так вот почему передачи Хорька шли с таким запозданием.

— Он терял скорость. Я думаю, он остановился.

— Майкл?

— Да.

— А что будет, если машина остановится в пустоши? Наверное, вы это тоже посчитали.

Сколько времени понадобится, чтобы потом добраться до Кубы?

Он вытянул губы.

— Этого никто не знает.

— Я думаю, вы знаете.

— Можно только предполагать...

— Это будет дорога в один конец?

— Точно.

Майкл закрыл окно и подкрутил регулятор печки. В машине запахло теплом. В любом другом месте размеренное движение большого автомобиля, мерно покачивающегося на рессорах, сухое тепло салона и мягкие кресла создали бы ощущение мира и уюта — ощущение дома. Но этого не произошло. Анна, пораженная его словами, замолчала и стала смотреть вперед на исчезающую под колесами дорогу. Майкл тоже хранил молчание. Говорить было не о чем. Все, что он знал, все, что смог понять, не делало это путешествие ничуть более безопасным. У него не было слов, чтобы успокоить ее. Они оба находились в объятиях стихии, невысказанной и непостижимой. Все, что можно было сделать, это ждать и надеяться.

Разноцветные огни на панели управления загорались и гасли. Майкл вспоминал тот день, когда впервые решил поехать в пустошь. Тогда у него была другая машина. Старенький «Бьюик», который достался ему от отца. У него не было ни малейшего опыта, никаких знаний — ничего. Только твердая решимость, почти потребность, которую он так и не смог себе объяснить тогда. Да и сейчас тоже. Они сидели в кафе с Хорьком и Линдой, и тот давал последние наставления.

«Никогда не дергайся», — говорил Хорек, развалившись на кресле, окруженный туманом сигаретного дыма. — «Что бы ни случилось, нельзя запаниковать». Майкл ничего не ответил. «Пустошь — странное место. Иногда мне кажется, что она наблюдает за мной. Оценивает. Что-то ищет. Ты должен помнить об этом и всегда быть на страже. Одна ошибка, самая маленькая ошибка — и тебе конец. Она хитрая, эта сука!». Линда поморщилась, она не любила, когда ее Бенни ругался. Высказав эту глубокую мысль, Хорек довольно долго молчал, дуя пиво. В те дни, если он не находился за рулем в пустоши, он пил. Начиная с утра и под вечер наливался почти в стельку. Майкл помалкивал. Ему было страшно. Хотелось бросить эту затею и вернуться домой. Но Бенни никогда не сомневался. У него хватило смелости сунуться в пустошь тогда, когда никто из отправившихся туда не возвращался. Хорек был решительным и победил. Он проложил дорогу. Приобрел опыт. В те времена он говорил, что, если у тебя на плечах голова, а не тыква, можно ничего не бояться. Так он считал до тех пор, пока не произошла трагедия с его пассажирами. После этого он притих и стал угрюмым, но поездок своих не прекратил. «В конце концов, мы не будем жить вечно», — говорил он. — «Скоро солдатня окончательно разберется что к чему и тогда — фьють — хрен нас туда пустят. Будем сидеть у себя на крыльце и заниматься пустой болтовней». Выйдя из кафе, Хорек отправил Линду к радию, а сам пошел вместе с Майклом проводить его до машины. Когда тот сел за руль, Хорек наклонился к нему. «Я не могу поехать с тобой», — сказал он. — «Потому что это должен сделать ты сам. Только ты должен принять решение — можешь или нет. Но я хочу, чтобы ты кое-что знал». Майкл вопросительно взглянул на него. Хорек медлил, глядя куда-то вдаль. В глазах его появилось выражение тоски. В те дни оно периодически возникало на его лице, и никто, даже Линда, не мог понять, что с ним происходит. «Ты помнишь этих ребят, которых я привез недавно?», —

спросил он. Майкл ответил, что помнит. Такую жуткую историю трудно было забыть. «Так вот, с ними была девочка. Маленькая девочка лет десяти. Она умерла последней». Майкл кивнул. Хорек перестал плясать вдаль и посмотрел на Майкла. Глаза его горели. «Она не умерла, Майкл! Я видел ее неделю назад. Она стояла на этой чертовой дороге! Прямо на разделительной полосе! Стояла и смотрела на меня. Я несея со скоростью не меньше шестидесяти миль. Дорога там прямая. Никого. А через секунду — она! Стоит себе ярдах в ста от меня! Я так испугался, что чуть не обделался. Но это ладно. Я чуть не слетел с дороги! Когда я снова поймал машину, ее уже не было. Только шоссе!». Заметив удивленный взгляд Майкла, он добавил. «Я не сумасшедший, Майкл. Я действительно ее видел». «Но ее не может быть там! Она умерла!». «Эта тварь, эта пустошь — она смотрит на нас, Майки. Если тебе покажется, что ты не выдерживаешь — брось. Оно того не стоит. Не думаю, что после такого я сам буду долго ездить. Одной подобной истории хватит, чтобы обеспечить кошмарами на всю жизнь... Линде не говори». Майкл пообещал.

Он поехал в пустошь и преодолел ее. То чувство триумфа, которое он испытал в тот день, до сих пор еще помнится очень отчетливо. А через три недели после этого Хорек уехал в пустошь и не вернулся.

Тот разговор долго не шел у Майкла из головы. Первое время его это мало беспокоило. А потом он и сам кое-что увидел. Тогда у него уже был «Сабурбан», который казался надежным, как крепость. Пересекая пустошь на нем, Майкл позволял себе расслабиться. Даже установил магнитолау. Марк Болан из «T-Rex» призывал всех крутить задницей, когда он увидел это — ребенка, ползущего по дороге. В какой-то безумный момент ему даже показалось, что это Сэм. Бред, конечно, все годовалые дети похожи. Но ощущение было очень сильным. Услышав шум двигателя, ребенок остановился и сел посреди дороги, повернувшись к нему лицом. Он поднял руку, указывая пальцем. На мгновение Майклу показалось, что он показывает прямо на него.

На принятие решения было не больше двух секунд. Ребенок продолжал сидеть на дороге, вытянув руку. «Это Сэм! Это ведь Сэм!» — билось у Майкла в голове. — «Но как он мог попасть сюда? Это невозможно! Это совершенно невозможно!» В следующую секунду он вывернул руль. Машина тяжело запрыгала по обочине, и ему чудом удалось удержать ее. Когда он снова выбрался на дорогу, никого не было. С тех пор он ездил много раз, но ничего подобного не повторялось. Но именно в тот день пустошь впервые заговорила с ним.

Это был не обычный разговор — он ощущался где-то глубоко в голове, всплывал в виде неясных образов и тихого, едва уловимого шепота, который не в силах был заглушить никакой шум. У Майкла не было никаких озарений или развитой интуиции — это пустошь, ее голос вел его за собой. И, чтобы услышать его, он раз за разом снова садился за руль.

Однажды, разговаривая с Краучерами, он осторожно спросил, не видели ли они на дороге чего-нибудь странного. «Что ты имеешь в виду?» — спросил его Хомер, старший из братьев. «Сам не знаю», — ответил Майкл. — «Что-то необычное». Тогда Хомер ничего ему не сказал. Но позже, когда он пригнал к Майклу в автомастерскую свою машину, и они сидели в подсобке, ожидая, когда Чак закончит диагностику, он вновь вернулся к этому разговору. «Ты спрашивал, не видели ли мы чего-нибудь странного», — сказал он. Майкл кивнул. «Я тут подумал и все-таки решил тебе сказать. Ты парень образованный, может быть, скажешь, что это было». «Что вы видели?» — спросил Майкл. Хомер посмотрел на него сердито. «Собаку. Это была собака. Большой черный ньюфаундленд. Первый раз он появился в мою смену, пока брательник спал. Эта тварь стояла прямо на дороге, пригнув голову к земле, и скалилась. Мне показалось, что она готовится прыгнуть. Вся напружинилась, аж дрожит! Черт ее знает, откуда она там взялась. Я уже почти поравнялся с ней, и тут она рванула. Я был уверен, что она выбьет стекло, ворвется в кабину и вцепится мне в глотку. Еле удержался, чтобы не вывернуть руль. Все белье себе загадил». Майкл улыбнулся, но Хомер его не поддержал. Он был мрачен, как туча. «У меня так тряслись руки, что пришлось разбудить Горация. Иначе бы я точно слетел с дороги». «А собака? Что стало с ней?». «А хрен его знает! Исчезла. Но это не все. Потом я еще раз ее видел. И Гор тоже один

раз. И всегда она бросалась на машину. Так что думаешь? Бредятина какая-то!»

Майкл не знал, что ответить. Хомер махнул на него рукой и ушел к Чаку.

С Грантмахером на эту тему Майкл не говорил. Тот ездил всего пару месяцев, и, скорее всего, призраки еще не донимали его. Один раз Майкл посоветовал ему сбросить скорость, говоря, что в пустоши могут происходить странные вещи. Но тот не послушал. Только улыбнулся и хлопнул его по плечу. «Не волнуйся, Док», — сказал он. — «Я увижу опасность еще до того, как она появится». После этого идиотского заявления они больше не разговаривали.

Майкл посмотрел на Анну. Она сидела, прижавшись головой к боковому стеклу и закрыв глаза. Казалось, что она спит, но это было не так. Майкл знал это совершенно точно. Он поднял руку, чтобы потрепать ее по плечу. Ободрить ее. Но не успел. Она неожиданно отпрянула от стекла, выпрямилась в кресле и посмотрела на него.

— Пообещайте мне, что все будет хорошо, — сказала она.

Майкл удивленно приподнял брови.

— Но...

— Пообещайте!

— Анна, я никогда...

Договорить он не успел. Яркий свет залил кабину. Сзади раздался автомобильный гудок. Если бы Майклу когда-нибудь довелось услышать, как трубит мастодонт, звук, наверняка, был бы в точности таким. Анна быстро обернулась на своем кресле и вдруг начала пронзительно кричать. Майкл посмотрел в зеркало заднего вида. Свет слепил его, но в этом свете он видел, как их догоняет что-то исполинское. «Краучеры!» — мелькнула у него в голове. — «Но нет, их фура никогда не делает больше сорока пяти, а этот несется никак не меньше девяноста миль в час!» Раздался еще один гудок, от которого в машине завибрировали стекла. Анна продолжала истошно кричать, но ее крик полностью растворился в реве приближающегося гиганта. «Это какой-то грузовик», — пронеслось у Майкла в голове. — «Чертов адский грузовик!». Он непроизвольно нажал на газ. «Сабурбан» начал набирать скорость.

— Не ори! — закричал он на бьющуюся в истерике Анну. — Не ори!

Анна не слушала его. Стрелка спидометра добралась уже до ста, но грузовик все продолжал приближаться. «Но это невозможно!». Между ними и адским машиной оставалось не больше ста ярдов. Включилась рация.

— Майкл! Это Линда. Уже половина восьмого. Почему ты не выходишь на связь? Майкл, у тебя все в порядке?

Чертыхнувшись, он вытащил из гнезда микрофон.

— Заткнись, — рявкнул он на Анну. К его удивлению, она действительно замолчала. Только застыла, полуобернувшись и вцепившись пальцами в спинку кресла.

Майкл нажал на кнопку микрофона.

— Линда, это Майкл...

Снова раздался рев клаксона. Глянув в зеркало, Майкл увидел, как грузовик резко увеличил скорость.

— Майкл, что там у тебя? Что это за звуки?

Расстояние между машинами быстро сокращалось. Еще пара секунд, и «Сабурбан» просто размажут по дороге. «А, может быть, он не настоящий?»

— Майкл!

Времени раздумывать не было. Свет фар залил кабину машины, словно рентгеновские лучи. Ругаясь во весь голос, Майкл вывернул руль.

«Сабурбан» вылетел на обочину и запрыгал по неровностям. Очень близко, буквально в ярде от них, пронеслась исполинская машина, сверкая огнями и издавая жуткий рев. В рации что-то щелкнуло. Раздалось шипение. Все еще сжимая в одной руке микрофон, Майкл старался удержать автомобиль и направить его к дороге. Фары беспорядочно выхватывали

участки пустынной равнины. Неожиданно, что-то громко зазвенело. Анна снова закричала и еще крепче вцепилась в кресло. Майкл не выдержал и тоже закричал, глядя в том направлении, откуда раздался звон. На приборной доске светился экран сотового телефона, с мигающими на экране цифрами «8:30 PM». Аппарат истошно верещал. Громко выругавшись, Майкл снова повернулся к дороге. То, что он увидел, заставило его открыть рот, но на новый крик уже не оставалось времени. Фары выхватили впереди глубокую выбоину, и в тот же момент «Сабурбан» влетел в нее, сначала передними колесами, а потом задними.

Встряска была настолько сильной, что в какой-то момент машина подскочила над землей, и все ее четыре колеса оказались в воздухе. Потом она тяжело приземлилась, накренившись. Майкл щелкнул зубами и зажмурился, ожидая, что сейчас они перевернутся. Но машина удержалась. Тошнотворно пахло бензином. Бросив рацию, он принялся выкручивать руль. «Сабурбан» начал поворачиваться к дороге.

— Этот сотовый! Этот чертовый сотовый! — орал Майкл. — Какого хрена он звонит?!

Анна не ответила. Она сидела, вцепившись в кресло, и смотрела вперед пустыми, безо всякого выражения, глазами.

Попав в выбоину, машина замедлилась, и теперь ее скорость упала до шестидесяти миль в час. Майкл нажал педаль акселератора, но ничего не произошло. Машина продолжала терять скорость. Майкл осознал, что двигатель молчит. На панели не горело ни одной лампы. Сильно пахло бензином. Майкл несколько раз повернул ключ, но двигатель не заводился, а, тем временем, машина ехала все медленнее. Стрелка спидометра спустилась до сорока пяти.

— Я не верю в это, — тихо сказал Майкл. — Просто не верю.

Как замороженный он наблюдал за приборами.

— Что случилось? — вдруг спросила Анна.

Сорок миль в час. Тридцать пять.

— Что происходит? Мы останавливаемся?

Двадцать пять.

На Майкла навалилась апатия. Он сидел молча, сжав руль так, что пальцам стало больно.

Пятнадцать. Одна из лампочек на пульте замигала. Раздался предупреждающий сигнал.

— Нет! — закричала Анна. — Нет! Нет, нет, нет!

Десять. Пять. «Сабурбан» медленно выкатился на дорогу. Майкл автоматически повернул руль, выравнивая его. Запах бензина стал невыносим.

Три. В тускнеющем свете фар можно было различить маленькие камушки на обочине. Майкл выключил дополнительные огни.

Анна больше не кричала. Она плакала, закрыв лицо руками.

Одна. Стрелка спидометра опустилась и застыла. Через пару секунд остановился и «Сабурбан».

Над горами величественно парила огромная луна.

ГЛАВА 10

Несколько секунд ничего не происходило: машина стояла посередине дороги, немного повернувшись вправо, освещая слабым светом фар черноту асфальта. Люди застыли в кабине, словно каменные статуи, а вместе с ними, казалось, застыло само время.

Неожиданно Майкл ударил кулаком по рулю и выскочил в темноту. Нехотя скрипнула боковая дверь, потом послышались тихие ругательства.

Анна сидела, не шевелясь, и смотрела на необыкновенно большую луну.

Сзади что-то звякнуло.

Она медленно, словно сомнамбула, протянула руку к передней панели и взяла телефон. Он больше не звонил. На светящемся экране рядом с пиктограммой будильника мигали цифры «8:32 PM». Так же медленно она положила его в карман и снова застыла. Звуки: тихое

позвякивание, бормотание, скрипы — доносились откуда-то издалека. Они ничего не значили. Может быть, она вообще не слышала их.

Майкл обошел машину, открыл капот и стал что-то крутить в недрах двигателя.

Это просто дурной сон. Из открытой двери потянуло сухим холодом.

Он вернулся в кабину, вставил ключи в замок зажигания и повернул. Закрутился стартер. Двигатель захрипел, будто забился в агонии, и завелся. Притухшие огни фар стали ярче. Майкл откинулся на спинку кресла, достал сигарету и поджег ее от прикуривателя.

И снова весь мир наполнился молчанием и неподвижностью, только изредка мелькал крошечный огонек сигареты. Докурив, Майкл выбросил окурок в наступающую ночь.

— Мы заглохли, — сказала Анна. — Эта машина, эта твоя уникальная машина просто... Взяла... И заглохла.

Она всхлипнула.

— Как старый уличный хлам.

Майкл пропустил ее слова мимо ушей. Он повернулся.

— Какого хрена звонил этот телефон? Здесь нет связи! Почему он звонил?!

Впервые с момента аварии, Анна пошевелилась и посмотрела на него.

— Будильник, — сказала она.

— Что?

— Будильник. Звонил будильник.

— Будильник?

Пораженный до глубины души, Майкл замолчал. Будильник. После всего. Столько предосторожностей. Мелочей... Будильник.

— И какого хрена звонил будильник?

— Майкл...

— Зачем ты поставила этот чертов будильник?

— Майкл.

— Зачем? — он кричал.

Анна вздрогнула, будто ее ударили, и неожиданно тоже закричала, вцепившись руками в сидение.

— Я ошиблась! Ясно? Эти чертовы АМ и РМ! Я перепутала! Он должен был прозвонить в восемь утра!

— А он прозвонил сейчас!

— Да!

— Прекрасно! Отлично!

— Майкл!

— Черт!

Анна снова заговорила тихо.

— Майкл, это уже не важно.

— Прекрасно!

— Это все равно случилось бы!

— Черта с два!

— Дело не в...

Он развернулся к ней и глаза его горели.

— Я знал, что из-за тебя попаду в неприятности! Знал! Все время себе говорил об этом!

Он отвернулся.

— Дурак! Сентиментальный идиот! Связался с этой помешанной! Этой трусливой бабой! С...

Анна распахнула дверь и выскочила из машины.

— Эй, ты куда? Стой!

Майкл выбрался из машины и бросился вслед за ней. Анна быстро шла по шоссе, освещенная огнями «Сабурбана».

— Вернись!
— Я не хочу тебя видеть! Ты жалкий и отвратительный!
— Черт, да постой же ты!
Анна не ответила.
Майкл остановился.
— Ты права, — сказал он.
Анна тоже остановилась и повернулась к нему.
— Это не важно, — сказала она. — Уже не важно.
Майкл медленно подошел к ней.
— Анна, прости.
Из ее глаз катились слезы.
— Прости, — повторил он. — Кажется, я испугался. Я наорал на тебя. Прости.
Она кивнула и попыталась улыбнуться.
— Что нам теперь делать, Майкл? Что нам делать?

Они вернулись в машину. Анна аккуратно закрыла за собой дверь и посмотрела на Майкла. Почувствовав ее взгляд, он быстро заговорил.

— Это топливный привод. Когда солдаты осматривали баки, мне пришлось отсоединить его. Наверное, я плохо укрепил шланги и, когда мы попали в яму, они выскочили.

Он замолчал.

— Майкл?

— Что?

— Это конец?

Он не ответил и переключил передачу. «Сабурбан» медленно покатился по дороге.

— Куда мы едем?

— Вперед.

Анна хотела что-то сказать, но промолчала. Где-то в груди, между ребрами, зашевелился холодный страх. Она еще не осознала случившееся. Пытаясь сохранить себя, сознание заперлось на замок и ждало. Вместо него из своих тайных нор выползли инстинкты и стали слушать, смотреть, оценивать — искать способ выжить.

Анна открыла окно.

— Очень воняет бензином.

Майкл кивнул.

— Скоро выветрится.

Он включил дополнительные фары.

«Сабурбан» достиг скорости тридцать пять миль в час и больше не разгонялся. Под колесами снова зазмеилась желтая разделительная полоса.

Они ехали молча, погруженные каждый в свои мысли. Движение было бессмысленным, но оба ухватились за него, как за спасательную веревку, которая позволяла отложить тот момент, когда придется осознать то, что с ними произошло. Они казались спокойными: не кричали и не бились в истерику, но оба чувствовали, что само их движение хуже всякой истерики. Это было сумасшествие — они не могли принять то, что случилось.

Большая яркая луна всходила перед ними и изливала свой свет на дорогу, тонкой черной линией разделявшую равнину. Черная земля, черное небо, а между ними — маленькая белая точка, пытающаяся разогнать мертвую темноту. Больше никакого движения. Чужой новый мир застыл, словно ожидая чего-то.

В холодном белом свете пейзаж превратился в гротеск. Все казалось вылитым из серого блестящего металла. Краски исчезли. Даже разделительная полоса, при свете солнца казавшаяся ярко-желтой, стала серой. Иногда она пропадала, потом появлялась вновь. Линии стали неровными и зазубренными, будто кто-то пытался стереть их ластиком.

Фары выхватили небольшую выбоину, «Сабурбан» слегка тряхнуло. Анна вскрикнула.

— Ничего страшного, — сказал Майкл. — Маленькая ямка.

Медленно прополз еще один час. Луна перевалила через зенит и начала свой медленный спуск. Горизонт впереди засветился. Майкл посмотрел на часы на приборной панели. Они показывали четверть одиннадцатого. До утра оставалось еще шесть часов. Но, похоже, солнцу не было до этого никакого дела. Приближался новый безумный рассвет.

Они встретили еще несколько выбоин, одна из которых оказалась достаточно большой, и Майклу пришлось сбрасывать скорость и объезжать ее. Лавируя по дороге, он полностью сосредоточился на ней.

— Майкл? — неожиданно произнесла Анна. В ее голосе послышалась дрожь.

— Что?

— Смотри!

Он посмотрел в указанном направлении. Горы впереди были яркими, словно нарисованные черной тушью на молочно-белой бумаге. И там, над ними, там, где начал зарождаться новый рассвет, появился яркий диск. Только он не был золотым или красным — он был белым, как серебро.

— Вот черт!

Над дорогой всходила еще одна луна.

Анна смотрела назад.

— Майкл, мне страшно.

— Мне тоже.

— Но ведь это невозможно!

— Да.

— Майкл.

Он не ответил.

— Где мы?

Два ночных светила похожие, как отражения в воде, изливали свой свет с обоих краев горизонта. «Сабурбан» словно оказался в киностудии, в свете прожекторов. Две тени мягко скользили рядом с ним, как бывает, когда движешься вдоль уличных фонарей. Только тени не меняли положения. Они следовали за машиной, неподвижные и искаженные, сопровождая ее в никуда.

Спустя полчаса первая луна скрылась за горизонтом, словно сжавившись над людьми, готовыми сойти с ума.

Дорога становилась все хуже. Разделительная полоса почти исчезла, лишь изредка показывались ободранные и истерзанные линии. Колеса то и дело попадали в небольшие ямы, и, не смотря на мощные рессоры, машина вздрагивала и дергалась из стороны в сторону. Растительность у обочины стала гуще. Бездушно-белый свет отнял у мира не только краски, он изменил всю перспективу, исказил расстояние. Горы на горизонте, казалось, отодвинулись. Между их черными вершинами снова засверкала сумасшедшая заря. В течение нескольких минут Майкл и Анна, как завороченные, наблюдали за тем, как над миром восходит еще одно ночное светило.

— Майкл?

— Что?

— Эта ночь когда-нибудь кончится?

— Я не знаю.

— Мне кажется, я сойду с ума, если не увижу солнца. Эти луны как-то действуют на меня. Ты не чувствуешь?

Майкл покачал головой.

— Как будто небо и земля меняют свое положение. Как на корабле во время шторма... Сколько мы уже проехали?

Он посмотрел на спидометр.

— Восемьдесят семь миль.

— Майкл, давай остановимся.

— Что?

— Давай остановимся. Я больше не могу.

Он не ответил. Даже не посмотрел в ее сторону. Все внимание Майкла сосредоточилось на шоссе. Колеса шуршали по дороге, урчал двигатель — ему вдруг показалось, будто он слышит голос: едва различимый шепот. Дорога стала изменяться, меркнуть, растворяться, превращаясь в серую ленту конвейера — и исчезать. Пустошь окружила машину, поглотила ее, и в этот момент невнятные шорохи и звуки смолкли, и сквозь них проступил ясный и тихий голос, прозвучавший в голове, подобно шелесту ветра:

«...Я покажу тебе творение не человека...».

Он вздрогнул и зажмурился: «Нет, нет! Я не верю!», а голос продолжал шептать, мягко и настойчиво, повторяя одну и ту же фразу. Майкл открыл глаза, и, повторяя про себя, что ничего этого нет, что перед ним дорога — просто дорога! — надавил на газ. Наваждение сгинет, пропадет, стоит только набрать нужную скорость!

Анна испуганно смотрела на него. Что-то плохое происходило сейчас в этой машине. Майкл словно превратился в восковую фигуру, замер, вцепившись в руль и глядя перед собой пустыми неподвижными глазами. «Господи, да у него истерика!».

Скорость возросла. Анна наблюдала, как стрелка спидометра преодолела отметку в семьдесят миль в час и продолжала подниматься. Машина подпрыгивала в ямах и рыскала из стороны в сторону. Точным движением рук, Майкл ловил ее и направлял вперед. В полной тишине стало слышно, как завывает двигатель. Анна схватилась за поручень и испуганно посмотрела вперед. Дорога в тусклом свете фар показалась ей неподвижной. «Сабурбан» вздрагивал и раскачивался. Восемьдесят пять миль в час. Машина вильнула, слетев с дороги левыми колесами, и затряслась. Анна вскрикнула. По широкой дуге Майкл снова вернул автомобиль на шоссе. Набирая обороты, заревел двигатель. «Он убьет нас!»

— Майкл, остановись! Слышишь? Остановись немедленно!

Он не отвечал, только смотрел вперед.

— Майкл!

Анна схватила его за плечо и трянула.

— Остановись! — закричала она. — Останови машину! Мы разобьемся!

Она вцепилась в него и затрясла. Майкл попытался отбиваться одной рукой, другой стараясь удержать руль. «Сабурбан» заплясал по дороге. Скорость поднялась до девяносто пяти миль в час.

— Майкл, прекрати! Майкл!

Машина подпрыгнула. Анну бросило в сторону, и она сильно ударилась головой о стекло. Слыша звон в ушах, она снова схватила Майкла. Паника захлестнула ее. Остановиться! Пусть он остановится!

Анна схватила свой телефон и начала изо всех сил бить его по плечу. Каждый раз, когда удар достигал цели, Майкл морщился.

— Остановись! Не сходи с ума! — кричала она. — Мы не выберемся отсюда! Все кончено!

— Нет, — тихо ответил он.

Анна оторопела и выронила телефон.

— Майкл!

По ее щекам потекли слезы.

— Майкл, милый, не надо! Ты ничего не можешь сделать! Остановись! Мы...

— Нет.

Она гладила его по голове, словно ребенка. Обняла за плечи. И плакала.

— Майкл. Пожалуйста. Я не хочу умирать здесь!

— Никто не умрет.

— Майкл, прошу тебя, прошу!

Она все плакала и гладила его по голове и лицу. Целовала. Она говорила и говорила. И он сдался.

В безумном свете двух лун, машина стала замедлять ход. Куда бы не спешил этот механический пришелец, но он перестал бороться.

Майкл поставил передачу в нейтральное положение. Не мигая, он наблюдал за стрелкой спидометра, вновь неумолимо спускающейся по своей шкале. Когда та достигла отметки двадцать, он вздрогнул, тело напряглось, но Анна, обняв, удержала его. Он закрыл глаза и тоже обнял ее одной рукой. Мокрое от слез лицо Анны уткнулось ему в шею.

«Сабурбан» съехал с дороги, немного прокатился по обочине и остановился, отбрасывая две тени. Погасли фары.

Майкл и Анна, обнявшись, сидели в кабине. Она тихо всхлипывала и все гладила его по голове. Он сидел все так же ровно, закрыв глаза и положив одну руку на рулевое колесо.

«...Я покажу тебе творение не человека...».

ГЛАВА 11

Когда Майкл проснулся, было уже светло. Солнце, такое яркое и такое обыкновенное, изливало свой свет на равнину, разогнав и уничтожив ночное безумие. Пустошь дремала под его жаркими лучами, разлившись вокруг бескрайним океаном тишины и неподвижности.

Майкл вышел из машины и потянулся, растягивая онемевшие мышцы. Всю ночь он проспал, скрючившись на водительском кресле, и теперь ощущал себя зернышком, попавшим между мельничными жерновами. Он решил немного пройтись, чтобы размять ноги.

«Сабурбан» стоял почти в центре широкой долины, со всех сторон окруженной кольцом высоких гор. Дорога уходила вдаль и терялась где-то у линии горизонта. Желто-бурая трава покрывала равнину, кое-где разбавленная невысокими кустами и яркими островками маргариток. Окружающий пейзаж был пропитан спокойствием и безмятежностью. Майкл остановился у края дороги, достал сигарету и закурил. В голове слегка загудело. Он немного постоял, глядя вдаль и ни о чем не думая. Его окружала плотная тишина, лишь немного потревоженная еле слышным шелестом ветра в траве.

Земля под ногами была красновато-бурая, испещренная мелкими трещинами; похоже, она давно не знала дождя. «Воды в машине хватит дня на три», — подумал Майкл, медленно выпуская кольца дыма и следя, как они растворяются в горячем воздухе. — «Надо найти какой-нибудь источник. Какой-нибудь родник».

Его окликнули. Он повернулся и увидел выбирающуюся из машины Анну. Она неуверенно встала на ноги и сразу принялась тереть их, разминая затекшие мышцы.

— Доброе утро! — крикнул он.

— Доброе утро.

— Как спала?

— Неплохо.

Она подошла и остановилась рядом с ним.

— Солнце, — сказала она.

— Да.

Они смотрели вдаль, маленькие, почти незаметные фигуры посреди окружающего величия. Весь этот мир, каким бы он ни был, дружественный или враждебный, принадлежал теперь им. Здесь не было людей и машин, над головой не пролетали самолеты, не было телевизоров и новостей. Здесь не надо было бояться террористов или грабителей. Здесь не было политиков и сумасшедших. Не было войн и мировых кризисов. Здесь не было ничего. Только они и красные островки маргариток.

— Майкл, ты думаешь, этот грузовик больше не вернется?

Он покачал головой.

— Вряд ли.

Анна оглядела долину.
— Красиво, правда?
Майкл пожал плечами.
— В наших краях всегда так.
— Я уже почти забыла, как выглядят эти места. Слишком много наслоилось других воспоминаний.
— Давно ты уехала отсюда?
— Четыре года назад. Почти пять.
Она обхватила руками плечи и стала смотреть на далекие горы.
— Вермонт... — сказал Майкл. — Это ведь где-то на севере и чертовски далеко.
— Да.
— Я никогда не был севернее Де Мойна.
— Это в Колорадо?
Майкл улыбнулся.
— Нет. Здесь, в Нью Мексико.
— А.
— Ты уехала из-за сестры?
Анна нахмурилась.
— Я не очень хочу говорить об этом. Может быть потом. Не обижайся.
Майкл пожал плечами.
— Я не обижаюсь.
Он бросил окурок на асфальт и раздавил его.
— Завтракать будем?
— Хорошая идея!
— Тогда пошли. Посмотрим, что нам приготовил добрая душа Чак.

Во время завтрака о ночном происшествии не было сказано ни слова; Майкл и Анна молча ели, погруженные каждый в свои мысли. На это время они словно разделились, отгородились друг от друга, понемногу укладывая в голове свои части мозаики. Настанет момент, когда можно будет поговорить о том, что произошло, но, вначале, нужно было решить для себя: что случилось и как к этому относиться.

Они остановились в пустоши. Насколько это плохо на самом деле, Анна не знала. Да и никто, наверное, не знал. Хорек остановился и пропал, но у него сломалась машина, а «Сабурбан» Майкла все еще на ходу. Значит ли это, что у них есть шанс выбраться? Или они навсегда останутся здесь, скитаясь по безжизненной равнине? Ответа на этот вопрос не было.

В большей степени Анну волновало другое — Майкл. Он чуть не убил их, поддавшись панике. И это было по настоящему плохо. Сейчас он пришел в чувство, но кто знает, надолго ли? Если пустошь представляла опасность гипотетическую, неизвестную, то Майкл был совсем другим делом. Может быть, он хотел разбиться? Может быть, именно в этом он нашел для себя единственный возможный ответ на возникшую ситуацию? Анна остановила его, и что теперь? Сможет ли он совладать с собой? Признать то, что случилось?

Анна украдкой посмотрела на него. Майкл жевал механически, словно робот — он был где-то далеко, не здесь. Он...

...вспоминал тот странный голос. Может быть, ему почудилось? Он помнил внутренний протест, возникший сразу же и охвативший его, как пожар. Наверное, он испугался. Майкл привык думать, что пустошь разговаривает с ним, и ему это даже нравилось. Это заставляло его чувствовать себя особенным, не таким, как все. Возможно, он только воображал ее голос, а на самом деле ничего и не было. Но он слышал — так ясно и отчетливо! Что это — стресс, или... «Так и рехнуться недолго!».

Сомнения мучили его, они заставляли сосредоточиться на себе, поглощая и перетягивая все внимание. Не давали трезво взглянуть на произошедшее. Голос пугал, но еще больше

пугало то, что он мог лишь вообразить его. Истончение грани между реальностью и воображением, когда она становится не видна — вот, что опасно. А вдруг пустошь действительно говорила с ним? Тогда, что значат ее слова?

Не было ответа — не было!

Его размышления прервала Анна.

— Что будем делать? У тебя есть какой-нибудь план?

Майкл задумчиво жевал бутерброд.

— Еды у нас достаточно, — сказал он. — А вот воды немного. Надо поискать какие-нибудь источники.

— А где их искать?

Майкл посмотрел вдаль.

— Я думаю, надо ехать к горам. Там должны быть какие-нибудь ручьи или родники.

— Значит вперед?

— Да. Если ты не возражаешь.

— Я не возражаю.

— Судя по карте, вдоль этого шоссе расположено несколько пуэбло. Они немного в стороне от дороги, но их можно найти по указателям.

Анна с сомнением покачала головой.

— В любом случае, нам надо двигаться на север к горам. На этой равнине ничего нет.

— А далеко до них?

Майкл пожал плечами.

— Откуда мне знать. Мы еще ночью должны были оказаться в предгорьях.

— Понятно.

Они посидели несколько минут, любуясь панорамой равнины. Страх и ужас, охватившие их вчера, потускнели. Рассеялись вместе с ночью. Этим утром они были живы, на небе светило солнце, а трава была такая же зеленая, как и везде. Вокруг не рыскали голодные чудовища, с неба не падали метеориты, громовой голос не требовал назвать свои грехи. Все изменилось, но все осталось прежним. Не считая сумасшедших лун и засохших на лице слез.

Анна пошла умыться. В их положении это было чистым расточительством, но она настаивала, и Майкл не нашел в себе сил возражать. Внимательно осмотрев машину при ярком солнечном свете, он не обнаружил никаких проблем — «Сабурбан» с честью выдержал испытание. Спустя час, после пробуждения, они снова тронулись в путь.

Майкл много раз ездил по этой дороге, и каждый раз удивлялся ее отличному состоянию. По понятным причинам, уже два года за ней никто не следил, но полотно оставалось идеально ровным, словно было положено неделю назад. Так было всегда, но теперь все изменилось. Появились ухабы и рытвины, паутина трещин покрыла асфальт, грозя расколоть его на мелкие куски. Попадая колесом в очередную выбоину, «Сабурбан» вздрагивал на мощных рессорах и покачивался, как корабль на легкой волне. Майкл держал скорость около пятидесяти миль в час, отчасти из-за неровностей дороги, отчасти из-за желания максимально экономить топливо. Анна разложила на коленях дорожную карту штата Нью Мексико и пыталась определить, где они находятся. Окружающий пейзаж не предоставлял никаких ориентиров: равнина выглядела так, словно они едут вдоль большой фотографии, неподвижного трехмерного снимка, на котором не было и не могло быть никакого движения и никаких перемен. Отчаявшись, Анна отложила карту и стала смотреть в окно, пытаясь угадать, как далеко от них горы и приближаются ли они. Но и в этом особенных успехов она не достигла. Мир замер.

Майкл молчал. Изредка он принимался насвистывать или закуривал очередную сигарету. Одометр отбивал милю за милей. Подходило время обеда.

Анна первая заметила указатель. Он выделялся на желто-зеленом фоне равнины маленьким белым пятном.

— Майкл! Ты видишь?

- Что?
- Знак! Там впереди! Видишь?
- Да. Теперь вижу!
- Что там написано?
- Не могу разобрать. Мы слишком далеко.

Они замолчали, изо всех сил напрягая глаза, ожидая, когда знак достаточно приблизится и можно будет рассмотреть надпись. Шли минуты, но маленькое белое пятно, казалось, ничуть не увеличилось, оставаясь еле видимым вкраплением в окружающее однообразие. На секунду Анне показалось, что машина стоит на месте, настолько неизменен и неподвижен был вид вокруг. Она посмотрела в боковое окно. Кусты и трава мелькали вдоль обочины, уносясь прочь. Они двигались, но с таким же успехом могли бы стоять на месте.

- Не понимаю. Знак, вроде бы, не приближается, — сказала Анна.
- Я заметил.
- А вдруг это мираж?
- Может быть.
- А мираж должен приближаться?

Майкл пожал плечами. Анна напряженно всматривалась вперед. В какой-то момент ей показалось, что указатель стал чуть ближе. Она различила две строки, серыми полосами выделяющиеся на белом фоне. Разобрать, что там было написано, она не могла, но все равно почувствовала воодушевление. Указатель даст им возможность сориентироваться по карте. Надо только добраться до него и прочитать надпись.

Майкл снова принялся насвистывать. Прошло еще несколько минут. Теперь уже стало очевидно, что знак приближается. Анна наклонилась к лобовому стеклу и стала читать, с трудом разбирая буквы.

- Пу... Пуэб...

Вдруг ей показалось, что машина прибавила скорость. Хотя не было никакой инерции, Анна вжалась в спинку кресла. Указатель впереди быстро рос. По его гладкой поверхности заплясали солнечные блики.

- Майкл. Не надо гнать. Мы скоро...
- Я не... Черт!

Знак приближался все быстрее, как-будто не стоял на месте, а с не меньшей скоростью несся им навстречу. Невероятное зрелище заставило Анну вцепиться руками в кресло. Указатель летел на них, будто камень, выпущенный из пращи.

- Тормози! Майкл, тормози!

Майкл резко надавил на педаль. «Сабурбан» накренился вперед, и тут же его колеса попали в очередную яму. Машину сильно тряхнуло, и она завиляла по дороге. Майкл отпустил тормоз, крутанул руль и снова надавил на педаль. Его глаза расширились. Знак находился совсем рядом, но чудовищная скорость превратила его в белый болид с размытыми черными символами, разобрать которые было невозможно. Колеса «Сабурбана» заблокировались, и он пошел юзом. Из-под днища повалил сизый дым, и запахло паленой резиной. Майкл изо всех сил вцепился в руль, понимая, что машина неуправляема и от этого мало толка. Стрелка спидометра камнем падала к нулевой отметке. Ремни безопасности впились в ребра, грозя переломать их, словно тонкие ветки. Через открытое окно в салон врвался тошнотворный визг тормозов. Указатель промелькнул рядом с окном Анны, как метеор, и в следующий момент «Сабурбан» остановился, скрывшись в облаке дыма.

Майкл выключил двигатель, откинулся в кресле и глубоко вздохнул.

Он посмотрел на Анну.

- Ты в порядке?

Она оглядела себя с сомнением.

- Вроде да. Мне показалось, что я вот-вот лишусь завтрака. Что это было?
- Не знаю.

— Его как-будто бросили в нас!

Майкл стал отстегивать ремень.

— Что ты делаешь?

— Собираюсь пойти и посмотреть, что это за штука. Ты со мной?

— Пожалуй, да.

Они вышли из машины. Тормозя, «Сабурбан» оставил за собой длинный след оплавившейся резины. Черные полосы вились из стороны в сторону, как пьяные. Знак находился ярдах в тридцати от них на обочине. Он немного накренился право. Никакого движения, просто обычный дорожный указатель. Майкл и Анна обошли его и остановились, разглядывая надпись. Белая краска слегка пожелтела, гладкую поверхность покрывал небольшой слой пыли, но, не смотря на это, разобрать ее не составило никакого труда.

— Пуэбло Санта Ана. Две мили, — прочитала Анна. — Ты об этом говорил?

Майкл покачал головой.

— Подожди здесь. Я схожу за картой.

— Хорошо.

Он ушел, и вокруг снова воцарилась тишина. Покрытие знака тускло сияло, отражая солнечный свет. Анна опасливо потрогала его рукой. Поверхность была горячей. На секунду ей показалось, что указатель слегка вибрирует. Чуть-чуть. Анна надавила сильнее, и ощущение пропало. «Тебе кажется», — подумала она.

Вернулся Майкл. Он подошел к знаку и еще раз прочитал надпись. На его лице отразилось недоумение.

— Что? — спросила Анна. — Ты нашел это место?

— Да.

— Отлично! Майкл, это же здорово!

Он с сомнением покачал головой.

— Ну не знаю...

— Но это же ориентир! Теперь мы знаем, где находимся! Мы можем проследить наш путь! Майкл! Может быть...

Он перебил ее.

— Смотри.

Анна взяла карту, и брови ее взметнулись вверх.

— Но этого невозможно! Мы не могли...

Пуэбло Санта Ана действительно присутствовало на карте, и оно действительно находилось внутри пустоши, которую Майкл обозначил карандашом. Только добраться туда по шоссе номер 57, на котором они должны были сейчас находиться, не представлялось возможным. Пуэбло располагалось милях в тридцати западнее, на другой дороге. И они не пересекались. Нигде. Анна оторвалась от карты и удивленно уставилась на знак. Ошибки быть не могло. Пуэбло Санта Ана. Но как они попали сюда?

Она подавленно молчала. Робкий лучик надежды, мелькнувший перед ней, погас. Анна сложила карту и посмотрела туда, куда уходило шоссе.

— Жаль, — сказала она. — Но, ничего! По крайней мере, мы знаем, где находимся.

— Мы находимся в пустоши, — сказал Майкл. — Я не удивлюсь, когда, последовав этому знаку, вместо Санта Аны, мы попадем в Пандерозу.

— Все равно у нас нет выбора.

Он кивнул.

— Едем дальше?

— Пошли.

Майкл тронул машину и посмотрел в боковое зеркало. Указатель задрожал в горячем воздухе, словно действительно был миражом и, мелькнув белой молнией, снова превратился в крошечное пятнышко где-то вдали. Майкл нахмурился.

— Знак приближался очень быстро, — сказал он.

— Да. Жуткое зрелище! Мне показалось, что это мы набираем скорость.

— Нет. Я ничего не делал.

— Странно.

— Не то слово!

— У тебя есть какие-нибудь предположения?

— Может быть. Пока не знаю. Надо подумать.

Анна повернулась к нему.

— Майкл?

— Что?

— Ты поспокойней, ладно?

— О'кей.

— Обещаешь?

Он положил ладонь ей на руку.

— Обещаю. Не бойся.

Анна удивленно посмотрела на него. Он перехватил этот взгляд и убрал руку.

И снова за окнами поплыл однообразный пейзаж. Смотреть было не на что, и Анна погрузилась в изучение карты. Пустошь на ней была обозначена в виде вытянувшегося с востока на запад конуса. Острый восточный край проходил всего в десяти милях от Санта Фе. «Интересно, как военные объясняли свое присутствие там?», — подумала она. Пустошь не затрагивала федеральных дорог, но многие небольшие шоссе, соединяющие маленькие городки, явно были перекрыты. «Скорее всего, там устроены объезды, но люди все равно будут спрашивать. Интересно, что им отвечают? И что говорят властям?»

— Майкл, как ты думаешь, откуда взялся этот грузовик? Это были не Краучеры. Ведь так?

— Не Краучеры.

— Так что это?

— Не знаю. Видения.

— Что?

Майкл посмотрел на нее.

— Мне о них рассказал Хорек. Тогда я еще даже не начинал ездить, а он провёл в пустоши уже какое-то время. Хорек рассказывал, что видел кого-то на дороге.

— Человека?

— Да.

— И кто это был?

— Он сказал, что это была девочка. Дочка тех, кого он привез из Кубы.

— Той семьи? Которая погибла?

— Да.

— Но как это может быть?

— Не знаю.

— А ты что-нибудь видел?

Майкл вытащил из пачки сигарету и прикурил ее. Взгляд его скользил по неровной дороге.

— Видел.

— И что это было?

— Это был ребенок. Он сидел на шоссе.

— Ты его знал?

— Нет. Не думаю. Это был маленький ребенок.

Анна открыла уже рот, собираясь что-то сказать, но передумала.

— Что произошло с этим ребенком?

— Понятия не имею! — ответил Майкл. — Я же сказал, что не знаю его!

— Да, сказал. Я не об этом. Что произошло на шоссе?

— Я съехал с дороги, чтобы не задавить его. Когда я вернулся, уже ничего не было.

— Ты испугался?
— О да!
— А Краучеры видели что-нибудь?
— Видели. Собаку.
— И Грантмахер?
— Про него не знаю. Вряд ли. Он ездит недавно.
— Ты думаешь, что эти... явления возникают для тех, кто пробыл в пустоши достаточно давно?
— Трудно сказать. Ты же видела грузовик. Хотя в пустоши ты первый раз.
— Ты думаешь, что грузовик тоже призрак?
— Скорее всего.
— А если бы мы не ушли с дороги? Может быть, он, как привидение, проехал бы сквозь нас и все?
Майкл немного помолчал. Анна смотрела на него.
— Вряд ли. Мне кажется, что эти штуки материальны.
— Почему?
— Не знаю. Все это пахнет чем-то потусторонним. А в таких вещах я пас.
— А, может быть, пустошь подбрасывает нам эти штуки? Специально. Чтобы сбить с дороги.
— Ты говоришь о ней так, будто она живая.
— А вдруг так и есть?
— Глупости! Пустошь, это всего лишь место, у которого есть название. Ничего больше. Просто место.
— Ничего простого я в ней не вижу. А вдруг она разумная? Майкл! У меня идея!
— Да?
— Послушай! Не так далеко отсюда находится Розуэлл! А что если...
— Анна, прошу тебя!
— Нет, я серьезно! А что, если все — правда? Что, если действительно был разбившийся инопланетный корабль?
— Ну, во-первых, это было в пятидесятых. С чего они так долго ждали?
— А может быть, это спасательная экспедиция?
— А почему здесь? Почему Куба, а не Розуэлл?
Анна задумалась.
— Не знаю, — сказала она. — Но это многое объяснило бы.
— Например?
— Например, этих твоих призраков. Может быть, они изучают нас?
— Ты читалась Лема.
— Я даже не знаю кто это!
— Это польский фантаст. Он написал...
— Не важно, что он написал! Важно, что происходит у нас!
— Я в это не верю.
— А во что ты веришь?
— Ты хочешь знать?
— Да!
— Хорошо. Пустошь — это природная аномалия. Слепое сочетание некоторых сил. Вот и все! Ничего инопланетного, все свое — домашнее.
— А я уверена, что пустошь разумна!
— Как угодно. Ты проголодалась?
— Да, немного.
— Можем остановиться и перекусить.
— Не стоит. Я предпочту добраться до этого пуэбло.
— А что если его там нет? Анна, я не хочу тебя разочаровывать...

— Не стоит, Майкл. Я все понимаю. Нет, так нет. Остановимся и поедем на дороге.

— Хорошо.

— Отлично.

Это произошло так же неожиданно, как и в первый раз. Но теперь первым указатель увидел Майкл.

— Анна, смотри!

— Боже мой! Да! Да! Мы приехали! Это Санта Ана! Сколько мы проехали?

— Черт, я не заметил. Не меньше пятидесяти миль, я думаю.

Солнце уже давно перевалило через зенит, и Майкл несколько раз собирался предложить остановиться и пообедать. В глубине души он не верил, что они найдут это пуэбло. Не может быть такого простого решения. Он не решался говорить об этом Анне. Возможно, это было неправильно. Но с другой стороны, вероятность того, что они все-таки доберутся до Санта Ана, существовала. И вот они действительно добрались. Чем бы не была пустошь, но какой-то элемент упорядоченности в ней имелся.

Майкл уселся удобнее. Предстояло провести эксперимент.

— Я вижу дома! Там, за знаком! Это точно!

Анна повернулась к нему и вдруг почувствовала, как машина стала набирать ход. Майкл сосредоточился на дороге, постоянно посматривая на спидометр. Губы его сжались.

— Майкл, что ты делаешь?

Машина продолжала ускоряться. Стрелка спидометра подобралась к отметке 60.

— Майкл, не надо!

— Успокойся, я знаю что делаю!

— Очень на это надеюсь! Но, может быть, ты...

Он посмотрел на нее.

— Верь мне.

Анна замолчала и стала смотреть на знак. Казалось, тот совсем не приближается. Как и в первый раз. Или... Ей показалось, что указатель немного вырос. Силуэты домов тоже. Теперь сомнений быть не могло. Она ясно различала отдельные строения, приткнувшиеся к кромке шоссе. Указатель приближался все быстрее. Анна мельком взглянула на спидометр. Стрелка застыла около отметки 65. Она откинулась, готовясь к тому, что этот знак и темные дома за ним сорвутся с места и понесутся на нее с адской скоростью. И они действительно рванулись навстречу. Еще быстрее. Еще. Анна начала поворачивать голову, чтобы не видеть того, что должно было случиться. И в тот же момент сила инерции вжала ее в спинку кресла. Взревел двигатель. «Сабурбан» быстро набирал скорость.

— Майкл!

Он не отвечал. Анна вновь повернулась вперед, и не поверила своим глазам. Вместо того, чтобы навалиться на них в безумном рывке, знак и дома, казалось, замедлили свое воображаемое движение. Машина продолжала набирать ход. Не смотря на это, белая дощечка как будто отступала. Анна скосила глаза на спидометр. Стрелка подбиралась к 80.

«Сабурбан» ворвался в город в реве двигателя и яростном блеске солнца, отражающегося от хромированных деталей. Указатель мелькнул белой вспышкой и исчез позади. Но мелькнул он точно так же, как на любой другой дороге мимо любой другой машины. Не быстрее и не медленнее, чем должно быть при той скорости, с которой они двигались. Оказавшись между домишками, Майкл надавил на педаль тормоза. «Сабурбан» клюнул носом и начал замедляться. Через несколько секунд, он уже стоял в оседающем облаке пыли посреди маленького пуэбло.

Майкл выключил двигатель и повернулся к Анне.

— Ты поняла? — спросил он. Его глаза светились торжеством.

— Да!

Анна засмеялась.

— Все дело в скорости! Просто в скорости!

— Да! Да!

— Мы обманули чертову ведьму!

Анна повернулась к Майклу и обняла его.

— Ты молодец!

— Конечно!

Она поцеловала его в щеку.

— Ты был прав! Прав!

— К вашим услугам, мэм!

Они сидели в машине и смеялись. Их смех вылетал наружу и растворялся в густой тишине. Дома вокруг взирали на пришельцев пустыми глазами окон, недоумевая, откуда мог прилететь этот смех.

А они все кричали и кричали, и не могли остановиться.

ГЛАВА 12

— Майкл, ты — гений!

Анна вытерла слезы и закашляла. Откинувшись на спинку кресла, она несколько раз глубоко вздохнула, ожидая, когда боль в горле утихнет.

— Давно так не смеялась, — сказала она охрипшим голосом. — Уфф.

Майкл потирал шею.

— Да. Я тоже.

Он прочистил горло.

Анна повернула зеркало заднего вида и стала приводить себя в порядок. Майкл достал сигарету и закурил, выпуская голубоватый дым в открытую дверь. Истерика прошла, и ее сменила приятная расслабленность. Он с удовольствием затягивался, с улыбкой посматривая на Анну. Она возилась довольно долго, и, когда закончила, сигарета уже почти догорела. Решив, что поврежденная красота вновь восстановлена, Анна повернула зеркало обратно.

— Ну, — сказала она, перекидывая ремень безопасности. — Я готова.

Майкл посмотрел на нее удивленно.

— Что ты делаешь?

— Как что? Я пристегнулась. Разве не надо?

— Подожди...

— Чего ждать? Мы же все поняли!

— Анна, не спеши! Нам надо поесть и осмотреться. Здесь может быть вода, продукты.

— Ты с ума сошел! У нас есть шанс выбраться отсюда, а ты говоришь об обеде!

— Этот шанс никуда не денется.

— Не знаю, не знаю. Я считаю, что нужно ехать немедленно.

— Я против.

— Майкл, не будь дураком! Ты что не хочешь выбраться отсюда?

— Хочу! Разумеется, хочу!

— Ну, так — вперед!

— Анна, это авантюра! Скоро наступит ночь!

— Мы успеем!

— Куда?

— Как куда?! В Кубу, конечно! У нас есть карта, и мы знаем, где находимся. В чем проблема?

— Проблема в том, что мы не знаем, как сюда попали. Мы не знаем, куда ведет эта дорога, пусть даже она есть на карте. Если мы поедем сейчас, то рискуем в темноте нарваться на что-нибудь и разбить машину. Да, черт, я даже не представляю, что нас может ждать! Даже если ничего не случится, дорога может занять много времени. У нас есть шанс, и чтобы воспользоваться им, мы должны подготовиться. Глупо срываться с места и нестись

сломя голову только потому, что мы решили, будто что-то поняли!

Он умолк, глядя на Анну.

— Так будет лучше.

Она смотрела на него с сомнением. Минуту назад она была переполнена решимостью, но теперь заколебалась.

— Дай карту.

Они разложили ее на большом рулевом колесе и склонились голова к голове, как два ребенка, рассматривающих коллекцию марок или диковинное насекомое.

— До сорок четвертого шоссе нам придется проехать около семидесяти миль. Потом еще примерно столько же до Кубы. Почти сто пятьдесят миль. Если держать скорость около семидесяти миль в час, это может занять пять или шесть часов.

— Ну и что?

— Это в том случае, если мы туда доедем. В противном случае мы можем сильно пожалеть, что не задержались в Санта Ана.

— Я уверена, что мы не заблудимся. Я чувствую!

— Я этого не исключаю.

— Да-да. Но ты в это не веришь!

— Верю-не верю — какая разница? Это не имеет значения.

Он ошибался, и это имело значение. Вера — не только инструмент, способный спасти тогда, когда уже нет никакой надежды. Она бывает коварна. Она способна создавать миражи, вроде тех оазисов, которые появляются над пустыней, и Анна попала в один из них. Мыслями она уже была в Кубе. Все страхи и сомнения остались позади, в пустоши. И она улыбалась с облегчением и радостью, потому что все закончилось. Каким бы страшным не был кошмар, но он позади и уже начал забываться. Она всей душой отдалась этому чувству, такому сладкому и бесстыдно лживому.

Майкл вырвал ее из сладкого сна и заставил увидеть, что ее радость — всего лишь мираж, такой же зыбкий, как рябь на воде, способный рассыпаться в любую секунду — ложная опора для испуганного разума. И она ненавидела его за это. Понимала, что он прав, что лучше не погружаться в пустую мечту, но все равно ненавидела.

Она нехотя отстегнула ремень безопасности.

— Хорошо, — сказал Майкл. — Давай посмотримся.

Население Санта Ана в 2007 году составляло 217 человек, о чем сообщала небольшая табличка, установленная при въезде. Собственно, это было даже не пуэбло, а небольшая деревушка, через которую проходила старая узкая дорога, ведущая на север в сторону Пондерозы и Лос-Аламаса. Санта Ану населяли индейцы племени хопи. Впрочем, на внешнем виде деревни это почти никак не отразилось. Сложенные из красного песчаника дома были похожи один на другой, как и во многих других местечках Нью Мексико, и все они казались нежилыми. Двери в некоторых были открыты, но никто не вышел, чтобы посмотреть на прибывших. Санта Ана растворялась в тишине, ни единый звук не нарушал ее молчание. Только тихий шепот ветра.

Майкл и Анна медленно шли по центральной улице, глядя на царящее вокруг запустение. На обочине и рядом с домами стояли машины. Старые, больше похожие на металлолом, ржавые пикапы, в основном «форды» и «датсуны», иногда попадались «тойоты». Вдоль некоторых фасадов были натянуты бельевые веревки, которые лениво колыхались на ветру, как струны сломанной гитары, пустые и серые. Больше в этой дыре не было ничего. Ни детских велосипедов или скейтбордов у дверей, ни стариков, расположившихся у магазина, ни одной бутылки или банки не валялось на узких улочках. Дома отбрасывали густые тени, неподвижные и уродливые. Санта Ана больше всего напоминала старый музейный экспонат, забытый за ненадобностью где-нибудь в самом темном и пыльном углу запасника, а еще она напоминала те маленькие американские города, которые в один прекрасный день пустели и превращались в призраков.

— Мне здесь не нравится, — сказала Анна. — С этим городом что-то не так.

Майкл покачал головой и ничего не ответил.

Перед одним из домов, длинным, приземистым, с широким выцветшим тентом, они остановились. На деревянной вывеске, подвешенной на двух тонких цепочках, было написано «Кафе У Дороги».

— То, что надо, — сказал Майкл. — Пошли.

Как и во всем городе, в кафе царил тишина. Солнечный свет с трудом проникал внутрь через узкие окна яркими клиньями, не способными полностью разогнать прохладный сумрак. Простые каменные стены и земляной пол делали помещение похожим на пещеру.

В зале стояло несколько круглых столов, но стульев не было. Не было их и у длинной узкой стойки бара. В затхлом воздухе ощущался слабый неприятный запах.

Майкл подошел к стойке и стал рассматривать большой старомодный кассовый аппарат. Его лоток был выдвинут, в нем лежали купюры и мелочь.

— Здесь баксов сто, не меньше!

Анна обошла стойку и направилась на кухню. Здесь неприятный запах ощущался гораздо острее. Она остановилась на пороге и заглянула внутрь.

В кухне было жарко и темно. Единственное закрытое окно располагалось с противоположной стороны. Бледный свет, падавший из него, упирался в большую плиту, стоящую в центре, оставляя на металле тусклые блики. Над плитой висели сковороды и кастрюли. В углу стоял большой холодильник.

Никаких следов человеческой деятельности. На плите и столах слева от нее ни единого пятнышка. По крайней мере, с того места, где стояла Анна, их не было видно. На столах вообще ничего не было, если не считать большой разделочной доски.

Анна подошла к холодильнику и открыла его.

Майкл услышал крик и подскочил, будто его ударили током. Тошнотворная слабость волной прокатилась по телу, заставив его задрожать. Кричала Анна. С трудом заставив себя двигаться, Майкл схватил одну из бутылок возле бара и бросился к ней.

Он уже почти добежал до двери, когда из нее вылетела Анна, чуть не сбив его с ног. Глаза ее были выпучены, руками она зажимала рот, что-то нечленораздельно мыча. Майкл успел схватить ее за локоть и прижал к себе. Анна попыталась вырваться, но он удержал ее.

— Что...?

Закончить Майкл не успел. Анна перегнулась ему через руку, и ее стошнило прямо на стойку.

— Черт возьми!

За первым приступом рвоты последовал второй. Каждый раз ее тело напрягалось, словно пружина, и она повисала у него на руке. После четвертого приступа она затихла и медленно выпрямилась. Глаза ее покраснели, изо рта шел ужасный запах.

— Прости, — сказала она и вытерла губы ребром ладони. — Там в холодильнике... Там такая...

Она снова вздрогнула и прижала руку к груди.

— Господи!

— Иди сюда.

Он отвел ее подальше от стойки и усадил на пол. Анна откинулась назад, прижавшись спиной к прохладной стене. Кивком поблагодарила его и провела рукой по лбу.

— Сиди здесь, я посмотрю.

Майкл осторожно направился к кухонной двери.

— Можешь оставить эту бутылку, — хрипло сказала Анна. — Оружие тебе не понадобится.

На кухне стояла такая вонь, что у Майкла заслезились глаза. Пытаясь понять, откуда она идет, он осмотрелся и увидел раскрытый холодильник. Электричества не было, поэтому

внутри него царила полная темнота, и эта темнота пахла, как только что вскрытая могила.

Он достал из кармана платок и прикрыл им нос и рот. Предстояла очень грязная работа.

Анна немного пришла в себя, и теперь ей было стыдно. Она была интеллигентной девушкой, и то, что она сейчас проделала, показалось ей диким и донельзя отвратительным. Господи! Особенно на глазах у Майкла! Он был славным парнем и, возможно, между ними могла бы вспыхнуть симпатия. Не исключено, что он тоже думал о чем-то таком. Хотя, после того, как она столь элегантно блевала у него на руках, хорошие мысли могли покинуть его голову. Фу, черт, как мерзко! Лучше бы он ее не поймал. Тогда, возможно, она сумела бы добежать до улицы.

Анна с ненавистью посмотрела на зал. Что за отвратительное место! Что за пакостное место! Вся обстановка вызывала у нее чувство гадливости. Наверное от того, что изо рта у нее пахнет, как из коробки с протухшими яйцами... Она присмотрелась внимательнее. А, может быть, что-то еще. *Una otra kosita*.

Кафе было мрачным, но чистым и аккуратным, если не считать холодильника с протухшими продуктами. И все-таки, что-то было неправильно. Как и во всем городе, что-то было не так. Она медленно поднялась, на дрожащих ногах, то и дело сплевывая на пол, подошла к одному из столов и присела на краю. Что-то не так. Ее пальцы провели по поверхности. Она была идеально гладкой. Идеальной...

Анна прыгнула со стола и стала затравленно озираться. Конечно, не так! Все не так! Этот стол, это кафе — весь этот город были начисто лишены тех мелких деталей, которые и делают вещи живыми. Все вокруг было словно слепком с реальных вещей, но слепком грубым, не воспринявшим мелочей: никаких надписей на стойке бара, никаких наклеек или объявлений. Столы одинаковые, словно близнецы. Нет ничего, на чем мог бы остановиться взгляд. Ничего запоминающегося. Слово призрак. Город — привидение.

— Майкл!

Она стояла посреди зала, раздираемая противоречивыми желаниями. Ей хотелось идти к Майклу, схватить его за руку и вытащить отсюда. Из этого кафе. Из этого города. Но как только она сделала шаг вперед, желудок снова начал бунтовать.

— Майкл!

— Иду!

Он появился из дверей кухни в волнах чудовищного смрада, согнувшись под грузом добычи. «А он молодец!» — подумала Анна. Майкл подошел к ближайшему столу и положил на него свою ношу. Она состояла из семи двухлитровых и полудюжины маленьких бутылок питьевой воды «Ниагара».

— Ф-фу! Ты как?

— Хорошо. Майкл, нам надо уходить отсюда!

— Почему?

— Здесь что-то не так. Очень-очень не так!

— Не так? Что не так?

Анна пожала плечами.

— Посмотри вокруг.

Майкл огляделся.

— Я ничего не вижу. О чем ты?

Анна глянула на него с сомнением.

— Давай пойдем к машине.

— Но...

— Просто, давай пойдем к машине. Ладно?

— Ну хорошо.

Майкл собрал бутылки и прижал к себе. Анна вышла на улицу и быстро пошла по направлению к машине. Он с трудом поспевал за ней. Идти было трудно, гладкий пластик так и норовил выскользнуть их рук.

«Интересно, куда все подевались? И вообще, был ли тут кто-нибудь? Это место выглядит таким... отполированным. До появления пустоши люди здесь, без сомнения, жили. Об этом говорит хотя бы наличие еды в ресторане. Пусть она давным-давно протухла, но она была и в довольно большом количестве».

Майкл не знал, что происходило с людьми в городах, накрытых пустошью. Никто этого не знал. Райдеры ездили только в Кубу, которая странным образом избежала общей судьбы.

Еще до появления Пламера, военное начальство предприняло экспедицию к городку Чини Лейк. Он находился всего в пятнадцати милях к востоку от Санта Розита. Экспедиция состояла из двух машин: военного джипа и грузовика с катушкой бронированного геофизического кабеля. Они выехали рано утром и не вернулись. Единственное, что осталось от экспедиции — двадцать миль провода, который военные спустя сутки вновь намотали на катушку и увезли.

Позже, когда власть сменилась, Пламер рассказал Майклу некоторые подробности этой операции. По плану предполагалось, что экспедиция будет продвигаться с постоянной скоростью около сорока миль в час, каждые десять минут выходя на связь с кратким рапортом. Связь должна была осуществляться двумя способами: по радиии и с помощью кабеля. Примерно, через три часа, стало заметно, что сообщения по кабелю начинают запаздывать. Спустя пять часов, задержка составила уже двадцать минут. Когда прошло двенадцать часов с момента выезда, по радиии передали, что кабель кончился. На катушке его было двадцать миль. Одометры на джипе и грузовике показали одиннадцать. Кабель пришлось обрубить. Последний раз экспедиция вышла на связь спустя четырнадцать часов с момента отбытия. Передали обычную сводку: все в порядке, продолжаем движение. Больше никакой информации не было. Они словно растворились в пустоши, как и многие до них.

Пламер больше не предпринимал подобных попыток, несмотря на давление, которое на него оказывали. Майкл поддерживал его. Не имело никакого смысла рисковать людьми. Поговаривали, что НАСА пришлет автоматический вездеход, но это были только разговоры. Тайна осталась тайной.

Когда Майкл подошел к машине, Анна уже поджидала его, стоя у открытой пассажирской двери. Он сложил свою ношу у заднего колеса и распрямился, потирая спину.

— Тебе не кажется, что за нами наблюдают? — спросила Анна.

Он осмотрелся. Очертания домов чуть колебались в горячем воздухе. В остальном, город был совершенно неподвижен. Словно картина на стене. Только факт существования, и никакой жизни.

— Кто наблюдает?

— Не знаю. У меня такое чувство, что там кто-то есть.

— Жители?

Анна пожала плечами. Майкл глубоко вдохнул.

— Эй! — крикнул он. — Здесь есть кто-нибудь?

Анна подскочила быстро, как мангуста, и зажала ему рот рукой.

— Тихо! — зашипела она. — Ради бога, замолчи!

— Но ты сама сказала...

— Замолчи!

— Я не понимаю!

— Тихо!

Лицо Анны вытянулось и побледнело.

— Слышишь?!

Майкл осторожно отвел ее руку от лица и прислушался

Среди домов послышался тихий стук, как будто бросили камень.

— Да.

— Давай убираться отсюда!

— Я не уверен...

— Я уверена!

Звук повторился, теперь он сместился немного в сторону.

— Майкл!

— Ну хорошо! Хорошо! Открой дверь, я заброшу бутылки.

Анна открыла дверь, и Майкл начал загружать найденную воду. Пока он занимался этим, она, не отрываясь, смотрела на покинутые дома. Они отвечали молчанием.

— Садись.

Анна быстро юркнула на свое место.

Майкл в последний раз взглянул на городок. Он был такой тихий, такой безмятежный и такой неподвижный, как мертвое тело на столе в морге. Он занял свое место. И снова услышал этот звук. Он повторился несколько раз, и снова стало тихо. Что-то нехорошее было в нем. Майкл не мог понять, что именно, но звук заставлял его нервничать.

«Сабурбан» быстро поплыл по дороге, оставляя за собой легкое облачко пыли. Его белый силуэт начал колебаться, уменьшаясь с каждой секундой, пока не растворился в безбрежной равнине. Неожиданно густая тень между домами шевельнулась. Послышался тихий шорох, и снова стало тихо. Что бы это ни было, оно решило не преследовать пришельцев.

Прошло полчаса с тех пор, как Санта Ана скрылась из вида. «Сабурбан» уверенно продвигался на север, делая пятьдесят пять миль в час. В кабине царила тишина. Анна, смущенная своим необъяснимым страхом, молчала, не зная, что сказать. Наверно, Майкл считает ее ненормальной. Наверно, с ней трудно. Но Анна доверяла своему чутью и считала, что поступила правильно. Даже если им ничего не угрожает, в этих местах лучше проявить излишнюю осторожность. Но Майкл — это совсем другое дело. Ему нужно рациональное объяснение. А такого не было и не могло быть.

Анна посмотрела на экран сотового телефона. Тот был серым и безжизненным. Батарея полностью разрядилась, и зарядить ее в ближайшее время не представлялось возможным. Часы на приборной панели показывали шесть часов вечера. В подтверждение этого, солнце уже начало свой путь к закату.

— Майкл, ты не сердишься?

— Нет.

— Я знаю, но я действительно что-то почувствовала!

— Может быть, может быть.

— А что мы будем теперь делать?

Он вздохнул.

— В Санта Ана мы могли бы пообедать и переночевать. Теперь придется сделать все это на дороге.

— Да, наверное.

— Ты все еще хочешь ехать в Кубу немедленно?

— Не знаю. Вряд ли. Скоро начнет темнеть.

Майкл глянул на небо.

— Да. Есть еще кое-что.

— Что?

— Видишь, куда садится солнце?

— Да.

— Какая часть света там должна быть?

— Запад?

— Точно. А в каком направлении тогда едем мы?

Анна еще раз обернулась и посмотрела на солнце. Оно было почти позади них, немного левее. Если там запад, значит, они едут практически на восток.

— Восток, — сказала она.

— Точнее восток-северо-восток. А по карте мы должны ехать на северо-запад.

— Мы опять сбились с пути?
— Не знаю.
— Даже если так — если мы будем держать нужную скорость и ехать примерно в одном и том же направлении, мы должны рано или поздно добраться до границы пустоши.
— Теоретически.
— Что значит — теоретически?
Майкл повернулся к ней.
— Анна, я хочу, чтобы ты поняла одну вещь.
— Какую?
— Все, о чем мы говорим — это всего лишь возможность. Вероятность. Мы можем выбраться отсюда, а можем и застрять тут навсегда. Я считаю, что соотношение не в нашу пользу. Ты должна это понимать. Я не хочу, чтобы ты верила без оглядки.
— Я понимаю!
— Нет. Ты уверена!
— Я не уверена!
— Уверена! Ты просто не хочешь думать о неудаче!
— А почему я должна думать о неудаче?!
Майкл промолчал.

Спустя пару часов, он остановил машину. Анна разложила припасы на обочине, и они молча поели, глядя, как солнце опускается к горам. Равнина ничуть не изменилась — густая трава и кусты покрывали ее бледным рябым ковром, только подчеркивая ее пустоту. Это действительно была пустошь — никакой жизни, никакого движения. Только ветер. Слабый, чуть ощутимый на горячей коже.

Они решили выехать рано утром, чтобы иметь в распоряжении целый день. Верны их догадки или нет — завтра все должно было решиться. Анна ушла спать, а Майкл еще долго сидел и курил, глядя, как над горами далеко впереди восходит первая за эту ночь луна.

ГЛАВА 13

— Завяжи потуже.
— Попробую.
Анна затянула узел и изо всех сил дернула веревку.
— Сильнее не могу.
— Хорошо.
Майкл взял у нее свободный конец и принялся привязывать воду к одному из запасных баков.
Несмотря на адскую жару в кабине, Анна чувствовала себя почти хорошо — Майкл в порядке. Он стал прежним — тем самым, которого она встретила два дня назад. Скрупулезность его работы казалась ей лучшим признаком того, что все возвращается к норме. «Миллиметр здесь, миллиметр там», — вспомнила она слова Линды. — «Да. Именно так. Именно таким он и должен быть». Конечно, они оба изменились, и это уже не поправить, но пустошь не сломала их, лишь согнула, прижала к земле. «Пусть так, но у нас еще остались силы, чтобы бороться. И мы непременно победим!». Сомнений в этом не было. Один только вид Майкла, методично укрепляющего груз, заставил ее поверить, что все будет хорошо.

— Когда мы расскажем обо всем, нам никто не поверит, — сказала Анна. — Я и сама бы себе не поверила!

Майкл не ответил. Он несколько раз дернул веревку, и, оставшись недоволен, снова принялся натягивать ее.

— В детстве я любила фантазировать о разных удивительных местах. Я была то феей, то следопытом, то еще кем-нибудь, и каждый раз меня ждали приключения и подстерегали опасности. И знаешь, я всегда выходила победителем. Как просто это бывает в мечтах! И вот

теперь я на самом деле попала в одну из своих фантазий. Удивительно! Всю жизнь можно прожить и даже не подозревать о том, что места из наших снов и фантазий существуют на самом деле, и туда можно попасть, если свернуть на нужный проселок.

— Дай, пожалуйста, нож. Он в ящике справа.

Анна, не глядя, нащупала нож и передала его Майклу.

— Спасибо.

— Ты снова превращаешься в буку! — заявила она. — Ты меня совсем не слушаешь!

— Слушаю.

— Ну да!

Майкл отрезал лишний конец веревки и положил нож на место.

Анна следила за ним с деланным негодованием.

— Все закрепил? Миллиметр здесь, миллиметр там?

— Ты о чем?

— Не важно. Не обращай внимания. Я сегодня какая-то странная. Ты не заметил?

Он взглянул на нее и улыбнулся.

— Да. Сверх обыкновения!

— Ах ты негодяй!

— Тише, леди! Я все-таки ваш водитель!

Она игриво нахмурилась, глядя на Майкла сверху вниз.

— Ну, мистер водитель, можем ли мы ехать?

— Думаю, да. Прошу вас, мэ.

— Спасибо.

Опираясь на предложенную руку, Анна заняла свое место. Майкл еще раз быстро осмотрел машину, выискивая потенциальные проблемы. Слишком уж много случайностей произошло в последнее время — беспечность могла дорого стоить.

Не обнаружив ничего, способного внушить опасения, он кивнул и перебрался на водительское кресло. Двигатель «Сабурбана» взревел и заработал на холостых оборотах.

Анна пристегнула ремень и посмотрела на Майкла.

— Ну что?

Их взгляды встретились.

— С Богом!

Он нажал на газ, и машина двинулась вперед, туда, где горы подпирали ярко-синее небо.

— С какой скоростью мы будем ехать?

— Восемьдесят миль.

— А это не много? Помнишь, ты сам ругал Грантмахера за такую скорость!

— К черту Грантмахера!

— Наверное, он не такой уж и псих, как вы все думаете.

Майкл промолчал, и Анна продолжила развивать свою мысль.

— Если в пустоши скорость — это что-то вроде религии, он, пожалуй, самый благоверный из вас, райдеров. Может тебе стоит пересмотреть свою позицию? А Майкл?

Он не ответил. Машина продолжала набирать скорость.

— Майкл?

Анна нахмурилась.

— Ты не хочешь разговаривать? Только не говори, что ты уже забыл...

— Помолчи!

— Что?

— Помолчи!

— Почему я должна молчать?

— Ты говоришь глупости!

— А я так не считаю! Я действительно думаю, что Грантмахер прав! Возможно тут все

дело в суеверии. Ты решил, что определенная скорость бережет тебя здесь в пустоши, и не хочешь ничего менять. Но, если задуматься...

— Нет здесь никакого суеверия. Я опираюсь на опыт!

Анна проигнорировала его реплику.

— Мне кажется, что ты не правильно оцениваешь то, что здесь происходит. Ты уверен, что пустошь — это всего лишь место, пустая земля, где нет ничего, кроме странных капризов природы. А я думаю — она живая! Я удивляюсь, как ты сам этого не чувствуешь! Она может видеть и понимать. Может быть, стоит посмотреть на нее с этой точки зрения? Если она живая, можно попробовать говорить с ней. Попросить ее. Мы же не хотим от нее никаких даров, только проехать из одного места в другое. Я думаю, если она поймет это...

— О! Ты заговорила, как проповедник!

— Ничего подобного! Ты просто не понимаешь!

— Все я понимаю! Тебе нужен Бог, потому что ты к нему привыкла. Потому что на него всегда можно переложить свою ответственность.

— Вот уж неправда! Перед нами удивительное явление, которое невозможно объяснить ничем, что мы знаем. И оно хочет говорить с нами! Оно посылает нам все эти призраки в надежде, что мы поймем. Увидим то, что на самом деле очевидно!

Майкл сжал зубы. Проблема заключалась в том, что Анна была права. И, одновременно, ошибалась. Он много размышлял, стараясь объяснить себе, почему пустошь говорит с ним. Все то, о чем сейчас рассуждала Анна, приходило ему в голову, и он почти поверил в то, что пустошь, действительно, живая. Ну, почти поверил. На самом деле, Майкл больше склонялся к другому объяснению — религия. Бог, говорящий с ним, как много лет назад он говорил с Моисеем, блуждающим по пустыне. Он вел его, избранного из многих. Майклу нравилась эта идея — она была логична и тешила самолюбие. Существовала только одна проблема — все в нем восставало против слова «Бог». И он не мог понять почему. И не мог преодолеть этой странной враждебности. Вот и сейчас...

— Все это уже было, Анна. И ничем не кончилось.

— Не поняла.

— Год назад, в Санта Розита было около дюжины райдеров. Вначале, каждый носился, как мог. Кто-то исчезал, кому-то везло. Пустошь была разновидностью экстремального вида спорта до тех пор, пока не возник Греншо — лысый, с горящими глазами и дурной, как мартовский кот. Он говорил примерно то же, что и ты.

— Ну и что?

— Ему удалось заразить своими идеями остальных. Он проповедовал, что пустошь, это воплощение Бога у нас в Нью Мексико, что райдеры — это избранные, которых он хочет испытать, прежде чем сделает из них новых апостолов и прочее в том же духе. Мракобесие какое-то!

— А идея интересная.

— Да. Он пришел с этим ко мне и знаешь... Я стал первым апостолом его церкви. Сейчас даже вспоминать противно. Не понимаю, что на меня тогда нашло? Этот Греншо мог быть очень убедительным, а со мной он расстарался на славу. Да... Я прочертил Линию, и все мы ходили к ней молиться. Стадо идиотов. Но я действительно верил во что-то такое. Так бывает, когда страшно.

— И что случилось?

Майкл усмехнулся.

— Его церковь погубила бюрократия. Греншо стал выстраивать иерархию вокруг себя. Придумал обряды, посвящение — мы чуть не в бубны там били. Вобщем, я протрезвел и ушел от них. А через некоторое время свалили и остальные.

— Почему?

— Просто оказалось, что пустоши все равно, сколько раз ты ей поклонись и что скажешь. Если ты не осторожен, ты исчезнешь и все. И вся религия. Церковь Греншо не дала райдерам то, что они ждали — она не явила чуда.

— Но, Майкл, я говорю совсем о другом!
— Сколько угодно. Ты можешь верить во что хочешь, в конце концов, говорят, это свободная страна. Но я в эти игры не играю.
— Ну и хорошо!
— Вот и отлично!
Анна немного помолчала, рассматривая свои ногти.
— Майкл?
— Да?
— Наверное, я трусиха. Мне очень хочется верить во что-то хорошее.
— Ты молодец.
— Иначе очень страшно.

Дорога убегала вдаль, и ей не было видно конца. Горы по-прежнему маячили у самого горизонта, не приближаясь ни на дюйм. Как будто это проклятое место застыло.

Тишину прервал Майкл.
— Кажется, мы меняем направление.
— Что?
— Посмотри на солнце. Мы снова движемся на север.
Анна посмотрела. Солнце действительно сместилось и находилось теперь слева от них. Яркий свет слепил ей глаза.

— Да, ты прав. Раньше оно было впереди.
— Странно.
— Это хорошо?
— Думаю, да. Если считать, что нам надо на северо-запад, а раньше мы двигались почти на восток — это хорошо. Даже не верится.

— Это все потому, что ты не хочешь верить в хорошее.
— Я не люблю верить. Я люблю видеть.
— Ну, теперь ты видишь?
— Да.
— Значит у нас все хорошо?
— Похоже на то.
— Я всегда это знала!

Майкл немного расслабился и принялся тихо насвистывать. Анна достала воду и сделала глоток.

— Хочешь?
— Не откажусь.
Она передала ему бутылку.
— Майкл, может быть, это дурацкий вопрос, но мне интересно. Я слышала, как Чарли называл тебя Док. Почему?

Он улыбнулся.
— Я живу в деревне, а там человек, закончивший колледж, считается большим ученым.
— Ты окончил колледж?
— А что, не похоже?
— Нет. Ну... Нет.
— Я учился в Альбукерке в Политехническом. Получил степень бакалавра по математике.

— Здорово! Так вот почему ты так просто с этими цифрами!
— Спасибо.
— Знаешь, я ведь тоже там училась. Удивительно! А сколько тебе лет?
— Двадцать девять.
— Слушай! Мы могли там быть в одно и то же время!
— Да?

— Точно! Мы даже могли встречать друг друга!

— Не может быть! Я бы тебя запомнил!

— А я бы тебя нет!

— Почему?

Анна хихикнула.

— Ты похож на зубрилу. А их замечают только тогда, когда нужно достать задание по предмету.

— Ну спасибо!

— Не обижайся.

— Даже не подумаю.

— А ты знал Клауса?

— Такой маленький лысый человек? Вел предмет истории искусств?

— Точно!

— Конечно. Я ходил на его курс. Я записался туда, чтобы... Ну, не важно. Несерьезно все это было. Да, он умел влезть в душу!

Анна хихикнула.

— Признайся, ведь это он пристрастил тебя к Ван Гогу!

Майкл пригнулся к рулю и заговорил высоким задыхающимся голосом астматика.

— Я считаю, что Винсент Ван Гог является одним из ярчайших явлений в живописи девятнадцатого века!

Анна хихикнула.

— Точно! Просто вылитый! И каждый образованный человек...

Майкл подхватил, и конец фразы они произнеси хором.

— ... должен знать его великое искусство!

Они засмеялись.

— У меня дома, в Вермонте, тоже есть его репродукция.

— Как удивительно!

— У меня «Хижины».

— Не самая удачная работа на мой вкус.

Анна шутливо ткнула его в плечо.

— Гадкий!

— Вовсе нет. Просто я разбираюсь в искусстве.

— Ха! Тоже мне математик-искусствовед.

— А что?

— Да так. Между прочим, когда я тебя первый раз увидела, то решила, что ты бухгалтер!

— А я подумал, что ты одна из тех психованных богатых особ, которые суют нос во все щели!

Они снова засмеялись.

— А ведь все не так. Правда?

— Да.

— Жизнь — очень странная женщина. Она забросила нас в разные концы страны, а потом снова свела в том месте, которого не может быть. Как ты думаешь, это может оказаться случайностью?

— Ты во всем хочешь найти смысл.

Анна посмотрела на него и улыбнулась.

— Я не об этом. Но ты прав. Хочу. Я всегда хочу найти смысл.

Они продолжали болтать, а машина пожирала колесами дорогу, унося их все дальше и дальше.

— Что-то вокруг изменилось, тебе не кажется?

Майкл пожал плечами.

— Я ничего не вижу.

— Посмотри на кусты.

Окружающий пейзаж был настолько однообразным, что действовал, как гипноз. После нескольких часов созерцания его, взгляд настолько привыкал, что появившись на обочине голландская мельница, ее можно было и не увидеть. Кусты, о которых говорила Анна, были частью этой монотонной картины, и сначала Майкл не мог понять, о чем она говорит. И только несколько секунд спустя он понял и сразу насторожился.

Эти кусты, невысокие, примерно фута два, раскачивались на ветру, словно кланялись проезжающей мимо машине. Раньше они были неподвижны.

Майкл осознал и еще одну вещь — им стало труднее говорить. Завывание ветра в окнах сделалось сильнее, будто поворачивали ручку громкости у радио. Медленно-медленно, очень незаметно.

— Странно.

Машина слегка качнулась на рессорах, будто чья-то невидимая рука мягко подтолкнула ее в сторону. В окно ворвался порыв ветра, подхватил волосы Анны и разметал их в стороны. Она тряхнула головой и стала собирать рассыпавшиеся локоны.

«Сабурбан» снова качнулся.

— Кажется, становится ветрено.

Майкл нахмурился.

— Почему-то мне это не нравится!

Открытия сыпались одно за другим. Утром, когда они только начали путь, дорога просматривалась на несколько миль вперед. Воздух был настолько чист и прозрачен, что, казалось, его нет вовсе. Теперь видимость уменьшилась. Далеко впереди собирался мутный желтоватый туман, в котором очертания гор растворялись, словно в воде. Небольшие вихри кружили по обочине, превращаясь в крошечные смерчи. Они мчались вперед, легко перегоняя «Сабурбан».

— Что за чертовщина?

— Может, сбросим скорость? — спросила Анна. — Мне страшно.

Очередной порыв ветра принес с собой песок, мелкий, как пыль. Она закашлялась. У Майкла заслезились глаза. Они одновременно нажали на кнопки, и окна закрылись. Стало значительно тише.

— Похоже, там впереди ураган. Только этого нам не хватало!

Майкл немного отпустил педаль газа, и стрелка спидометра сползла до шестидесяти миль в час.

Ветер свирепствовал по обе стороны дороги. Он яростно раскачивал кусты, прижимая их к земле. Трава стелилась и колыхалась волнами, словно большая желто-бурая река. Майкл взглянул на небо. Сквозь тонкую пелену песка, оно казалось каким-то грязным. Солнце все еще ярко светило, и не было видно ни одного облачка. Даже намек. По дороге проносились песчаные змейки.

Сильные порывы ветра то и дело ударяли по машине, и Майклу пришлось еще сбросить скорость.

— Странный ураган, — сказал он. — Нет ни единой тучи, ни единого облака. Откуда он взялся?

Анна не ответила. Она смотрела вперед, пытаясь увидеть, что ждет их там.

Видимость ухудшилась. Теперь дорога просматривалась только ярдов на пятьсот. Они словно попали в туннель — впереди все было скрыто сплошной серой пеленой. Машина поскрипывала и раскачивалась, и Майклу пришлось переключить все свое внимание на управление, чтобы не вылететь с дороги. Завывания ветра были слышны даже сквозь закрытые окна.

На обочине стали быстро появляться проплешины, в которых была видна лишь земля цвета меди. Сначала исчезли кусты, а потом стала пропадать и трава — ветер с корнем вырывал ее и швырял куда-то вперед. Островки ее летели, как огромные зеленые снежинки,

перегоняя «Сабурбан». Солнечные лучи с трудом пробивались сквозь сплошную завесу песка, как-будто на землю опустились сумерки. Майкл включил фары. Машина продвигалась вперед окруженная густым облаком пыли. Песок сыпался со всех сторон, проникая повсюду, просачиваясь в мельчайшие щели. Завывания ветра превратились в громкий устойчивый гул. «Сабурбан» бросало из стороны в сторону, и Майкл сбросил скорость до тридцати миль в час.

— Мне это очень не нравится! — прокричал он. — Там впереди что-то чертовски большое!

— Может быть, повернем назад?

— Еще немного, и мы так и сделаем.

Обочина полностью лишилась растительности. Ветер отполировал землю, словно ножом срезав все неровности. Он рычал и бил тяжелую машину, бросая ее из стороны в сторону, словно игрушку. Он как будто пробовал силу, стараясь оторвать ее от дороги и швырнуть к самому солнцу.

Неожиданно сплошная мгла впереди расступилась, как будто открылся коридор ярдов триста в длину, и в конце этого коридора что-то было. Что-то страшное.

Майкл надавил на тормоз. Машина стала нехотя замедляться, неумолимо подбираясь к этому исполинскому Нечто, поджидающему впереди.

— Боже мой, Майкл! Это же луна!

Перед ними раскинулся огромный кратер, не меньше двух миль в диаметре. Он, словно гигантский насос, затягивал в себя воздух и пыль, собирая их в исполинскую воронку. Земля в нем была серой и безжизненной. Дно покрывала россыпь кратеров меньшего размера, как будто от луны отломили кусок и бросили здесь посмотреть, что получится.

Машина остановилась. Потом снова дернулась и стала медленно подползать к краю. Ураганный ветер плавно поворачивать ее вокруг оси.

— Боже мой, нас затягивает внутрь! — закричала Анна, стараясь перекрыть рев ветра. — Нас затягивает, Майкл!

Он казался замороженным раскинувшимся впереди зрелищем. Там находилось то, чего просто не может быть. Кратер ревел, как голодное чудовище, пришедшее откуда-то из глубин космоса и желающее проглотить все: камни, траву, людей, горы и солнце. Он жадно пожирал пространство вокруг себя. Кусок дороги впереди начал медленно оседать, и по покрытию побежали трещины. Их сеть быстро сгущалась, ураганный ветер выхватывал куски земли и асфальта и со скоростью пули швырял их прямо в кратер. Через пару секунд примерно десять ярдов шоссе и прилегающей равнины исчезли, как-будто испарились.

Это зрелище привело Майкла в чувство. Он рванул ручку переключения передач и нажал на газ. Колеса закрутились на месте, пытаясь сцепиться с дорогой. Машина дернулась, потом остановилась и снова поползла к обрыву. Майкл приотпустил сцепление, заставив колеса вращаться медленнее, и добавил газу. «Сабурбан» нехотя пополз задним ходом.

Анна молчала и круглыми глазами смотрела вперед.

А там царил ад. Небо и земля слились и превратились в сплошной круговорот песка и пыли. Машина рывками отступала, дюйм за дюймом отодвигаясь от обрыва. Майкл постепенно поворачивал ее параллельно ветру, стараясь уменьшить парусность. Пару раз колеса проскальзывали, и «Сабурбан» снова подползал к обрыву. Каждый раз при этом Анна вскрикивала и закрывала глаза. По лицу Майкла катился пот. От сильного напряжения разболелась шея, но он не обращал на это внимание. Снова и снова он ловил машину и толкал ее назад. Он спорил с ураганом, и любая ошибка могла стоить им обоим жизни. Снова и снова. Дюйм за дюймом.

Спустя десять минут этой кошмарной борьбы, Майкл понял, что выигрывает. «Сабурбан» отдалился от обрыва не меньше, чем на четыреста ярдов и теперь двигался ровнее. Пока они пятились, еще около двадцати ярдов дороги исчезли в пасти урагана. Рев ветра начал понемногу стихать. Майкл оторвал одну руку от руля и вытер ее об рубашку. Потом вторую. Пот стекал по лбу и подбирался к глазам. Майкл каждый раз тряс головой,

разбрызгивая вокруг холодные капли. Скоро кратер исчез из виду, скрытый стеной пыли.

Через двадцать минут Майкл остановил машину и прижался лбом к рулевому колесу. «Сабурбан» стоял на месте крепко, как скала. Ветер, все еще достаточно сильный, уже не мог сдвинуть его с места.

— Господи, Майкл! Это просто... как окно в ад!

Он поднял голову.

— Черт! Да там внутри вакуум! Я не понимаю, как такое возможно, но там вакуум. Мы чуть было не попали в шланг огромного пылесоса!

Анна посмотрела на него и попыталась улыбнуться. Улыбка не удалась.

— Что мы будем делать?

— Убираться отсюда!

Он осторожно развернул машину, направив ее в противоположную сторону.

Они возвращались.

ГЛАВА 14

В кабине был слышен лишь тихий гул колес и работающего двигателя. Машина слегка подрагивала на неровностях дороги, уносясь прочь от опасности в пустое и бездушное пространство равнины. Надежда осталась позади и с каждой минутой становилась все дальше и дальше.

Майклу стало стыдно. Это чувство замаячило на периферии сознания, то стихая, то вновь заполняя собой все мысли. Он не должен был позволять себе надеяться. Как ребенок, он резвился и шутил, успокоенный уверенностью в успехе. Настолько поверил в него, что не допускал ни малейшего сомнения в том, что все получится. Как он мог? Такая глупость!

Сколько раз Майкл говорил другим, что эмоции в пустоши губительны. Сколько раз видел сам, как не возвращались райдеры, поддавшиеся страху или, наоборот, желавшие получить острые ощущения. Эмоции застилают глаза, они меняют картину мира, и уже невозможно отличить то, что хочешь увидеть, от того, что есть на самом деле. И вот он сам попался на этот крючок. Хорошо еще, что хватило хладнокровия вырваться из ловушки.

Майкл размышлял, но не находил никакого объяснения тому, что видел. Мало кто мог похвастаться таким же опытом пребывания в пустоши, но теперь это не имело никакого значения. Он давно вышел за границы своего опыта. Все, что происходило после того, как машина остановилась, не имело никакого объяснения. Слишком дико, слишком много. Любые попытки осмыслить, систематизировать новое знание, найти какие-то закономерности приводили лишь к головной боли. В конце концов, он всего лишь студент-недоучка. Здесь нужны настоящие ученые.

Майкл всегда принимал пустошь такой, какая она есть. Ему казалось, что он начал понимать ее, что научился чувствовать — как он ошибался! То, что он видел, было лишь вершиной огромного айсберга. Странное место, непонятно откуда взявшееся. Держи скорость, и все будет О'кей! Остановишься — и конец! Тогда он не знал, что это всего лишь начало.

«...Я покажу тебе творение не человека...».

«Как много я пропустил, проносясь на скорости шестьдесят пять миль в час? Как много ты скрыла от меня? Что там, за твоей пустотой? Что ты есть?».

— Я не верю, — тихо сказала Анна. — Я уже не верю, что мы сможем отсюда выбраться.

Ее слова вернули Майкла на землю. Он посмотрел на датчик топлива. Один из дополнительных баков опустел, второй был полон на треть. Вот о чем надо сейчас думать

— Мы должны вернуться в Санта Ану.

— Зачем?

— У нас кончается топливо. Надо заправить машину.

Анна усмехнулась. Всклипнула. Покачала головой.

- Там нет электричества.
- Как-нибудь справлюсь.
- Майкл, нам не выбраться отсюда.
- Посмотрим.

Анна стукнула кулаком по панели перед собой. От неожиданности Майкл вздрогнул.

— Нет! Это ложь! Отсюда нет выхода! Она не хочет нас отпускать, разве ты этого не видишь?

- Я в это не верю.
 - Я теперь ни во что не верю! Глупо было надеяться.
- Майкл крепко сжал руль.
- У нас есть машина. У нас есть пища и вода! Ясно? И пусть все катится к черту!

Анна не ответила. Отвернувшись, она вытерла слезы и стала смотреть в окно.

— Я что-то вижу. Указатель! Мы подъезжаем.

Анна посмотрела на встроенные в приборную панель часы. Половина шестого вечера. До захода остается не так много времени.

Майкл чуть увеличил скорость, доведя ее до семидесяти миль в час. Указатель быстро приближался. Через пару секунд он разглядел надпись на нем:

«Санта Ана. 2 мили».

Знак промелькнул и исчез из вида. Машину вновь окружила однообразная равнина. Такая же, как вчера, как будто ничего не было. Как будто они не отправлялись утром в путь, полные надежд и радостного ожидания. «Мы попытались сойти с проторенной для нас дороги, и теперь нас вернули обратно», — подумал Майкл. — «Сука! Еще ничего не кончено!».

Увидев впереди неясный силуэт городка, он сбросил скорость до шестидесяти. Анна безучастно смотрела вперед; казалось, ей было все равно. Она потеряла цель, и теперь любое направление равнозначно. Она стала грузом, еще одним предметом на борту «Сабурбана».

На границе пуэбло Майкл передвинул рычаг передач в нейтральное положение и нажал на тормоз. Автомобиль ворвался в город и, плавно тормозя, поехал к центру. Через несколько секунд они остановились.

Майкл отстегнул ремень безопасности.

— Если не хочешь — не выходи, — сказал он. — Я сам все осмотрю.

Анна повернулась к нему.

— Нет. Я пойду с тобой!

— Хорошо.

Санта Ана пребывал в том же спокойном неподвижном состоянии, что и вчера. Несколько минут они стояли тихо, прислушиваясь, ожидая услышать тот самый звук, который так напугал их в прошлый раз. Их окружала тишина, ничто не нарушало молчание пустого городка.

— Может быть, нам почудилось? — предположил Майкл.

Анна покачала головой.

— Нет. Мы что-то слышали. И я уверена, это что-то до сих пор здесь!

Майкл пожал плечами.

— Сейчас тихо.

— Пока.

— Мы можем взять в кафе ножи.

Анна усмехнулась.

— Я не очень представляю себя размахивающей ножом. Если ты сможешь им

воспользоваться — возьми. Я не буду.

— Ладно, хрен с ним! Пошли, поищем заправку.

Они двинулись вдоль шоссе, глядя по сторонам. Казалось, ветер стал чуть сильнее. А может быть и нет. Может быть, только казалось. «Если эта штука продолжит расти», — подумал Майкл, — «рано или поздно она доберется сюда. А потом пойдет дальше. Может быть, даже выйдет за пределы пустоши. В таком случае, храни их всех Бог!».

Они прошли мимо того самого кафе, где вчера раздобыли воду. Оба инстинктивно повернулись в другую сторону — воспоминания были еще слишком свежи. Но если бы они посмотрели, то наверняка бы заметили на тонком слое песка, покрывшего дорожку перед входом, следы. Странные, похожие на точки в вершинах равностороннего треугольника, отпечатки. Три полукруглых углубления. Следы начинались чуть в стороне от входа, выходили на дорожку и исчезали около двери.

Заправку они обнаружили у самого выезда из города. Майкл подошел к колонкам и убедился, что ни одна из них не работает. Этого следовало ожидать.

— Не работают, — сказал он.

— И что же нам делать?

— Откроем крышку резервуара и откачаем прямо оттуда. Надо посмотреть в офисе — у них должен быть какой-нибудь шланг.

— Я с тобой!

— Хорошо.

Они вошли в здание, где размещалась каморка заправщика и маленький магазинчик сувениров. Как почти везде в Санта Ана, здесь царил идеальный порядок. Все предметы были аккуратно расставлены на полках, словно хозяин только минуту назад отошел и сейчас вернется, чтобы заняться покупателями.

Майкл обошел прилавок. За ним он увидел небольшую дверь, зажатую с двух сторон полками. Она была приоткрыта.

— Я посмотрю там, — сказал он.

Анна кивнула. Рядом с ней оказалась вращающаяся стойка с открытками, которые любят покупать останавливающиеся на заправке туристы. Пара видов маленького пуэбло, чтобы можно было сказать друзьям: «Да, конечно, я там был по дороге в Лас Вегас. Глухомань, но местечко симпатичное!».

Она подошла к стойке и стала рассматривать картинки. На всех были виды Санта Ана. Вот фотография приземистого глинобитного дома, рядом с которым стоит индейская семья. Отец, мать и два ребенка: мальчик и девочка. У входа в дом тотемный столб. Анна не узнала место, тотемных столбов они еще нигде не видели. Была там и открытка с тем самым кафе. Рядом с входом стоял пикап, из которого выбирался человек. Старая женщина в традиционной одежде сидела на стуле у двери и курила короткую трубку. Идиллическая картинка из жизни индейской глубинки Нью Мексико. Но что-то нарушало эту идиллию, что-то было не так. Анна нахмурилась, внимательно глядя на фотографию. Вроде бы, все правильно: двустворчатая дверь, выцветший на солнце навес, вывеска на двух цепях. Да — вывеска! Она казалась как будто длиннее, почти на всю ширину входной двери, а раньше... Анна прочитала надпись и почувствовала, как у нее похолодели пальцы. «Остановись и подкрепись!». Она была уверена, что вчера на вывеске было другое. «Дорожное кафе» или «На дорожку» — что-то в этом роде, но никак не «Остановись и подкрепись!». Анна убрала открытку в карман. Надо показать ее Майклу.

Нашлись на стойке и открытки с видами равнины. Правда, пейзаж на всех был таким одинаковым, что трудно было понять, такой ли он на самом деле, как снаружи. Анна взяла одну и добавила ее к открытке с кафе.

Она нагнулась вниз, туда, где была полка с бусами и другими поделками местных умельцев, и вдруг услышала шорох. Тот самый тихий шорох, что преследовал их вчера. Она замерла, не решаясь пошевелиться. По звуку нельзя было определить направление, казалось, он шел одновременно отовсюду. Анна судорожно сглотнула. Такой звук мог издавать

человек, идущий на костылях. Двойной сук и шарканье. Затем секундное затишье. Потом снова.

— Майкл? — тихо сказала она, скрючившись на корточках за полкой. — Майкл!

Он не ответил. Теперь ей показалось, что звук доносится откуда-то спереди, и, вроде бы, приближается. Там, впереди, находился Майкл. Анна огляделась, но, кроме полок и крутящихся стенов, ничего не увидела.

— Майкл?

И снова нет ответа. Только тихое: тук, тук — ш-ш-ш-ш, тук, тук — ш-ш-ш-ш. Анна почувствовала, что готова закричать. Почему Майкл молчит? Он не мог ее не услышать. Он все еще там? А что, если он исчез? Пропал! И она тут одна. Совсем одна, наедине с этим ужасным...

Тук, тук — ш-ш-ш-ш!

Тихо скрипнула дверь. Анна наклонилась и выглянула из-под полок. В узком, погруженном в тень проеме между стойкой и стеной магазина что-то шевельнулось.

Тук, тук...

Словно змея. Что-то тонкое и длинное. Оно медленно продвигалось по направлению к ней, словно не уверенное в собственных намерениях. Анна застыла, парализованная страхом. В голове, словно испуганные птицы, замеслось множество мыслей. «Майкл пропал! Оно схватило его! То, что издает этот звук! И теперь оно идет к ней! Господи! Некому помочь! Майкл пропал! Что делать? Боже мой, что делать?». Неожиданно существо в проходе подалось назад. Анна с трудом проглотила комок в горле, и в ту же секунду оно одним змеиным броском рванулось ей навстречу. Анна закричала.

Хлопнула дверь. Майкл выскочил из подсобки и, одним прыжком перелетев через прилавок, упал рядом с ней. Анна была бледна, как бумага и кричала. Он схватил ее и прижал к себе.

— Тише, тише! — быстро заговорил он. — Что случилось? Скажи мне! Тише!

— Майкл! О, Майкл! — простонала Анна и указала ему на проход.

Он посмотрел туда, и Анна почувствовала, как сразу напряглись его мышцы.

В проходе лежал конец черного резинового шланга, который Майкл нашел в подсобке. Больше ничего.

— Там ничего нет!

— Майкл, прости меня! Я так испугалась! Я подумала, что... Что...

Она захлебнулась словами и замолчала.

Майкл немного посидел, прижав ее к себе, и покачивая, словно ребенка. Она вцепилась руками в его рубашку и, не мигая, смотрела круглыми глазами на шланг. Постепенно дрожь стала затихать: Анна успокаивалась. Через минуту, она смущенно отстранилась от него и села, обхватив локти ладонями.

— Я в порядке, — сказала она. — Все в порядке. Извини.

— Ничего.

Он поднялся на ноги.

— Пойдем.

Захватив шланг, они вышли к колонкам. Две крышки подземных резервуаров находились чуть в стороне. На одной из них было написано «Супер», и висел замок.

— Черт! — выругался Майкл. — Замок!

— Ключи, наверное, в конторе, — сказала Анна.

— Да, ты права. Я...

— Да. Сходи, я подожду здесь. Мне не очень хочется снова возвращаться туда.

— Ты уверена?

— Да, вполне. Я в порядке.

— Точно?

— Да. Иди, Майкл, со мной все будет хорошо.

— Я быстро!

Майкл снова скрылся в магазинчике. Все еще тихо всхлипывая, Анна села на бордюр, опоясывающий колонку, и вытащила открытку. С того места, где она сидела, была видна часть долины. Она внимательно изучила открытку с видом на равнину, пытаясь запомнить, что там изображено. Потом посмотрела вдаль. Ничего, никаких отличий. Но, может быть... Она почувствовала, как слезы вновь наполняют глаза. Нет, хватит! Она стала в полголоса напевать, стараясь заглушить свой страх. Наверное, в глазах Майкла она выглядела истеричкой. Ну и пусть! Больше она не будет кричать! Анна еще раз внимательно посмотрела на открытку. Что-то наверняка не так. Надо просто увидеть.

Майкл рылся в ящике стола под кассовым аппаратом, когда снова услышал крик. Он раздраженно сжал губы. «Надо было взять ее с собой!» Он уже собрался задвинуть ящик, но в последний момент заметил в дальнем углу связку с ключами.

— Майкл!

— Я иду!

Он потянул связку на себя, но кольцо зацепилось за что-то, и ключи выскользнули у него из пальцев.

— Черт!

— Что...? Ааааа!

— Иду!

Он еще раз дернул связку, и снова безуспешно. Майкл склонился над ящиком и заглянул внутрь. Кольцо ключей оказалось накинутым на маленький гвоздь, вбитый в дно ящика и загнутый, на манер крюка. Чертыхнувшись, он потянул ключи вверх.

— Ааааааа!

От этого отчаянного крика, у Майкла похолодело внутри. Похоже, что-то случилось! Боже — действительно случилось!

— Черт, ну давай же!

Кольцо упорно не желало сниматься с гвоздя. «Я теряю время! Теряю время! Почему она замолчала?». Он схватил ключи и изо всех сил дернул на себя. Гвоздь выскочил, и связка оказалась у него в руках. Он быстро сунул ключи в карман и побежал к двери.

— Я иду!

Низкое солнце на секунду ослепило его, а, когда зрение вернулось, вокруг никого не было. У одной из колонок валялась открытка. Он огляделся по сторонам, но увидел лишь темные молчаливые дома пуэбло.

— Анна! Анна, ты где?

Ему ответило только тихое шуршание ветра. И больше ничего.

Анна исчезла.

ГЛАВА 15

Линда осторожно отодвинула от себя микрофон, все еще не веря в то, что произошло. Целый час она пыталась связаться с Майклом и Анной, но рация отвечала ей только бессмысленным шумом. Что с ними случилось? Неужели и они тоже... Нет! Даже думать об этом нельзя! Но почему они молчат? Почему молчат?

То, что она услышала час назад, озадачило и испугало ее. За время, которое она провела у рации, переговариваясь с райдерами, она слышала много, чертовски много такого, что она предпочла бы никогда не слышать. Но в последнее время все было хорошо. И она уже начала забывать, как это бывает. И вот теперь — крики, ругательства Майкла, рев двигателя и сигнал клаксона. Очень громкий сигнал. Слишком громкий! Такой может быть установлен на большой машине. У «Сабурбана» он совсем другой. Они попали в аварию? Но откуда там взялась машина? Кроме Майкла, там никого не могло быть. Ни военных, ни

местных. А если это кто-то из Кубы? Нет, это невозможно! Но тогда кто? Ради бога, кто? Что за машина оказалась там?

Как и многие в Санта Розита, Линда свято верила в неуязвимость Майкла. Еще никому не удавалось ездить по пустоши так долго. Казалось, Майкл нашел какую-то волшебную палочку. Какой-то способ быть в стороне от опасности. Его много раз спрашивали о нем, но он только пожимал плечами и говорил: «Будь внимателен к мелочам и не психуй. Это все, что ты можешь сделать. Остальное — удача!». О! — удача была благосклонна к нему, как к тем немногим своим любимчикам, которые не знают, что такое невезение, и с рождения обеспечены бесплатной страховкой. Линда верила, что Майкл из их числа. Верила до сегодняшнего дня.

Анна! С ней с самого начала были неприятности. Как будто она заразила их невезением, которое привезла с собой. Наверное, это из-за нее удача отвернулась от Майкла. Не надо ему было брать ее с собой! Не важно, какие там у него мотивы, в первую очередь нужно было думать о себе!

Линда боялась верить в то, что случилось. Из последних сил, подсознательно цепляясь за какую-то соломинку, она сидела в офисе перед рацией и застывшими глазами смотрела на пульт. Медленно ползли минуты. Она пыталась связаться с ними снова и снова, но эфир был пуст. Никакого ответа.

Около десяти вечера в офис пришел Чарли. Одного взгляда на сестру было достаточно, чтобы понять, что случилось. Он подошел к ней и положил руки ей на плечи.

— Насколько плохо?

— Очень плохо. Вот, я записала полтора часа назад.

Она включила магнитофон.

Треск помех, какой-то невнятный шум. Потом голос Линды: «Майкл! Это Линда. Уже половина восьмого. Почему ты не выходишь на связь? Майкл, у тебя все в порядке?». Голос, прозвучавший в ответ, заставил Чарли вздрогнуть. Он был одновременно и похож и не похож на Майкла. Он звучал испуганно, раздраженно и как-то... растерянно. «Линда, это Майкл...», — начал он, но не успел закончить фразу, остаток слов утонул в адском шуме. Как-будто проснулось доисторическое чудовище. Шум нарастал в течение нескольких секунд, а потом оборвался. Стало слышно, как взревел двигатель «Сабурбана» и еще какой-то странный гул. Низкий и громкий. И он приближался. И снова голос Линды: «Майкл, что там у тебя? Что это за звуки? Майкл!». Рев в эфире достиг апогея, потом послышался визг покрышек и странные звуки, как будто кто-то выбивает пыль из ковра. Потом все смолкло. Остался только треск помех.

Линда выключила запись.

— Что это, черт возьми, было? — спросил Чарли, садясь на стул рядом с ней.

— Клаксон, — ответила Линда. — Я прокрутила запись раз двадцать и уверена, что это был клаксон.

— Больше похоже на ревун — как на кораблях.

— Да.

— Там был еще какой-то странный звук. Ты думаешь...

— Да. Мне кажется, там была вторая машина. Большая машина. Грузовик.

— Краучеры?

— Нет, они здесь. Никто кроме Майкла сегодня не выезжал.

— Машина, — озадаченно повторил Чарли. — Кто это мог быть?

— Не знаю. Я еще несколько раз пыталась с ними связаться, но без толку. Они молчат. Чарли взъерошил волосы и так и остался сидеть, обхватив руками голову.

— Когда они должны прибыть в Кубу?

— Около полуночи.

Он опустил руки и встал.

— Тогда будем ждать.

— Чарли, — Линда посмотрела на него испуганно. — Может быть, послать кого-

нибудь за ними? Краучеров?

— Нет. Уже темно. Хватит нам Майкла.

— Так что же? Ждать до утра?

— Я не вижу другого выхода.

Неожиданно Линда закрыла лицо ладонями и расплакалась. Чарли положил руку ей на плечо, собираясь что-то сказать, но передумал. Вместо этого он тяжело поднялся со стула, как будто сразу постарел лет на сорок, подошел к электрическому чайнику и включил его. Предстояла длинная ночь.

Сидя в холодном офисе и поглощая чай чашку за чашкой, они ждали. Каждые четверть часа они выходили на связь, снова и снова вызывая Майкла, но безуспешно. Он не откликался. Линда непрерывно курила, и в комнате клубился густой сигаретный дым. Они ждали полуночи, словно это была некая пограничная черта, после которой предполагаемая беда станет реальной. Несмотря ни на что, ни на какие здравые рассуждения, Линда была почти уверена, что они выйдут на связь. Может быть, у них сломался передатчик. Всего лишь передатчик.

Но и в полночь эфир молчал.

И в четверть первого.

И в половину.

В час ночи Чарли уехал домой. Вернулся он спустя полчаса с двумя одеялами и пищей. Они закутались, спасаясь от ночной прохлады, и продолжали свое ночное бдение, вызывая Майкла каждые четверть часа.

Около четырех утра Линда задремала. Чарли осторожно вытащил у нее из пальцев наполовину докуренную сигарету и загасил ее в пепельнице, прибавив к внушительной горе окурков. Сняв с себя одеяло, он подложил его Линде под голову. Она слабо пошевелилась, но не проснулась. «Хорошо, — подумал Чарли. — Пару-тройку часов она не будет ни о чем думать». Он с жалостью посмотрел на сестру. Погано — ой, до чего погано! Линда уже потеряла жениха в этом проКлятом месте. Пусть это было давно, но она до сих пор не приняла, не смирилась с этим. Время немного приглушило боль, но не смогло стереть до конца. Чарли каждую минуту чувствовал ее. Видел эту боль в глазах сестры, в каждом жесте, в каждом слове. Она скрывала ее, но он слишком хорошо знал Линду, чтобы не замечать ее страданий. А теперь Майкл. Чарли не понимал почему, но тот был утешением для Линды. Майкл в норме, и она в порядке. Чарли знал, что сестра не рассматривала Майкла, как замену Бенни. Здесь было что-то другое, что-то выше его понимания. И вот теперь он исчез, сгинул так же, как полтора года назад Хорек. В том, что он не вернется, Чарли не сомневался. Что же теперь будет с Линдой? Как она справится? И справится ли?

Чарли включил рацию и снова стал вызывать «Сабурбан».

Линда проснулась без десяти семь утра. Она медленно подняла голову и неуверенно осмотрелась вокруг, как будто не понимая, что происходит. Отпечаток одеяла на ее щеке горел, словно след от пощечины. Ее глаза встретились с глазами брата. Линда резко выпрямилась, поморщившись от боли в затекшем теле.

— Я заснула, — сказала она.

— Да.

— Почему ты не разбудил меня?

— Тебе надо было отдохнуть. С рацией я и сам справлюсь.

— Все равно, ты...

Она провела рукой по волосам.

— Ничего?

— Ничего.

— Сколько времени?

— Почти семь.

— Надо ехать к Краучерам.

— Ты не хочешь сначала позавтракать?

— На это нет времени.

Утренний Санта Розита был пуст и молчалив. За всю дорогу они не встретили ни одной машины. Даже военных не было видно. Линда, бледная и испуганная, сидела рядом с братом, но мысли ее носились где-то очень далеко. Она знала, что шанс найти Майкла практически равен нулю. Еще никому не удавалось разыскать пропавшего в пустоши райдера. Надежды не было. И все-таки она надеялась. Непонятно на что — на что-то. Она действовала потому, что не могла ждать. Если она останавливалась, ее начинали душить слезы. Нужно на чем-то сосредоточиться, что-то делать. Ей казалось, если они что-то предпримут, быстро — сейчас, пока еще прошло немного времени, у них есть шанс спасти их. Пустошь не должна получить новую жертву. Такую жертву.

Гораций Краучер, младший из братьев, возился на небольшой делянке у дома. Рожденные в фермерской семье, братья не смогли преодолеть в себе тягу к земле. За обширным гаражом они устроили аккуратное поле, где выращивали всего понемногу: лук, чили, картошку. Выращивали в основном для себя, но иногда их можно было увидеть на местном рынке, когда год выдавался хорошим, и урожай был обильным.

Гораций работал один. Завидев пикап, подъехавший к гаражу, он отложил лопату и, прикрыв рукой глаза от яркого солнца, стал рассматривать пришельцев.

— Привет, Гор! — крикнула Линда и помахала ему рукой.

Гораций поднял руку в ответном приветствии. Ему нравилась Линда. Она была хорошей, симпатичной девчонкой. Он воспринимал ее, как и все райдеры, словно боевую подругу, всегда готовую помочь и поддержать. Хотя Линда уже годилась ему в дочери, Гораций часто ловил себя на мыслях. Вполне определенных мыслях. Но дальше мыслей дело никогда не заходило. Да и зачем? У каждого мужчины есть мысли, но не каждая женщина из этих мыслей может принадлежать мужчине. Так устроен мир. И это не самый хреновый мир из множества возможных.

— Заходите! — крикнул он. — Калитка не заперта!

Линда и Чарли вошли. Гораций поздоровался с ними, и они уселись в тени дома на расшатанных деревянных стульях. Гораций закурил и подвинул на середину старую жестянку из-под бобов, которую использовал как пепельницу. Линда тоже закурила, делая частые глубокие затяжки.

— В этом году совсем плохой урожай, — пожаловался Гораций, глядя на свой огород. — Совсем не было дождей. Земля стала твердой, как камень. В девяносто восьмом было такое же лето, почти все посохло.

— Гораций, — сказала Линда. — Случилась беда.

Он вздохнул и сбросил длинный столбик пепла в жестянку. Потом посмотрел на Линду.

— Майкл?

Она кивнула.

— Он осторожный парень. Зачем ему понадобилось ехать ночью?

— У него был пассажир.

Густые брови Горация приподнялись.

— Пассажир?

— Да.

— Интересно.

— У нее в Кубе сестра. Она специально приехала сюда из Вермонта, чтобы разыскать ее.

— Вермонт? Далековато. Да... Люди волнуются за своих родных. Сколько народу пропало в этой нашей хренотени. И наш Майки согласился ее доставить?

— Да. Сначала он не хотел, но потом все-таки решил помочь. У нее случились проблемы с военными, и поэтому пришлось ехать под вечер.

Гораций кивнул.

— Проблемы. Конечно. Солдаты не любят чужаков. Они всегда нервничают, если еще не все опечатали. У отца в Колорадо была ферма...

— Гор, извини. Нам нужна ваша помощь.

— Вы хотите поехать за ним?

— Да!

— Линда. Я люблю тебя, как дочь родную люблю, но ты должна знать, что у них нет ни единого шанса. Сколько раз уже такое случилось. Это просто... Такая жизнь.

— Да, я знаю! Я все понимаю. Но я не хочу... Майкл был моим другом и вашим другом тоже! Нам надо попытаться помочь ему.

— За ним должны пойти военные.

— Нет! Мы не можем его подставить!

— Нас не выпустят. Дороги закрыты.

— Я поговорю с Пламером. Он разрешит.

Гораций с сомнением покачал головой.

— Образованный солдат — хуже любой напасти. Никогда не знаешь, чего от него ждать.

— Он меня поймет, я уверена! Но мне нужна ваша помощь.

— Когда пропал Майкл?

— Двенадцать часов назад.

— У нас почти нет топлива.

— На базе есть. Мы можем заправиться там.

Гораций осторожно откинулся на спинку скрипучего стула.

— Я вижу, ты твердо решила.

— Да! Твердо!

Гораций поднял жестянку и старательно загасил сигарету.

— Пойдемте в дом, ребята. Я свяжусь с братом. Он у Розы. Нам надо вместе это обмозговать.

Пока Гораций говорил с братом, Линда мерила шагами их маленькую гостиную. Несмотря на то, что почти не спала ночью и валилась с ног от напряжения, она не могла сидеть. Ожидание было невыносимым, казалось, что с каждой минутой вероятность найти Майкла становится все меньше.

Через пять минут Гораций вернулся.

— Брат будет здесь через четверть часа, — он посмотрел на мечущуюся по комнате Линду. — Я так понимаю, что вы еще не завтракали?

— Вы поможете нам? — спросила Линда.

— Думаю, да. Люди должны помогать друг другу. Особенно в таких местах, как это. Сдается мне, что и Хомер скажет то же самое.

— Спасибо!

— А ты, Чарли, что скажешь? Что-то ты все молчишь.

Чарли поднял голову. Он так устал, что с трудом мог соображать.

— Я? Я считаю, что мы должны попытаться. Честно говоря, я не смогу спать спокойно, зная, что мы даже не попробовали найти их.

— Да... В любом случае, спокойно поспать тебе удастся не скоро. Нехорошие игры вы затеяли, ребята. С этими пассажирами. Надеюсь, больше вам не захочется этого делать.

Чарли покачал головой.

— Лично мне, нет.

Линда виновато промолчала.

Гораций включил чайник.

— Пустошь меняется, — сказал он, глядя в окно на синюю полоску неба. — Она становится другой. Совсем не такой, как год назад. Там что-то происходит. Думаю, нам всем пора с ней завязывать, пока мы еще живы.

— Что ты имеешь в виду?

Гораций пожал плечами.

— Она меняется, — повторил он. — Сдается мне, скоро все эти хитрости Майкла перестанут действовать. Я так думаю.

Он насыпал в чашки растворимый кофе и залил кипятком.

— Вот, подкрепитесь пока.

— Гор, думаешь, Майкл знал, что там что-то не так?

— Не уверен. Он слишком... как эти с базы. Образованный. Наука хороша, но она слепит. Тут нужны не глаза или мозги — тут душой нужно видеть.

— И вы никогда не говорили с ним об этом?

— Почему не говорили? Был разговор. Мне кажется, он тоже что-то понимал, но, как это сказать, не верил самому себе. Я не лезу в чужие дела. Если он решил, что может ездить, это его дело.

Линда отпила кофе. Приятное тепло разлилось по телу и глаза тут же налились тяжестью. Она решительно мотнула головой, стряхивая сон. Не время спать!

Хомер оказался настроен более решительно, чем его брат. Неприятности Майкла, как он это назвал, должны расхлебывать те, кому положено, то есть военные. Гораций извинился и отвел его в сторонку.

— Не кипятись, брательник. Сдается мне, нам нужно поехать.

— Ты в своем уме, Гор, или перед девчонкой выпендриваешься?

— Ты меня послушай. Вся эта затея — ерунда. Все равно никого не найдем.

Он глянул в сторону Линды.

— Но им это важно. Давай, Хомер — прокатимся туда-сюда. И совесть будет спокойна. Мы столько раз это делали. Пожалей ребят.

Хомер задумчиво теребил воротник, обдумывая слова брата. «А ведь он прав. Что мы теряем? Просто обычная поездка. Все равно мы никого не найдем. Дело не великое».

Поспорив для порядка еще немного, они вернулись в гостиную.

— Хорошо, — ответил Хомер на немой вопрос Линды. — Если ты договоришься с властями, мы поедem.

Линда вскочила и обняла его.

— Спасибо! Вы настоящие люди! Мы поможем ему!

— Да, — проворчал Хомер. — Поможем. Это точно.

Линда ушла к рации, чтобы поговорить с Пламером. В гостиной было слышно, как она просит выпустить грузовик. Потом пауза. И снова ее голос. Она что-то быстро и возбужденно говорила. Снова тишина, и снова.

— Может быть, они и не согласятся, — предположил Хомер.

— Согласятся, — возразил Чарли. — Не самим же им ехать.

Гораций усмехнулся.

— Да уж. Даже они соображают, что туда лучше не соваться.

Он помолчал.

— Слушай, а у них с Линдой, случайно, не того? Ну, я имею в виду...

Чарли покачал головой.

— Нет. Они друзья. А Линда не бросает друзей.

— Так я и думал.

Линда отсутствовала довольно долго, и даже Чарли уже начал сомневаться, что ей удастся убедить Пламера. Когда она снова появилась в комнате, лицо ее горело от возбуждения.

— Он разрешил! — сказала она. — Сначала он хотел ехать сам. Но когда я передала ему слова Гора, он согласился. Сказал, что мы можем ехать на свой страх и риск. За нами помощь не пойдет. И еще сказал, что всерьез подумывает о том, чтобы запретить любые поездки гражданских через пустошь.

Хомер нахмурился и посмотрел на брата.

— Какие такие слова? — спросил он.

Гораций лишь пожал плечами.

— Гор говорил, что пустошь изменилась. Что она уже не такая, какой была раньше. Сказал, что там что-то есть. Все это я выложила Пламеру. Мне показалось, что он и сам что-то такое чувствует. И еще он был очень расстроен. Он уже знал, что произошло. И он все слышал.

Хомер хлопнул себя по коленям и встал.

— Ну, что же. Надо готовиться. Они заправят «Малыша»?

— Да.

— Хорошо.

Остальные тоже встали.

— Мы отправимся, как только возьмем топливо, — сказал Гораций. — Выйдем на связь сразу, как только пересечем линию.

— Я еду с вами! — заявила Линда.

Чарли решительно мотнул головой.

— Нет!

— С нами?

— Да!

— Это не самая лучшая мысль, девочка, — сказал Хомер.

— Я поеду!

— Линда, ты не можешь так поступить! Подумай об отце! Что я ему скажу?

Она решительно посмотрела на брата.

— Если он не спросит, ничего не говори. А если спросит, скажи как есть. Я не могу сидеть и ждать. Я с ума сойду!

— Но ведь это опасно!

— Я прекрасно знаю! Я лучше вас всех это знаю!

— Линда, дорога будет длинная, — сказал Хомер. — У нас всего одно спальное место в машине и оно...

— Не важно. Я на кресле посплю, если надо!

— Ты ненормальная! — сказал Чарли.

— Да! Меня не было там, когда исчез Бенни. Но сейчас я буду. Пусть это безрассудство, но так я смогу жить дальше.

— Глупая.

Чарли обнял сестру, и Линда снова заплакала.

— Будь проклято это место! — она стукнула его в грудь кулаком и отстранилась, вытирая слезы.

— Я поеду с вами! — повторила она, повернувшись к Хомеру.

Тот вопросительно посмотрел на брата. Гораций почесал затылок, обдумывая ее слова.

— Почему бы нет, — сказал он, наконец. — Я не собираюсь пропадать там. Повезет, так все вернемся целыми и невредимыми.

— Хорошо, — сказал Хомер. — Встречаемся на Линии примерно через час. Линда, ты и сама все знаешь.

— Знаю.

Она повернулась к брату.

— Ты поведешь нас, Чарли. Не военные — ты!

Он тяжело вздохнул.

— Ладно, глупыш. Удачи тебе.

— Значит, через час, — повторил Хомер.

— Я успею.

Линда быстро собрала свой нехитрый багаж, и уже через сорок минут они с Чарли

припарковались на обочине у белой линии, нарисованной Майклом. Линда не могла сидеть в машине. Она вышла и стала ходить взад-вперед перед солдатами. Те с любопытством смотрели на нее и молчали. Исчезновение Майкла, как потеря магического талисмана, заставило всех, кто был так или иначе связан с райдерами, почувствовать себя не в своей тарелке. Было заметно, что солдаты тяготеют близостью пустоши и стараются держаться подальше от Линии.

Краучеры задерживались. Прошло уже полтора часа, хотя Линде, каждые пять минут смотревшей на часы, показалось, что гораздо больше. Она уже начала волноваться, не случилось ли с ними что-нибудь, когда на вершине небольшого холма, на склоне которого Майкл нарисовал свою черту, показался огромный красный грузовик «Форд». Сердце Линды забилося в каком-то глупом предвкушении, и она одернула себя. «Чему ты радуешься, дурочка? Тоже мне — нашла себе приключение!». Грузовик производил впечатление — громадный, как корабль, и несокрушимый, как крепость. С такой машиной ничего не может случиться. Он медленно подкатил к Линии и остановился. Гораций открыл дверь. Линда повернулась к Чарли.

— Не волнуйся, со мной все будет в порядке, — сказала она и поцеловала его. — Береги папу.

Прежде, чем он успел что-то ответить, она быстро взобралась в кабину. Впереди зарычал двигатель — солдаты убрали с дороги джип. Остановившись на обочине, они махнули рукой, разрешая грузовику двигаться. Мотор «Форда» взревел, и фура плавно двинулась с места.

— Ты вернешься! — закричал Чарли. — Ты вернешься!

Линда кивнула, прижавшись лбом к стеклу.

Грузовик пересек Линию и, набирая скорость, ринулся вниз с холма.

Еще несколько минут Чарли стоял и смотрел, как машина растворяется в горячем воздухе, пока она полностью не исчезла в виду. На душе у него было скверно. Одна мысль упорно лезла в голову, и, как он не старался прогнать ее, она возвращалась вновь и вновь.

«Ты больше никогда не увидишь ее. Никогда!»

ГЛАВА 16

Майкл стоял посередине заправки, удивленно и испуганно глядя на пустые улицы пуэбло. Анны нигде не было. Еще пять минут назад он слышал ее крик, и вот она исчезла, как будто растворилась в зыбком вечернем воздухе. Но этого не может быть! Она никогда бы не ушла отсюда по своей воле! Но тогда...

Что-то трепыхалось на ветру справа от него. Майкл обернулся и увидел открытку. Легкий ветер с равнины прибил ее к одной из колонок. При каждом новом порыве открытка взмывала вверх и снова падала на пыльный асфальт заправки, как птица с перебитым крылом. Майкл медленно подошел к ней и поднял. На фотографии было то самое кафе, где они с Анной нашли воду. Кажется, это случилось миллион лет назад. Открытка вызывала мрачные ассоциации. Майкл сунул ее в задний карман джинсов и еще раз окинул беспокойным взглядом окружающее молчание.

— Анна! Анна, ты слышишь меня?

Никто не ответил. Майкл почувствовал, как сердце забилося. Быстро и тяжело, как испорченный метроном. Анна не ушла. С ней случилось что-то плохое! Вот черт! Она была совсем рядом. Он слышал ее голос, слышал крик. Если кто-то или что-то похитило ее, оно находилось всего в нескольких ярдах от магазина. И, окажись на улице не Анна, а Майкл, возможно, именно его пришлось бы...

Нет! Нет, нет, нет! Этот город пуст, стерилен, как хирургический инструмент. Только звуки и тени — вот и все.

Майкл еще раз пристально осмотрел заправку. Потрескавшийся асфальт покрывал тонкий слой песка; в порывах ветра он двигался, превращаясь в тонких змеек, постоянно

меняющих очертания. Если здесь и были какие-то следы, ветер полностью стер их.

— Анна!

Маленький торнадо из мелкой пыли взметнулся над асфальтом и, качнувшись, словно пьяный, пронесся прямо перед его носом. Майкл закашлялся. На зубах неприятно заскрипел песок. Прикрыв ладонью нос и рот и нагнув голову, Майкл вернулся обратно в магазин.

Надо найти какое-нибудь оружие!

Майкл не верил, что Анна ушла по своей воле. Ее похитили. И тот, кто это сделал, вряд ли настроен на мирную беседу. В машине был нож. Но, к сожалению, очень удобный в качестве инструмента, он был совершенно бесполезен в качестве оружия. Майкл в замешательстве осмотрелся, толком не понимая, что он хочет увидеть. На полках было полно всякой всячины из тех, что покупают заезжие туристы по пути к Рио-Гранде: бусы, поделки из камней, пучки каких-то трав и прочая ерунда. Майкл шел вдоль полок, как лунатик, наталкиваясь на стеллажи, а в голове у него бушевал настоящий ураган из обрывков мыслей об Анне, о машине, у которой заканчивается топливо, о шансах выбраться — хаотическая мешанина, среди которой невозможно было ни за что ухватиться. И лишь одна мысль уверенной красной линией проходила через весь царящий в голове бедлам — он теряет время.

Растерянный взгляд Майкла остановился на одной из полок, и глаза его заблестели. Там, на полосе зеленой материи, закрытые стеклом, лежали шесть ножей с резными деревянными и каменными ручками. Один из них, с широким и длинным, не меньше двадцати дюймов, лезвием, показался ему подходящим. Ни на минуту не задумываясь, Майкл ударил по стеклу кулаком. Оно раскололось на несколько крупных осколков и, доставая нож, Майкл сильно поранил руку, но не обратил на это никакого внимания. Он поднес нож к глазам, осматривая лезвие, и кивнул. Такое оружие при известной доле решительности может быть вполне смертоносным. Решительность у Майкла была.

Он снова вышел на улицу.

День клонился к закату. Солнце спустилось почти к самому горизонту, окрасив землю в зловещий красный цвет. Казалось, будто вся равнина наполнилась кровью.

Майкл снова выкрикнул имя Анны и прислушался. Ему ответило только тихое завывание ветра. Он был один в этой враждебной, глухой пустоте. Перехватив нож в правую руку, Майкл направился к ближайшему зданию. Если потребуется, он обыщет каждый дом в этом пузбло. Она должна быть где-то здесь. Он найдет ее!

Анна с трудом разлепила глаза. В непроглядной темноте она едва могла различить окружающие предметы. Она сидела, привалившись спиной к стене, в каком-то маленьком помещении без окон с низким потолком. Напротив нее узкая лестница из трех ступеней упиралась в темный прямоугольник двери.

«Вроде бы, здесь холодно».

Точно Анна определить не могла. Она плохо чувствовала собственное тело. Рядом с ней никого не было. Ни один звук не нарушал идеальную тишину этого пустого склепа.

Она попыталась сесть ровнее, но не смогла: ни руки, ни ноги не слушались. Даже просто пошевелить пальцами не получалось. Анна попыталась крикнуть, но голосовые связки не повиновались. Тело стало чужим, словно футляр, в который положили сознание. Просто моргать — и то было трудно, веки отяжелели, как будто кто-то заменил кожу железом.

Анна не чувствовала никакой боли. Она почти ничего не чувствовала, кроме страха, буйно расцветавшего в сознании и пронизывающего каждую клетку ее тела.

«Что со мной происходит? Где я?», — в панике подумала она.

Анна попыталась вспомнить, как оказалась здесь, но последнее воспоминание, которое пришло ей в голову, было о том маленьком магазинчике, куда они зашли с Майклом, чтобы разыскать шланг для бензина. Дальше была пустота — глухой темный провал.

«Я не могу двигаться! Я беспомощна! Господи, что со мной случилось?».

Ее слух уловил слабый еле различимый шорох. Он доносился со стороны двери и был похож... «Мама! Мамочка!». Еще немного — и сердце просто лопнет от страха, как воздушный шарик.

Тук, тук — ш-ш-ш-ш.

Звук был очень тихим, но одно можно было утверждать с уверенностью — он приближался. Очень медленно, как в кошмарном сне, приближался. «Это сон! Я, наверное, заснула и поэтому не могу двигаться! Майкл, Майкл — разбуди меня! Скорее, пока я не умерла от страха!»

Тук, тук — ш-ш-ш-ш.

Анна сидела, уставившись на дверь, желая и боясь закрыть глаза, и ждала. Что-то приближалось. Что-то стояло за самой дверью.

Зайдя в дом, Майкл оказался в просторной комнате с небольшим столом посередине и несколькими стульями, беспорядочно расставленными вокруг. Судя по металлической раковине и холодильнику в углу, это была кухня. В противоположном конце комнаты он заметил две закрытые двери и медленно двинулся к ним, напряженно прислушиваясь. Оказавшись рядом с одним из стульев, он положил руку на спинку, собираясь убрать его с дороги. Никто не знает, что может ожидать за этими дверями. Если придется убегать, лучше заранее расчистить себе дорогу. Он попытался приподнять стул, но тот словно прирос к полу и не собирался сдвигаться с места. Озадаченный, Майкл остановился. Быстро оглядевшись по сторонам, он опустился на колени, гадая, кому могла прийти в голову мысль прикручивать стул к полу. Он оглядел ножки, но не обнаружил ни винтов, ни гвоздей. Может быть, клей? Но, черт возьми, зачем?

Майкл встал и подошел к другому стулу — то же самое. Все стулья, стол и холодильник были словно частью деревянного пола. Ни сдвинуть, ни пошевелить их не удавалось. Даже горшок с цветком на подоконнике не желал перемещаться ни на дюйм. Что за чертовщина?

Он подошел к одной из дверей и осторожно приоткрыл ее. За ней оказалась маленькая спальня, всего несколько ярдов от стены до стены. Обстановка состояла из железной кровати и стула у изголовья. Поверх одеяла лежала книга в мягкой обложке. Майкл осторожно подергал кровать, но, как и мебель на кухне, она не сдвинулась с места. Он поднял книгу — «Библия» и еще какие-то слова на испанском. Он перевернул страницу и оторопел.

Структура книги была соблюдена правильно. Майкл распознал отдельные стихи, предваряемые цифрами; кое-где на полях темнели неразборчивые рукописные пометки. Тонкие цепочки слов складывались в привычный глазу узор, но вот только слова эти состояли из одних и тех же букв.

«Аааааа ааааа Аааааа...», — первая строка на первой странице.

Черт! Черт! Что за бред!

Он торопливо пролистал книгу, но везде было одно и то же. Иногда, вместо буквы «А» появлялись «S» или «Y». Ни одного нормального слова. Присмотревшись, Майкл понял, что и рукописные пометки были такими же. Словно какая-то сатанинская секта решила извратиться над ненавистой книгой. Он с отвращением отбросил ее обратно на кровать, как будто держал в руках скорпиона.

— Черт!

Майкл в сердцах ударил ногой по стулу рядом с кроватью. Тот отлетел и ударился о стену. Ножка, на которую пришелся удар, треснула.

— Что здесь творится такое? — медленно и тихо произнес Майкл.

Ему никто не ответил.

Звук шагов, если это, конечно, были шаги, замер у самой двери. Анна внутренне сжалась, пытаясь, как черепаха в панцирь, забраться вглубь непослушного тела. Там что-то есть. Она не понимала, что происходит, не знала чего ждать и чего бояться.

Дверь, тихо скрипнув, приоткрылась, впустив в подвал приглушенный свет. В дверном проеме стояла темная фигура.

Беззвучный крик наполнил сознание Анны. В густом мраке, она не могла разглядеть пришельца, но это было даже хорошо — в том, что стояло перед ней, не было ничего человеческого.

Майкл вышел на улицу и закрыл за собой дверь. Он чувствовал, что сходит с ума. Все в этом пугало было не так, и будь он проклят, если понимает хоть что-то. Он беспокоился за Анну, боялся, чертовски боялся за нее, за себя, и совершенно не понимал, что происходит. Тошнотворный конгломерат из неуверенности, страха и изумления, грозил в любой момент взорваться чистой паникой, которая заставит его забиться в угол и оставаться там, выставив перед собой нож, боясь пошевелиться, боясь крикнуть, боясь даже дышать; сидеть и сидеть так пока не потеряет сознания. И тогда все кончится. Надежда, не надежда — все кончится. И не надо будет ничего предпринимать.

Он тряхнул головой, отгоняя от себя эти мысли, и посмотрел на дома, выстроившиеся вдоль шоссе, как шеренга мертвецов с пустыми глазницами окон и раззявленными ртами дверей. В любом из них могла быть Анна. Или чудовище из фильмов ужасов, или быстрая, незаметная смерть.

Решительно, стараясь ни о чем не думать, Майкл пошел к следующему дому. Пусть это сведет его с ума, но надо осмотреть каждый. Один за другим. Все дома в этом проклятом городишке.

Если бы Анна могла кричать, возможно, ей было бы легче. Но она не могла и глотала ужас, не имея возможности выплеснуть его из себя, исторгнуть, как яд. Темная фигура, стоящая в дверях, была чем-то настолько чужим, настолько инородным, что весь жизненный опыт оказался бессилем провести аналогию между ней и чем-нибудь когда-либо виденным.

Единственное, что она могла бы сказать с уверенностью — существо было высоким: его голова почти касалась дверного косяка. Ничего больше рассмотреть не удалось. Хотя света, проникающего в подвал через дверной проем было вполне достаточно, глаза отказывались видеть. «Может быть, оно не хочет», — вяло подумала Анна.

Несколько секунд существо стояло в дверном проеме, медленно покачиваясь взад-вперед, а потом начало спускаться — тук-тук — ш-ш-ш-ш!

Потом еще на одну ступеньку вниз.

Тук, тук — ш-ш-ш-ш!

Оно спускалось неспеша, очевидно, зная, в каком состоянии находится Анна, и уверенное, что жертва ничего не предпримет.

Это было правдой. Анна все еще не могла пошевелиться и просто сидела у стены, раскинув ноги, и с ужасом смотрела на приближающуюся к ней адскую тварь.

Подойдя к ней почти вплотную, чудовище остановилось.

«Если оно дотронется до меня, я умру», — испуганно подумала Анна. — «Просто выключусь, как лампочка! Господи, почему я не могу его видеть?».

И в этот момент она ощутила, как ее голова стала наполняться, словно тварь заталкивала в нее что-то размеренными и сильными толчками. Перед глазами замелькали странные образы. Анна не могла уловить их суть, только ощущение: странное чувство холода, темноты и замкнутого пространства; чувство страха и боли; и ярости. Глаза закрылись. Теперь даже это было не в ее власти. Неожиданно поток, входящий в ее сознание, оборвался, сменившись обратным движением. Инородные образы исчезли, а вместо них появились другие, совсем иные: зеленые поля Вермонта, лица знакомых людей, запахи — яблочный пирог и клубника, синее небо, подернутое редкими облаками. Воспоминания свободно изливались из нее, словно высасываемые мощным насосом. Не было ни боли, ни страха. Анну охватила апатия. Она уже не боялась и не надеялась; все чувства исчезли, померкли. Она стала резервуаром, из которого черпали воду. Особую воду. Колодцем. Но ей

было все равно. Ни боли, ни радости — Анна исчезала, переставала воспринимать саму себя, захваченная и растворенная в мощном потоке.

К тому времени, как солнце окончательно скрылось за горизонтом, Майкл успел осмотреть около десятка домов. В некоторых, как и в первом, стулья и столы оказались намертво вросшими в пол, в других — свободно двигались. В одном доме на столе стояла ваза с цветами, наполовину заполненная водой. Когда Майкл перевернул ее, вода не вылилась, словно в вазе была не жидкость, а стекло. Даже когда он положил ее на стол, по кромке воды лишь пробежала слабая рябь, а сама она, нарушая все законы физики, оставалась перпендикулярной полу.

Все эти странности притупили его восприятие — постепенно он начал привыкать к ним. Его наполнило ощущение нереальности происходящего. Вот он ходит по темному городу, один, среди пустых домов, ходит и зовет, как беспокойное приведение в готическом романе. И только ветер, летающий над пустыней, охотно отвечает ему.

Взошла луна. Ее свет, довольно яркий на улице, казалось, совсем не проникал в дома, и там царила полная темнота, так что Майкл вынужден был передвигаться на ощупь. Пару раз он оступался и чуть не вывихнул себе ногу, споткнувшись о перевернутый стул.

Как бы решительно он ни был настроен, выбора не оставалось — придется ждать утра. В темноте шансы обнаружить Анну стремились к нулю. Если, конечно, вообще были, и Анна все еще находилась в этом городе, а не где-нибудь на Плутоне.

Мелко дрожа от страха, Майкл подошел к машине. Прислушался и услышал, как бьется сердце, часто и громко, словно желая разломать тесную клетку из ребер, в которую его заключили. Он открыл дверь, залез в кабину и быстро запер ее. Он будет ждать утра и утром снова начнет поиск.

Майкл положил нож на приборную панель перед собой и закурил. В сгущающейся темноте, огонек его сигареты был единственным светом, кроме холодного белого сияния луны.

Сколько продолжалось это безумие, Анна не знала. Когда она вновь обрела способность ощущать и открыла глаза, рядом никого не было. Тело все так же отказывалось слушаться. Вместе с сознанием вернулся и страх. Она была уверена — что бы не значили эти образы — из нее высасывали жизнь, каплю за каплей, и все меньше оставалось ей самой. И все меньше становилось сил.

Что это за существо? Вампир?

Анна ощущала кислый запах мочи. Ей захотелось заплакать, но слез не было. Не было сил. Страшная усталость придавила, словно бетонная плита. Она пару раз моргнула, медленно и тяжело поднимая веки. «Мне никогда не выбраться отсюда», — подумала она. — «Все».

Веки ее дрогнули и не открылись.

ГЛАВА 17

Майкл проснулся внезапно, разбуженный неясным ощущением тревоги. Откуда-то издалека доносились приглушенные раскаты, как бывает перед грозой. Он выпрямился в кресле и посмотрел в окно на купающееся в лучах утреннего солнца пуэбло. За ночь ничего не изменилось — дома оставались на своих местах; насколько он мог судить, сидя в машине, никаких посторонних звуков, кроме отдаленных громовых раскатов, слышно не было.

Гул далекой грозы, казалось, медленно нарастал. Майкл замер и прислушался.

Низкий вибрирующий звук, из тех, от которых дрожат стекла и внутренности, сдавливающий голову и способный парализовать страхом любое живое существо. Он величественно прокатывался над равниной, словно огромное чудовище и приближался. Да! Сомнений не было — он приближался.

Майкл настороженно огляделся по сторонам, выискивая глазами грозовой фронт. Судя по всему, он должен выглядеть, как один из киношных вариантов конца света, но горизонт был чист. Прозрачное синее небо, чистое, как будто за ночь его вымыла бригада уборщиков, казалось необыкновенно высоким. Там, у самой границы космоса, застыли небольшие полупрозрачные облачка. Ни одного признака грозы не было, тем не менее, гром становился все громче.

«Черт!» — подумал Майкл. — «Похоже, это представление для меня одного!»

Грохот нарастал. Теперь он уже не производил впечатление отдаленной грозы. Гром всегда напоминал Майклу стук тяжелых шестерен, которые катятся по металлическому полу, пока не упадут. Но этот звук был другим. Он был непрерывным. Низкий дребезжащий рокот, посреди залитой солнцем пустыни. Все громче и громче.

Майкл болезненно относился к шуму. Особенно к звукам низкой частоты. При любом шуме достаточно заткнуть уши, чтобы оказаться в тишине, но звуки низких частот — совсем другое дело. Даже заткнув уши, ты продолжаешь слышать их. Они проходят прямо сквозь кожу, заставляя вибрировать в унисон кости и органы, и от этого нет спасения. От подобных звуков можно сойти с ума, Майкл где-то читал, что иногда такое случается, и вот сейчас это может произойти и с ним.

Он почувствовал, как завибрировали стекла в машине, словно невидимая рука мягко, но настойчиво толкала их взад-вперед. «Это кратер!», — подумал он с тревогой. — «Тот самый кратер, который мы видели вчера! Он добрался сюда!».

Майкл в панике заметался, пытаясь вспомнить, куда он засунул ключи зажигания. Гул превратился в рев, от которого заболели зубы. Майкл нащупал ключи в правом кармане штанов. Он попытался вытащить их, но не смог — ключи запутались в подкладке. Майкл громко чертыхался, но не слышал своего голоса: грохот заполнил окружающее пространство. «Я погиб! Черт, так глупо! Черт! Черт!».

Грохот оборвался неожиданно, как будто захлопнули дверь. Только что воздух буквально на части разваливался и вдруг полная тишина, как в подвале монастыря. И в этой тишине голос Майкла прозвучал, как пистолетный выстрел.

— Черт!

Он замолчал. Собственный крик напугал его. «Так кричит человек, который в следующую секунду наложит в штаны!», — подумал он.

После такого шума тишина тоже, казалось, давила на уши. Тело, не способное так быстро переключаться, продолжало агонизировать, закачивая в кровь адреналин. Майкл все дергал и дергал ключи, и ему понадобилось несколько секунд, чтобы осознать, что все кончилось.

Он осторожно осмотрелся, ожидая увидеть все, что угодно, но не увидел ничего. Никакого кратера, никаких черных туч. Санта Ана вновь была тиха и неподвижна, как-будто ничего не случилось.

«Уж не почудилось ли мне?» — подумал он.

Майкл немного посидел неподвижно, собираясь с мыслями. В кабине становилось жарко.

— Один хрен! — сказал он наконец и открыл дверь.

Наскоро позавтракав крекерами и водой, Майкл закрыл машину и стал смотреть на дома, пытаясь вспомнить, на каком из них он вчера закончил. Если пустошь пытается ему помешать, что ж — пусть попробует! Он не остановится, даже если под его ногами разверзнется ад! Дома были похожи один на другой, как близнецы. Не было ни единого шанса вспомнить, где он уже побывал, особенно учитывая тот факт, что последние он осматривал в темноте. Майкл припомнил, что обошел около восьми домов, двигаясь от заправки по направлению к машине. Значит, он просто продолжит с девятого. На всякий случай прихватив с собой кусок мела, который обычно использовался для пометок на перевозимом грузе, он решительно двинулся вперед.

Солнце достигло зенита, а поиски Майкла все еще ничего не дали. Он ходил из дома в дом, осматривал каждую комнату, каждый чулан, но ничего не нашел. Жара становилась невыносимой.

Майкл стоял посреди очередной гостиной, тупо глядя на старый телевизор, у которого не крутилась ни одна настроечная ручка, когда вдали снова загрохотало. Низкий гул шел сразу ото всюду, как вода, заполняя пустоты и набирая силу. Сердце у Майкла учащенно забилося. Он инстинктивно напряг пальцы, сжимающие ручку регулировки громкости, и вдруг ручка, которая до этого была неподвижна, легко повернулась. Майкл отдернул пальцы. От громкого вибрирующего звука к горлу подступила тошнота. Он с трудом сглотнул и осторожно подошел к окну. Горячий воздух над дорогой трепетал, будто пуэбло находился в толще быстро текущей воды. По мере того, как усиливался гул, скорость течения возрастала, и все вокруг: дома, дорога, его машина — растворялись в этом потоке. Майкл оперся на подоконник, борясь с внезапной слабостью. Мышцы задрожали в такт грохоту снаружи, и вдруг он оборвался так же неожиданно, как и в первый раз. Горячий воздух мгновенно снова сделался неподвижным, чуть подрагивая, словно поверхность озера.

Майкл глубоко вздохнул и закрыл глаза. Что-то происходит. Но будь он проклят, если понимает, что.

Он отпустил подоконник, заметив, какими влажными стали ладони, и вернулся к телевизору. Ручка регулировки громкости крутилась свободно. И регулировки контраста тоже. Остальные по-прежнему не двигались.

«Оно изменяется!» — с удивлением подумал Майкл. — «Оно изменяется прямо у меня на глазах. Что-то происходит. Нельзя терять времени!».

Майкл верил: что бы не означало творящееся здесь, это всего лишь маленький отголосок чего-то грандиозного и, уж конечно, опасного. И, судя по всему, скоро эта опасность доберется сюда, в Санта Ана.

Он возобновил поиски.

Новый раскат грома последовал уже спустя пару часов и сопровождался уже знакомыми эффектами. Майклу показалось, что на этот раз он длился дольше. Минут пять. Он старался не обращать внимания на грохот, продолжая методично обыскивать дом за домом. К трем часам дня он уже обыскал большую часть Санта Ана, включая кафе и универсальный магазин, на который ушла уйма времени. Время утекало, и все гуще становилось напряжение, будто воздух наполнялся электричеством.

Майкл не думал об опасности. Наверное, потому, что не мог себе представить, в чем она заключается. Он просто действовал так, как считал нужным. Он не позволял себе вообще ни о чем думать, но страх тонкими струйками все же просачивался, обвивался кольцами и пускал быстрые метастазы в мысли. «Ты не найдешь ее», — тихо шипел он. — «Ты останешься здесь один. Совсем один. А когда тебе будет больше не о ком заботиться, не проще ли будет сдать? Поехать к кратеру и не убирать ногу с педали газа. Быстро и безболезненно».

Майкл работал, как робот. Время шло.

Солнце подобралось к противоположной стороне горизонта и оттуда равнодушно смотрело, как под аккомпанемент адских барабанов, покачиваясь, словно пьяный моряк, по пустынной улице маленького городка бредет одинокая фигура в пропитанной потом рубашке с длинным ножом в руке. Волосы космами спадают на пустые глаза, а человек идет и идет, кажется, ни на что не обращая внимания.

Майкл попал в то самое воздушное течение, которое наблюдал из окна несколько часов назад. Сначала оно было совсем слабым, просто незначительная рябь, но по мере того, как гром нарастал, оно становилась все сильнее и сильнее. У него создалось ощущение, будто он оказался в кастрюле с кипящей водой. Майкл заставлял себя идти не останавливаясь, в то время, как целый мир вокруг него исчезал, растворяясь в пропитанным враждебной мощью воздухе.

Он страшно устал, и ему было трудно дышать. Он пропустил один из домов, как уже пропускал раньше. Система поисков давно была нарушена, как-будто пустошь нарочно старалась сбить его, заставить ходить кругами. В голове, тихо, но отчетливо мерцали слова: «Я покажу тебе творение не человека — первый день!». Он вряд ли осознавал то, что слышит. Все болело, все кружилось перед глазами и уплывало. Исчезало.

Когда, спустя четверть часа, вновь стало тихо, Майкл остановился и застыл на несколько секунд. Потом ноги его подогнулись, он опустился на колени, качнулся, как пьяница, и упал на горячий асфальт.

Анна открыла глаза. «Я, наверное, умерла», — подумала она. — «Как жаль, что существует загробная жизнь!». Она попыталась пошевелиться, и тело неохотно отозвалось. Анна заворожено смотрела на свою ладонь, медленно подплывшую из темноты к лицу. Неужели она снова может двигаться? Сердце забилося, разгоняя по жилам кровь. «Если я смогу двигаться, значит, смогу выбраться отсюда!»

Откуда?

Она попыталась подтянуть ноги, но ступни лишь чуть шевельнулись. Ощущение собственного тела возвращалось медленно — ей потребуется время. Анна с удивлением обнаружила, что голодна.

Она сжала ладонь в кулак. Руки были настолько бессильными, что разогнуть пальцы смог бы и полуторагодовалый ребенок. Расслабила ладонь. Снова сжала. Пошевелила пальцами ног. Снова согнула пальцы. Неожиданно перед ее глазами опять появилась та кошмарная тень, заставив все тело сжаться, как будто из него выпустили все соки. Рука безвольно упала на пол.

«А если оно вернется? Если захочет продолжить то, что начало? Не думай об этом! Пожалуйста, пожалуйста — не думай об этом!»

Анна снова подняла руку и сжала кулак. Разжала. Сжала, разжала.

Очередной раскат грома заставил Майкла придти в себя. Страшно болела голова. Он смутно понимал, что получил ожог, пока лежал на раскаленном асфальте. В нарастающем грохоте он медленно, как раздавленная ящерица, пополз к обочине. Воздух снова начал сгущаться. Руки и ноги дрожали. Весь мир вибрировал на низкой частоте, грозя взорвать ему голову.

Майкл не думал о Анне, не думал о пустоши, он хотел только одного — чтобы все это прекратилось. Не было сил терпеть. Он был полностью дезориентирован, вырван из мира и брошен где-то на задворках вселенной, где нет никого и ничего, кроме грохота и движения, беспорядочного и хаотического перекачивания океана энергии, на пути которого оказался человек — крошечная безвольная песчинка.

Грохот стих, но не умолк совсем. Где-то на самой периферии слуха, кожей и нервами Майкл ощущал его, хотя и не был уверен в том, что это ему не кажется. Он посидел на земле еще минут пять, медленно приходя в себя. Потом встал и, пошатываясь, направился к ближайшему дому.

Закусив губу, чтобы не заплакать, Анна медленно, по-пластунски, ползла по направлению к двери. Встать она не могла: ощущение тела вернулось, но не было сил — руки и ноги были как будто соломенными. На простые движения, которые любой человек совершает легко, не задумываясь, у нее требовалась вся сила воли, оставшаяся в ее измученном сознании. Анна готова была заплакать от ощущения собственного бессилия, униженности и одиночества. Она была одна, в незнакомом темном месте. Может быть в Санта Ана, а, может быть, и нет. Майкл. Увидит ли она его еще? Да вообще, жив ли он?

Пару раз она слышала отдаленный гром. Где-то там наверху гроза?

За те несколько часов, что она находилась в сознании, никто не пришел. Она не слышала шагов — может быть ОНИ ушли? Маловероятно, но так хочется в это верить!

Она продолжала медленно ползти, останавливаясь каждую минуту, чтобы передохнуть.

Майкл ударил ножом изо всей силы. От отдачи разболелась рука и снова открылась рана, полученная в магазине, когда он разбивал стекло. Его охватила ярость.

«Ты поставила меня на колени, сука! Ты заставила меня плакать! Но хрен ты меня сломаешь! И знаешь — я выберусь отсюда!»

Стул, по которому он ударил, повалился на бок. Майкл ходил по комнате и громил все, что попадалось ему на пути: стол, люстру, настенные часы. Все падало и разбивалось.

Двигалось.

«Она выдыхается!», — ликовал он. — «Выдыхается!».

Майкл бушевал, пока не почувствовал усталость. Подняв один из валяющихся стульев, он сел на него и закрыл лицо ладонями.

«Анна, прости! Прости меня! Я не хотел тебя бросать! Я сделал все, что можно было сделать! Прости, меня! Прости!»

— Анна!

На миг воцарилась полная тишина, даже проклятый гул стих.

В полном беззвучии Майкл услышал слабое «тик-так» и повернулся на звук. Часы, которые он сбил с одной из полок, лежали в осколках стекла. Они еще работали. Секундная стрелка прыгала с деления на деление, издавая тихое «тик-так, тик-так». Он смотрел на стрелки, как завороченный, а в следующий момент мир взорвался.

Линда дремала, свернувшись клубком на кровати в задней части кабины грузовика, когда громкий звук заставил ее подскочить.

— Твою мать! — воскликнул Гораций.

Нарастающий гул, прерывистый, как удары парового молота, доносился с востока.

— Что это еще за хрень!

Линда облокотилась на спинку пассажирского кресла и посмотрела туда, откуда доносился грохот. Где-то далеко на востоке, почти у самого горизонта появилось черное пятно, похожее на грозовую тучу.

— Ураган? — спросила она.

— Не знаю.

Хомер взял рацию.

— Чарли, это Хомер, слышишь меня?

— Да, Хомер. Слышу. У вас все в порядке?

— На востоке какая-то чертовщина, вроде грозового облака. Мы слышим громкий грохот.

— Далеко от вас? — голос Чарли звучал обеспокоено.

— Да. Думаю, миль двадцать.

— Оно движется?

— Неа. Не похоже.

— Я свяжусь с Пламером. Если что-то случится, сразу выходите на связь!

Снова прогрохотало, Линда вздрогнула.

— Черт, ребята, мне это не нравится!

— А я так просто счастлив! — сказал Гораций.

— Дайте мне Линду!

Хомер передал ей микрофон.

— Я слушаю, Чарли.

— Ты в порядке, сестренка?

— Все О'кей!

— Оставайтесь на связи. Не пропадите.

— Не волнуйся.

— Я волнуюсь, Линда. Очень волнуюсь.

Снова раздался раскат грома.

— До связи, Чарли. Помолись за нас.

— Линда!

— Я вернусь.

Она отпустила кнопку и отдала микрофон Хомеру.

— Чем бы не была это хреновина, надеюсь, нами она не заинтересуется.

— Аминь!

Анна попыталась подняться на четвереньки. Она находилась уже у самой лестницы, но, чтобы добраться до двери, ей придется встать. Тело слушалось нехотя, но ей все же удалось кое-как приподнять его. И вдруг пол закачался у нее под ногами. «Я потеряла слишком много сил», — подумала она, падая. Вслед за дрожью пришел грохот. Он врывался сквозь закрытую дверь, захватывая и заполняя собой темное пространство подвала. Анна повернулась на бок и подтянула ноги к груди. Так она и застыла, пока мир вокруг нее раскалывался...

...на части. Небо и земля исчезли, погрузившись во тьму. Грохот был настолько сильным, что все вокруг: дорога, дома, сам Майкл — стали частью его. Стали звуком. Слабым писком в мощном победном реве.

«Вот и все», — подумал Майкл. — «Теперь это точно конец».

Ничего не видя перед собой, он на четвереньках пополз вперед. Вокруг взрывались тысячи бомб, но даже сквозь этот адский шум, он различал злые порывы ветра, свирепствовавшие снаружи. На улице. Или там, где раньше была улица.

Дом, в котором он находился, стонал и раскачивался, как лодка на волнах. Майкл полз, пока во что-то не уткнулся. Похоже на стену. Он прижался к ней, лег и закрыл голову руками. В таком аду даже думать было трудно. Его трясло.

«Господи, господи, скорее бы все это кончилось! Не дай мне мучаться, господи!»

Эта казалось невозможным, но грохот снова усилился, достиг апогея, насыщения, когда звук становится камнем, светом и запахом. Невообразимый рев поднялся выше любых сравнений, он стал новой средой, но не жизни, а смерти, новым состоянием вещества, непостижимым и...

— ...зловещим?

— Зловещим?

— Ну да, как обезьянье облако в «Волшебнике из страны Оз».

— Мне казалось, что ты уже выросла, Линда.

— Не смешно.

— Точно.

Раскаты далекого грома стали чаще. Они напоминали пульсирование огромного сердца, скрытого там, далеко на востоке, темным облаком. Гораций и Линда, не отрываясь, смотрели в окно. Отдельные удары грома почти слились в сплошной низкий гул.

— Не хотел бы я там оказаться, — сказал Гораций.

У Линды почему-то екнуло сердце.

— Ты..., — начала она, но в этот же момент загрохотало так, что задрожали окна в кабине. Грузовик мотнуло.

— Господи боже Иисусе Христе мать вашу разэтак!

«Первый день, Майкл!», — неожиданно взорвалось у Линды в мозгу, заглушая все. — «Я покажу тебе первый день!».

— Ааааа! — закричала она, обхватив руками голову, и в ту же секунду, достигнув своего пика, грохот оборвался. Темное облако исчезло, как не бывало.

— Аааа! — все еще продолжала кричать Линда. — А!

И замолчала.
Опустилась тишина, нарушаемая лишь шумом двигателя.
— Вот это...
Гораций взял рацию и передал микрофон Линде.
— Чарли?
— Да! Слушаю тебя!
— Оно исчезло, — медленно и удивленно сказала Линда.
— Исчезло?
— Да!
— Слава Богу! У вас все в порядке?
Линда осмотрела кабину непонимающим взглядом.
— Да. Все нормально.
— Молодцы! Я знал, что все будет хорошо!
— Похоже на то.
— Ты чего, сестренка? Что с тобой?
Линда мотнула головой.
— Все в порядке, Чарли. В порядке. Просто...
— Просто, что?
— Перед тем как исчезнуть, оно... ну как будто взорвалось, и я слышала...
— Что?
Линда вздохнула.
— Ничего. Глупости. Не бери в голову, Чарли. Я в норме.
— Отлично.
— До связи.
— До связи, сестренка!
Она передала рацию Хомеру и снова посмотрела туда, где еще минуту назад висело грозное облако. Горизонт был чист и прозрачен.
«Господи, чего ты хочешь?» — подумала она. — «Чего ты хочешь от нас?».

ГЛАВА 18

Майкл открыл глаза. Он лежал на полу, упираясь головой в стену. Каждый нерв в его теле ныл, кружилась голова. Он попытался сосредоточиться и вспомнить, где находится, и что с ним произошло. Тупая боль давила на виски. Он осторожно приподнялся и сел. Через небольшое окно с улицы лился яркий солнечный свет, в широких золотых лучах плясали частички пыли.

«Я в пустоши», — подумал он. — «И это не сон». Память медленно, как будто нехотя, возвращалась к нему. Он вспомнил, как пропала Анна, и он пошел ее разыскивать, вспомнил невидимый гром, разрывающий горячий воздух над дорогой, вспомнил, как ходил по городу, кричал, звал... А потом был провал, темнота и боль. И вот он открыл глаза и смотрит на солнечный свет. Он жив.

Майкл тяжело поднялся и подошел к окну. На подоконнике стоял горшок с завядшим цветком. Он отодвинул его в сторону и выглянул на улицу. Ветер гнал вдоль дороги обрывки бумаги и старые газеты; дребезжа, по асфальту катилась жестянка из-под «Пепси». Слева тускло блестели выцветшей краской колонки заправки. Он посмотрел в другую сторону. «Сабурбан» стоял на том же месте, где он его оставил. Машина казалась необыкновенно яркой на фоне тусклых и размытых красок пуэбло.

В комнате царил жуткий беспорядок: пол устлали обломки стульев, среди которых блестело лезвие ножа. Майкл смутно припоминал, как в ярости громил мебель. «Глупо», — подумал он. В углу, среди осколков стекла лежали часы. Секундная стрелка перескакивала с деления на деление, отсчитывая секунды. Часы показывали четверть одиннадцатого. Майкл взглянул на свои — почти полдень.

Время не имело значения. Имела значение Анна. В голове Майкла немного прояснилось, достаточно для того, чтобы понять, как мизерны его шансы найти ее живой. Все изменилось, пустошь переродилась, как змея, сбросившая кожу. Есть ли здесь еще место для Анны? Есть ли хоть малейшая вероятность найти ее?

— Какая к черту разница? — зло произнес он вслух, подобрал нож и вышел на улицу.

Легкий ветер приятно обдувал лицо. Он был горячим, но Майкл все равно радовался ему. Он почувствовал себя живым.

— Анна! — закричал Майкл так громко, как только мог. Это было бесполезно, но что здесь вообще имеет смысл?

— Майкл!

Голос был тихим и почти терялся среди других звуков, но Майкла сразу прошиб пот. Это она! Сомнений не было! Она ответила!

— Анна!

— Майкл, я здесь!

Несмотря на боль во всем теле, он, припадая на левую ногу, побежал туда, откуда доносился крик.

Анна сидела на ступеньке у одного из домов в глубине пуэбло. На нее было больно смотреть: лицо осунулось и стало каким-то серым, почти прозрачным, на бледной коже ярко выделялись темные круги под глазами. Она сидела, обхватив колени руками, и дрожала.

— Привет, — сказал Майкл и сел рядом.

Анна прислонилась к нему, и он обнял ее за плечи. Она плакала, беззвучно и без слез. Майкл крепче прижал ее к себе и стал покачивать, как расстроенного ребенка. Ее тело было напряжено, будто она в любой момент готова было вскочить и бросится бежать, хотя Майкл сомневался, что у нее хватит на это сил.

«Это шок», — подумал он. — «С ней что-то произошло, и сейчас она в шоке. Шоковое состояние — это очень плохо!».

Он сидел, обняв ее, и терпеливо ждал. Медленно ползли минуты. По небу проплывали облака, ветер поднимал маленькие песчаные смерчи, которые носились между домами, сталкивались и исчезали. Через некоторое время Анна перестала дрожать. Ее прерывистое со всхлипами дыхание становилось все глубже и тише — она засыпала. Майкл сидел и качал ее, глядя вперед невидящими глазами. Голова Анны упала ему на плечо, и тогда он осторожно встал, поднял ее на руки и отнес к машине. Расстелив в просторном багажном отделении одеяла, он переложил Анну на них, а сам сел рядом и стал ждать.

Мысли его путались и все никак не хотели складываться в четкие образы, к которым он привык. В голове, взявшиеся откуда-то из глубин памяти, возникли слова: «Первый день, Майкл. Ты увидишь первый день!». Он не понимал, что это значит, и не знал, откуда взялась эта фраза. Не важно. Все не важно. Хотелось просто сидеть и смотреть вдаль, прислушиваясь к еле различимому дыханию Анны.

Он посмотрел на нее и почувствовал слабый укол под ребрами. Анна выглядела так, как будто из нее вытянули все соки и оставили одну оболочку. Ему стало жалко ее. Она была такой ранимой, беззащитной, и ему вдруг захотелось заботиться о ней и защищать ее. Такое чувство возникает, когда смотришь на маленького ребенка, в его чистые доверчивые глаза, данные ему природой как единственную защиту, и в то же время ее очарование, мягкая женственная красота вкладывала в это чувство ничуть не меньше. «Природа желает соединить нас», — подумал Майкл, — «потому что вдвоем легче выжить, потому что может быть потомство, которое приспособится к пустоши и будет чувствовать себя здесь, как дома. Закон выживания, ничего больше». Он криво усмехнулся. «Бред собачий!».

Когда Анна проснулась, уже почти стемнело. Майкл, задремавший у ее ног, услышал, как она зашевелилась. Он подобрался к ней. Анна открыла глаза.

— Привет, — сказал Майкл.

— Привет, — прошептала она.

— Как ты себя чувствуешь?

Анна медленно села и стала рассеянно потирать плечи.

— Нормально. Что с нами случилось?

— Ты ничего не помнишь?

Она нахмурилась и посмотрела по сторонам.

— Очень смутно. Какие-то ощущения: холодно, темно. Ты меня нашел?

— Что-то вроде того. Ты сидела у одного из домов, когда закончилась гроза.

— Гроза?

Майкл пожал плечами. Анна подтянула ноги.

— Да, я вспоминаю, какой-то отдаленный гром. Я пыталась выбраться. Какой-то подвал...

Она потянула носом и скорчила гримасу.

— Майкл, выйди, пожалуйста, мне нужно переодеться.

— Я пока разожгу костер.

— Хорошо.

На то, чтобы привести себя в относительный порядок, у Анны ушло полтора часа. Сидя у небольшого костра спиной к машине, Майкл изредка оборачивался, чтобы удостовериться, что у нее все в порядке. Он видел, как Анна обошла машину и, укрывшись за ней, снимала с себя грязную одежду. Потом послышался плеск воды. «Наверное, она изведет ее всю», — подумал он. Но ничего не сказал. Воду можно было найти еще. Она должна быть в каждом магазине, в любом учреждении. Это же Нью-Мексико, здесь всегда под рукой есть бутылка воды.

Анна подошла к костру и села напротив Майкла. Ее одежда показалась ему странно знакомой, как будто он уже видел ее в таком облачении. Но где? Он порылся в памяти, и тут перед глазами возник образ Линды. Точно! Это ее вещи. Он припомнил, как видел на ней эту рубашку. Линда завязывала ее узлом под грудью, оставляя открытым живот. Смотрелось здорово. Значит, она дала свои вещи Анне. Только та не стала завязывать рубашку, а просто заправила ее в джинсы. Интересно, как бы она выглядела...

Майкл мотнул головой, прогоняя дурацкие мысли.

— Я приготовил ужин, — сказал он. — Будешь?

— Да, спасибо.

Анна взяла у него тарелку и поставила ее на скрещенные по-турецки ноги. Майкл взял свою, и несколько минут они молча ели. Иногда Анна подносила ладонь к носу или прикасалась пальцами ко лбу. Движения эти были неуволимыми, неосознанными, но Майкл замечал их и хмурился.

— Ты не вспомнила, что с тобой случилось? — спросил он, когда первый голод был утолен.

Анна покачала головой.

— Я не очень хочу сейчас думать об этом, — сказала она. — Возможно, никогда не захочу.

— Может быть, тебе пойти спать?

Анна мотнула головой.

— Нет, не хочу.

Она протянула руки над огнем.

— Как хорошо!

— Да.

— Давай сидеть у огня и разговаривать. Как в детстве, в скаутском лагере. Помнишь?

Майкл глотнул воды и улыбнулся.

— Помню. Это было здорово — сидеть у огня и рассказывать истории.

— Да. Расскажи мне историю.

— Я плохой рассказчик, — сказал Майкл. — У костра я предпочитал молчать и слушать.

— Когда мы с Чарли пришли к тебе, на камине я видела фотографию девушки. Расскажи мне о ней. Ты ее любил?

Майкл растерялся. Вопрос шокировал его своей бесцеремонностью, которой он не ожидал от Анны. Она спокойно смотрела на него блестящими глазами и продолжала есть. Ее движения были странно замедленными, иногда она вздрагивала всем телом и перебирала плечами. Майклу не хотелось отвечать на этот вопрос. Он был слишком личным, слишком интимным, только очень близкий человек имел право задать ему такой вопрос. Он еще раз взглянул на Анну. Она выглядела умиротворенной и расслабленной, но его не покидало ощущение, что внутри она — как взведенная пружина, и только тонкая грань отделяет ее от срыва. «Она борется с собой», — подумал он. — «Ей действительно нужна моя помощь. Посмотри на нее, есть ли у тебя сейчас более близкий человек?». Майкл подбросил щепку в костер.

— Да, — сказал он. — Я ее любил. Ее звали Стейси Гроган. Мы познакомились на втором курсе колледжа. Одна из глупых случайностей, сопровождающих жизнь. Вечером в кампусе были танцы, и Ричи Карр уговорил меня пойти туда развеяться...

Майкл лежал на кровати и читал детектив в мягкой обложке, а Ричи, его сосед по комнате, ходил взад-вперед и разглагольствовал.

— Ты просто обязан пойти туда! — говорил он. — Учиться в колледже и не переспать ни с одной из студенток — это настоящее преступление! За него ты будешь гореть в аду.

Майкл поморщился.

— Заткнись, Ричи!

— Нет! Майки, Майки — нет! Если ты не заметил — жизнь проходит, годы бегут!

Он остановился и внимательно посмотрел на Майкла.

— Годы! — произнес он конфиденциальным тоном.

Майкл демонстративно перевернул страницу.

— Да что с тобой? Я знаю, в твоей глуши тебя не ждет прекрасная принцесса...

Ричи, родившийся и выросший в Санта Фе, считал глушью все Нью Мексико, исключая собственный город и Альбукерке.

— Ты никому не давал обещаний, — продолжал он. — Старый падре не принимал от тебя обетов. Ты не пытаешься обнять меня в душе. Так что? Зачем сидеть в комнате и смотреть в окно на проходящую жизнь? Жизнь нужно брать и использовать, и делать это нужно прямо сейчас!

— Ты пойдешь с Рейчел? — спросил Майкл. Рейчел была очередной подружкой его соседа, они встречались пару месяцев. Она была типичной девушкой Ричи: высокого роста, с большой грудью; она много смеялась и говорила глупости. Майкла она раздражала.

— Ты же знаешь, что если я не пойду с ней, разразится семейный скандал.

Ричи выдержал паузу.

— Но ради того, чтобы вытащить тебя из берлоги, я готов дать ей выходной.

— Ричи, я этого не люблю.

— Что ты не любишь? Не любишь танцевать? Хорошо! Тогда сиди у стойки и пей пиво. Есть шанс, что к тебе подсядет прекрасная незнакомка и скажет: привет! Привет Майкл, ты меня не знаешь, но я видела тебя в библиотеке.

Ричи наклонился над Майклом и страстно зашептал.

— Дрожь прошла по моей коже. Ты выглядел таким взрослым и таким умным в своих идиотских шортах и белой рубашке! Если бы не мисс Черни, я бы... Ох! Ах!

Ричи закатил глаза.

— Дурак! — сказал Майкл и бросил в него книгой.

А следующим вечером он оказался на танцах.

Как ни странно, но все получилось почти так, как говорил Ричи. Только она уже сидела за стойкой, когда рядом устроился Майкл. Они долго и молча пили пиво, и Майкл украдкой бросал на нее взгляды, когда полагал, что она не видит. Потом она спросила: нет ли у него

спичек, и он дал ей прикурить от своей зажигалки. Она сказала, что ее зовут Стейси. Вот такое начало — простое, как волшебная сказка.

На следующий день Майкл понял, что заболел. И болезнь эту не вылечить ни аспирином, ни горячими ваннами. Болезнь эта называлась Стейси Гроган. Он лежал у себя в комнате, слушая вполуха Ричи, и вспоминал ее. Ее мягкое округлое лицо, мелодичный звук голоса, короткие темные волосы.

В понедельник после занятий он слонялся по аллеям кампуса, пытаясь найти ее в толпах студентов, но не нашел. После трех часов бесплодных поисков, он вернулся к себе злой и раздраженный. Попытался открыть учебник алгебры, но никак не мог сосредоточиться, а потом долго сидел у окна и курил, глядя на яркую зелень газонов.

Они встретились через два дня. Она сидела на скамейке, ела мороженое и читала книгу. Майкл с бьющимся, как молот, сердцем ходил вокруг, не решаясь заговорить. Это было глупо, по-детски, но он ничего не мог с собой поделать. Совершая пятый круг, он внезапно остановился перед ней и сказал:

— Привет!

Она подняла голову и посмотрела на него. В солнечных лучах ее волосы образовали вокруг головы подобие нимба.

— Привет, — ответила она.

— Что читаешь? — спросил Майкл.

Стейси перевернула книгу так, что Майкл мог увидеть обложку: «В поисках неведомого Кадата». Майкл читал Лавкрафта, и они разговорились.

Стейси была романтической девушкой, а Майкл неожиданно открыл в себе талант оратора. Они стали встречаться. Назвать их отношения романом было трудно. Они встречались раз или два в неделю, гуляли по кампусу или по городу. Майкл показал ей старую часть Альбукерке, водил в музей. И они разговаривали. Именно слова стали основой их отношений. Наверное, Майкл и Стейси были единственной целомудренной молодой парой во всем Альбукерке, а может быть и во всем Нью-Мексико.

Майкл начал писать стихи. Он читал их Стейси, и она восхищалась им, а потом начинала критиковать стиль и хромающие рифмы. Она называла его поэтом, а себя — музой. В этом духе и строились их отношения.

Стейси поддерживала такое положение вещей. Наверное, ей льстило, что она вызывает подобные чувства. Чувства, в которых не был замешан секс, чистые и кристальные, как родниковая вода, питавшиеся одним только фактом ее существования.

А Майкл мучался. Ему хотелось другого. Ему мало было этих встреч, этих разговоров, он хотел большего, но не знал как, и не умел направить отношения в нужную сторону.

— Будь осторожен, старик, — говорил Ричи. — Стейси — популярное место. Не удивлюсь, если около ее двери появятся чужие следы.

Майкл знал это. Он знал, что помимо него, в жизни Стейси есть и другие. С кем-то из них он был знаком, о прочих только догадывался. Ему приходилось общаться с теми, с кем она спала, и он мучался. Он утешал себя тем, что, когда постель остывает, они уходят из ее жизни, и она возвращается к нему. К нему. Всегда возвращается.

Это случилось вскоре после того, как Майкл поступил в магистратуру. Они гуляли по городу и смотрели на проезжающие мимо машины.

— Я беременна, — сказала Стейси.

Майкл посмотрел на нее, и в его глазах она прочла такую боль, что ей захотелось наложить на себя руки. Внезапно она почувствовала, что ненавидит его.

— Почему ты молчишь? — спросила она. — Тебе нечего сказать?

Майкл не ответил.

— Я избавлюсь от него, — сказала Стейси. — Пока еще можно, срок небольшой. Я...

Внезапно она расплакалась. Они сели на скамейку. Майкл попытался прижать ее к себе,

но она отстранилась. Ему было плохо, так плохо, как не было еще никогда. Внезапно он ощутил себя старым и бессильным, древним стариком.

— Не надо.

— Надо.

— Нельзя убивать ребенка!

— Да что ты в этом понимаешь! — Стейси почти кричала. — Что ТЫ в этом понимаешь?

Майкл сжал зубы.

— Кто отец ребенка?

— Не важно. Он об этом ничего не узнает!

— Стейси, он ведь живой! Он уже живой!

— Замолчи! Он... Его отец — сволочь! Ты же блаженный, ты ничего не можешь мне сказать. Я не могу так!

— Я стану ему отцом.

Майкл не ожидал, что скажет такое. Слова сами собой сорвались с языка. Сердце заколотилось, как бешеное. Ему стало страшно и хорошо. Он вырвется из замкнутого круга. Момент истины. Сейчас все должно решиться.

Стейси не ответила. Она сидела, всхлипывая, и смотрела куда-то в сторону.

— Ты не сможешь, — наконец сказала она. — Ты не сможешь стать отцом чужого ребенка. Ты хороший человек, Майки, и ты достоин лучшего. Ты не должен быть с такой тварью, как я!

— Я люблю тебя, — спокойно сказал Майкл. — Я люблю тебя такой, какая ты есть. Они любили тебя за что-то, а мне достаточно только тебя.

— Ты не должен, Майкл!

— Я так хочу! Я знаю, что говорю.

Стейси посмотрела ему в глаза. Она смотрела долго, пытаясь увидеть душу этого странного парня. Понять, что же у него на уме. Майкл молчал, и ей показалось, что он действительно так думает — он не лжет.

Она поверила ему.

— Я должна подумать, — сказала она и неожиданно обняла его. — Спасибо, Майки!

Те три дня, что Стейси думала, Майкл провел как будто в бреду. Он не находил себе места, пропускал занятия и бесцельно бродил по городу, как привидение.

Стейси позвонила ему на четвертый день и сказала «да».

— Я хочу, чтобы мы были вместе, — сказала она. — Я люблю тебя. Не знаю, что нас ждет, но надеюсь, что я приняла правильное решение.

— Не бойся ничего, — сказал ей Майкл. — Я обо всем позабочусь.

И он позаботился. Майкл бросил магистратуру и уехал обратно в Санта-Розиту. Там он выдержал долгий бой с родителями, закончившийся отвратительной ссорой. Но это его не остановило. Он нашел работу в автомастерской и снял маленькую квартиру. Пока он этим занимался, Стейси ездила к своим родителям. Мистер и миссис Гроган были менее категоричны в своих суждениях и даже предложили молодым жить у них в Арканзасе. Предложение было мягко отклонено, и спустя неделю Стейси уехала к Майклу.

Полгода, последовавшие за этими событиями, вспоминались потом Майклу, как сон. Он работал в автомастерской, а Стейси устроилась в магазин продавщицей. Она стояла у прилавка до тех пор, пока ей позволяло положение.

Она родила в местной больнице, и Майкл был рядом с ней. Роды оказались тяжелыми: у Стейси было тазовое предлежание плода, но все закончилось благополучно. Она родила мальчика, которого назвали Сэм.

Майкл часто вспоминал ее слова. «Ты не сможешь стать отцом чужому ребенку». Он слышал их у себя в голове каждый день, когда смотрел на Сэма, крошечного кричащего человечка, которому он спас жизнь. «Ты не мой», — думал он. — «Ты чужой мне». Но это было неправдой. Майкл любил этого ребенка. Видя, как доверчиво и требовательно Сэм

тянет к нему свои маленькие ручки, Майкл готов был заплакать... и растерзать любого, кто попытается отнять его. Ребенок должен был стать цементом в их семье, навсегда сплотить их, собрать в единое целое. Должен был стать, но не стал.

У Стейси начались депрессии. Она много плакала, плохо спала и все время повторяла, что губит Майклу жизнь. Из-за нее он рассорился с родителями, бросил колледж и теперь вынужден терпеть чужого ребенка. Майкл пытался ей возражать, говорил, что любит Сэма. Но она не слушала.

И вот однажды, спустя неделю после первого дня рождения Сэма, он вернулся домой и не обнаружил там никого. На кухонном столе, придавленная сахарницей, белела записка.

Эту записку он сохранил. Она до сих пор лежит у него в шкатулке с документами на дом. Прошли годы, но он так и не решился прочитать ее вновь.

Стейси ушла. Ушла к тому, кто был настоящим отцом ребенка. Оказывается, незадолго до рождения Сэма, она написала ему. Отцом оказался Дик Райли. Майкл едва знал его. Райли играл к футбольной команде колледжа. В записке Стейси писала, что она никогда не простит себе того, что сделала с Майклом, писала, что не вправе отнимать у него жизнь. Писала, что любит, и всегда будет любить.

Они не были женаты официально, и у Майкла почти ничего не осталось от Стейси и Сэма, кроме ее фотографии и письма. В тот вечер он сильно напился. И на следующий.

Его спас Чак. Он убедил Майкла остановиться и выйти из штопора. Чак сидел с ним, как нянька, первые два месяца, пока Майкл приходил в себя. Боль была такая, как будто ему вырвали сердце. К Майклу заходили и другие. Санта-Розита — маленький город, Майкла там знали и жалели. И скоро боль начала стихать и становилась все тише и тише, и ныла теперь, как заноза, где-то в самой глубине души.

Майкл ничего не ответил Стейси. Не пытался с ней встретиться, не устроил скандала. Его как будто опустошили, и эта пустота осталась с ним навсегда. Он так и не помирился с родителями, сам не зная почему, он отвергал все их попытки вновь наладить отношения. Спустя какое-то время, он переселился в дом на окраине города и вошел в долю в автомастерской. А потом появилась пустошь, и жизнь вновь обрела смысл.

— Ты все еще любишь ее? — спросила Анна. Голос ее звучал хрипло.

— Нет. Иногда мне кажется, что на самом деле я никогда ее не любил. Просто заиклился. С людьми такое бывает.

— А Сэма?

— Для него будет лучше ничего обо мне не знать. Да и мне тоже.

Анна опустила лицо в ладони. Плечи ее затряслись. Раздались рыдания, громкие и мучительные, как крики боли. Она заплакала, безудержно и истерично, сотрясаясь всем телом. Майкл испуганно обошел костер и сел с ней рядом, обняв за плечи.

— Я расстроил тебя? Извини.

— Нет, — с трудом произнесла Анна. — Не ты. Я просто...

Она задохнулась и не смогла договорить.

— Просто мне надо поплакать. Прости. Ты не виноват.

Майкл обнял ее и прижал к себе. Тело Анны сотрясалось от плача. «Вот и хорошо», — подумал он. — «Хорошо». Она рыдала, и вместе со слезами из нее выходила болезнь.

Они сидели у костра в полной темноте, обнявшись, как перепуганные дети. Майкл смотрел вдаль и думал о Сэме, а вокруг тихо шелестел ветер.

ГЛАВА 19

Когда Анна проснулась, солнце уже взошло и висело высоко над горизонтом. Майкла в машине не было. Не шевелясь, она лежала с закрытыми глазами, наслаждаясь своей неподвижностью, теплом и тишиной. Ей не хотелось вставать. Подняться — это значит начать новый день, это значит снова встретиться лицом к лицу с его проблемами и заботами,

а у нее не было сил.

Анна плохо помнила недавние события. Она понимала, что, стоит ей захотеть, воспоминания вернутся, но она не хотела и запрещала себе об этом думать. Так хорошо было просто лежать, чувствуя со всех сторон надежную защиту большой машины. Так хорошо было ничего не помнить.

Снаружи раздался тихий голос. Анна напрягла слух, но слов было не разобрать. В первую минуту ей показалось, что Майкл с кем-то разговаривает. Но это невозможно! С кем можно говорить тут, в пустоши?

Анна приподнялась на локте и выглянула в окно. Майкл стоял спиной к ней, засунув руки в карманы, и смотрел на шоссе. У его ног лежал большой черный пакет.

«С чего это он разговаривает сам с собой? Или у него есть собеседник, видимый лишь ему одному? Лишь его воображению?».

Эта мысль напугала ее, стряхнув остатки сна. Она отбросила одеяло и открыла дверь.

Солнце заливало пазуху ярким светом, и Анне пришлось зажмуриться, давая глазам привыкнуть к его сиянию. Услышав звук открываемой двери, Майкл замолчал и обернулся.

— Доброе утро, — сказала Анна, подходя к нему.

— Скорее день. На моих часах уже половина первого.

— А. С кем говоришь?

Майкл улыбнулся.

— Милтон, — сказал он. — Прекрасный фон для него, мне кажется.

«Ну да, конечно — Милтон. А до него был Данте Алигьери. Ты что-то скрываешь от меня, Майкл?».

Анна натянуто улыбнулась в ответ.

— Да, наверное. А это что?

Она указала на пакет у его ног.

— Я собирал дань с города. Это вода. Теперь здесь полно воды.

— Теперь?

— После того, что произошло вчера.

— А.

Анна зябко повела плечами, хотя на улице стояла жара.

— Завтракать будешь?

— Да.

Пока Анна ела, Майкл погрузил воду в машину и некоторое время возился, приводя салон в порядок. Анна заметила, что он положил в «Сабурбан» длинный резиновый шланг.

— Ты все еще хочешь заправить машину? — спросила она.

Он посмотрел на нее удивленно.

— Ну да.

— И куда мы поедем?

Он подошел к ней и сел рядом.

— Вчера для нас выдался тяжелый день. Но теперь, мне кажется, дорога открыта. Все закончилось. По крайней мере, здесь. Я предлагаю ехать дальше на север.

— На север, — повторила Анна. — А ты знаешь, где этот север? Ты думаешь, он существует? Север, юг — думаешь, они все еще существуют?

Майкл смутился. Конечно, эта мысль приходила ему в голову. В пустоши трудно придерживаться определенного направления. Он подозревал, что это вообще невозможно. Но только сегодня утром, когда он проснулся, в голове у него вертелась одна мысль, важная мысль, как ему показалось — надо ехать на север. Он сам не знал, откуда она взялась. Быть может она — пустошь — подсказала ему. Майкл пытался заговорить с ней. Впервые он сам пробовал задать ей вопрос, но ничего не добился. Или почти ничего — на секунду ему показалось, что он слышал... Нет — просто воображение. Ничего больше.

— Ты права, — сказал он. — Я стреляю наугад, как Лонгфелло. У меня нет аргументов за мой выбор. Есть только чувство. Такое... неопределенное.

— Понятно. Слушай, Майкл, а, может быть, нам остаться?

— И что?

Анна пожала плечами.

— Не знаю.

— Если мы останемся, то мы застрянем здесь навсегда. Я не хочу просто сидеть и ждать, пока очередная чертовщина уничтожит нас. Я хочу бороться, хочу выбраться отсюда!

— Ты все еще веришь?

— Верю!

Майкл подогнал «Сабурбан» к заправке, остановил у крышки подземного резервуара и открыл ее ключом, который раздобыл два дня назад в комнате заправщика. Казалось, что это было еще в каменноугольный период. Из открытой горловины густо пахло бензином. Майкл открыл машину, открутил крышку дополнительного бака и опустил шланг в резервуар.

— Ненавижу это! — произнес он, сунул свободный конец шланга в рот и вдохнул.

Анна смотрела на него с осторожным интересом. Она, привыкшая к заправкам, где служащие сами подходят к машине, спрашивая, сколько залить бензина и не проверить ли уровень масла, впервые наблюдала подобный процесс. Майкл быстро перекинул свой конец шланга в горловину бака и стал отплевываться. Это произошло так неожиданно, что Анна вздрогнула.

— Дай, пожалуйста, воды, — сказал он.

Она достала из машины бутылку и передала ее Майклу. Он принялся полоскать рот, морщась и часто сплевывая.

— У этой дряни долгое послевкусие, — сказал он и улыбнулся.

Пока Майкл стоял у бака и наблюдал, как тот наполняется, Анна обошла машину и остановилась, глядя на уходящую вдаль дорогу. Пейзаж, как всегда, оставался неподвижным, только дрожал горячий воздух. Вдруг что-то привлекло ее внимание. На фоне дорожного полотна, где-то далеко впереди, показалась маленькая светлая точка. Анна напрягла зрение, но расстояние было слишком большим и невозможно было понять, что это. Пока она смотрела, светлая точка чуть сместилась. «Она движется!».

(Тук — тук — ш-ш-ш-ш!)

Анна вздрогнула и инстинктивно отпрянула назад, стараясь подавить рвущиеся наружу воспоминания. «Еще рано. Рано! Я не готова!»

— Майкл! Подойди, пожалуйста, сюда!

— Что там?

— Я что-то вижу. Думаю, тебе надо посмотреть.

Майкл отложил шланг и подошел к ней.

— Где?

— Там!

Он посмотрел в направлении, которое указывала Анна, и увидел крошечную светлую фигуру. Расстояние было все еще слишком большим, но...

— По-моему, это человек, — удивленно сказал он. — Не может быть!

— Человек?

— Мне кажется, да.

Майкл почувствовал тревогу. То же самое ощущала и Анна. Человек? Здесь? Это было совершенно невозможно — невероятно! В пустоши никого нет, по крайней мере, ни один из райдеров никогда не встречал подобного. Ни один из вернувшихся райдеров.

— Спрячься в машине, — сказал он.

Анна послушно залезла в «Сабурбан» и выглянула в окно. Она увидела, как Майкл достал свой длинный нож и прошел немного вперед. Они стали ждать. Медленно текли минуты. Фигура уже приблизилась настолько, что не оставалась никаких сомнений в том, что это человек. Он шел налегке и двигался быстро. Анна заметила, как напрягся Майкл, нож

в его руке чуть дрогнул. Неожиданно человек остановился, поднял руку и помахал им. Майкл стоял неподвижно. «А что, если это тоже призрак?» — подумала Анна. — «Как тот грузовик. Очередная попытка пустоши убить нас». Майкл сделал шаг вперед и взмахнул рукой в ответ. Анна в панике наблюдала, как он пошел навстречу незнакомцу. Тот тоже двинулся вперед. Он выглядел, как бродяга: грязная, некогда белая футболка висела на нем, как на вешалке, джинсы неопределенно серого цвета, за плечами рюкзак. Бродяга что-то сказал; Анна видели лишь его губы, тень от красной бейсболки почти полностью скрывала лицо. Он остановился в нескольких шагах от Майкла. Тот переложил нож в правую руку, а потом, невероятно! они подошли друг к другу вплотную и обнялись.

«Не верь ему! Не верь ему!», — тихо шептала Анна. — «Это какая-то ловушка!». Майкл обернулся и пошел к машине. Незнакомец шагал рядом с ним.

— Анна, все в порядке! — крикнул Майкл. — Выходи!

Анна открыла рот, чтобы сказать «нет», но передумала. Ей не хотелось покидать «Сабурбан», в машине она чувствовала себя в безопасности. Это было глупое чувство, но оно было правильным. Разумным хотя бы отчасти. А то, что происходило на улице, было чистой воды безумием. Даже здесь. Особенно здесь! Анна не хотела выходить, но понимала, что это бессмысленно. Если должно было случиться что-то плохое, оно уже случилось, и теперь поздно прятаться. Она нехотя выбралась из машины и остановилась рядом с ней.

— Анна! — сказал Майкл. — Знакомься, Бенжамин «Хорек» Флай!

— Очень приятно, — сказал незнакомец и протянул ей руку.

Воспоминания с огромной скоростью пронеслись перед Анной. Флай. Хорек. «Бенни, Бенни, ты слышишь меня?!», — кричала в рацию Линда. Бенни. Бенни, который пропал в пустоши два года назад. Первый райдер. Жених Линды. Он стоял сейчас перед ней, худой, высокий, сильно загоревший человек и протягивал руку. Анна протянула свою в ответ.

— Анна.

— Вы даже не представляете ребят, как я рад вас увидеть! — сказал Хорек. — Когда вы проезжали мимо, я просто не поверил своим глазам!

Они вместе заполнили баки «Сабурбана» и устроились в тени магазинчика. Майкл и Хорек принесли стол и стулья. Анна поставила бутылку воды, а Бенни маленькую бутылку «Текилы». Они с Майклом выпили понемногу, Анна, извинившись, отказалась. Она до сих пор не могла осознать, что произошло, и тщетно боролась с неприятным ощущением, что случилось что-то плохое.

— Когда ты нас увидел? — спросил Майкл.

— Для вас это было пару дней назад, — ответил Хорек, откинувшись на спинку стула. — Я был в стороне от дороги и вдруг вижу, кто-то идет напрямик в язву. Я чуть не обделался, честное слово! Самоубийцы!

— В язву? Какую язву?

— Когда я ездил, Док, об этом еще никто не знал. Судя по твоему вопросу, и сейчас не знают. Язва — это плохое место. Гиблое. Они разбросаны по пустоши, как болячки по коже. Их лучше обходить. Бывают такие, из которых не выбраться. Их большинство. Не приведи Господь попасть в нее! Вам очень повезло, ребята! Есть сигареты?

Майкл достал из кармана пачку и зажигалку.

— О, благослови тебя Бог, Майки! Я не курил целую вечность!

Хорек затянулся и сразу закашлялся. Он кашлял долго и надсадно, мотая головой и сотрясаясь всем телом. Анна поморщилась. Майкл улыбался.

— Отвык, — засмеялся Хорек. В глазах его блеснули слезы. — О, черт возьми!

Он еще раз откашлялся.

— Когда вы выехали, Док?

— Несколько дней назад.

И снова взрыв кашля — Хорек пытался смеяться.

— Майки, Ммайки, все тот же Майки! Здесь твои несколько дней ничего не значат! Дата! Какое было число?

— Шестое июля две тысячи десятого года.

— Хрень собачья!

Повисла тишина.

— Ты пропал два года назад, — сказал Майкл.

— Два года... Два года — ерш твою мать!

Хорек помрачнел.

— И ты, конечно, отправился меня искать?

— Да. Но не нашел.

— Разумеется, откуда мне было знать, что все это бесполезно.

Он осторожно затянулся.

— А я ведь хотел завязать, — сказал он грустно. — Думал, что та поездка будет последней.

— Я помню.

— Так и вышло.

Он отхлебнул воды.

— Когда я увидел машину... Кстати, классная тачка, Док!

— Спасибо!

— Когда я увидел машину, мне показалось, что это обычная хренотень. Все-таки рядом язва. Но потом сказал себе — Ббени, сказал я, ты не можешь быть уверен, что это хрень. Ты должен узнать. И я пошел за вами, но пришлось остановиться. Язва. Я подождал, пока она не рассосется и рванул вперед. Честно говоря, очень боялся, что вы смоеетесь.

Анна нахмурилась. Хорек говорил бессвязно, прыгая с темы на тему. Он не понравился ей. Она представляла его совсем другим. И потом, он даже не спросил про Линду! Как будто не помнил ее вовсе.

— А ты возишь пассажиров? — спросил Хорек.

Анна вздрогнула.

— Вообще-то нет. Это исключение.

— Понятно, — ответил Хорек и неожиданно подмигнул Анне.

Она еле сдержалась, чтобы не поморщиться. Глаза Хорька были блестящие и горели каким-то безумным огнем. Странные глаза.

— Ты, наверное, много знаешь о пустоши? — спросил Майкл.

Хорек пожал плечами.

— Достаточно. Я сбился со счета, но по моим ощущениям я здесь уже не меньше пяти лет. Круто, а? Время тут скачет, ребята, как необъезженная лошадка. И выделывает такие выкрутасы, что только за голову держись!

— Пять лет! — пролепетала Анна. — Боже мой!

— Да, сестричка! Ббоже!

— Расскажи мне, что знаешь!

Хорек замотал головой.

— Не гони лошадей, Ммайки. Успеется. У нас теперь полно времени. Черт, все время, которое есть на этом говенном свете, теперь наше! Я немного устал. Не так уж легко бегать по пустыне, да еще в такую жару! Мне пришлось избавиться от лишних припасов. Вот так. У вас найдется что-нибудь перекусить?

— Конечно! Пошли.

Они встали, а Анна осталась сидеть за столом, пытаясь привести в порядок свои чувства. Все произошло так неожиданно, так быстро, что она никак не могла отделаться от ощущения, что это происходит не на самом деле. Как будто она спит и видит сон.

Хорек беспокоил ее. Пять лет! Пять лет, проведенных в аду! Кто может выдержать такое? Он напоминал ей беса из преисподней, появившегося из ниоткуда, чтобы забрать их с

собой в бездну. Ей не нравилось, что Майкл сразу же принял его. Конечно, они были давно знакомы, и Майкл обрадовался, но... От Хорька исходило что-то плохое. Что-то фатальное.

Анна почувствовала себя брошенной. Майкл ушел, даже ничего не сказав ей. Она вспомнила вчерашний вечер, когда он рассказывал свою историю. Тогда он был совсем другим. Настоящим, без всяких масок. А теперь... «Уж не ревнуешь ли ты?» — спросила она себя. — «Так глупо! Сажу здесь и дуюсь непонятно на что. Мы встретили человека. Это же чудо! Надо радоваться! Вот Майкл радуется». Она кисло улыбнулась и встала из-за стола.

Майкл разложил еду на куске газеты. Хорек неожиданно грохнулся на колени и затыкнул:

— Бблагослови нас, Господи, и эти ддары, что мы собираемся ссожрать от твоей щедрости, через Иисуса, Господа нашего! Аминь!

Анна остановилась, пораженная. Конечно, в том, что человек молится перед едой, не было ничего странного. Очень многие люди так поступают, это так красиво и торжественно. Ее шокировало то, как сделал это Хорек. У него молитва прозвучала каким-то диким кощунством. Насмешкой, такой неуместной в этой обстановке. Она взглянула на Майкла. Тот, казалось, тоже чувствовал что-то такое. Он смотрел на Хорька удивленно и неуверенно улыбался. Закончив говорить, тот уселся на землю и схватился за приготовленный Майклом сэндвич.

— Ваше здоровье! — сказал он, обращаясь почему-то к Анне, и затолкал его в рот.

— Что-то я не помню, чтобы ты был таким набожным, — натянуто улыбнулся Майкл. Хорек обернулся к нему.

— Это дддерьмовое место, Ммайки — сказал он с набитым ртом. У него получилось что-то вроде «Эфо фффеймовое фесо, Ммаи». — Надо пподдерживать хорошие отношения с бббоссом. О, да! — с бббосом!

Майкл нерешительно улыбнулся и сел рядом. Анна передумала присоединиться к ним. Вместо этого она пошла машину и взяла бутылку воды. Усевшись на пассажирском сидении, она разложила на коленях карту и стала ее изучать, отхлебывая из горлышка маленькими глотками, изредка бросая короткие взгляды в окно.

— Что это с ней? — спросил Хорек. — Она кккакая-то нервная.

— Оставь ее в покое. Нам пришлось нелегко.

— Ага, ннне легко, — Хорек кивнул. — Дддетки сбились с ддороги.

Он засмеялся, ухая и разбрызгивая воду. Майкл сжал губы.

ГЛАВА 20

Поев, Хорек почувствовал себя плохо. Майкл отвел его в «Сабурбан» и устроил в спальном мешке. Бенни почти сразу заснул. Майкл и Анна немного постояли рядом, глядя на него. Хорек лежал неподвижно, как мертвый. Было слышно, как он медленно и глубоко дышит через открытый рот.

— Как ты думаешь, с ним все будет в порядке? — спросила Анна.

— Хочется на это надеяться, — ответил Майкл. — Пойдем. Пусть спит.

Они устроились там же, в тени навеса, где сидели раньше. Майкл закурил, стряхивая пепел сигареты в пластиковый стаканчик Хорька. Там уже лежал один окуроч, выкуренный на четверть.

— Кто бы мог подумать, что такое возможно, — сказал Майкл задумчиво. — Правда? Анна кивнула.

— Ты давно его знаешь?

— Очень давно. С детства. Я, Чарли и Линда — это одна старая компания. Хорек был старшим из нас. Заводилой. С ним было весело, он хороший парень.

— Мне кажется, пустошь немного изменила его. У тебя нет такого ощущения?

Майкл задумчиво покачал головой.

— Ты права. Он какой-то... дерганый. Заикается. Он никогда раньше не заикался. Хотя это и не удивительно. Он сказал, что провел здесь пять лет. Неужели не врет?

— Он ни слова не сказал про Линду. Даже не спросил, как она.

— Да, я тоже обратил внимание. Но это было давно. Бог знает, сколько времени он пробыл в шоке и чего тут насмотрелся. Так что, может быть, это и не удивительно.

— Может быть. Но он меня беспокоит.

Майкл накрыл ее ладонь своей.

— Не волнуйся. Через пару дней он придет в норму, привыкнет к нам и обмякнет. Вот увидишь.

— Надеюсь.

— Анна.

— Что?

— Будь с ним поприветливей, ладно? Ему пришлось нелегко. Он повыделывается и перестанет. Дай ему время.

Анна убрала руку.

— Но я ничего такого не сказала!

— Да, ничего такого. Но все же.

— Майкл, если ты считаешь, что я третирую его, ты ошибаешься! Ничего подобного у меня и в мыслях нет!

— Я и не говорю так. Но я же вижу, как ты на него реагируешь. Это нельзя не видеть. И он это замечает, поэтому и выпендривается.

— Хорошо. Я постараюсь. Но мне тоже трудно!

— Да, я знаю. Нам всем сейчас нелегко.

Анна допила воду в стакане и стала задумчиво вертеть его в ладони.

— Он говорил о странных вещах. Как ты думаешь, все это правда?

— Боюсь, что да.

Он погасил сигарету.

— Давай пообедаем, пока он спит?

Осторожно, стараясь не потревожить Хорька, Майкл достал из машины припасы, и они, не торопясь, перекусили. Когда обед был уже почти закончен, со стороны «Сабурбана» раздался громкий крик. Оба, и Майкл, и Анна, вскочили и подбежали к машине, чтобы посмотреть, что случилось. Хорек сидел на полу и тер ладонями лицо.

— Все в порядке? — спросил Майкл. — Мне показалось, что ты кричал.

— Я в норме, Ммайки. Просто плохой сон.

Хорек медленно вылез из машины и стал растирать затекшие ноги.

— У тебя там не очень удобно.

Майкл пожал плечами.

— Я не рассчитывал использовать машину как спальню.

Хорек заулыбался, собираясь что-то сказать, но, взглянув на Анну, закрыл рот.

— Выспался? — спросила она.

— Да. Спасибо.

Хорек хищно огляделся и увидел стол, на котором все еще лежали остатки трапезы.

— Вы обедаете?

— Да, — сказал Майкл.

— Мы уже заканчиваем, — прибавила Анна и покраснела.

Хорек не обратил на это внимания.

— Не возражаете против ммоей компании?

— Конечно, нет!

Они устроились за столом так же, как и несколько часов назад. Хорек как будто выдохся. Он стал тише и говорил медленней. Казалось, он что-то обдумывал.

— Слушай, Майки, расскажи-ка мне, как вы тут оказались. Тачка ваша, я смотрю, в порядке. Что произошло?

Майкл посмотрел на него и забарабанил пальцами по столу.

— Помнишь, ты мне рассказал о призраках на дороге?

— Ты имеешь в виду тех ребят, которых я привез?

— Да.

Хорек кивнул.

— И что с ними?

— Я сам видел призраков.

— Да ну!

— Только в моем случае это был ребенок. Он сидел на дороге.

— Ты его узнал?

— Да.

— Хрень!

— Краучеры тоже видели. Собаку. Несколько раз.

— Эти бблваны тоже сунулись в пустошь?

Майкл кивнул.

— Ого! Сколько же народу по ней колесит?

— После тебя было много. Но почти все быстро завязали. Остались только я, Краучеры и Грантмахер.

— Я его не знаю.

— Это не важно. Он ездит недавно.

— Популярное место.

Хорек спокойно ел. Он не задал тот вопрос, который Майкл ожидал от него. Он не спросил: «Зачем ты едешь, Майки? Какой смысл ездить взад-вперед по пустоши, без всякой пользы?». Он ожидал этого вопроса и одновременно знал, что Хорек не станет его спрашивать. Потому что тот знал ответ. Есть люди, которые рождены для того, чтобы каждый божий день, с девяти до шести, сидеть на работе, а потом приходить домой, играть с ребенком и смотреть телевизор. Есть люди, рожденные для того, чтобы рисовать картины или писать книги. Майкл был рожден для пустоши, Хорек знал это еще тогда. Майкл был идеальной кандидатурой для нее — одинокий, замкнутый и любопытный. Пустошь звала таких, как он, и не было ничего удивительного в том, что он с готовностью откликнулся на призыв. Остальные были просто зеваками.

— Когда ты пропал, Линда стала диспетчером для всех райдеров. Она и сейчас этим занимается.

Хорек кивнул.

— Как она?

— С ней все в порядке. Она все еще ждет тебя. Сначала все никак не могла найти себе места, но сейчас успокоилась.

— О'кей. Так что с вами произошло?

Майкл бросил быстрый взгляд на Анну.

— Так получилось, что мы выехали под вечер, уже начинались сумерки...

— Глупо.

— Да. Мы проехали не так много, когда появился призрак.

— Что именно?

— Огромный грузовик. Он пристроился нам в хвост и стал поджимать. Еще он гудел. Я подумал тогда, что оглохну.

Хорек перебил его.

— Что меня всегда поражало в тебе, Майки, так это то, что ты всегда находишь время подумать! Извини, это я так.

Майкл не удостоил внимания слова Хорька. Он привык к подобному.

— Грузовик приближался, как бы быстро я не гнал. В конце концов, мне пришлось

сехать с дороги. Я до сих пор не уверен, стоило ли обращать на него внимания, но все происходило так... стремительно.

— О! — сказал Хорек. — Ого! На самом деле сстоило, Майки. Еще как сстоило, можешь мне поверить!

— Почему?

— Давай повременим. Сначала закончи.

— Мне удалось вернуться на дорогу, но топливная система оказалась повреждена. В итоге мы остановились.

Хорек задумчиво смотрел на «Сабурбан».

— Вот и все, — закончил Майкл.

— Понятно. Сстранно, но понятно.

— Ты можешь что-нибудь объяснить?

— Не уверен. Я знаю одновременно и много и мало, — ответил Хорек.

— Расскажи, что знаешь.

— О'кей. Слушайте, ребята. Сслушайте и плачьте.

Хорек выдержал театральную паузу, смакуя обращенное на него внимание, и сказал:

— Когда улеглась пыль, и я выбрался из ммашины, то сразу понял, что нам с ней уже ничего не светит. Ось была сломана к ччертовой матери, и теперь это была лишь груда металлолома. Я все еще надеялся на что-то, поэтому остался на месте. Гглупо, конечно, но меня как-будто ппыльным мешком по голове ударили. Знаете, как это бывает. Что-то сстряслось, а ты сидишь и не можешь в это поверить, как будто случилось не с ттобой, а с кем-то другим.

Анна кивнула. Ей показалось, что Хорек посмотрел на нее с благодарностью.

— Вобщем, я просидел там дня три, пока не понял, что жжратва заканчивается. Ловить было нечего, надо было что-то дделать. Вот я и погрузил свои манатки в ммешок и пошел. Не могу сказать, сколько я блуждал. Плохо уже помню. Помню, что сскоро кончилась еда, а потом и вода тоже. Почти издыхая, я ддополз до какой-то деревушки. Там мне повезло, я нашел все, что мне было нужно, и некоторое время тторчал на одном месте. Страшно было уходить. Иногда я делал вылазки, но возвращался. А потом там ппоявилась язва, и я не смог вернуться. Чуть было не нналетел на нее. Не знал ведь нничего.

Он положил кусок в рот и стал медленно жевать.

— По большей части пустошь сстатична, — сказал он. — Иногда я думаю, что из нее даже можно выбраться, если двигаться все время в одном ннаправлении и не угодить под рраздачу. Штука только в том, что двигаться в одном направлении трудно. Даже если идти по солнцу, можно сделать круг и вернуться на место. Со мной ттакое бывало. По сути, самое страшное в пустоши — это то, что из нее нельзя ввийти. И язвы, кконечно. Они ххуже всего. Они разбросаны по всей пустоши неравномерно. Мне кажется, что к северу их больше, чем к югу. Они появляются и исчезают, и никогда нельзя знать точно, где они ввозникнут. Язвы активные. Чаще всего они смертельны, но бывают и исключения. Там, внутри, все ччужое. Там почти ничего не работает, там все ввраждебно. Все, от ввоздуха до ккамней. Некоторые из них представляют собой ссплошную область ссмерти. Некоторые похожи на ккапканы: можно ппогибнуть, но если повезет, можно остаться в жживых. Там ппроисходят странные вещи. Я ввидел, как по ппустыне шагали гиганты, похожие на те ттанки из звездных войн, видел, как они ппадали и умирали. Как ддрались между ссобой. И еще много всякой хренотени: воздух, ккоторый убивает; ддорога, вдруг проваливающаяся в ддыру до самой ппреисподней. Некоторые язвы населены, но то, что там жживет, как правило, быстро ппогибает. Иногда я думаю, что они оказались там так же, как и я, не по ссвоей воле. Однажды я видел, как ччасть долины ппревратилась в гигантский пылесос, и засасывала все, что оказывалось рядом.

Майкл кивнул.

— Мы тоже встречали такую, — сказал он. — Недалеко отсюда. Поэтому и вернулись.

— Значит, кое-что вы увидели, — сказал Хорек. — Язвы — это плохо, но их можно увидеть. Есть несколько признаков, которые им предшествуют.

— Например?

— Например, вашей язве предшествовали пляски скорости. Когда я пошел за вами, я набрел на дорожный указатель, который буквально прыгнул на меня от самого горизонта. И тогда я сразу повернул назад. Это верный признак того, что впереди язва.

Майкл кивнул.

— Еще есть звуки. Вообще-то, их здесь мало. Нечему звучать. Поэтому, когда вы слышите что-то странное, сразу поворачивайтесь и уходите. Иногда они похожи на голоса, иногда напоминают скрип или что-то в этом духе. Когда вы что-то слышите, это может означать, что язва где-то очень близко. Иногда бывает, что воздух становится как-будто жидким. Как правило, это происходит тогда, когда язва только появляется или уже исчезает. Вы можете увидеть странные фигуры. Иногда они похожи на людей, иногда на какие-нибудь механизмы, иногда и вовсе какая-то хрень. Кстати, это и есть наши с тобой призраки, Майки. Встреча с ними — это офигительное невезение! На них нельзя смотреть. Они чувствуют, если на них смотрят, и начинают преследовать, вытягивая язву за собой. Это очень плохо! Я неделю бегал от одного из таких и почти попался.

Хорек поднял футболку и показал два ряда глубоких ран, идущих от шеи до пояса.

— Это презент от каких-то тварей, живущих в язве. Я так и не рассмотрел их. Они подобрались ночью, я сумел сбежать, но заделали они меня основательно. Я даже подумал, что отдам концы. Правда, все обошлось.

Он опустил футболку и мрачно посмотрел на них.

— Мы могли доехать до Кубы только потому, что дорога там свободна от язв. Это удивительно, что за два года в тех местах ничего не появилось. Хотя, само существование Кубы, тоже удивительно. Может быть, это взаимосвязано. Так или иначе, если на дороге стали появляться призраки, значит язва где-то рядом. Очень скоро дорога станет небезопасной. А может быть, уже стала. И храни Бог того, кто, по старинке на полном ходу вмажется в язву!

Майкл промолчал. Его потрясло услышанное. Он живо представил себе ситуацию, которую нарисовал только что Хорек. А ведь она очень вероятна! За ним могла пойти помощь. Краучеры, военные или даже Грантмахер. Сами того не зная, они поехали бы на верную смерть. И нет никакой возможности предупредить их.

Хорек угадал его мысли.

— Ты ничего не можешь сделать, — сказал он. — Остается только надеяться, что, когда райдеры начнут пропадать, поездки прекратятся. Давно уже пора.

— А ты... Ты шел в Кубу? — спросила Анна.

— Я сам не знаю, куда шел, — ответил Хорек и отодвинул от себя пустую тарелку. — По большей части я сидел на месте. Здесь бесполезно куда-то идти. Всегда можно нарваться на язву. Оставаться на месте безопаснее.

Анна посмотрела на Майкла. Тот отвернулся. Повисла тишина.

— Ну, а какие у вас планы, ребята? — спросил Хорек.

— Майкл хочет ехать на север, — сказала Анна.

Хорек удивленно посмотрел на нее, потом на Майкла.

— Это глупость, Майки, — сказал он. — Так нельзя делать! На севере хуже всего, можешь мне поверить!

— Куба тоже находится на севере, — упрямо возразил Майкл.

— Ты что, хочешь туда добраться?

Майкл не ответил.

— Если вам так уж приспичило куда-то ехать, — сказал Хорек, — я предлагаю двигаться на юг. Это самый безопасный путь.

— Ты же только что говорил, что там теперь тоже язвы.

— Говорил, но там их меньше. Все равно меньше, чем на севере.
— Я так не думаю.
— Думаю — не думаю, о чем ты говоришь? Ты же ничего не знаешь! Ты неделю в пустоши, а я тут уже пятый год торчу! Кто, по-твоему, здесь в курсе всех дел?

— Майкл, — осторожно сказала Анна. — Мне кажется, он прав!
— Помолчи!
От такого тона Анна вспыхнула, но возразить не успела. Ее опередил Хорек.
— Что значит, помолчи? Она правильно говорит! Проснись, Майки, ты не на пикнике! Здесь опасно! Здесь чертовски, очень опасно! Послушай меня!

Майкл упрямо молчал.
— Майкл! — сказала Анна.
— Что?
— Ты совершаешь ошибку!
— Хорошо.
— Что значит хорошо?
— Это значит, что я все понимаю. Я отдаю себе отчет в том, что делаю.
— Ты ни хрена не понимаешь! — закричал Хорек. — Что с тобой? Раньше ты не отличался тупостью!

— Ты тоже раньше был другим.
— Ты о чем?
— Не важно.
— Нет, ты скажи.
— И скажу!

Хорек вскочил из-за стола, чуть не перевернув его. Майкл тоже поднялся. Ситуация накалилась. Еще чуть-чуть, и вспыхнет драка. Анна, не успев задуматься, что делает, встала и уперлась ладонями в каждого из них, как рефери на ринге.

— Ребята, ребята, успокойтесь! Не хватало еще устроить здесь потасовку! Вам, что мало того, что здесь происходит! Уймись!

Майкл и Хорек мрачно смотрели друг на друга. Анна чувствовала, что оба взведены, как пружины. Еще немного — и они бросятся друг на друга. Еще только одно слово — и они взорвутся.

— Сядьте! — громко сказала она. — Это все нервы, мы устали и издерганы. Успокойтесь! Сядьте!

Майкл опустил ее руку и медленно сел, не сводя глаз с Хорька. Анна тоже посмотрела на него.

— О-кей, — сказал тот и таким же жестом опустил ее вторую руку. — Как скажешь.

Он сел.

— Я думаю, этот разговор надо отложить до завтра, — сказала Анна.

— Я не изменю своего мнения, — упрямо возразил Майкл.

Хорек пожал плечами.

— Да какого хрена мы вообще спорим? — сказал он. — Нашли, что делить. Хочешь ехать на север — поехали на север. Я не возражаю. Только глазки придется держать на макушке.

— Но..., — сказала Анна.

— Мир, Майки?

Хорек протянул руку. Майкл нехотя протянул свою.

— Мир.

Анна мрачно села.

— Прекрасно!

Ночь решено было провести в Санта Ана, а утром двинутся дальше. В машине никто спать не захотел. Вместо этого они устроили кровати в магазине. Перед сном все вместе прошлись по домам, собирая все, что могло бы им пригодиться в дороге: воду, концентраты, консервы — все, что могло долго храниться. При виде груды припасов Майкл почувствовал облегчение. Эта картина внушала ему уверенность.

Он знал, что прав. Позиция Хорька — это позиция страуса, который прячет голову в песок. Он хочет сидеть и ждать — прекрасно, тогда им не по пути. Собственная убежденность в том, что нужно ехать на север, немного озадачивала и даже пугала Майкла, потому что снова поднимался вопрос о голосе, который он слышал. А слышал ли? И говорил ли тот что-нибудь о севере? Майкл не помнил, но чувствовал, что все делает правильно. И довольно об этом!

Они улеглись спать с наступлением темноты. Майкл и Анна заснули сразу, а Хорек долго ворочался с боку на бок. Через некоторое время затих и он.

Над пуэбло висела глубокая ночь, когда Хорек осторожно приподнял голову. Его окружала темнота и тишина. Стараясь не шуметь, он выбрался из спального мешка и вышел на улицу. Дома купались в ярком, почти подобном солнцу, свете двух лун. Их короткие черные тени, походили на глубокие ямы или могилы. Хорек подошел к «Сабурбану» и потрогал его.

Отличная машина! Просто замечательная!

Он обошел вокруг, внимательно ее рассматривая. Заглянув в кабину, он тихо присвистнул. «Ай да Майки!». Хорек осторожно положил ладонь на ручку водительской дверцы и нажал. Та тихо открылась, впустив в салон лунный свет. Он глянул под рулевую колонку, ключей в зажигании не было.

— Не спится? — услышал он позади голос Майкла и вздрогнул.

— Черт, ну и нннапугал ты меня! — сказал он и закрыл дверь. — Так мможно и сердечный пприступ заработать!

— Извини.

— Я нне мог уснуть, — сказал Хорек. — Ннаврное, из-за того, что днем спал. Вот, решил ппройтись. Клевый агрегат, Майки! Откуда он?

— Пламер, начальник военного гарнизона. Ты его уже не застал.

— Ого! И как ддолго тебе ппришлось лизать ему ззадницу?

Майкл улыбнулся.

— Достаточно долго.

Он подошел ближе и тоже заглянул в кабину.

— Ты бы не ходил здесь один.

— Я сстрелянный воробей.

— И все же.

— Ок, ддорогая. Я возвращаюсь. Ввидишь?

Хорек вернулся в магазин, проклиная про себя чуткий сон Майкла. Анна беспокойно заворочалась, заставив его остановиться. Он склонился над ней. «Симпатичная девчонка». Прядь волос упала Анне на лоб. Хорек протянул к ней руку, и услышал шаги Майкла. Он быстро отдернул пальцы, как будто коснулся горячей сковороды, и полез в свой спальный мешок. Он видел, как Майкл сделал то же самое.

— Спокойной ночи, — тихо сказал Майкл.

— Спокойной ночи, Майки.

ГЛАВА 21

Хорек почувствовал свет на своей коже и открыл глаза. Солнце только-только взошло. Он не видел его, но знал, что оно сейчас похоже на апельсин, лежащий на кромке стола-горизонта. Часы Хорька уже давно ничего не показывали — села батарейка, но он не переживал. Он давно уже привык оперировать относительными величинами — рано-поздно,

утро-вечер. Сейчас было ранее утро, день только начинался, и Майкл с Анной еще спали. Хорек выбрался из спального мешка и несколько раз нагнулся, касаясь пола кончиками пальцев, затем подошел к кучке вещей, лежащих рядом с Майклом. Среди них валялась пачка сигарет. Хорек подобрал ее и осторожно пальцем разворошил остальное. Больше ничего интересного. Он выпрямился и, стараясь двигаться тихо, вышел на улицу.

Дневная жара еще не успела окутать пуэбло. Хорек прикинул, что сейчас градусов семьдесят пять, может быть чуть больше. Прямо перед ним стоял «Сабурбан». Солнце отражалось от его пыльных боков. Он напоминал божество из другого мира, и Хорек залюбовался им. Подходить к машине он не собирался, вместо этого сел на последнюю ступеньку и закурил, наслаждаясь покоем раннего утра.

Если бы ему пришлось в голову заглянуть в зеркало, он бы удивился, увидев, каким он стал. За пять лет, проведенных в пустоши, Хорек похудел с двухсот до ста семидесяти фунтов, его кожа загорела и приобрела цвет меди, как у индейцев навахо, которые иногда приезжали на рынок Санта Розита. В его волосах, раньше черных, появились светлые прожилки. Эти изменения сразу бросались в глаза, но не они насторожили бы внимательного наблюдателя. Изменилось что-то внутри, не видимое глазу. Его лицо, обычно приветливое, слегка нагловатое, теперь напоминало лицо хищника. Это было лицо койота, скитающегося по равнине в поисках еды. Зверя, который не верит ни во что, кроме себя и рассчитывает только на свои зубы, когти и быстроту ног. У этого зверя нет друзей, только враги. Если враг слабый, его можно убить, и, при необходимости, съесть. Если сильный — его можно обмануть и тогда тоже убить. И съесть. В крайнем случае можно бежать.

Хорек ничего такого не чувствовал. Слишком медленно, слишком постепенно происходили в нем изменения. И для себя самого он по-прежнему оставался Бенни Флаем, рубахой-парнем. Слегка потрепанным жизнью, слегка ожесточившимся, но прежним. Тем парнем, который поехал в пустошь третьего февраля две тысячи восьмого года и остался там навсегда. Хорек не помнил в точности, как провел эти годы, но это его не очень беспокоило. В конце-концов у молодых людей короткая память. Воспоминания — удел стариков. Самое главное, что он по-прежнему в полном порядке. Бенни Флай снова в седле!

— Привет, Майки.

Фигура Майкла, только что появившегося в двери, застыла. Он двигался совершенно бесшумно, неся кроссовки в руке, но Хорек все равно каким-то образом почувствовал его приближение.

— Привет, — ответил Майкл, сел рядом и стал, не торопясь, натягивать кроссовки.

— Еще одно прекрасное утро в пустоши! — изрек Хорек и бросил сигарету на землю. — Скажем Аллилуйя!

— Воздержимся.

Хорек повернулся к нему. Глаза его горели.

— Не смейся, Майки! Ты ничего не знаешь! Он был на этой земле, ходил по ней, ел и спал здесь! Если бы мы встретили тут навахо или пуэбло, они могли бы тебе об этом рассказать. Но Он ушел отсюда. Подхватил свой рюкзак и...

Хорек сделал неопределенный жест рукой.

— Эти места особенные!

— Не обижайся, Бенни, но я сыт этой чушью по горло! Ты не первый с такими проповедями.

— Ты слеп, Майки. Тебе нужно время. Скажи мне — скажи своему другу Бенни — ты ведь слышишь? Забавный такой голос.

Майкл сразу напрягся.

— Что ты знаешь об этом?

— Как ты полагаешь — кто говорит с тобой? Или ты считаешь, что это просто глюки?

Хорек ослабился.

— Дда. Уверен, именно ттак ты и ддумаешь!

— Ты мне не ответил.

— Север и юг ты сотворил, ссотворил луну для указания времен, и солнце, знающее свой ззапад. Так они говорили. И ттак все и было, а, Майки? Только ггде теперь все это? Где? Он ушел, оставив эту зземлю одну, ппонимаешь? Оставил ее одну! И земля не знает, что дделать.

— Что за муру ты городишь?

— Как давно ты слышишь Его, Ммайк?

— Кого?

— Да, ббрось! Тты знаешь — только нне хочешь верить. Ввведь это не вяжется с твоими представлениями об этом мире — лучшем из миров!

Глаза Хорька неожиданно сделались ледяными.

— Он гговорит с тобой! Как когда-то говорил со мммой. Теперь Он не хочет говорить с таким дддерьмом, как Бенни Флай — дело его. Нно ты! Не повторяй мммоей ошибки, Ммайк! Ты должен верить, ппонимаешь, хрен собачий, — вверить!

Хорек схватил Майкла за плечо и сильно сжал, и тот удивился, откуда в таком истощенном теле столько сил. Весь вид Хорька, а в особенности его глаза, горящие чистым, совершенно неприкрытым безумием, пугали.

— Хорошо, — сказал Майкл примирительно, надеясь, что это успокоит Бенни. — Хорошо.

— Ххххорошо-хорошо — заладил, ккак ппатефон. Тты не отворачивайся, нне отворачивайся от меня! Тты понял?

— Да!

Почти минуту Хорек смотрел на него, не отрываясь. Майклу понадобилась вся его сила воли, чтобы выдержать этот взгляд. Наконец, Бенни отпустил его и уставился в землю под ногами.

— Ззачем ты так рвешься на ссевер? Что тты хочешь найти?

— Ничего не хочу найти.

— Ну, а ттогда, в чем дело? Я люблю тебя, Ммайки. Мы знаем друг друга с ранних ссоплей. Мы всегда были вместе. Ты думаешь, что я жжелаю тебе зла?

— Нет.

— Тогда ппослушай меня!

— Я уже слышал.

— Идиот!

— Как скажешь.

Хорек снова замолчал, и на этот раз он выглядел гораздо спокойней. Майкл не знал, что на него нашло, но, похоже, приступ миновал. «Не удивлюсь, если теперь он даже не помнит, что говорил пять минут назад».

— Военные что-нибудь делают?

— Ты о чем?

— Ну, не ззнаю. Запустить сюда марсоход или шшарахнуть атомной бомбой — что-нибудь вроде этого.

Майкл покачал головой.

— Нет. Ничего такого. Они ждут.

— Чего?

Майкл пожал плечами.

— Если они считают, что Ангел Господень придет в Ввашингтон и скажет, что делать, они ошибаются.

— А что бы ты предложил?

— Я? Я бы окружил все это ддерьмо бетонной стеной и ппостарался бы забыть, что там внутри. Хотя бы на ввремя.

— Примерно так они и поступают.

— Им это нне очень удастся.

Теперь Майкл посмотрел на Хорька. Тот задумчиво ковырял носком башмака в песке.

— Слушай, скажи мне честно, ты веришь, что мы выберемся отсюда?

— Честно?

— Да.

— Вверю. Но тут ввопрос не в вере. Верить можно во что угодно. Я, ннапример, верю, что, если заглянуть ночью под ккровать, то увидишь там буку. Но я ззнаю, что не увижу. Я верю, что отсюда можно ввыйти. Только ззнаю, что мы не ввыйдем. Протянем тут еще ппару — тройку лет, если повезет, пока не найдем сскоростной лифт прямо в ппреисподнюю. А мы его найдем, можешь не ссомневаться.

Он посмотрел на Майкла и добавил.

— Говорят, на ссевере делают хорошие лифты.

Майкл промолчал.

— Привет, ребята, — раздался сзади голос. — Не слышала, как вы встали.

Они обернулись одновременно. Анна стояла в раскрашенных индейскими рисунками дверях магазина и, залитая ярким утренним солнцем, выглядела намного лучше вчерашнего. «Ей очень идет, когда она собирает волосы вот так», — подумал Майкл. Хорек первым сбросил с себя оцепенение.

— Привет, ддетка. Мы были тихи, как мышки. Старались не ппотрвожить сон спящей красавицы.

— Доброе утро, — сказал Майкл.

— Вы еще не завтракали?

Майкл покачал головой.

— Тогда самое время. Готовьте стол, а я принесу продукты.

Майкл встал и направился к навесу у магазина, оставив Хорька сидеть на ступеньке. Тот внимательно смотрел, как Анна обходит машину, направляясь к двери в салон. В этот момент он напоминал Сфинкса, его тело застыло, как будто он превратился в камень, выражение на лице оставалось спокойным, даже мягким.

— Майкл! — раздался голос Анны. — Я не могу открыть дверь!

Майкл обернулся, бросив быстрый взгляд на Хорька. Тот выглядел безмятежно, ни дать не взять, йог во время медитации. Анна смотрела на дверь. Майкл достал из кармана ключи и нажал на кнопку брелока. Блокираторы сработали совершенно бесшумно, отпирая двери.

— Ты что, запер машину? — спросила Анна удивленно.

— Да.

— Но ты ведь никогда раньше..., - она удивленно посмотрела на Хорька.

Тот встал и непринужденно подошел к ней.

— Моя помощь не нужна?

Сидя за столом, Анна чувствовала, как ее хорошее настроение медленно, но неуклонно тает. Майкл запер машину. Зачем? Ответ был только один — он не доверят Хорьку. Ночью что-то произошло? Майкл что-то заподозрил? Она мельком взглянула на Хорька, но на его лице ничего нельзя было прочесть. «Наверное, он хорошо играет в покер», — подумала Анна. — «И почему все должно быть так сложно в этой и без того непростой ситуации?»

— Майкл, ты не переменил своего решения? — спросила она. — Я имею в виду север.

Майкл покачал головой.

— Нет здесь никакого севера, — сказал он. — И никакого юга. Мы с тобой уже несколько дней едем в одном и том же направлении, и я намерен ехать так дальше.

— А ты уверен, что...?

— Уверен.

Анне захотелось поспорить с ним, но она сдержалась. Если бы здесь не было Хорька, она, может быть, и попыталась бы переубедить его. Странно, если учесть, что в этом вопросе

он был на ее стороне. Возможно, вместе им удалось бы переубедить упрямого Майкла. Проблема была в том, что Анне не хотелось иметь такого союзника, как Хорек. Особенно, когда она выступала против Майкла. Она вздохнула и промолчала.

Они позавтракали и, пока Анна приводила в себя в порядок, Хорек с Майклом погрузили вещи в машину. Они работали быстро, а когда закончили, Анна уже выходила из магазина с пакетом в руках. Им всем хотелось поскорее покинуть Санта Ану. Здесь уже нечего было искать и лучше поскорее забыть, что они вообще были в этом пуэбло.

Майкл сел за руль, и Анна заняла свое привычное место рядом с ним. Она уже собиралась закрыть дверь, когда услышала голос Хорька.

— Я не хочу ннарушать вашу идиллию, но мне кажется, ббудет лучше, если я сяду вперед. Вы ссобрались в опасные воды, ребята.

Анна с сомнением посмотрела на Майкла. Тот кивнул.

— Так действительно будет лучше.

— Хорошо.

Она перебралась в салон «Сабурбана» и устроилась на большом ящике с припасами. Хорек занял ее место, захлопнул дверь и обернулся.

— Не ппереживай, все равно здесь не на что ссмотреть, — весело сказал он.

Дорога была такой, как и множество других в этом штате, совершенно безликая и обычная до тошноты. Незадолго до привала им стали попадаться небольшие холмы. По прикидкам Майкла, скоро «Сабурбан» должен был въехать в предгорья Валле Гранде, которые являлись частью Скалистых гор.

Большую часть пути все молчали. Периодически Хорек раздражался хвалебными речам, превознося достоинства машины, ее ход и те усовершенствования, которые в ней сделал Майкл. О юге не было сказано ни слова.

Анна сидела на ящике, как раз напротив того места, куда Хорек бросил свой рюкзак. У одного из карманов отлетела пуговица, и в образовавшуюся щель Анна могла видеть кусок книжной обложки. Это была маленькая карманная библия. «Зачем она ему?» — размышляла Анна, и сама же себе отвечала: — «Должна же быть у человека хотя бы какая-нибудь надежда. И если Хорек, будучи совсем один, нашел ее в религии, то это самая естественная вещь, которая могла с ним произойти».

После обеда прошла уже пара часов. Анна клевала носом, борясь со сном. Она боялась задремать и свалиться с ящика. Машина мерно урчала, несясь вперед — Майкл придерживался постоянной скорости около шестидесяти пяти миль в час. В кабине было тихо и жарко. Анна прозевала очередной приступ сонливости. Ее голова начала клониться к груди, а сама она все больше сползала с коробки, на которой сидела. И в тот момент, когда она уже готова была упасть с нее, Хорек закричал.

— Майки, сстой! Здесь что-то не то!

Майкл нажал на педаль тормоза, и машина стала замедляться. Анна вздрогнула, пробуждаясь, и открыла глаза. Веки были такими тяжелыми, что ей пришлось чуть ли не пальцами держать их, не позволяя вновь опуститься.

— Ммм, — сказала она сонно.

— В чем дело? — спросил Майкл.

— Тихо!

Хорек вышел из машины, прошел на несколько шагов вперед и остановился, вытянув руки в стороны и растопырив пальцы. Его голова склонилась на бок, как будто он к чему-то прислушивался. Майкл смотрел на него удивленно.

— Что он делает? — спросила Анна.

— Не знаю, — сказал Майкл. — Что-то почуял, наверное.

В этот момент Хорек снова пошел вперед. Он двигался с мягкой, почти кошачьей грацией, и Анна, не отдавая себе в этом отчета, невольно залюбовалась им. Майкл включил

первую передачу и медленно двинулся за ним. Хорек сразу же остановился и, не оборачиваясь, поднял руку в предостерегающем жесте. Майкл затормозил. Постояв несколько секунд, Хорек двинулся дальше.

Минуты утекали одна за другой, и фигура на дороге становилась все меньше и меньше, пока не превратилась в маленькую белую точку. Анна перебралась на кресло рядом с Майклом, и они оба напряженно ждали. Шоссе немного отклонилось на запад, и низкое солнце заставляло их щуриться, чтобы не потерять Хорька из виду. Дорога уходила вперед между двух холмов, и он шел прямо по желтой разделительной линии.

— Ты что-нибудь чувствуешь? — спросила Анна. — Хоть что-нибудь?

Майкл покачал головой.

— Ничего, абсолютно ничего.

— Я тоже. И это плохо. Думаю, мы подъехали к тому, что он называет язвой, но ни один колокольчик не звякнул, ни у тебя, ни у меня. Если бы не Хорек, мы бы попали в беду.

— Но ведь не попали. По крайней мере, пока.

— Да. Но без него нам не выжить. Это очевидно.

Майкл не ответил. Он знал, что Анна права. Они чужаки здесь. Слепые и глухие чужаки, и цена всем их предчувствиям — ноль. Если они не успеют вырастить себе такие же глаза и уши, как у Хорька, они погибнут. Так или иначе — не важно, как.

А тот уже совсем скрылся из виду. Теперь оставалось только ждать.

Сумерки опустились на равнину, когда они решились, наконец, оставить «Сабурбан». Прошло уже четыре часа, а Хорек все не возвращался.

— Что-то тут не так, — сказал Майкл. — Его нет слишком долго.

— Может быть, с ним что-то случилось?

— Может быть.

— И что будем делать?

— Подождем немного, а потом, думаю, надо пойти за ним. Разыскать его.

— Майкл, ты же знаешь, если он угодил в язву — это самое глупое, что ты можешь сделать!

— Это единственное, что я могу сделать. Кроме того, он, может быть, ранен и нуждается в помощи. Я не брошу его. Я никого здесь не брошу!

— Это все слова. Если ты погибнешь, то уже ни о ком не сможешь позаботиться.

— Не погибну. Я буду осторожен.

— Темнеет, Майкл. В темноте опасно. Подожди хотя бы до утра.

— А если он не доживет до утра?

— Майкл, это глупо! Ты ведь не знаешь, что с ним!

— Не знаю, — голос Майкла прозвучал зло. — Что же делать?

— Подождать до утра!

Майкл раздраженно постучал ладонью по кузову «Сабурбана», звук при этом получился каким-то глухим, будто он постучал по бетонной стене, но он не обратил на это внимания. Его мысли были заняты другим.

Анна права. Но почему тогда его не покидает ощущение, что нужно спешить? Что у него мало времени и становится все меньше и меньше с каждой минутой сомнений? Эти гребанные предчувствия! Они, как назойливые собачонки, только путаются под ногами!

Воображение Майкла быстро нарисовало неприятную картину. Хорек, весь залитый кровью, лежит на асфальте и напряженно смотрит назад. Туда, где сейчас стоит «Сабурбан», только он не видит его. Он вытягивает руку, опирается на нее и проползает чуть вперед, оставляя на асфальте темный кровавый след. Еще немного вперед. Силы покидают его. Все медленнее поднимается рука, все тяжелее становится двигаться.

Майкл мотнул головой, отгоняя дурацкое видение.

— Ладно. Хорошо! — сказал он. — Ждем до утра. Как только взойдет солнце — мы

выходим.

— Правильно! — тут же согласилась Анна. — Так у нас будет гораздо больше шансов остаться в живых. Для всех троих.

Майкл кивнул и полез в машину.

Анна устало облокотилась на ее стальной бок и посмотрела на солнце, уже наполовину спрятавшееся за горизонт. «Только что я спасла ему жизнь», — подумала она. — «Он не понимает этого, а говорить ему бесполезно. Если Хорек при свете дня попался в ловушку, у Майкла нет никаких шансов, особенно ночью. А завтра утром? Боже, как я устала! Как устала на каждом шагу бороться за жизнь! Находиться в пустоши — это все равно, что идти по минному полю. Одна ошибка — и смерть». Анна потеряла виски. Сколько она еще выдержит? На сколько еще хватит душевных сил, прежде чем она совершенно спятит. Майкл сильный. Но он просто не осознает, что все время ходит по лезвию ножа. А она видит. Все видит и все осознает. В полной мере, до капли. Вот и сейчас, он готов был пойти и погибнуть, даже не подумав. Не взвесив. Всего лишь среагировал на ситуацию. «Я просто хочу остаться в живых», — мысленно взмолилась она. — «Разве это много?»

Ей не хотелось, чтобы Хорек оставался с ними. Ей не хотелось, чтобы Майкл с ним разговаривал. Анна чувствовала, что Бенни Флай умер. Ей не хотелось, чтобы они путешествовали с мертвецом.

ГЛАВА 22

Линда проснулась от громкого звука, раздавшегося прямо над ухом. Она резко выпрямилась, так, что хрустнули позвонки.

— Извини, — сказал Гораций, убирая в карман носовой платок. — Когда приспичит, тут уж ничего нельзя поделать.

В глаза било яркое солнце. Линда зажмурилась, и перед ее внутренним взором сразу же предстала вчерашняя гроза. Огромное темное облако появилось у самого горизонта и стало расти, заливая равнину крошечной чернотой. Гигантские белые молнии мелькали одна за другой, ветвясь и сплетаясь в тонкие нити паутины. Еще немного — и эта дьявольская гроза проглотит большой черный «Форд» вместе со всеми его пассажирами, разобьет его одной слепящей вспышкой и унесется прочь, оставив лишь жалкие обломки. Линда поморщилась и открыла глаза.

— Сколько времени? — спросила она.

Гораций глянул на часы.

— Около восьми.

Он критически осмотрел Линду.

— Не волнуйся, все нормально.

Линда тряхнула головой, разгоняя остатки жуткого видения.

— Мне снилась какая-то чертовщина, — сказала она.

— Это не страшно. Сны проходят.

— Хотела бы я, чтобы все это тоже оказалось сном.

Гораций хмыкнул, но ничего не ответил. Линда обернулась назад.

Хомер спал, завернувшись в старое одеяло, чуть приоткрыв рот. Он сменился около десяти часов вечера и скоро снова должен был занять свое место за рулем «Форда».

— Линда, ты не сварганишь какой-нибудь завтрак? — спросил Гораций. — Мое брюхо уже полчаса, как поет.

Он посмотрел на Линду и улыбнулся.

— По-моему, это Элвис.

Несмотря на полусонное состояние и все еще стоящую перед глазами картину грозового облака Линда рассмеялась — уж очень забавно выглядел Гораций, словно большой морщинистый тролль, сидящий за рулем грузовика. Тот тоже засмеялся, прикрыв рот ладонью, чтобы не разбудить брата.

Она сделала ему пару сэндвичей, а сама позавтракала хлопьями. Грузовик напористо пожирал милю за милей, под тихое гудение мощного двигателя.

— Сколько мы уже едем? — спросила Линда.

— Почти сутки.

— Как ты думаешь, мы найдем их?

Гораций пожал плечами.

— Пока еще никому не удавалось найти пропавшего райдера.

«Пропавшего!» — это слово обожгло Линду, как антарктический ветер. В нем было что-то неправильное, что-то окончательное. Линда упрямо не хотела думать о Майкле как о «пропавшем». Он был ее единственной надеждой. Если с ним все в порядке, если они найдут его, это значит... Значит, что и Бенни можно найти. Пусть не сейчас, но когда-нибудь. Сам Майкл, наверно, тоже так думал, когда два года назад поехал искать ее жениха. Но не нашел. Линда нахмурилась. Это еще ничего не значит. Никто наверняка не знает, что происходит в пустоши.

— Странно, — сказал вдруг Гораций. — Я всю жизнь ездил по этой дороге, и уверен, что знаю ее, как свои пять пальцев. Но с тех пор, как появилась эта штуковина, я ничего здесь не узнаю. Иногда мне кажется, что я вижу что-то знакомое, но стоит приглядеться, как все тут же рассыпается. Такое ощущение, что она никогда не бывает одинаковой. Как та китайская река.

— Нельзя войти дважды в одну реку, — сказала Линда.

— Точно! Именно так!

Линда задумчиво посмотрела в окно, заметив краем глаза промелькнувший мимо километровый знак. Нельзя дважды войти в одну реку, нельзя проехать дважды по одной и той же дороге. Это шоссе ведет от Санта Розита до Кубы, как река течет от одного места до другого, но река всегда разная. Та же река, но всегда другая.

— А у вас есть какие-нибудь приметы, что-нибудь, чтобы ориентироваться в пути?

— Нет. Ничего такого. Надо просто ехать вперед по шоссе, никуда не сворачивая. Когда появится перекресток, повернуть направо. Вот и все.

— И этот перекресток всегда... ну, всегда такой, каким был?

— Скажу так — он всегда есть. Иногда он четырехсторонний, иногда Т-образный. Но он есть, и правый поворот тоже.

— А вы не боитесь, что однажды этого поворота не будет?

Гораций кивнул, соглашаясь.

— Да, мы думали о таком. Хомер говорил с Майклом на эту тему, и, как всегда, они ни до чего не договорились. Поворот меняется. Майкл видел это однажды. Мы с братом — несколько раз. Он меняется, как вывеска, но магазин всегда на месте. Понимаешь, о чем я?

— Кажется, да.

— Майкл утверждал, ну, то есть, утверждает, что так будет всегда. Что-то он там говорил о структуре пустоши, но здесь он больше фантазирует, чем знает. Для него это вопрос веры. Он верит в поворот и все. Для него вполне достаточно. И знаешь, что я скажу?

— Что?

— Думаю, так оно и есть. Для кого-нибудь другого этот поворот может и исчезнуть, но для Майкла он останется.

— Почему?

Гораций почесал затылок.

— Не знаю, как сказать. Пустошь для него — это как дом. Он всегда маялся в городе, хотел поехать снова. Ждал возможности, как парень ждет свидания. Да ты будто сама не замечала.

Линда попыталась припомнить свои встречи с Майклом, когда тот находился в городе. В те дни он всегда был колюч и даже мрачен. С ним трудно было разговаривать, но Линда привыкла к этому и считала, что он просто такой вот человек. К тому же они мало общались.

Но когда приближался день отъезда, Майкл преображался. Он сразу становился душой их маленькой компании. Сыпал шутками, смеялся, словом, вел себя как человек, предвкушающий скорое свидание. Линда улыбнулась, вспомнив, как однажды он появился к ней с цветами. «Моему любимому диспетчеру!», — сказал он. Перед поездкой он любил приходить к ней в магазин, садился на стул и начинал рассказывать все то, что знал о пустоши: новые закономерности, которые, как ему казалось, удалось обнаружить, про то, что очередной раз усовершенствовал в машине. Он говорил и говорил, о пустоши и о машине и так далее и по кругу. Да, он определенно считал ее своим домом. Гораздо больше, чем город. И ждал, когда, наконец, сможет вернуться туда.

Когда Майкл бросил колледж и объявился в городе с этой девушкой и ребенком, он был совсем другим. Не было в нем еще и следа той одержимости, которая появилась потом, когда девчонка ушла от него. Внешне вроде бы все было в порядке, но Линда чувствовала, что он живет, как будто катится по инерции. И Бенни это чувствовал, наверное, даже больше, чем она. А потом появилась пустошь, и Майкл словно расцвел. Что-то возшло в его душе. Что-то нехорошее, как хищный цветок на ядовитой почве.

— Да, — сказала Линда. — Замечала. Лучше бы он вообще никогда не ездил в пустошь. И Бенни. Никто.

Гораций покосился на нее.

— Не вешай нос, девочка. Рано еще убиваться.

Линда кисло улыбнулась, но все же кивнула в ответ.

— Да. Дай, пожалуйста, микрофон. Пора связаться с Чарли.

Гораций передал ей микрофон и надавил на педаль газа, доводя скорость грузовика до пятидесяти миль в час, чтобы они могли поговорить.

Вот Чарли был совсем другим. Он и слышать не хотел о том, чтобы ехать в пустошь. Он не был трусом, во всяком случае, у Линды никогда не было повода так думать. Просто он считал эти поездки безумием. То, что Чарли отпустил ее, она прекрасно это понимала, стоило ему больших усилий. Он может говорить как угодно бодро, но она знала, что внутри у него все натянуто до предела.

Линда нажала кнопку.

— Чарли. Чарли, ты слышишь меня?

— Слышу, сестренка, — ответил Чарли. — Как у вас дела?

— Все в порядке.

— Ничего странного не происходит?

— Ничего, если не считать пения Хомера.

Чарли засмеялся.

— Бедняжка.

— Чарли, ты хоть немного поспал?

— Я дрых, как сурок.

Линда почувствовала, что он врет. Его голос звучал устало.

— Ты поспи. Сейчас день, и с нами все в порядке. Я свяжусь с тобой часа в два.

— О'кей. Но, вряд ли мне удастся заснуть. Я вроде как выспался.

— Врун.

— От вруна и слышу!

— До связи, Чарли.

— До связи, сестренка. Берегите себя!

— Именно этим мы и занимаемся.

Чарли отключился. Линда передала микрофон Горацию. Тот снова отпустил газ, возвращаясь к привычной для «Форда» скорости.

Через несколько минут проснулся Хомер. Он сел на кровати и обвел кабину удивленным взглядом.

— Как дела? — спросил он.

— Полет нормальный, — ответил Гораций. — Ничего примечательного.

— У тебя волосы торчат, — сказала Линда. — По бокам.

Она улыбнулась.

— Ты похож на Мак Дональда.

Хомер посмотрел в зеркало, висящее над кроватью, и попытался пригладить волосы пятерней.

— Что на завтрак?

Братья поменялись местами. Гораций перебрался назад, завернулся в одеяло и почти сразу же заснул. Через несколько минут раздался его храп.

— Никогда не мог понять, как он это делает, — сказал Хомер. — Я сам, пока не перевернусь с боку на бок пару дюжин раз, не могу заснуть.

— У него, должно быть, чистая совесть, — заметила Линда.

— Как у младенца, — улыбнулся Хомер.

— Послушай, а почему вы стали ездить по пустоши?

Хомер почесал затылок. Линда улыбнулась, этот жест был в точности таким же, как у его брата.

— Трудно объяснить. Просто я подумал, что у нас тут появилось что-то стоящее. Впервые в этом захолустье появилось что-то стоящее. И тогда я сказал себе: Хомер, сказал я, дураком будешь, если не увидишь все своими глазами.

Он провел ладонью по лицу, пытаясь стереть остатки сна.

— Золотые денечки остались в прошлом, а вспомнить особенно и нечего. Мы всю жизнь прожили в этом штате, последние сорок лет в Санта Розита. Жизнь протекала где-то в других местах, мимо нас. Наверное, так.

— А Гораций?

— Ему, я подозреваю, все равно — что возить мясо в Санта Фе, что колесить по пустоши.

— Не верю!

Хомер пожал плечами.

— Он очень упертый человек, мой брат. Его мало, что может сдвинуть. Ты понимаешь, о чем я?

— Пустошь кого угодно может сдвинуть!

— Лучше бы она это не делала, — сказал Хомер. — Мне-то что — лет через пятьдесят я уже предстану перед создателем. А Майкл, Бенжамин, ты — вы молодые. Не стоит вам соваться сюда. Это плохое место, оно ставит свое клеймо на всю жизнь.

— Какое еще клеймо?

— Тот, кто был здесь, будешь носить пустошь в своем сердце. Это не просто название места — это его суть. Пустошь. Плохо, когда в душе молодого человека появляется такое. Взять, например, Майкла — я почти вижу, как на нем горит ее отметина.

— Ну, это ты загнул!

— Может быть. Может быть, это просто стариковское предчувствие. Я живу уже долго, и то, что не знаю, а я очень многого не знаю, я чувствую. Здесь.

Он похлопал себя по груди.

— У молодых нет такой способности.

— А почему ты не пытался отговорить его от поездок?

— Отговорить Майкла? Ха! Это все равно, что отговорить младенца дуть в штаны!

Линда удивленно посмотрела на него и разразилась смехом. Засмеялся и Хомер, кашляя и трясая головой. Грузовик чуть вильнул.

— Смотри на дорогу!

— Ха-ха-ха!

— Дуть в штаны!

— Ха!

— Ой, не могу!
Сзади беспокойно заворочался Гораций.

В два часа Линда снова вышла на связь, и снова не было никаких новостей. Голос Чарли звучал бодрее. Наверное, он действительно немного поспал. Гораций проснулся около четырех, и до его смены оставалось почти два часа. Линда собралась поменяться с ним местами, чтобы он сел рядом с братом, но Гораций покачал головой.

— Сиди, — сказал он. — Я еще успею.

Тогда она стала смотреть на дорогу.

Прошло уже тридцать два часа с того момента, как они отправились в путь. Если Майкла вообще можно было найти, они должны вот-вот его встретить. Но ничего не было. Пейзаж пуст и однообразен. Только километровые столбы проносятся мимо. Один, другой, третий... Линда удивленно приподняла брови.

— Хомер, — сказала она. — Ты ничего не замечаешь?

— Где?

— Там.

Линда указала на обочину.

Хомер нагнулся вперед. Несколько секунд он внимательно всматривался в даль.

— Не понимаю, о чем ты?

— С какой скоростью мы едем?

Он посмотрел на спидометр.

— Сорок миль, а что?

— Километровые столбы! Смотри!

— Мать моя женщина! — вырвалось у Хомера. — Что за чертовщина?

Если грузовик движется со скоростью сорок миль в час, столбы должны появляться каждые полторы минуты, но эти появлялись с промежутками секунд в двадцать, никак не больше. А это значит...

— Что там? — спросил Гораций. — Мы...

Он не закончил.

Двигатель продолжал размеренно гудеть.

Столбы мелькали все чаще. Десять секунд, пять.

Линда в изумлении открыла рот.

— Эй, брательник, не гони, — сказал Гораций. — Успеем еще.

— Я не гоню, — удивленно ответил Хомер. Все одновременно посмотрели на спидометр. Стрелка указывала на отметку сорок. Так же одновременно все перевели взгляд на дорогу.

— Твою мать, — вырвалось у Хомера.

Столбы мелькали каждые три секунды, нет — каждую секунду!

— О-о-о!

Они набегали все быстрее и быстрее и скоро уже слились в сплошной белый туман, размазанный по обочине. Линда не верила своим глазам.

— У-у-у-у-у, — загудел Хомер.

Гораций застыл, как статуя, глядя, как мимо с чудовищной скоростью проносятся знаки.

— У-у-у-у!

Грузовик летел, как ракета. Линда закрыла глаза, моля Бога, чтобы Хомер не сделал то же самое. В последний момент ей показалось, что «Форд» вот-вот оторвется от земли.

— У-у-ууу... черт!

Повисла тишина. Линда сидела, боясь пошевелиться.

— Хрень! — выругался Хомер. — Чуть в штаны не наложил! Эй, Линда, можешь открыть глаза. Шоу окончено.

Линда осторожно посмотрела на дорогу. Никаких столбов. Нет! Вот он! Она уже была

готова снова зажмуриться, но передумала. Столб величественно и плавно проплыл мимо и исчез позади. Они снова двигались с обычной скоростью.

— Что это было?

— Не знаю.

— Такое бывает? — удивленно спросила Линда.

— Нет, — ответили братья одновременно.

— Никогда такого не было! — добавил Гораций.

— Не нравится мне это!

— Смотрите!

Все одновременно посмотрели туда, куда указывала Линда. Гораций даже открыл рот от удивления.

По обочине, ярдах в тридцати от машины, параллельно ее курсу, что-то двигалось. Какое-то существо. Оно было похоже на койота, только гораздо крупнее. Существо передвигалось быстрыми скачками, преследуя машину, словно гигантский роадраннер.

— Это еще что такое? — вырвалось у Горация. — Хомер!

Хомер повернулся к дороге и увидел, что грузовик уходит в сторону. Плавным движением руля, он вернул его обратно.

Линда смотрела на бегущее существо, широко открыв глаза. Оно двигалось под острым углом, постепенно приближаясь к дороге. «Кто может так быстро бежать?» — подумала она. — «Какое существо может бежать так быстро?»

— Твою мать — Хомер! — это же собака! — крикнул Гораций.

— Этого еще не хватало!

Линда с трудом воспринимала то, о чем они говорят. Существо было похоже на собаку и одновременно не было. Огромное, покрытое блестящей черной шерстью. Стоя на четырех лапах оно было бы не меньше шести футов от земли до головы. «Кто ты?» — мысленно спросила Линда.

Будто услышав ее мысли, существо повернуло морду, и Линда почувствовала, как его глаза впились ей в лицо.

«Отвернись!» — закричала истеричка, сидящая у нее внутри. — «Не смотри на нее! Нельзя смотреть на нее!». Но Линда не могла оторвать взгляд. Ее притягивало что-то в тех бешенных глазах, звало.

Существо, казалось, поняло, что на него смотрят и, неожиданно сменив курс, бросилось к машине. Расстояние между ним и грузовиком начало быстро сокращаться.

— Ты только погляди! Вот дерьмо! — закричал Хомер.

Как будто возникшие из ниоткуда, на обочине появились еще три твари. Они так же бежали вдоль дороги, подбираясь к грузовику. Их морды были обращены к машине.

— Мне это не нравится! — сказал Гораций. — Совсем не нравится. Раньше так не...

Первая тварь метнулась к кабине «Форда» и прыгнула. Ее лапы ударили по стеклу в том месте, где сидела Линда. Она отпрянула и закричала.

Тварь соскользнула и упала на дорогу. В большое боковое зеркало, Линда с ужасом наблюдала, как она поднялась на лапы и снова бросилась вперед. Между тем, три ее сородича подобрались к самым колесам.

«Они загоняют нас, как зверя», — подумала Линда. Она почувствовала, как «Форд» начал разгоняться. Непрерывно ругаясь, Хомер нажимал на педаль газа. Линда обхватила голову руками и наклонилась вперед, почти касаясь лбом стекла.

— Хрен тебе, тварь бестелесная! — заорал Хомер и ударил кулаком по клаксону.

Грузовик взревел, как мастодонт, и в тот же момент, словно звук послужил им командой, все четыре твари одновременно прыгнули.

ГЛАВА 23

— Линда! Линда ответь!

Чарли удивленно посмотрел на рацию, как будто видел ее впервые в жизни.

— Что за черт! Линда!

Он взглянул на часы. Восемь вечера, экипаж грузовика уже давно должен был выйти на связь. «Заснули они там что ли?!».

— Ли...

Внезапно Чарли побледнел и отшатнулся от микрофона.

— Нет. О нет! Нет-нет-нет! Только не это!

Его прошиб холодный пот от одной мысли о том, что могло случиться.

— Эй, Линда! Хомер! Гораций! Вы там? Вы слышите меня?

И снова тишина. Глаза Чарли округлились, и он застыл, как изваяние, склонившись над микрофоном. Вот так! Сначала Хорек, потом Майкл. Это было ужасно! Конечно ужасно! Но теперь это Линда. Его сестра! В тысячу раз хуже! Один за другим, все они поехали в пустошь и не вернулись. Чарли не мог поверить. Не было сил заставить себя поверить в такой чудовищный поворот событий. Но вот он — факт, и с ним нельзя спорить.

Чарли даже в мыслях не допускал, что такое может случиться. Да, он не верил, что сестра найдет Майкла. Скорее всего, они просто проедут по маршруту до Кубы и обратно и вернутся назад ни с чем. Тогда можно будет сказать: «Я сделал все, что мог». Можно будет спать спокойно.

Они пропали. В пустоши.

— Линда?

«Кажется, я потерял сестру. Потерял ее в этом чертовом, в этом гребаном месте. Зачем я ее вообще отпустил, ведь знал же, что Майкла не найти! Почему же я был таким дураком?! А Краучеры? Почему они согласились?». Ответ пришел сразу, он был прост и очевиден.

— Да потому, что они думали так же, как и я, — сказал Чарли вслух. — Просто поездка по пустоши. Туда и обратно. Вот как для них это выглядело. Вот как для всех это выглядело.

Чарли вскочил и заметался по комнате. Что делать?

В мыслях царил полный разброд, ему никак не удавалось сосредоточиться. Чарли бездумно ходил из угла в угол, обхватив голову руками, пока не налетел на угол стола, больно ударившись коленкой, так, что из глаз брызнули слезы. Микрофонная стойка закачалась и упала.

Может быть от боли, а может быть от этого звука, в голове у Чарли прояснилось. Он сел и водрузил стойку на место. Рано паниковать. Со связью могло случиться что угодно, и это еще не значит, что что-то случилось с ними.

— Надо подождать, — тихо сказал Чарли. — Надо подождать. Подождать.

Он посмотрел на микрофон. Овернувшись проводом вокруг стойки, тот напоминал высушенную змею. Холодную и совершенно мертвую. А вдруг он сломался, когда упал? Чарли схватил микрофон и внимательно осмотрел его. На вид никаких повреждений.

— Успокойся, — сказал он самому себе. — Не психуй. Будет только хуже.

Он осторожно поставил микрофон на место и стал ждать.

— Черт! — сказал радист и прижал наушник плотнее. — Вот это уже плохо.

— Что там? — спросил его дежурный.

— Грузовик не отвечает!

— Не может быть!

— Может. Младший Вайтберд не может с ними связаться. Судя по голосу, дело пахнет керосином.

— Хрен собачачий, уже второй раз! Надо доложить капитану.

— Не торопись. Вдруг они еще отзовутся. Подождем.

Чарли ждал. Сумерки за окном сгустились и через несколько минут превратились в темноту. Чуть слышно тикали кварцевые часы на стене. Рация по-прежнему молчала.

Он сидел, почти не двигаясь, закрыв ладонями лицо. Иногда он поднимал голову и оглядывал комнату. Буквально все в этом офисе хранило отпечаток его сестры: воздух был пропитан запахами ее духов и сигарет, стена была обклеена фотографиями Лас Вегаса. Они притягивали внимание, как магниты, и Чарли помимо воли принялся их рассматривать.

Линда мечтала когда-нибудь там побывать. «Поднакоплю денег и поселюсь в каком-нибудь шикарном отеле», — говорила она. — «В „Четырех сезонах“ или „Луксоре“. Кстати, там можно купить вертолетную экскурсию к Большому Каньону. Вот это было бы клеево!». Чарли соглашался с ней. Да, безусловно, будет клеево, хотя сам он считал поездку в Лас Вегас самой идиотской тратой денег, которую Линда могла бы придумать. А фантазия у нее работала. Да. Она была очень увлекающейся, очень импульсивной. И из-за очередного дурацкого импульса угодила в беду. В страшную беду.

Чарли прерывисто вздохнул, чудом удержавшись от того, чтобы вскочить и снова начать бегать из угла в угол.

Успокойся! Жди!

Время, как будто нарочно, ползло медленно, и с каждой минутой нервы у Чарли натягивались, словно кто-то наматывал их на большую катушку. «Я сижу тут и ничего не делаю», — думал он. — «Надо что-то предпринять!». И тут же отвечал сам себе: «Ага. Конечно! Нет проблем! Вот Линда уже предприняла. Ты тоже хочешь попробовать?».

Чарли мотнул головой, изгоняя из мыслей этот дурной насмешливый голос. «Может быть, Пламер? Правда, он ясно дал понять, что Линда едет на свой страх и риск, и что людей за ними он посылать не будет. Как легко я тогда согласился! Какой идиот!».

До полуночи Чарли еще несколько раз пытался связаться с грузовиком, но все безрезультатно. Он то вставал и принимался ходить по офису, рассматривая фотографии, то вновь садился. Ожидание сводило его с ума. К часу ночи идея поставить в известность Пламера уже не казалась ему такой уж безумной. Даже наоборот. Пламер — разумный человек. Не бросит же он его сестру в пустоши! «Да», — согласился с ним все тот же противный голос. — «Пламер разумный, это точно! Именно поэтому он не станет рисковать своими людьми». «Может быть, рассказать отцу? Нет! У него случится инфаркт, когда он узнает, что я отпустил сестру в пустошь!».

Чарли встал, подошел к кофеварке в углу, сделал себе кофе и выпил горячий напиток, даже не почувствовав вкуса. «Линда, Линда — где же ты?».

Он сдвинулся к четырем часам утра. Включив устройство автоматической записи, Чарли накинул куртку и вышел из магазина. Упругий ветер, налетающий из пустоши, взметнул его волосы. Он поднял воротник и посмотрел на небо. Оно было ясным, глубокого черного цвета и где-то там высоко-высоко над землей висела огромная почти белая луна. Через секунду, когда глаза привыкли к темноте, он различил звезды. Тысячи и тысячи маленьких ярких точек. «Где-то там есть планета, на которой текут реки чистого шоколада», — говорил ему отец, когда Чарли был еще совсем маленьким. — «Но никто не знает, где она». «Когда я вырасту и стану космонавтом, то обязательно найду ее!», — заявил тогда Чарли. Отец покачал головой и ответил: «Не все можно найти, сынок». «Почему?». «Потому, что есть вещи слишком прекрасные или слишком ужасные, чтобы люди могли их увидеть».

Чарли опустил голову и направился к машине.

В этот ранний утренний час Санта Розита казался полностью вымершим. Крошечный городок с населением всего в тысячу жителей и днем не походил на оживленный мегаполис, но сейчас он был пуст, и эта пустота действовала угнетающе. Чарли миновал перекресток, проехав на красный свет. Страшное преступление, но наказать нарушителя никто не мог. Единственная полицейская машина патрулировала где-то в другом конце города. По дороге, подгоняемые ветром, летали какие-то тряпки, похожие на ленивых скотов. Утром кто-то не

найдет свое белье, сушившееся на заднем дворе. Чарли проехал заправку, над которой мигал неоновый знак, изображающий колонку. Где-то там, в темной конторке, устроившись в старом продавленном кресле, спит Бэлч Квинслетт, подрабатывающий в ночную смену. Дел у него в последнее время, прямо скажем, не много. Чарли проехал еще пару кварталов и оказался в южной части города. До военного лагеря оставалась всего пара минут езды.

Он остановился у шлагбаума и коротко просигналил. К нему подошел солдат.

— Сэр?

— Мне нужно поговорить с капитаном Пламером.

— Сэр, сейчас ночь и капитан спит...

— Это очень важно! Дело касается пустоши.

Часовой колебался.

— Могут погибнуть люди, — добавил Чарли.

Последний аргумент подействовал. Солдат кивнул.

— Как мне вас назвать, сэр?

— Чарльз Вайтберд.

— Подождите минуту.

Часовой скрылся в своей будке. Чарли нетерпеливо забарабанил пальцами по рулевому колесу. Конечно, врать не хорошо. Но разве он обманывает? Солдат снова появился спустя пару минут и поднял шлагбаум.

— Капитан в центральной палатке. Езжайте все время прямо.

— Спасибо.

Чарли двинул машину вперед, щурясь, когда яркий свет прожекторов, освещавших базу, бил в глаза. Ему страшно хотелось нажать на газ, но он сдерживал себя, медленно продвигаясь мимо грузовиков, палаток и больших темных контейнеров. «Надо успокоиться, немного успокоиться».

Ему это почти удалось.

Капитан сидел за столом и молчал.

— Садитесь, — сказал он, наконец. — Позвольте, я угадаю, что случилось — грузовик перестал отвечать на вызовы?

— Да, — ответил Чарли и сел на свободный стул.

Пламер кивнул.

— Что вы хотите от меня?

Чарли открыл было рот, чтобы ответить, но ответ не пришел. «Действительно, а что я хочу?»

— Вы не собираетесь ничего предпринимать? — спросил он.

Пламер зло усмехнулся.

— Напротив. Я очень даже собираюсь! Я собираюсь перекрыть все выезды из города так, что ни одна мышь больше не проскользнет в пустошь. Я потерял там гражданских достаточно для того, чтобы прямо сейчас подать в отставку. Вот, что я собираюсь предпринять!

— А как же...

Чарли хотел сказать «Линда», но удержался.

— А как же грузовик?

— Их уже не спасти, и вы это знаете не хуже, чем я. Мы слушаем эфир, так что я в курсе событий. Они исчезли, и нет никаких оснований полагать, что их можно найти. Наоборот, есть все основания больше никого туда не пускать, так, по крайней мере, мы избежим еще больших потерь.

— Вы сказали «потерь»?

Чарли не поверил своим ушам.

— Но ведь они живы! Они живы, и они там!

— Откуда вы это знаете?

— Ну я... просто знаю!

Взгляд капитана смягчился. Он потер глаза.

— Мистер Вайтберд, я сочувствую вам. Поверьте. Насколько я понимаю, там ваша сестра. Но вы должны знать, что у нас нет никаких шансов найти ее. Я не могу рисковать своими людьми напрасно. Поймите меня.

— Я понимаю.

— Ничего нельзя сделать.

Чарли встал. Пламер тоже поднялся.

— Мне очень жаль, — сказал он.

Чарли кивнул и молча вышел. Когда полог палатки опустился за ним, Пламер сел и изо всех сил ударил кулаком по столу так, что заныла рука. Он обхватил голову и просидел неподвижно несколько минут. «Сволочное место! И людей оно делает такими же». Немного успокоившись, он подошел к коммутатору и поднял трубку.

— Дежурный?

Чарли не помнил, как снова вернулся в магазин. Всю дорогу он думал о разговоре с капитаном и понял, что никакого другого ответа и быть не могло. Поездка была напрасной и разговор тоже. Пламер ничего не может сделать. Каждый шаг, который он предпримет, чтобы спасти пропавших, обернется для него непоправимой ошибкой. И не было никакого «даже если». Ни одного. Без вариантов. «Я сделал все, что мог», — подумал Чарли.

Огонек записывающего устройства не горел — никто не пытался связаться с ним, пока он ездил на базу. Надежда всегда тлеет где-то в глубине сердца, и вот еще одна капля на остывающие угли. «Я сделал все».

Он посмотрел на рацию.

А может быть, не все?

Эта мысль ужаснула его. «Нет! Ни за какие деньги!». «Да причем тут деньги! Это твоя сестра!». Чарли сидел, глядя в одну точку, и спорил сам с собой, пытаясь принять решение, возможно, самое трудное в своей жизни решение. Это было похоже на попытку приподнять кирпичную стену. «Их нельзя спасти! Нельзя найти! Еще ни разу, никому не удавалось найти и вернуть пропавшего райдера. Это аксиома пустоши». Никто не произносил этого вслух, но этого и не требовалось. Все знали. «Значит, оставить все как есть? Ничего не делать?». «Но Линда!». «Ничего нельзя сделать!».

Чарли ощущал страшную усталость. За исключением пары часов вчера днем, он не спал уже вторые сутки. Отчасти это могло быть причиной того, что у него так заплетались мысли.

Голова клонилась вниз. Она стала тяжелой, как будто вместо крови в жилах у него тек свинец. Из последних сил Чарли пытался сопротивляться сну. Линда может выйти на связь, а он не услышит. Комната постепенно погружалась в сумерки. «Странно», — подумал Чарли. — «Почему...».

Он положил руки на стол, как школьник, и опустил на них голову.

— Надо, — вяло сказал он себе. — Надо. Надо...

— Чарли?

Голос отца доносился откуда-то с другой планеты. Чарли медленно поднял голову, пытаясь разлепить глаза.

— Чарли? Что ты тут делаешь? Что-то случилось?

— А?

— Где Линда?

Остатки сна мгновенно улетучились. Взгляд, помимо его воли, метнулся к рации. Лампочка не горела. Вся боль и усталость предыдущего дня вновь навалились, как будто он всю ночь не смыкал глаз. Чарли закрыл лицо руками.

Лайан увидел, как сын посмотрел на рацию, заметил, какое серое у него лицо и круги

под глазами. Он понял, что произошло.

— Но зачем? — спросил он, и сел на стул.

— Майкл пропал.

Лайан покачал головой.

— Проклятый город, — сказал он. — Так вот почему военные перекрыли все выезды.

— Они сделали это?

— Сегодня рано утром. Я сам видел. Решил заехать сюда, спросить, не знаете ли вы, что происходит. Чарли, что с твоей сестрой?

Чарли пожал плечами.

— Я не знаю.

— С кем она поехала?

— С Краучерами.

— И давно они... пропали?

— Не выходили на связь с двух часов вчерашнего дня.

— Боже!

Чарли достал сигарету и закурил.

— Нам нужно ехать за ними! — решительно заявил Лайан.

— Бесполезно. Нас не выпустят из города.

— Хрен эти англос остановят старого навахо!

— Отец, брось эти индейские штучки! Это не игры!

— Молчи, дурак! Вам надо было понять это раньше! Еще до того, как вы стали играть в эти твои «не игры»! У меня там дочь!

— А у меня сестра.

Чарли спокойно посмотрел на Лайана. На секунду ему показалось, что блеск в глазах отца стал угасать... но только на секунду.

— Тем более!

— Отец, я бы не хотел... — начал Чарли.

Но Лайан перебил его.

— Ты бы не хотел?! Я скажу тебе, что бы ты хотел! Ты бы хотел прийти к моему дому в девять вечера, сесть в мой «Тахо» и заткнуться!

— Мы тоже сгинем.

— Это мы еще посмотрим!

— Нечего тут смотреть, — сказал Чарли устало. — Это ясно, как божий день.

— Ничего не ясно! Я не собираюсь сидеть на заднице, зная, что моя дочь, с таким трудом пришедшая в этот мир, находится там.

«Опять он за свое!», — подумал Чарли. Линда родилась мертвой и забрала с собой их мать. Доктора сказали потом, что у матери был запущенный случай гестоза, и уже ничего нельзя было сделать. Сказали, что им нужно смириться. Но Лайан не смирился. Чарли не знал, что произошло там, в больнице, но Линда ожила спустя минуту после констатации смерти. Отец никогда об этом не рассказывал, но Чарли был уверен, что у Лайана в ту минуту был выбор — жена или дочь. Он выбрал Линду. У навахо вся жизнь пропитана магией, наверное, какую-то ее часть унаследовал и отец. Он говорил Чарли, что Линду нужно беречь, потому что злые духи могут быть недовольны тем, что у них отняли законную добычу. А может быть, все чушь. Не было никакой магии. Линда ожила потому, что никогда и не умирала. Врачи могли ошибиться. И нет никаких духов. А была дочь, доставшаяся его отцу такой страшной ценой. Но с тех пор Лайан стал немного странным. Неожиданно он вспомнил, что является навахо, и долгое время пытался воспитывать детей в таком ключе.

— Впрочем, ты можешь оставаться здесь, — сказал Лайан. — Я поеду один.

Чарли покачал головой.

— Ты не знаешь, на что идешь.

— Никто не знает своей судьбы.

Чарли посмотрел на отца, и внезапно его озарило. Он увидел путь. Отец много раз

говорил, что у воина нет ничего, только путь, который указывает сердце. И пусть Чарли был всего лишь наполовину навахо, он понял. Они смогут выбраться из города, и они не вернутся. Таков путь, по которому нужно пройти. На самом деле нет никакого выбора. Все уже произошло. Нельзя ничего ни изменить, ни отредактировать. Осталось пройти свой путь до конца.

Чарли посмотрел в яркие, почти черные глаза отца.

— Я поеду с тобой. Полагаю, это будет правильно.

ГЛАВА 24

Хорек не торопился. Где-то рядом опасность. Язва.

Он почувствовал ее, еще сидя в машине, по тому, как изменился звук двигателя. В пустоши существовало простое универсальное правило, о котором Хорек не считал нужным рассказывать Майклу, ограничившись перечислением конкретных признаков. Правило гласило: любое изменение — это сигнал об опасности. Сама по себе пустошь совершенно статична, почти как фотография, и, если что-то в ней изменилось, значит, где-то близко должна быть язва. Никакой середины. Все очень просто.

При обычных обстоятельствах, путешествуя в одиночку, Хорек сразу бы ушел прочь, едва почувствовав ее признаки. Только сумасшедший мог продолжить путь, надеясь на удачу. Но сейчас обстоятельства изменились. Теперь здесь есть Майкл и девчонка. И машина. Очень хорошая машина. Достаточно веская причина, чтобы рискнуть.

Дорога постепенно поднималась в гору. Язва должна быть где-то внизу, у подножья холма. Хорек почти не слышал своих шагов. Раньше ему уже попадались такие предвестники, это он помнил точно, но, хоть убей, не мог припомнить, что именно за ними скрывалось. Что-то очень опасное. Чудовищное. Впрочем, одни и те же приметы могли предвещать разные язвы. За время своих блужданий Хорек уяснил, что связь между ними очень зыбкая. Тут, как повезет... или не повезет. «Интересно», — подумал Хорек, — «какая ты?».

Солнце било ему прямо в глаза, и это его беспокоило. Он предпочел бы хороший обзор, чтобы успеть среагировать в случае чего. За последнее время его реакция существенно улучшилась, но когда все решает мгновение, даже самой быстрой реакции может оказаться недостаточно. Смерть будет молниеносной, и, скорее всего, человек даже не узнает, что же убило его.

Хорек поднялся на вершину холма, и перед ним открылась холмистая панорама предгорий Валле Гранде. Они тянулись далеко вперед, где, почти у самого горизонта, стеной возвышались горы. Хорек замер и стал медленно, стараясь не пропустить ни одной детали, осматривать местность впереди. Мелочи — это очень важно. Мелочи — это ключ к пустоши.

В первую минуту он не обнаружил ничего особенного. Только чуть-чуть заложило уши. Хорек продолжал стоять и терпеливо ждал, только идиот мог решить, что, раз ничего не видно, значит, опасности нет. Все не так просто.

Какое-то слабое движение далеко впереди привлекло его внимание. На таком расстоянии трудно было понять, что происходит. Движение длилось секунд десять, а потом прекратилось. Через мгновение он ощутил еле различимый низкий гудящий звук. Не двигаясь, Хорек стал анализировать его, примеряя к тому, что уже видел и знал. Что-то подобное уже было, он уже испытывал такое ощущение.

— Это змейки, — произнес он чуть слышно и улыбнулся. — Змейки-змейки греются на солнце. Хорошо.

Хорек медленно двинулся вперед и стал спускаться с холма. Все его внимание было приковано к тому месту, где он заметил движение. Там, у самой дороги лежал большой темный валун. Насколько можно было судить, с ним все было в порядке. Его можно использовать как ориентир.

— Ты хочешь сыграть один на один? — стал чуть слышно напевать он, стараясь унять

мелкую дрожь в ногах. Вокруг сгущались сумерки, обещая скоро смениться полной темнотой. — Ты хочешь выяснить, кто из нас лучший?

Он глубоко вздохнул и покачал головой из стороны в сторону, разминая напряженные мышцы, стараясь не сводить глаз с валуна.

— Да, детка. Да! Да!

Все его внимание сконцентрировалось на камне. Скоро он подойдет достаточно близко.

— Ты думаешь, что сможешь побить меня? Ошибаешься! Ты ошибаешься, детка! Потому что я — чемпион!

И вдруг это снова произошло. Хорек остановился, и все его мышцы напряглись. Он внимательно и даже восторженно смотрел, как стала появляться очередная «змейка». Сначала лишь маленькая точка, вмятинка на асфальте, а потом все больше и больше. Вновь до ушей донесся слабый гудящий звук.

Хорек стоял и смотрел, как она растет. «Какая здоровая! Хорошо, очень хорошо!». Внезапно его глаза уловили еще одно движение, дальше и левее. Он осторожно повернул голову. «Вот! Еще одна. А там дальше, еще!». Чуть слышно хлопнув, первая «змейка» исчезла. Хорек насчитал их не меньше дюжины. «Отлично! То, что надо!». Он сел прямо на дорогу и стал ждать.

«Я сижу на пороге настоящего ада», — думал он, — «и смотрю, как черти играют во фрисби». Эта мысль развеселила его, и Хорек беззвучно засмеялся. Он сидел, согнув ноги в коленях, в любой момент готовый оттолкнуться и бежать.

— Нет, Майки не выжил бы здесь.

Хорек стал думать о той язве, в которую угодили Майкл и Анна. Такие появлялись достаточно часто. Он называл их «туннели». Они не были особенно опасными, если условия «там» и здесь почти одинаковые. В таком случае, можно даже выжить, если попадаешь на момент рождения или исчезновения язвы. Главная опасность заключалась в тех, кто приходил через эти «туннели». Иногда существа, появившиеся из них, бывали крайне враждебны. Они имели только одно желание — убивать. Хорек полагал, что это от шока, сопровождающего их переход. От шока и физических страданий. И, чем больше эти существа отличались от всех земных тварей, тем кровожаднее они были. Они вываливались в другой мир, полный страха и боли, и преобразовывали их в ярость. Большинство из них ощущали жертву, если от нее исходил страх или устойчивое внимание. В этом случае главное — не смотреть на охотников и не позволять панике захватить себя. Тогда они могли не увидеть. Но если уж замечали, тогда начиналась погоня. Передвигаясь, эти существа как бы вытягивали язву за собой. Если повезет, и сможешь достаточно долго от них скрываться, то произойдет коллапс. Что-то разорвется в самой ткани язвы, и «туннель» закроется.

Хорек уже встречал подобных пришельцев. Именно из-за них у него остались глубокие отметины на груди. Слава Богу, в его случае охотники оказались недостаточно проворными!

Майклу и Анне повезло гораздо больше. «Туннель» не выпустил охотников, возможно, через него вообще ничего не вышло.

Хорек был уверен, что призраки, которых иногда встречали райдеры, это тоже охотники. Просто «туннели», через которые они проходили, оказывались слишком слабы. Они лишь обозначались, и то, что приходило через них, не имело конкретной формы. Возможно, форма зависела от того, кто на них смотрит, а, если на них не обращать внимания, такие охотники и вовсе должны были исчезнуть.

Наверное.

Может быть.

Хорек просидел на краю язвы часа четыре, наблюдая, как появляются и исчезают «змейки». Обычно ореол их появления начинает расти, пока не достигает своего максимума. Затем снова сужается. Это похоже на медленное биение огромного сердца. Если наблюдать достаточно долго, можно увидеть границу, дальше которой «змейки» не появятся. Это и будет граница язвы.

Он немного продрог. Солнце закатилось за горизонт, и небо потемнело. Ему не хотелось идти к язве в темноте, но выбора не было. Майкл и Анна могут решить отправиться на поиски. А в намерения Хорька не входило, чтобы они нашли его здесь.

Он встал и осторожно пошел вперед.

Майкл проснулся еще до того, как взошло солнце. Поворочавшись несколько минут, он понял, что заснуть уже не сможет. Вставать было еще рано, поэтому он просто лежал и смотрел в потолок машины, прислушиваясь к размеренному дыханию спящей Анны. Он вспоминал, как давным-давно лежал вот так в своей кровати в Санта Розита рядом со Стейси. В соседней комнате мирно спал Сэм. В тот момент в душе Майкла царили мир и покой. Жизнь казалась правильной и должна была длиться вечно. Любил ли он Стейси на самом деле?

А Анну?

Майкл осторожно повернулся и посмотрел на нее. Анна спала, положив руку под голову. Волосы рассыпались по импровизированной подушке. Она казалась такой милой, такой незащищенной. Посреди лба пролегла чуть заметная морщинка. Майклу вдруг почти непреодолимо захотелось поцеловать ее. Нагнуться и коснуться губами мягкой кожи. Но он не шелохнулся. Сейчас не время. Возможно потом, если они выберутся отсюда. Перед тем, как она уедет к себе в Вермонт, и все забудется. Майкл не верил, что Анна захотела бы остаться. Слишком много ужасов они разделили, чтобы быть вместе.

Он продолжал смотреть в потолок и ждать восхода.

Когда лучи солнца проникли в машину, Анна зашевелилась. Она приподнялась на локте и сонно осмотрелась.

— Уже утро?

— Да.

Майкл поднялся.

— Нам надо торопиться.

— Мне снился какой-то сон. Что-то хорошее, но я никак не могу вспомнить что.

— Я сделаю нам завтрак.

— Давай.

Майкл прихватил пакет с едой и вышел. Анна села, подтянув ноги, и стала смотреть, как он раскладывает завтрак на обочине. Ей было хорошо. Наверное, это не правильно. Хорек пропал, Майкл беспокоится, а ей хорошо. Но она ничего не могла поделать с этим ощущением. Ни разу с тех пор как они оказались в пустоши, она не чувствовала себя так умиротворенно и спокойно. Анна знала, что очень скоро это ощущение пройдет, но пока оно есть, и это здорово. Она вылезла из машины, взяла бутылку воды и стала умываться.

— Мы пойдем за ним, — сказал Майкл, — и будем смотреть во все глаза.

— А ты не хочешь поехать на машине?

— Я думал об этом. Нет. Слишком опасно. Если мы пойдем пешком, у нас будет больше возможности для маневра.

— То есть — для бегства?

— Да.

— А если мы не найдем Хорька, ты все равно поедешь на север?

— Мы найдем его.

— Майкл, ты же знаешь...

— Знаю!

Он упрямо стукнул кулаком по земле.

— Я верю, что нам повезет! Должно повезти! Бенни рисковал жизнью, пытаясь уберечь нас!

Анна не усмотрела в его словах той связи, которая, наверное, была очевидна для Майкла.

— Обещай мне, что ты будешь очень осторожен!

Майкл удивленно взглянул на нее.

— Конечно!

— Это важно!

— Знаю!

— Если мы увидим или хотя бы почувствуем что-нибудь, мы сразу же уйдем!

— Хорошо.

Анна кивнула и бросила бутылку в машину.

«Она боится», — подумал Майкл. — «Кто может упрекнуть ее за это? Я и сам боюсь. Эх, Бенни, почему ты ничего не боишься? Почему ты такой патологический герой?». Неожиданно Майклу тоже захотелось стать героем. Как Хорек. Ну, или почти таким.

Хорек остановился. Он на месте. Это здесь. Теперь остается просто ждать. Он сел на землю за островком полыни и подтянул ноги к груди. Где-то рядом в темноте появлялись и исчезали «змейки», издавая свое тихое гудение. Хорек мрачно смотрел перед собой.

Наверное, все дело в машине. Если бы у Майкла не было машины, все могло бы быть по-другому. Если бы он оказался сговорчивее, все могло бы быть иначе. «Ты еще многого не знаешь, Майки», — подумал Хорек. — «Например, о змейках. Да! О змейках и хитром старом волке».

Хорек улыбнулся. Он поедет на юг. Да, точно! Только сумасшедший мог поехать на север, туда, откуда идет вся эта дрянь. Конечно, из пустоши нельзя выбраться, но можно пожить, как король, гоняя по пустым шоссе. А там, кто знает? У всего на свете есть дух. Так почему бы ему, Бенни Флаю, не стать духом пустоши? Звучит клево!

«Не надо было тебе так поступать, Майки!», — подумал он. — «Не стоило обращаться со мной, как с дерьмом. А когда-то мы были друзьями. Помнишь? Я даже подарил Сэму на день рождения...». Что? Хорек не помнил. Это было давно, в прошлую геологическую эпоху. Да и не важно!

— Жизнь очень изменилась, не правда ли?

— Я пойду вперед, а ты иди следом, ярдах в десяти. Поняла?

Анна кивнула.

— Если со мной что-то произойдет, не пытайся меня спасти! Ничего не делай — просто беги!

Анна заметила, что Майкл побледнел, когда говорил это. «Боже мой, он снова играет в героя!».

— Ты обещал мне, — сказала она. — Никакого героизма!

— О'кей, никакого героизма! Пошли.

Они двинулись вперед, поднимаясь на холм, туда, где в последний раз видели Хорька.

«Что же почувствовал Хорек?», — гадала Анна, глядя на спину Майкла. — «Что он почувствовал, сидя в машине?». Она не могла найти ответа на этот вопрос. «А может быть, ничего и нет? И все это просто эффектный спектакль? Но зачем ему? Чтобы выглядеть героем в наших глазах? Может быть. По крайней мере, в случае Майкла он этого добился». Анна поморщилась. «Почему ты так плохо думаешь о людях? Он действительно мог попасть в беду».

«Почему же я ничего не чувствую?»

— Майкл! — позвала она. — Ты ощущаешь что-нибудь?

Он покачал головой.

— Нет.

— Я тоже.

Они поднялись на вершину холма. Шоссе полого уходило вниз, и снова холмы, и далекие горы у самого горизонта. Никакого намека на опасность.

— Хорошо, — сказал Майкл. — Пойдем.

Они начали спускаться.

Уже в самом конце спуска Майклу показалось, будто он что-то почувствовал. Он остановился и услышал, как сзади остановилась Анна.

— Что случилось? — спросила она.

— Тихо!

Он еще раз внимательно осмотрел окрестности. Шоссе уходило вдаль и просматривалось довольно далеко. Его взгляд остановился на большом темно-красном валуне у самой обочины. На первый взгляд ничего подозрительного — камень как камень. Но что-то было. Что-то давило на него и заставляло нервничать. Майкл затаил дыхание и услышал. Чуть различимый, очень низкий звук. Самая противная вещь на земле. Он почти не мог его слышать, но мог ощущать в легких, во всех мышцах, слабую, но отчетливую вибрацию.

— Какой-то звук, — сказал он.

— Я ничего не слышу, — испуганно отозвалась Анна.

— Очень тихий и очень низкий.

— Где?

— Не знаю.

Он помолчал.

— Хорек говорил про звуки.

— Я помню.

— Нам надо быть очень осторожными.

— О, об этом ты можешь мне не напоминать!

— Хорошо. Ладно. Отпусти меня еще немножко, а потом иди следом.

— Ладно.

— О'кей, пошли.

Они двинулись дальше.

Через несколько секунд звук пропал. Исчезло и ощущение вибрации. Майкл забеспокоился. Что-то здесь не так! Он подошел к валуну и остановился рядом. Через секунду к нему присоединилась и Анна.

— Что случилось?

— Я больше ничего не слышу.

— Может быть, это хорошо?

— Не знаю.

— Что будем делать?

Майкл посмотрел вперед.

— Думаю, надо идти. Хорек ушел давно, он должен был далеко пройти.

— Не думаю.

— Почему?

— Он мог уйти далеко, если язва была далеко. Но тогда он бы ее не почувствовал.

Анна обвела глазами холмы.

— Нет. Если здесь что-то есть, оно должно быть близко.

Майкл обдумал ее слова и кивнул.

— Ты ничего не видишь?

— Что ты имеешь в виду?

— Не знаю. Что-нибудь.

— Нет.

— Хорошо. Идем.

— Подожди секунду.

Анна поспешно отвернулась, закрыв лицо руками, и звонко чихнула. Майкл подпрыгнул.

— Господи! Я чуть не умер от страха!

— Извини. В следующий раз постараюсь сдержаться.
— Да уж! Иначе я скончаюсь от сердечного приступа, так и не увидев язвы!
Они нервно засмеялись.

Хорек проснулся мгновенно, как будто нырнул в холодную воду. Какой-то звук! Он сразу же обратился в слух, подавив первое желание бежать. Импульсивные действия могут очень дорого стоить в язве. Лучше всего не шевелиться и постараться понять, с чем имеешь дело.

До него донеслись голоса. Говорящие были довольно далеко, поэтому слов он не разобрал. Потом послышался смех. Хорек осторожно повернулся и выглянул в просвет среди полыни. Затекшее тело сразу же отозвалось болью. Он провел всю ночь на этом месте, скрючившись, как змея, и это давало себя знать. Хорек не стал обращать внимания на боль, бывало и хуже. Важно другое — они все-таки пришли. Именно так, как он и планировал.

Майкл и Анна стояли у того самого камня, который он проходил вчера. До ближайшей «змейки» им оставалось пройти еще около двухсот ярдов. Почему они остановились? Неужели старина Майк что-то почуял? Обнаружить «змейку» было очень трудно, Хорек знал это по собственному опыту. Ее можно заметить только, если специально ищешь... или наступишь. Правда, тогда уже будет поздно.

Пока Хорек размышлял, Майкл снова двинулся вперед. Немного выждав, за ним последовала Анна.

«Она держится позади. Умно! Хорошо придумано, Майк! Ты всегда был таким предусмотрительным!».

Хорек улыбнулся. Майк попадет в «змейку», а девчонка, возможно, уцелеет. Отлично! Она станет дополнительным призом!

«Да, Бенни, сегодня твой счастливый день! Ты получишь машину, девчонку, и у тебя останется уйма времени, чтобы насладиться ими обеими!»

ГЛАВА 25

Уже начало темнеть, когда Чарли подъехал к дому отца. Весь день он просидел у радиации, держась за ускользящую надежду, но ничего не добился. Частота райдеров молчала. Он уговаривал себя уснуть, поспать хотя бы несколько часов, переключив рацию в режим автоматической записи, но так и не лег. Не смотря на жуткую усталость, он был слишком возбужден.

«Тахо» отца стоял на подъездной дорожке, и на его блестящих боках отражался слабый свет, подающий из окна. Очень скоро они сядут в него и отправятся на свидание со своей судьбой. Скорее всего, это будет последнее свидание в их жизни.

Чарли припарковал машину у обочины и вышел. В лицо ему сразу же ударил тугой прохладный ветер. Он повернулся навстречу этому потоку и почувствовал приятный холодок на коже. Вот так бы стоять всю ночь и не о чем не думать, никуда не ехать, ничего не помнить. Не знать.

Чарли вздохнул и направился к дому. В окнах первого этажа горел свет, значит, отец сидит в гостиной. Дверь оказалась незапертой, Чарли толкнул ее и вошел.

Лайан не был большим поклонником комфорта. Единственная тусклая лампа на потолке освещала дощатые стены и вбитые в них крюки, с которых свисали мотки веревки, одежда и травы. С каминной полки на Чарли таращился деревянный орел, чем-то напоминающий египетского бога Анубиса. В круге света на старом зеленом диване сидел его отец. Он читал какую-то книгу, время от времени выпуская густые клубы дыма из маленькой глиняной трубки.

Услышав шаги сына, Лайан отложил книгу в сторону.

— Садись, — сказал он.

Чарли сел на стул напротив отца и полез в карман за сигаретами. В пачке оставалось

три штуки, а еще утром она было полной. Он вытащил одну и закурил. На некоторое время воцарилась тишина.

— Бэлч не хотел меня заправлять, — наконец сказал Лайан.

— Почему?

— Ему дали список тех, о ком он должен сообщать сразу же, как только увидит их у себя на заправке. На первых местах в этом списке ты и я.

— Ты решил проблему?

Лайан кивнул.

— Это же Америка.

— Он не проговорится?

— Нет.

Чарли поднялся и достал с одной из полок пепельницу. Они с Линдой пользовались ею, когда бывали у отца.

— Как ты планируешь выбраться из города?

Лайан затянулся и выпустил густое облако дыма.

— На окраине есть бар. Его содержит Роза.

— Да, я знаю.

— Мы поедem к нему. Сейчас там полно народу, и никто не обратит внимания на еще одну машину.

— А потом?

— Между баром и домом Картеров есть узкий проулок. Всего полсотни ярдов — и мы за чертой города.

— Насколько я помню, он действительно очень узкий.

— Мы проедem. Возможно, нам придется быть очень аккуратными, но мы проедem. Потом надо будет отъехать от города мили на две и повернуть на северо-запад. Если не собьemся, окажемся на шоссе номер 57. Я думаю, милях в четырех от Линии.

— Ты хочешь ехать по пустоши без света и без дороги?

— Ты предложишь что-нибудь лучше?

— Нет.

— Тогда остановимся на этом варианте.

Чарли пожал плечами.

— У тебя в машине есть рация?

— Зачем? Никто не будет нас ждать.

— Ты всегда был неисправимым оптимистом!

— Ты сомневаешься, сын?

— Нет. Уже поздно сомневаться.

Лайан кивнул и наклонился ближе.

— Ты спал?

Чарли кивнул.

— Немного.

— У нас в запасе еще часа три. Может тебе стоит еще вздремнуть?

— Я вряд ли засну. Но это не страшно. Справлюсь.

— Ладно. Я сделаю тебе кофе. Надеюсь, от этого ты не откажешься?

Чарли улыбнулся.

— Не откажусь.

Они вышли, когда темнота уже полностью окутала город. Лайан сел за руль, а Чарли устроился рядом. Не сговариваясь, они посмотрели на дом. Он возвышался перед ними, темный и безмолвный, как будто был покинут много лет назад. Возможно, так и будет. Они отправлялись налегке, оставив здесь все свое прошлое. Когда они пересекут черту, уже ничто не будет связывать их с прежней жизнью. Только машина и надежда — это все, что

есть у райдера. Остальное он берет в долг.

Лайан включил заднюю передачу и осторожно вывел машину на дорогу.

Путь к бару занял десять минут. За это время они не встретили ни одной машины. Большинство домов стояли, погруженные в темноту, только ветер раскачивал белье на веревках. Немного в стороне от стоянки перед заведением Розы стоял армейский джип. Солдаты у капота курили и смотрели куда-то в сторону. Чарли мог видеть огоньки их сигарет. «Тахо» повернул и медленно поехал вглубь стоянки. У узкого проулка Лайан остановился и погасил огни.

Чарли с сомнением смотрел на темную узкую кишку.

— Ты действительно уверен, что мы здесь проедем?

— Должны проехать.

Лайан осторожно нажал на педаль газа, и машина поползла вперед.

— Осторожно!

Со стороны Чарли послышался тихий треск, боковое зеркало смялось и повисло на проводах.

— Черт с ним!

«Тахо» погрузился в проулок, ширины которого едва хватало на такую большую машину. Здесь не было никаких источников света, как будто закрылась дверь в комнате без окон. Они медленно продвигались вперед, совершенно не ощущая никакого движения. Вдруг бампер «Тахо» во что-то уткнулся, и раздался металлический скрежет. Лайан остановил машину. Чарли открыл окно и высунулся вперед, чтобы посмотреть в чем дело.

— Мусорный бак, — сказал он. — Они выставили на улицу мусорный бак.

— Черт! Как не удачно. Придется тащить его перед собой.

Машина тронулась вперед, и бак снова заскрежетал. Через открытое окно звук слышался гораздо громче.

— Осторожнее! — зашипел Чарли. — Мы слишком шумим!

Лайан кивнул и сбавил ход. Теперь они продвигались настолько медленно, что бак почти не звенел. Позади осталась большая часть проулка, когда нос машины снова во что-то уткнулся. Лайан нажал на тормоз. Чарли обернулся и увидел яркий свет тормозных огней, осветивший узкое пространство между двумя домами.

— Отпусти тормоза! У тебя слишком яркие сигналы!

Лайан перевел машину на ручник.

— Тебе надо было отсоединить провода!

— Да, я не подумал. Что там впереди?

Чарли наклонился к окну. Там было темно, как в чернильнице. Чернота поднималась до уровня его глаз, а выше было видно небо и звезды, рассыпанные по нему.

— Да это же забор! — удивленно сказал Чарли.

— Черт!

— Отец, у меня нет слов!

— Ладно. Поздно причитать — мы его выдавим!

— Забор?

— Да.

— Ты представляешь, какой поднимется шум?

— Мы осторожно. В баре никто не услышит.

— Это очень плохая мысль!

— Не скули!

Лайан снял машину с тормоза и немного откатился назад. Вспыхнувшие при этом фонари буквально затопили светом пространство позади «Тахо». Чарли обернулся и испуганно выругался — неуклюжий армейский джип остановился в начале проулка, уставившись на нарушителей яркими глазами фар. Через секунду на крыше включился прожектор.

— Черт! — сказал Чарли. — Солдаты!

— Они не проедут, — ответил Лайан. — У них широкие машины.

— Ломай все к черту! Уже все равно.

Лайан включил первую передачу.

— Сэр, — раздалось сзади. — Покиньте машину!

Чарли засмеялся. Если бы он даже захотел выйти, в этом проулке все равно не открыть дверь. В этот миг Лайан резко надавил на педаль газа, и «Тахо» рванул вперед, словно выпущенный из катапульты. Раздался скрежет и посыпались искры: машина задела левой стороной стену, потеряв второе зеркало и ободрав дверь. Лайана это несколько не смутило. «Тахо» врезался в забор и снес его, словно таран. Мусорный бак упал и катился под бампером, издавая адский шум; по кабине побежали яркие оранжевые всполохи. И тут, словно на экране кинотеатра, перед ними открылась широкая панорама пустыни, залитая холодным и слабым светом луны. Лайан переключил передачу, и машина понеслась вперед, унося их прочь от города.

«Хаммер» сдал назад и исчез за баром. Чарли повернулся и накинул ремень безопасности.

— Мы влипли!

— Ерунда! Им нужно время, чтобы объехать дома. Мы успеем добраться до пустоши раньше их.

— Очень утешает!

В открытое окно ворвался густой, полный песка ветер. Чарли закрыл его и откинулся назад. Какого черта! Будь, что будет!

Света от луны не хватало, чтобы видеть ямы и рытвины, по которым скакал «Тахо», как самый большой в мире заяц. Пассажиров кидало из стороны в сторону, громко ревел двигатель.

Справа от них вспыхнули яркие огни. Чарли оглянулся и увидел широкий приземистый силуэт армейского джипа. Он несся под острым углом им наперерез.

— Вот и эскорт! Все, включай иллюминацию! Поздно прятаться!

Лайан бросил быстрый взгляд в сторону преследователей.

— Эти идиоты поехали через Пекос Лейн! Если бы они зашли с запада, тогда бы могли нас поймать.

— Они итак могут!

— Я в этом сомневаюсь!

Лайан включил фары, и, в их свете, они увидели впереди глубокую канаву. В следующую секунду «Тахо» влетел в нее всеми колесами и подпрыгнул. Чарли застонал и почувствовал во рту кровь. Похоже, прокусил язык.

«Тахо» имел неплохую фору, но «Хаммер» был проворнее. Расстояние между машинами постепенно сокращалось.

— Придется ехать напрямую, иначе нам не успеть! — закричал Чарли. — Бери влево! Если повезет, проскочим Линию раньше них.

— Остановитесь, — раздался усиленный электроникой голос. — Остановитесь, или мы открываем огонь!

— Черт, они это сделают! — сказал Чарли и сплюнул на пол.

— Пусть попытаются, — ответил Лайан. — В такой тряске они никуда не попадут.

— Ага, я бы не надеялся.

— Повторяю. Остановитесь, или мы будем стрелять!

«Хаммер» летел вперед, как лодка на высоких волнах. Чарли буквально чувствовал, как желудок пытается вылезти из него через горло. Лайан гнал, как ненормальный, не жалея ни людей, ни машину. «Остается надеяться, что мы не развалимся прямо у них на глазах», — подумал Чарли.

Выстрел прозвучал очень громко, как будто над самым ухом взорвалась петарда. Чарли вздрогнул, отец тоже, и «Тахо» повело в сторону.

— Держи! Держи руль! Мы разобьемся!

— Они что — охренели там?!

— Ребята развлекаются! Черт — для них это настоящее сафари!

Лайан промолчал.

Снова раздался выстрел.

«Два промаха», — подумал Чарли. — «А до пустоши не меньше мили. Каковы шансы, что они не пристрелят нас до этого?».

Расстояние между машинами сократилось до минимума. Теперь их разделяло не больше трехсот ярдов. «Хаммер» мотало ничуть не меньше, чем «Тахо», и только это спасало беглецов от пуль.

Чарли уперся руками в приборную панель.

Снова прозвучал выстрел и снова промах.

— Далеко еще? — спросил Лайан.

— Мы почти на месте.

— А они знают, где граница?

— Они все знают.

Порыв ветра ударил в «Тахо» так, что задрожали стекла. Тяжелая машина вздрогнула, но удержалась на колесах и продолжила свой полет. Чарли мотало из стороны в сторону, и каждый раз ремни безопасности больно впивались ему в ребра. Болел прокушенный язык, а от вкуса крови во рту его начало мутить.

— Кажется, они отстают! — крикнул Лайан.

Чарли обернулся. Так и было — «Хаммер» действительно замедлился. Сзади его загорелись красные огни.

— Они тормозят!

— Отлично!

— Ладно. Теперь осторожно! Пустошь уже рядом.

Чарли еще раз взглянул в заднее окно, и увидел, что «Хаммер» развернулся. Похоже, что первая часть плана осуществилась. Он повернулся и стал смотреть вперед.

— Сбрось скорость и держись левее. Там будет дорога.

— Мы в пустоши?

— Почти. В любом случае, нам уже не вернуться. Ты устроил такое чертово родео, что о нашей прогулке знает уже весь город!

— Пусть знают.

— Ну да!

Машина сбросила скорость, и тряска уменьшилась. Огни фар выхватывали из темноты небольшие кусты, которые тут же скрывались под колесами, стуча по днищу.

— Сколько у нас бензина? — спросил Чарли.

— Миль на четыреста.

— О'кей. А ты рискованный мужик!

Лайан кивнул.

— С вами по-другому нельзя, — ответил он.

— Все это чистейшая глупость!

— Мы уже в пустоши?

— Да. Теперь все позади.

Через двадцать минут фары «Тахо» высветили дорогу.

— О'кей, — сказал Чарли. — Это шоссе. Выруливай на него.

— Какую скорость держать?

— Машина в порядке?

— В полном.

— Миль пятьдесят, думаю, будет достаточно.

— Я могу и больше.

— Не надо больше.

Лайан скользнул взглядом по сыну. Вся рубашка у него была в крови, ей же были залиты подбородок и шея. Чарли напоминал безумного вампира из фильмов ужасов.

— Ты весь в крови, — сказал он.

— Язык прокусил. Сейчас уже все в порядке.

— Поспи. Если что-то случится, я тебя разбужу.

Чарли усмехнулся.

— Если что-то случится, поздно будет меня будить.

Он откинулся на кресле и закрыл глаза.

— Пожалуй, подремлю немного.

Он почувствовал, как машину тряхнуло, и она пошла ровно. «Тахо» выбрался на шоссе.

«Не стоит сейчас спать», — успел подумать Чарли. — «Когда еще удастся увидеть такое?».

И провалился в темноту.

Лайан повернулся к сыну и погладил его по голове. «Тахо» быстро уносился вглубь пустоши.

Чарли показалось, что он проспал не больше секунды. Отец тряс его за плечо.

— Чарли, просыпайся!

Он с трудом разлепил глаза. «Тахо» мчался, окруженный темнотой.

«Мы в пустоши», — подумал Чарли безо всяких эмоций.

Он выпрямился и потер лицо.

— В чем дело?

— Там впереди что-то творится, — сказал отец.

Чарли посмотрел вперед, но ничего не увидел.

— Что...

Вдруг тьму впереди прорезала яркая вспышка, словно ударила огромная молния. На миг шоссе и равнина осветились до самого горизонта, и в этом свете они увидели на дороге огромное темное пятно. До него было мили три. Вспышка погасла, и снова все погрузилось в темноту.

— Что это было? — спросил Лайан.

— Не знаю.

Чарли услышал, как завывает снаружи ветер. Он приоткрыл окно и тут же задохнулся от налетевшего потока воздуха.

— Да там настоящий чертов ураган! — сказал он удивленно.

— Я тоже чувствую, — отозвался Лайан. — Машину мотает.

— Там впереди что-то есть, — сказал Чарли. — Линда мне говорила, что они встретили что-то похожее на грозу.

— Может быть, они там?

— Нет. Она сказала, что фронт прошел далеко от них. Мы говорили уже после этого.

— Подберемся поближе и посмотрим, что там за штука.

Молнии сверкали каждые несколько минут, и с каждой новой вспышкой странная чернота подкрадывалась все ближе. В ушах появился густой низкий гул.

— Похоже, там что-то большое, — закричал Чарли.

Из-за адского шума было трудно говорить.

«Тахо» мчался вперед сквозь стену песка. Мириады песчинок проносились в свете его фар, смазывая очертания шоссе.

— Смотри! — крикнул Чарли.

Очередная молния осветила дорогу, и они увидели, как множество тонких трещин отделилось от черного пятна. Стремительно расширяясь, они зазмеились навстречу «Тахо». Всполох погас, и снова стало темно.

— Черт!

— Эта хреновина растет! Еще немного и мы...

Снова яркая вспышка. Сеть трещин быстро разрасталась, как в фильмах о землетрясениях. До ближайшей оставалось не больше шестисот ярдов. Трещины пересекались, сливались в общее русло, которое тут же заполнялось абсолютной тьмой. Все происходило так быстро, что рябило в глазах.

Лайан нажал на тормоз, и «Тахо» начал замедляться.

— Нет! — закричал Чарли. — Только не останавливайся! Нельзя останавливаться!

— Мы налетим на нее!

— Разворачивайся прямо по обочине!

— Держись!

«Тахо» повернул в сторону и слетел с дороги. Чарли увидел, как ближайшая трещина подбирается прямо к машине. До нее оставалось совсем немного.

— Быстрее! — заорал Чарли. — Быстрее!

Двигатель снова заревел, и Чарли потерял из вида преследующий их кошмар. Теперь оставалось только надеяться. Гул и рев за окном достиг своего апогея, отдаваясь в ушах давящей болью.

Машина разворачивалась слишком медленно, закладывая широкую дугу. Чарли ждал. В любой момент колеса могли соскользнуть в жуткую черную мглу, и тогда наступит конец. «Тахо» мотало из стороны в сторону и подбрасывало на ухабах так, что все колеса отрывались от земли.

Чарли не знал, насколько близко они пронеслись перед носом у смерти, когда машина закончила разворот. Теперь они двигались в обратном направлении, снова приближаясь к дороге. Чарли повернулся назад, больно ударившись подбородком о стойку двери.

«Мы проскользнули в последний момент», — подумал он. — «Секундой позже — и нас бы уже не было».

«Тахо» подпрыгнул и вновь оказался на дороге. Лайан надавил на педаль газа.

— Эта штуковина движется на город! — крикнул он. — Их надо предупредить!

— Мы не успеем!

— Успеем!

— А как же Линда?

— Я помню про Линду!

Машина рванулась вперед, набирая скорость, как ракета. Стрелка спидометра поднялась до ста.

— Осторожнее! — закричал Чарли. — Мы разобьемся!

— Нам нужно обогнать ее!

«Тахо» продолжал набирать ход. Когда стрелка спидометра поднялась до ста тридцати миль в час, Лайан приотпустил педаль. Рев двигателя заглушил гул снаружи. Казалось, еще немного, и машина просто взлетит.

Чарли снова посмотрел назад.

— Мы отрываемся! — прокричал он. — И довольно быстро! Эта штука отстает!

— Хорошо!

«Тахо» несся, как торпеда, по ночному шоссе. От натуги машина дрожала всем корпусом, и Чарли снова испугался, как бы она не развалилась на части. Фары двумя яркими ножами резали темноту, освещая ровную узкую ленту дороги. Песчаная буря утихла, и молнии сверкали теперь гораздо реже. «Даже смерть можно обогнать», — подумал Чарли. — «Если посильнее нажать на газ».

Спустя двадцать минут бешеной гонки, они вновь оказались в полной темноте, а еще через час увидели впереди огни. Они быстро приближались.

— Тормози! — закричал Чарли. — Это солдаты!

Лайан отпустил педаль газа и осторожно надавил на тормоз. Машина стала замедляться.

— Эй, Родж, смотри! — солдат указал пальцем в сторону пустоши.

Родж, прикрывая рукой глаза от ветра, посмотрел в указанном направлении.

— Это машина!

Фары пронзали темноту и, казалось, приближались невероятно быстро. Рев двигателя был слышен даже с того места, где, повернувшись поперек дороги, стоял военный джип.

— Да он несется не меньше ста миль!

— Если не притормозит, он собьет нас с дороги, как кегли в боулинге!

— Может подбить его?

— Ты что! С ума сошел? Там же люди!

Машина продолжала лететь прямо на «Хаммер». Завизжали тормоза.

— Они не успеют!

— Эй, все слушайте меня! Отойти от машины! На обочину! Живо! Все на обочину!

Солдаты, словно муравьи, бросились прочь от шоссе.

— Не успеем! — закричал Чарли.

— Успеем!

«Тахо» продолжал терять скорость. В свете фар возник военный «Хаммер», от которого враспынную бросились солдаты. Он был совсем близко. Двести ярдов.

Лайан сильнее надавил на тормоз, и «Тахо», сорвавшись с дороги, заскользил юзом.

Сто ярдов.

Чарли пригнул голову и уперся руками в приборную панель.

«Как глупо!» — подумал он.

В следующую секунду, «Тахо» врезался в джип, успев сбросить скорость лишь до тридцати пяти миль в час. Он столкнул «Хаммер» с дороги, налетев на него правой стороной, и перевернулся.

Чарли почувствовал, как ногу пронзила жуткая боль. А потом небо и земля поменялись местами.

ГЛАВА 26

Хомер что-то прокричал, но Линда не поняла слов. Она заворожено смотрела на стремительный, почти синхронный прыжок четырех выходцев с того света. Все произошло почти мгновенно под дикую какофонию гудящего клаксона, человеческих криков и рева двигателя. Одна из тварей бросилась на капот, и грузовик отбил ее, словно теннисный мячик. Она отлетела вперед и упала под колеса. Другая сорвала зеркало заднего вида прямо перед лицом у Линды. Затем зазвенело разбитое стекло, и в кабину ворвался поток вонючего ветра. Одно из чудовищ разнесло окно со стороны водителя и застряло в проеме слишком узком для его массивного тела. Огромная оскаленная морда коротко мотнулась из стороны в сторону, в следующее мгновение тварь распахнула пасть и впилась в голову Хомера.

В один момент кабина превратилась в бойню. Лицо водителя исчезло, Линда увидела, как в нескольких дюймах от нее чудовищные голубые зубы сдавливали плоть, протыкая кожу, словно бумагу. Кровь хлынула из множества ран. Хомер иступленно закричал и, его голос сразу же сорвался, превратившись в громкий стон. Руки слепо заколотили по рулевому колесу. Чудовище рывками раскрывало и вновь сжимало челюсти, стараясь сорвать голову жертвы с плеч. Кровь брызнула в лобовое стекло, заливая панель приборов и белую блузку Линды. Хомер замолчал, через секунду его руки, взметнувшись в последний раз, упали на колени. Линда вжалась в дверь, огромными глазами глядя на кошмар, творящийся рядом.

Двумя мощными рывками чудовище свернуло в сторону, а потом и вовсе сорвало голову Хомера. Оно задрало морду, как бы демонстрируя людям свою добычу.

Руль, никем больше не удерживаемый, стал поворачиваться вправо.

Все еще двигаясь на большой скорости, «Форд» стал понемногу сползать с дороги. Тварь забила в проеме двери, стараясь протолкнуть свою тушу дальше. Из шеи Хомера во

все стороны плескала кровь.

Гораций кричал, но его слова доносились до Линды, как будто он был в ста милях от нее. Перед ней раскачивалась голова Хомера в огромных, залитых кровью челюстях нависающей над водительским креслом твари.

Панорама шоссе и пустыни в лобовом стекле стала поворачиваться. Сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее, набирая ход. Кабину сильно тряхнуло, когда передние колеса «Форда» соскочили с асфальта. Раздался высокий визг и запахло паленой резиной. Кабина качнулась, и Линда почувствовала, что взлетает вверх, как на русских горках.

Ремни безопасности больно сдавили грудь, и в этот момент грузовик повалился на левый бок, давя и перемалывая тело чудовищной твари, застрявшей в окне. Ее пасть конвульсивно раскрылась, голова Хомера вывалилась из нее и с глухим стуком упала на дверь. Из огромной грязно-розовой глотки прямо на Линду потоком хлынула темная и неимоверно вонючая жижа. Лобовое стекло треснуло и взорвалось множеством блестящих осколков. Чудовищный скрежет заглушил вопли Горация. Линда попыталась ухватиться за ремень, но промахнулась, измазав пальцы в отвратительной жидкой грязи.

Слетев с шоссе, грузовик опрокинулся на левую сторону, и несколько сот ярдов его тащило по шоссе и обочине. Застрявшая в водительской двери тварь ниже плеч мгновенно превратилась в фарш. Машина медленно поворачивалась вокруг своей оси, как огромная часовая стрелка, разбрасывая во все стороны снопы искр. Дважды гулко грохнуло — взрывались колеса. Через несколько секунд «Форд» застыл, подняв вокруг себя огромное желтое облако пыли.

Наступила тишина.

Линда открыла глаза. В ушах пульсировал громкий гул. Все тело саднило, словно один большой синяк. Где-то вдали кричал Гораций. Кричал и плакал одновременно. Все вокруг, включая и ее саму, было залито кровью Хомера и убившей его твари. Линда опустила глаза и увидела ее поникшую голову, припавшую к голове Хомера, как на картине, где нарисована мадонна с младенцем. Вся нижняя часть твари была раздроблена, от вырванных внутренностей поднимался белесый пар.

Все это отпечаталось в мозгу Линды, как моментальная фотография, а потом она снова отключилась.

Следующее, что она увидела, было грязное с тонкими полосами от слез лицо Горация. Он стоял рядом с ней и пытался ножом перерезать ремень безопасности, удерживающий ее в кресле.

— Сейчас, — повторял он. — Сейчас, сейчас.

Потом Линда почувствовала, как тяжесть, давившая ей на грудь, исчезла. И еще она ощутила падение.

Гораций подставил руки, но не удержал ее, и они оба повалились вниз на мертвую тварь. Линда придавила его собой, и на секунду у него перехватило дыхание. Спиной он ощутил голову чудовища и еще что-то, о чем не разрешил себе думать. Гораций зарычал и стал толкать Линду в сторону. Наконец ему удалось спихнуть ее с себя, и она медленно отползла к свалившемуся с кровати матрасу. Там она сжалась, обхватив себя руками, и стала молча смотреть на спинку водительского кресла. Снова заплакав, Гораций пополз к ней. Он обхватил ее за плечи, прижал к себе и посмотрел в разбитое окно.

Там, прихрамывая на одну лапу, шла еще одна тварь из тех, что набросились на машину. Она подошла к капоту и ударила лапой по крышке, оставив на ней рваные следы от когтей и глубокую вмятину. Задрав голову, она издала громкий хрипящий звук, похожий на крик. Затем снова ударила. И еще. Потом она отошла в сторону и скрылась из вида.

Гораций еще крепче прижал к себе Линду.

— Ты живая?

Линда медленно подняла голову, посмотрела на него и кивнула.

— Они убьют нас?

Ее голос звучал вяло, как будто ей было все равно, что он ответит.

Гораций промолчал. Откуда-то издалека снова послышались звуки ударов. Зазвенел металл. «Они громят грузовик, как будто он — это живое существо, убившее их сородича».

Послышался громкий скрежет и встревоженный вопль. Почти сразу из открытого окна потянуло бензином.

— Они сорвали один из баков, — прокомментировал Гораций.

На минуту повисла тишина, нарушаемая лишь утробными звуками, которые издавали чудовища. Потом удары возобновились.

Спинка водительского кресла оказалась всего в нескольких дюймах. Она была невысокой, и Гораций мог видеть, как на ремнях безопасности висит тело его брата. Из обрубка шеи медленно вытекала кровь. Вены и жилы вяло свисали вниз, словно веревки. Гораций почувствовал, как к глазам снова подступили слезы. Горе, ярость, физическая боль — все смешалось в дикой какофонии чувств и ощущений, заставив его задрожать всем телом. По кабине разлилась страшная вонь, только сейчас Гораций почувствовал ее. С ней смешивался острый запах бензина.

Перед разбитым лобовым стеклом снова появилось одно из чудовищ. Оно подошло к капоту и стало внимательно разглядывать его. Оно не приняхивалось, а именно разглядывало, как будто пытаясь понять с чем имеет дело. Скоро подошла еще одна тварь. Гораций сидел, дрожа от страха и ярости, и смотрел на них, не смея отвести глаз.

В какой-то момент, словно почувствовав его взгляд, чудовище повернуло голову и посмотрела прямо на него.

«Глаза, — подумал Гораций. — Они почти человеческие. Разумные»

Огромная морда оскалилась, и тварь развернулась к кабине. Вторая последовала ее примеру. Она опустила голову и приоткрыла пасть.

«Сейчас», — подумал Гораций. — «Сейчас они закончат то, что начали. И конец истории».

Тварь буквально буравила его глазами. Гораций видел, как они, до этого ярко-голубые и прозрачные, как у ребенка, стали темнеть, словно заволакиваясь туманом. Глухое ворчание, изливающееся из глотки, становилось громче. Тварь медленно подобралась и присела на задние лапы. Гораций закрыл глаза.

Через мгновение она ринулась вперед.

Раздался глухой звук удара, когда огромное тело врезалось в кабину. Воздух вокруг наполнился громким ревом, в котором смешалась боль, ярость и страх. Запах бензина стал невыносим.

Гораций осторожно открыл глаза и буквально в футах от себя увидел рвущееся к нему чудовище. Огромная пасть открывалась и закрывалась, исторгая потоки белой пены. Тварь дергалась и извивалась, пытаясь протиснуться в кабину. Гораций видел, как осколки стекла впиваются в лоснящуюся шкуру, оставляя глубокие царапины.

Короткая шерсть была влажной. Пахло бензином. Наверное, именно она разорвала бензобак.

То, что в следующий момент сделал Гораций, было скорее инстинктивным действием человека, выросшего на фильмах о Грязном Гарри и Техасском Рейнджере, чем обдуманном поступком. Он вытащил из кармана бензиновую зажигалку и повернул колесо. Вспыхнуло маленькое желтое пламя. Глаза чудовища уставились на него, в них отразились страх и недоумение. Гораций глубоко вздохнул (Я не промахнусь! Не промахнусь! С такого расстояния НЕВОЗМОЖНО промахнуться!) и бросил зажигалку прямо ему в морду.

Раздалось тихое «в-в-вух», когда огонь коснулся облитой бензином шкуры. Языки пламени взметнулись перед его лицом и быстро расползли по огромному черному торсу.

Тварь открыла пасть и заревела. Она замотала головой и стала протискиваться обратно

из этой странной тесноты, которая окутала ее такой невообразимой болью. Двумя сильными рывками она высвободилась из западни и отскочила назад.

Огонь опалил лицо Горация, но он даже не заметил этого.

— Жри! — кричал он. — Жри, сука! Как тебе? Нравится, правда?

Тварь затрясла огромным телом, пытаясь стряхнуть с себя новую мучительную боль, которая охватила ее и жгла. Ее товарка сделала два шага назад, глядя на ярко-оранжевые языки пламени. Горящее чудовище закрутилось волчком, поднялось на задние лапы и бросилось в сторону, скрывшись с глаз. Гораций слышал хриплые вопли и вой, которые становились все тише. Он сидел, не шевелясь, ощущая, как Линда сжалась за его спиной.

Вторая тварь застыла на месте, только поворачивала голову, следя за происходящим. Было что-то жуткое в ее неподвижности, никак не вяжущейся с инстинктивным желанием любого животного убежать от огня. Через несколько минут вопли и хрипы стихли. Большая черная морда медленно повернулась в сторону машины. Гораций вздрогнул и рванулся назад, прижавшись спиной к Линде.

Чудовище подняло голову и молча отступило на шаг. Потом еще на шаг. Медленно, не сводя глаз с Горация, оно отошло на несколько ярдов. Его глаза метнулись к тому месту, где, наверное, упал сгоревший заживо сородич. Оно смотрело туда несколько секунд, а потом развернулось и в несколько быстрых прыжков скрылось из вида.

Гораций обмяк и закрыл глаза.

Он не знал, сколько времени просидел в машине, боясь пошевелиться. Когда первый шок прошел, он опустил на колени и осторожно пополз к разбитому лобовому стеклу. Поравнявшись с телом брата, он отвернулся.

Выбравшись наружу, Гораций встал и осмотрелся. Вокруг не было ни души. В стороне на расстоянии примерно ста футов от того места, где он стоял, лежала бесформенная черная масса, от которой поднимался густой темно-зеленый дым. К счастью, ветер относил его в другую сторону.

Гораций прислонился к развороченному капоту и прижал ладони к лицу. Ни единого звука не было вокруг.

— Тихо-тихо-тихо-тихо, — шептал Гораций. — Не бойся. Они ушли.

Он еще раз потянул Линду за руку. На этот раз она поддалась и стала осторожно пробираться к нему навстречу. Гораций настойчиво тянул ее за собой, стараясь скорее вытащить из машины, где вонь и смерть создали маленький филиал ада. Оказавшись рядом с трупом, Линда стала конвульсивно всхлипывать.

— Давай! Давай! Немножко осталось! — говорил Гораций.

Он вытащил ее из кабины. Линда отошла на несколько шагов в сторону и села на землю, подобрав под себя ноги. Гораций плюхнулся рядом. От пережитого потрясения его била сильная дрожь.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралась выжженная солнцем равнина. Грузовик лежал посреди нее, повернувшись перпендикулярно тонкой нитке шоссе, как умерший динозавр. Чуть в стороне чадил чудовищный костер, а между ними сидели рядом две маленькие темные фигурки. Пустошь, как бездна, поглотила их.

Солнце начало свой размеренный путь к закату. Гораций то плакал, то вновь замолкал, несколько раз он что-то кричал высоким срывающимся голосом. Линда не проронила ни звука. Она сидела, как статуя, ни разу не пошевелившись, и смотрела прямо перед собой.

Время шло. Гораций понемногу стал приходить в себя. Он встал, подобрал зажигалку, которая валялась у капота и, пошатываясь, обошел грузовик. При падении дверь фуры распахнулась. На минуту задержавшись перед ней, Гораций нагнулся и вошел внутрь.

Там царил полный разгром. Все, до чего могли добраться чудовища, было растерзано и уничтожено. На многих предметах остались глубокие следы когтей и зубов. Раскидав в

стороны хлам, Гораций нашел лопату с перекусанным у самого верха черенком. Он взял ее и выбрался наружу.

Отойдя на несколько ярдов от грузовика, он воткнул ее в землю и вернулся к кабине.

«Я не могу смотреть на него», — подумал он. — «Я не могу смотреть на него. Если я посмотрю, то грохнусь в обморок, как школьница».

Но он посмотрел. Тело его брата всколыхнуло в нем одновременно чувства омерзения и глубокой тоски. Нельзя было сказать, какое из них оказалось сильнее.

Гораций мотнул головой и принялся перерезать ремень безопасности. Труп сполз вниз, накрыв собой голову мертвого чудовища. Гораций обхватил тело брата и потянул на себя, стараясь вытащить его из кабины. Обломок кости, торчавший из шеи, светло-красный, как будто облитый марганцовкой, чуть не выколол ему глаз. Гораций почувствовал тошноту. Он осторожно опустил тело и взялся за ноги.

Он оттащил Хомера к лопате и снова вернулся в кабину. Там он взял одеяло и осторожно, стараясь не смотреть на то, что держит в руках, завернул в него голову брата. Уложив ее рядом с телом, он взял лопату и стал копать.

Несмотря на поздний час, над равниной висело жаркое марево. Гораций снял пропитанную потом рубашку.

Через час могила была готова.

Гораций осторожно опустил в нее тело брата, а рядом положил голову. Широко открытые глаза пронзили его, как две иглы. В них застыл такой ужас, что по коже побежали мурашки. Гораций встал на колени, осторожно опустил веки и накрыл тело одеялом.

К горлу снова подступили слезы.

— Вот и все, — сказал он и стал засыпать могилу. Когда земля полностью скрыла то, что осталось от Хомера, он заплакал.

Линда сидела на земле, пустыми глазами следя за его работой.

Гораций насыпал над телом небольшой холм. Из черенка лопаты и разводного ключа, он соорудил грубое распятие и глубоко воткнул его в землю. Потом опустился на колени и склонил голову.

Линда сидела неподвижно и смотрела на Горация пустыми глазами.

— Линда, ты слышишь меня? — спросил он.

Она медленно отвернула голову, не произнеся ни слова.

— Ответь мне! Скажи что-нибудь! Пожалуйста!

Линда не шевельнулась. Просто большая кукла, очень похожая на человека. От нее исходил тошнотворный запах.

Гораций сходил к кабине и принес старый свитер Хомера, бутылку воды и чистую тряпку.

— Тебе надо переодеться, — сказал он. — Сможешь сама?

Ветер слабо пошевелил ее волосы.

— Надо снять это, — Гораций показал на ее блузку.

Тусклые неподвижные глаза.

— Хорошо.

Он вздохнул и стал осторожно расстегивать пуговицы. Некоторые были полностью скрыты густой свернувшейся кровью. Кровью его брата и той твари, что убила его.

Линда сидела неподвижно, как манекен. Он снял с нее блузку, смочил водой тряпку и стал обтирать, смывая кровь. Из-под липкой вонючей грязи стала появляться смуглая кожа. Гораций смыл все до последнего пятнышка, истратив почти две бутылки чистой воды. Оставался лишь бюстгальтер — мерзкая залитая кровью тряпка. Гораций поднял свитер, собираясь надеть его на Линду, но остановился.

— Линда, милая, помоги мне. Я оставлю тебе воду. Вот, видишь?

Молчание.

— Я отойду, а ты потом оденешь свитер. Хорошо?

Она сидела и спокойно смотрела на него.

— Солнышко, ты должна... Линда.

Он осторожно потрепал ее по щеке. С таким же успехом он мог бы прикоснуться к мраморному бюсту.

— Линда, я не могу.

Он наклонился над ней и стал на ощупь искать застёжку. Ее грудь, большая и упругая, способная свести с ума любого мужика, была залита кровью. Гораций с отвращением отбросил бюстгальтер в сторону и смочил тряпку водой.

Почувствовав прикосновение к себе Линда вздрогнула и попыталась прикрыться руками. Гораций осторожно отвел их в сторону. Она не сопротивлялась.

Дотрагиваясь до ее груди, с каждым разом все больше проступавшей под слоем крови, Гораций почувствовал возбуждение. Он гнал от себя эти мысли, стараясь касаться кожи нежно, чтобы... ну, в общем, не беспокоить Линду.

Темные соски затвердели от холодной воды и торчали вверх, как два маленьких пальчика. Горация охватило почти непреодолимое желание поцеловать их. Всего один раз. Просто поцеловать. Он отложил тряпку и наклонился. Его губы нежно коснулись мягкой кожи.

Она была такой незащитной. Такой... Он посмотрел на ее джинсы. Они тоже были вымазаны, как и рубашка. Его пальцы опустились на них и нащупали пуговицу.

Линда глубоко вздохнула.

Гораций отшатнулся от нее, как ужаленный.

«Господи, да что со мной происходит!». Не думая, он размахнулся и сильно ударил себя ладонью по лицу. Боль обожгла кожу и прочистила голову. Стараясь не смотреть на Линду, он собрал свитер, накинул ей на голову, просунул руки в рукава и опустил его вниз.

— Линда, малышка, скажи мне что-нибудь! Хотя бы одно слово. Пожалуйста! Линда!

Пустошь беспредельна. Никто не останется прежним, впустив ее в свое сердце.

ГЛАВА 27

Хорек заморожено наблюдал, как Майкл и Анна миновали валун и пошли дальше. Ему казалось, что они движутся слишком спокойно, слишком расслабленно, за одно это они вполне заслужили урок, ожидающий их впереди. Пот стекал по лбу, горячая соленая капля попала в глаз, заставив Хорька заморгать. Граница «змеек» была совсем близко. Всего несколько шагов.

В этом деле со «змеями» Хорек полностью зависел от случая. В любой момент одна из них могла появиться в нескольких ярдах от Майкла и Анны, заставив их насторожиться и повернуть назад. Но при другом раскладе, они могут зайти в язву достаточно глубоко, и тогда осознание опасности придет уже слишком поздно.

«Странно получилось, Майки», — думал Хорек. — «Мы с тобой были лучшими друзьями. До самого последнего дня. Ты — Том Соьер, а я — Гек Финн. Если бы мне в тот день повезло, все было бы иначе. Мы бы остались друзьями, и никто бы не вляпался в дерьмо. Мы могли бы сохранить свои души, действительно могли бы. Бы-бы. Бы-бы-бы».

Хорек прижался к земле и по-пластунски, скрываясь в траве и кустах, пополз вдоль дороги. Каждые несколько секунд он замирал и, осторожно повернув голову, осматривал следующий участок пути. Майкл и Анна болтали — нужно быть сумасшедшим, чтобы болтать здесь! Голоса, пусть негромкие и невнятные, заглушали тихое гудение «змеек». Хотя, за несколько часов, проведенных у границы язвы, Хорек успел запомнить места, где они появлялись чаще всего, но это еще ничего не значило. Если пустошь — это место, в котором ничего не меняется, то язва — это ее полная противоположность. В ней меняется все. В ней все возможно. В язве безграничная фантазия смерти не скована никакими

рамками.

— Я пастырь ваш, — пробормотал Хорек. — А вы — мое стадо.

Майкл остановился.

— Ты ничего не слышала?

— Нет, — ответила Анна.

— Мне показалось, что я слышал чей-то голос.

— Хорек?

— Не знаю. Не уверен.

— А может быть...

«...повернем назад», — хотела сказать Анна, но промолчала.

— Может быть, что?

— Ничего.

— Хорошо. Пошли.

Он двинулся дальше.

Хорек с трудом сглотнул и застыл, глядя расширенными от страха глазами, как всего в нескольких футах перед ним появилась «змейка». Сначала крошечная впадинка в земле, почти незаметная среди травы. Потом чуть больше и глубже, и вот пошло первое внешнее кольцо. Хорек с трудом сдержался, чтобы не вскочить. Кольцо прошло в футах от него и замкнулось. Сразу же появилось новое — «змейка» начала свою недолгую жизнь.

«Ее раньше не было», — подумал Хорек. — «Эта новая. Черт! Еще немного — и вляпался бы!».

Тихий низкий гул, издаваемый ей, отдавался в голове, как рев реактивного истребителя, распространяясь дальше по всему телу. Хорек сжал зубы и закрыл глаза. Нужно перетерпеть. Очень скоро все закончится.

«Если выдержит моя голова», — подумал он. — «И не лопнет, как перезревшая тыква».

Страшная песня «змейки» все нарастала. Хорьку показалось, что внутри него завибрировали кости.

«Я очень близко. Слишком близко».

Находясь на грани смерти, он все же оценил иронию ситуации. Сейчас он сам погибнет в той самой ловушке, в которую привел Майкла и Анну.

«Подделом мне».

Хорьку повезло. Подойдя очень близко к тому, чтобы убить человека, лежащего перед ней, «змейка» исчезла. В одно мгновение страшный давящий звук пропал, все мышцы расслабились, как будто от них отключили электричество. Хорек почувствовал, как из носа потекла кровь.

«Бенни-друг, не стоило сюда соваться», — сказал он сам себе. — «Похоже, твоя идея оказалась немножко глупой. Немножко ненормальной. Немножко психованной идеей, друг».

Острая боль взгрызлась в желудок, и ему снова пришлось сжать зубы, чтобы не застонать.

«Черт, лежу тут на брюхе, посреди язвы, как полный кретин! Не эта, так следующая „змейка“ меня преспокойно слопают, и конец Бенни Флаю, великому злодею. Ха-ха-ха! Извините, ребята, я уже ничем не смогу вам помочь. Я вынужден удалиться. Ха-ха. Что за хрень я тут затеял?»

Анна чувствовала странное напряжение. Оно исходило откуда-то извне, сковывая движения и заставляя сердце биться глухо и больно. Что-то неладное творилось вокруг. Она обвела глазами дорогу и долину. Слишком тихо здесь, слишком неподвижна трава и воздух, слишком мягкие приглушенные звуки шагов. Она ощутила себя идущей под водой, только вода эта оказывала сопротивление на каком-то другом уровне, не доступном органам чувств.

Майкл впереди замедлил шаг. Он двигался, как человек, бредущий по темному

коридору. Осталось только вытянуть вперед руки, чтобы иллюзия стала полной.

— Я снова слышу этот звук, — сказал он. — Он очень низкий. Здесь что-то есть.

На этот раз Анна решилась.

— Давай повернем назад, — сказала она. — Пока еще не поздно.

— А как же Хорек?

— Майкл, послушай — его здесь нет!

— Я не уверен.

— Не уверен? Ты что — смеешься? Здесь что-то не так. Разве ты не чувствуешь?

— Но я ничего не вижу.

— А звук?

— Это просто звук.

— Не просто. Здесь ничего не бывает «просто». Это смерть, ты знаешь. Признайся себе. Признайся, пока еще не поздно.

— Хорошо. Возвращайся.

— Я не пойду без тебя!

— Анна, не глупи!

— Глупо было вообще сюда соваться! Я уже не уверена, сможем ли мы вернуться.

— Здесь ничего нет!

— Есть!

— Что?

— Не знаю! А ты хочешь увидеть?

Майкл промолчал. Он неподвижно стоял посреди дороги, задумчиво глядя вперед. Анна смотрела на него. Она ждала.

Позади них на шоссе появилась маленькая тень размером не больше дайма. Постепенно темнея, она стала расползаться как чернильное пятно по бумаге, становясь все больше и больше. Асфальт внутри нее проседал, будто черти давили на него пятками. Все это напоминало один из тех фильмов о природе, где показывают процесс роста цветка при помощи ускоренной съемки. Маленький овраг рос и становился все шире и глубже.

— Майкл, — испуганно позвала Анна. — Я что-то слышу!

Хорек прополз еще немного вперед и остановился, слушая их разговор. Сердце у него билось гулко, как колокол.

«Ты ищешь меня», — думал он. — «А что ты найдешь? Зачем вообще кого-то искать, когда можно сесть в машину, повернуть руль и вдавить педаль газа в пол? Самые простые решения всегда оказываются самыми правильными. Не нужно мудрить. Все должно быть просто. Очень просто».

Неожиданно тупая и сильная боль сжала его черепную коробку, так что глаза чуть не вылезли из орбит. Хорек чуть приподнял голову и прямо перед собой увидел ее — маленькое, еле заметное углубление.

«Хрень собачья!» — подумал Хорек и вскочил на ноги.

Майкл повернулся к Анне, и в тот же момент краем глаза уловил какое-то движение на обочине, слева от того места, где они стояли. Одним прыжком он подскочил к ней и закашлял — его легкие сжались, словно их схватила огромная невидимая рука. Тяжелый гул сдавил голову. Анна стояла бледная, как лист бумаги. А в следующий момент он увидел Хорька.

Как будто выброшенный гигантской пружиной, тот высоко подскочил над травой. Ему удалось приземлиться на ноги, но не удалось удержаться. Хорек упал на спину и закричал.

Майкл схватил Анну за руку, но не успел он сдвинуться с места, как Хорек снова вскочил и побежал прямо на них. Выглядел он, как после раунда с Майком Тайсоном. Все лицо было вымазано в крови, выпученные глаза, казалось, вот-вот вывалятся из глазниц. Он бежал, размахивая руками, и кричал:

— Не-е-е-ет!

Хорек не раздумывал. Некогда было раздумывать. Все полетело к черту. Область «змеек» оказалась гораздо больше, чем он предполагал. «Зря все это. Неразумно, глупо — полное херово безумие!». Он встретился глазами с Майклом. Тот был бледным, как воск. Стоял посреди дороги, открыв рот, словно деревенский идиот. Девчонка цеплялась ему за руку, и по всему было видно, что она вот-вот готова упасть в обморок. Взгляд Хорька сместился чуть в сторону, и тут он увидел «змейку».

Это был всего лишь «глаз» — самый первый и слабый признак, и его вполне можно было не заметить, как не замечали его Майки и Анна. Но Хорек увидел. Ясно и отчетливо. Маленькую бледную тень на асфальте, всего в футах от того места, где они стояли. Он рванулся вперед, но ноги его зацепились одна за другую, и Хорек неуклюже упал на спину, больно ударившись затылком. Перед глазами поплыло большое красное пятно. Наплевав на все, он снова вскочил и, покачиваясь, как пьяный, бросился вперед.

— Не-е-е-ет! — закричал он.

— Не-е-е...

Хорек врзался в них, как футбольный нападающий, в последний момент выбросив перед собой руки. Удар сбил их с ног и отбросил назад, отозвавшись тупой болью в мышцах. Хорек не удержал равновесия и упал лицом вниз, в последний момент успев сгруппироваться и прикрыть голову.

Майкл не ожидал нападения. Хорек рванулся к ним с обочины, как полоумный, как будто возникнув из воздуха, а в следующий момент Майкл ощутил сильный удар в грудь, такой, что они с Анной, как кегли, отлетели в сторону. Анна закричала, упав на землю, и осталась лежать, обхватив голову руками. Майкл вскочил, не понимая, что происходит.

— Ты спятил! — закричал он.

Хорек, тоже упавший после столкновения, поднялся на ноги, сделал шаг ему навстречу и застыл. На вымазанном кровью лице отразился ужас. Он смотрел прямо перед собой. Майкл проследил его взгляд и вздрогнул. Вокруг Хорька на асфальте образовалась неглубокая борозда. Она быстро описала окружность, ровно как по циркулю, которая замкнулась прежде, чем Хорек успел сделать еще один шаг. Внутри первого круга сразу же побежал второй.

— Что за...?

— Ммайк! — неожиданно громко закричал Хорек.

Хорек с трудом поднялся, чувствуя, как что-то вроде густого гудящего сиропа обволакивает его со всех сторон. «Шевелись! Шевелись, Бенни!». Он успел сделать шаг и увидел, как «змейка» сомкнула кольцо. «Поздно, Бенни-идиот! Слишком поздно!».

Он посмотрел на Майкла и закричал.

— Ммайк! Берегись ззмеек! Они, как ккруги на воде. Не пппопадись! Вспомни Ббенни Флая, самую крутую сссволочь на ссеверо-востоке ада!

Он задрал голову и засмеялся.

Майкл смотрел на него, не веря своим глазам.

— Что?

Хорек не удостоил его ответом. Он раскинул руки в стороны, как средневековый монах и заорал:

— Если я ппойду и ддолиною смертной ттени, не убоюсь я зла, пппотому что ты со мной! Твой жжезл и твой посох! Ты пприготовил для меня трапезу из ввврагов моих и чаша мммая...

Он набрал в грудь воздуха и прокричал иступленно:

— ... переполнена!

Майкл с ужасом наблюдал, как все новые борозды появляются вокруг того места, где стоял Хорек. С каждым новым витком, они все ближе подбирались к его ногам. Волосы у него на голове встали дыбом, глаза налились кровью, из носа и ушей лилась кровь.

— Ты потряс землю и разбил ее: исцели повреждения ее, ибо она кко...

Его голос оборвался. Круги сжимались все быстрее и, наконец, коснулись его ног. В одно мгновение тело Хорька было смято, как рука сминает жестянку из-под пива, со страшной силой его придавило к земле, буквально расплющив по асфальту. Кровь рекой лилась отвесно вниз, как-будто ее всасывал большой пылесос. Ни одна капля не упала в сторону.

Через миг круги исчезли, а вместе с ними исчез и Бенни Флай.

За спиной закричала Анна.

Майкл обернулся и увидел, как рядом с тем местом, где она сидела, стала пригибаться трава. Он бросился к ней и схватил за руку. «Берегись ззмеек! Они, как ккруги на воде!». Майклу они скорее напоминали те снимки из журналов о летающих тарелках, где были изображены странные круги на фермерских полях. Он потянул к себе Анну и рывком поставил ее на ноги.

— Что это? — кричала она. — Что здесь происходит?

— Надо уходить! — закричал он в ответ и потащил ее за собой.

Неровный гул окружал их со всех сторон, то становясь сильнее, то ослабевая. Майкл скорее чувствовал его, чем слышал, но от этого не становилось легче — гул буквально разрывал его голову на части. Едва соображая от страха, что делает, Майкл тянул Анну за собой. Он успел сделать несколько шагов, когда нога его попала в маленькую ямку, буквально за секунду из ниоткуда появившуюся на асфальте. Он упал, громко вскрикнув.

В голове как будто загудела электростанция. Майкл почувствовал, как зашевелились волосы. «Берегись ззмеек! Они...». Асфальт рядом с ним начал проседать. Майкл быстро откатился в сторону, успев заметить, как замкнулся круг за его спиной.

— Что это? — кричала Анна.

— Змейки! — ответил он первое, что пришло на ум.

Он поднялся на ноги, но тут же упал — левая лодыжка взорвалась острой белой болью. «Черт, кажется, я ее сломал!» — подумал Майкл.

Подскочила Анна.

— Что с тобой?

— Нога. Чертова нога! Помоги мне подняться!

Она обхватила его подмышками и рывком подняла на ноги. Майкл изумился той силе, с которой она это сделала.

— Куда? — спросила она.

— Назад! Туда, откуда пришли. И смотри перед собой!

Они заковыляли прочь, держась дороги, где опасность была хорошо видна. Майкл прыгал на одной ноге, опираясь на плечи Анны. У нее самой уже подкашивались ноги, но поток адреналина, поступавшего в кровь, смывал и боль и усталость.

Чуть в стороне от них снова появилась вмятина. Анна потянула Майкла влево, и они обошли ее по широкой дуге, глядя, как на асфальте образуются идеально ровные круги.

— Надо дойти до того камня! Там мы будем в безопасности! — закричал Майкл.

— Ты уверен?

— Нет!

Они ковыляли вперед и вокруг них, в бесшумных взрывах, бьющих по голове, как обухи, приминалась трава. Это напоминало бегство с тонущего корабля, когда вокруг все разрушается, люди мечутся в панике, а палуба буквально выпрыгивает из-под ног.

И вдруг все исчезло.

Пот крупными каплями катился по лицу и спине Анны, ее рубашка прилипла к телу. В жарком воздухе позднего утра нечем было дышать. Майкл висел на ней, тяжелый и горячий,

ныли перенапряженные мышцы. Но она шла, молча и иступленно, раскачиваясь, вот-вот готовая упасть. Они добрались до валуна и рухнули возле него, задыхаясь. Майкл застонал.

Анна подняла голову и посмотрела назад.

Если бы она сама не видела того, что там творилось, она не на секунду бы не подумала, что там вообще что-то есть. Дорога и равнина выглядели совершенно спокойно, над ними висело яркое солнце, радостно разливающее свой свет по камням и траве. Никаких кругов, никаких «змеек». Если бы не Хорек со своим внезапным появлением, они были бы уже мертвы. «Если бы не Хорек, нас бы здесь не было» — подумала Анна. Она перевела взгляд на Майкла. Он тоже смотрел туда.

— Невероятно! — сказал он. — Их почти не видно!

— Что с твоей ногой?

Майкл посмотрел вниз. Нога распухла и с трудом помещалась в ботинок. Морщась от боли, он осторожно снял его, стянул носок и провел рукой по лодыжке. Она сильно болела, но перелома не было.

— Похоже на вывих, — сказал он.

— Это плохо?

— Не очень. Ее надо вправить.

— Что сделать?

— Вправить. Ты должна взяться двумя руками здесь и здесь, — он показал. — А когда я скажу, сильно рвануть на себя. Очень сильно. Сустав вернется на место.

Анна с сомнением посмотрела на него.

— Ты уверен?

— Вполне. Я видел, как это делал наш тренер в колледже.

— Майкл...

— Ничего не говори — просто сделай. Иначе будет хуже.

— Может быть, ты сам?

— Я не смогу. Придется тебе.

Анна вздохнула.

— Хорошо.

Она взялась руками там, где показал Майкл. Он сунул ботинок в рот и сжал его зубами.

— Это еще зачем?

— Не спрашивай. Давай!

Анна нахмурилась и рванула его ногу изо всех сил. Майкл громко застонал сквозь зубы и повалился на бок. Ступня его выскочила из рук Анны, она вскрикнула и склонилась над ним.

— Майкл! Ты в порядке?

Из-под его закрытых глаз, текли слезы. Он разжал зубы, и Анна увидела глубокие следы на ботинке, там, где его сжали зубы.

— О, черт! — простонал Майкл.

— Майкл, ты же сам хотел...

— Ничего! Все правильно. Ты все сделала правильно.

Он открыл глаза и смахнул слезы тыльной стороной ладони.

— О'кей, теперь нужна тугая повязка.

Анна обхватила его за талию и закинула руку себе на плечо. Майкл с трудом поднялся, и они, раскачиваясь, пошли вперед, как два солдата, выживших в жестоком сражении.

Они добрались до машины спустя час, по дороге делая небольшие привалы. Анна в изнеможении рухнула в густую тень, отбрасываемую «Сабурбаном», а Майкл уселся на полу и достал аптечку. От боли и усталости мысли в его голове путались. Он вытащил аспирин и проглотил несколько таблеток. Затем он достал бинт и, морщась, стал бинтовать ногу.

— Я не могу поверить, — сказала Анна.

— Во что?

— В то, что он сделал с нами.
— Можешь говорить, что хочешь, но он спас нам жизнь!
— Майкл, да он сам нас туда привел!
На минуту воцарилась тишина.
— В этом нет его вины. Это она! — сказал Майкл.
— Кто?
— Пустошь. Она каким-то образом отыскивает в нас все самое плохое и вытаскивает это наружу, как грязное белье.
— Ты что — пытаешься его оправдать? Позволь, я кое о чем тебя спрошу? Скажи мне, если все дело не в нас, а в пустоши, почему ты не стремишься меня задушить или изнасиловать? Почему я не подсыпаю тебе яд в воду? Это все бред!
— Ты забываешь, что он провел здесь гораздо больше времени, чем мы.
— Это чушь, Майкл! Из человека можно вытащить только то, что в нем уже есть!
— Он никогда не был таким.
— Может быть, ты этого просто не видел?
— Не знаю. Но такой конец...
— А я счастлива, что все так закончилось.
Майкл изумленно на нее посмотрел.
— Ты понимаешь, что говоришь?
— Отлично понимаю!
— Как можно быть такой..., - Майкл запнулся.
— Стервой? Ты это хочешь сказать?
— Да!
— По крайней мере, я говорю правду! И ты сам...
— Заткнись!
— Нет уж, ты...
— Заткнись, или я разобью твой мерзкий рот!
Анна ошеломленно замолчала. Она застыла на несколько секунд, как будто пытаясь понять смысл его слов, потом вдруг вскочила и быстро пошла прочь. До Майкла донеслись ее истерические рыдания.
Он отвернулся и с тоской посмотрел на дорогу. Ему вдруг мучительно захотелось повернуть время назад. Когда все было хорошо, и никто еще не сошел с ума.

ГЛАВА 28

Майкл встал, осторожно ступив на поврежденную ногу. Лодыжка тут же отозвалась тупой болью. «Ничего. Терпимо». Он залез в машину и вытащил оттуда рюкзак Хорька: старый и грязный, темно-коричневого цвета, уже начавший расползаться по швам. В таких местах Хорек стянул его бечевкой. Майкл развязал тесемки и стал выкладывать его содержимое на землю перед собой.

Вещей у Хорька было немного: маленькая бутылка воды с содранной этикеткой, полевой бинокль, ключи от машины, с выжженными на брелоке инициалам «БФ», карманная библия «Нового Американского Пути» в мягкой обложке. На самом дне лежала мятая футболка с логотипом «Калифорнийских Орлов», выкидной нож и армейский пистолет без магазина. Под ними оказалась толстая тетрадь с вложенной между страниц ручкой.

Все это Майкл методично раскладывал перед собой, как пасьянс, в раскладе которого проступала история Хорька. Того Хорька, который не был его другом, не был даже знакомым. Чужого человека, выигравшего туристическую путевку в ад.

Майкл отложил рюкзак и взял тетрадь.

Острая боль прострелила ему голову, и он тихо застонал, привалившись к машине. Равнина поплыла перед его глазами, и Майкл почувствовал, что падает. Свет дня померк. И в этот момент его сознание вновь наполнил гул. Он напоминал раскаты грома, как тогда в

Санта Ана, но на этот раз в нем слышались слова. Они врезались в сознание, словно выжженные раскаленным железом: «Убоявшийся не достоин пути. Он пуст, и кости его лягут перед твоими ногами. Встань и иди! И я покажу тебе. Я покажу тебе творение не человека!». В черной пустоте перед Майклом появилась крошечная белая точка. Она горела ярче огня, ярче солнца. Она быстро пульсировала, и Майкл ощутил чудовищную мощь, таящуюся в ней. Безбрежную, непостижимую силу, перед которой блек весь мир, и даже чернота вокруг тускнела и отступала на второй план. Этот огонь жег, врываясь сквозь закрытые глаза в глубину сознания, и не было сил ни спрятаться от него, ни отвернуться. «Я покажу тебе!» — вновь загремел голос, и в этот миг яркая точка взорвалась нестерпимым белым светом, который затопил все вокруг, и не стало ничего, кроме нестерпимой яростной бесконечной белизны.

Майкл потерял сознание.

— Майкл! Боже-боже-боже! Майкл — очнись!

Он почувствовал холод на коже, открыл глаза и увидел над собой встревоженное лицо Анны. В руке у нее была мокрая тряпка, которой она водила ему по лицу.

— Майкл — ты жив! Я так испугалась. Господи! Сейчас я помогу тебе встать!

Анна обхватила его за плечи и усадила в тени машины, прижав спиной к большому колесу.

— Что с тобой? Ты в порядке?

Майкл потерял виски и зажмурился. Несколько секунд он сидел неподвижно, слушая, как бьется сердце. Сперва частые и болезненные, его удары становились все реже, и, одновременно с этим, боль в груди стала слабеть. Он посмотрел на Анну.

— Вроде отпускает. Еще немного.

— Ты закричал, а потом упал. Я так перепугалась! Что с тобой, Майкл? Ты...

Она запнулась, не зная, что спросить.

— Ты в порядке?

— Почти. Наверное, это шок. И жара. Сейчас пройдет.

— На, попей!

Майкл послушно отпил из бутылки. Вода была теплой и пахла пластиком, но она придала ему сил. Он сделал еще несколько глотков и передал бутылку Анне.

— Спасибо.

— Я подумала, что ты умираешь, Майкл. Никогда так больше не делай!

Он улыбнулся.

— Не буду.

— Посиди. Тебе надо отдохнуть.

Анна устроилась рядом и обняла его. Майкл прижался к ней и снова закрыл глаза.

«Господи, неужели я схожу с ума? Я могу поклясться, что слышал. Этот голос. Как любой сумасшедший, я могу поклясться... Кто говорит со мной? Назови свое имя! Назови свое проклятое...»

Тугой порыв ветра взметнулся над машиной и ударил в лицо. Майкл вздрогнул и почувствовал, как Анна еще крепче прижала его к себе. Он испугался: «Нет, в это нельзя поверить! Я просто не могу поверить! Бог не говорит с...». Майкл застыл неподвижно, боясь пошевелиться, боясь даже думать. Медленно билось сердце. Отсчитав десять ударов, он чуть слышно прошептал:

— Отче наш, сущий на небесах... да святится имя... Твое.

Прохладный поток воздуха проплыл над ним, пошевелив волосы на голове, будто кто-то нежно перебирал их пальцами. Майкл почувствовал, как губы Анны коснулись его щеки. Он открыл глаза и посмотрел на равнину. «Я слаб», — подумал он.

— Ты сильный, — сказала Анна. — И ты справишься. Наверное, это был солнечный удар.

— Ты права. Да. Солнечный удар.

Анна подняла тетрадь Хорька и положила себе на колени. Майкл зашевелился.

— Дай мне.

Тетрадь была исписана наполовину, мелким без наклона почерком. Некоторые страницы были заполнены полностью, на других мелькали лишь отдельные фразы. Майкл с опасением перелистывал ее, хотя уже знал — теперь это просто листы бумаги, все, что он должен был услышать, сказано.

— Читай вслух, — сказала Анна.

— Хорошо.

Он вернулся к началу, прочистил горло и начал:

«Сидел у машины, пока не кончились продукты. После всей этой чуши по рации не знаю, что и подумать. Наверное, никто не поехал. Не могу их судить, но... Может быть, Майкл поехал. Он говорил, что не нашел меня. Как он не нашел меня, когда я сидел там?!

„Где „там“?“

Очень хочется есть. Зверски хочется! Наверное, стоило оставаться у машины.

Если в ближайшее время ничего не найду — умру с голода. Прямо на дороге.

Посреди Соединенных Штатов Америки. Ха-ха.

Вода тоже заканчивается».

Голос Майкла охрип, и он закашлялся. Анна сидела неподвижно, держать его за руку. Он перевернул страницу.

«Не знал, что способен столько съесть. Лежу на спине и смотрю в потолок. Буду лежать здесь, пока не съем все, а потом пойду в другой дом. Четыре стены и потолок — это лучше, чем мотаться по округе, как идиот, не зная, куда идти. Здесь есть жратва. Выпивки — вагон! Когда закончится вода, буду пить виски. Пусть запишут на мой чертов счет».

Следующую страницу покрывали числа. Многие из них были перечеркнуты. Как будто Хорек пытался что-то вычислить. В самом низу число «17» он обвел кружком. Майклу это ни о чем не говорило. Он нашел новый текст и стал читать дальше.

«Не знаю, что это было, но здорово напрягся. Какое-то дребезжание. Выскочил на улицу, но ничего не увидел. Придется держать ухо востро. Не нравится мне этот городок. Какой-то он странный. Мертвый, и все здесь не так.

Поставил фотографию Линды на столик у кровати. Сажу и смотрю на нее. Понимаю, что больше никогда не увижу. Хочется плакать. Если так и останусь сидеть — наверняка расплачусь.

Трудно это осознать, еще труднее смириться. Такие вещи случаются. Например, со мной. Похоже, я вытянул самый неудачный лотерейный билет в своей жизни.

Снова какой-то шум за окном. Выглянул и опять ничего не увидел. Сажу, пишу, а руки дрожат, как у Стена Роффорда по понедельникам. Вот кто понимал, что в жизни главное.

Странный грохот, как будто где-то взлетает самолет. Откуда здесь может быть самолет? По крайней мере, я под крышей. Раньше...».

Майкл замолчал. Анна посмотрела на него вопросительно.

— Он не дописал, — сказал Майкл. — Что это?

— Что?

— Почерк совсем неразборчивый.

— Да?

Буквы на следующем листе скакали вверх-вниз, как маленькие зверьки, слова налезали одно на другое, сваливаясь со строки, словно пьяницы. Майкл нахмурился и снова стал читать.

«Повезло.

Как червяк в консервной банке.

Все сошло с ума. Стены взмыли вверх, потолок сузился, я попал в пирамиду, как фараон. Как ПЬЯНЫЙ фараон, потому что все вокруг закружилось и стало раскачиваться. Даже не помню, когда в последний раз чувствовал что-то такое.

Страшно. Мне страшно? — Очень!

Что произошло? Я не знаю.

Дома сошли с ума! Весь город сошел с ума! Эти спирали улиц, уходящие к самому небу, эти черные пропасти. Гул и грохот.

Сижу хрен знает где с мокрыми штанами и щеками. Воняю и дрожу от страха, как тряпка, вымазанная в помоях. Но я хочу жить. Никогда так сильно не хотел жить, как сейчас. Боюсь умирать. Боюсь умирать здесь.

Где?».

Майкл почувствовал, что ладони у него вспотели.

«Не ел четыре дня. Наверное. Не уверен. По-моему — четыре.

Интересно, как действует на человека голод. В первые дни так хочется есть, что готов выть и лезть на стену (а стен рядом нет — какая подлость!). Желудок болит и завывает, как будто в нем живая собака. Но собаки нет. Вообще ничего нет. А потом почти все равно.

Если бы не бутылка воды в кармане, наверняка бы протянул ноги.

Бенни станет запасливой белочкой! Хрен я теперь куда пойду без своих орррррешков!».

Две пустые страницы...

«Городок как городок. Ничем не лучше других. Ничем не хуже.

Сижу за столом и пью водку из пивной кружки. Всегда мечтал пить водку из пивной кружки. Наверное, где-то через час отключусь.

Как там она говорила?

Бенни снова бьет копытом!

Эй, Бобби! Думаю, я созрел еще для одной порции».

Текст стал нечитаемым. Хорек, скорее всего, выполнил собственное обещание и напился почти до бесчувствия, все еще стараясь заполнять дневник. Следующие несколько страниц были покрыты длинными неровными абзацами, слова в которых больше напоминали волны на море, чем текст. Иногда абзацы были короткими — всего одна фраза. Иногда тянулись на пару страниц.

— Что там? — спросила Анна.

— Не могу прочесть.

Майкл пролистал тетрадь, пока не нашел текст, который можно было разобрать.

«Главное — оставаться человеком. Даже в таком месте».

Эти слова Хорек написал большими буквами и дважды подчеркнул. Следующий абзац был длиннее.

«Сказать, что я удивлен — это не сказать ничего. Я охренительно удивлен!

Может быть, идея вылазок — не такая хорошая идея.

Я встретил их милях в десяти от городка. Не знаю, давно они там или нет.

Думаю, что нет. Иначе уже давно перебили бы друг друга. Все началось, как в прошлый раз, с ощущения, будто что-то не так. Какие-то странные звуки.

Увидел их издали в бинокль. Они огромные, почти черные, как шагающие танки из Звездных Войн. Они ревели так, что земля дрожала. Или она дрожала от их топота? Ясно ощущал тряску. Примерно в миле от них.

Они дрались. Не очень понял детали, но явно была драка, и бились они насмерть. Некоторые падали, а те, что оставались, снова бросались в заварушку. Страшное зрелище! Самое ужасное в том, что дрались не стенка на стенку, а каждый с каждым!

Простоял, наблюдая, несколько часов. Начало темнеть. В конце концов остался только один. Другие темными тушами лежали вокруг. Некоторое время он ходил между своих собратьев, потом задрал голову и заревел. На минуту мне показалось, что он меня заметил и вот-вот бросится ко мне. Еле сдержался, чтобы не драпануть. А потом понял. Он оплакивал.

Но зачем тогда он дрался? Зачем все они дрались? Странные твари.

Ночь провел на равнине, трясясь от страха. Утром уже никого не было. Что с ним стало? Не знаю. И не собираюсь выяснять».

— Он говорил о них, — сказала Анна. — Помнишь?

Майкл кивнул.

— Ужасно!

— Да. И он был один.

Майкл перевернул страницу.

«Пустошь безвредна. Она как вода в застоявшемся озере. Мы боялись ее до чертиков. Смешно! Здесь нечего бояться. Правильное название. Это пустыня. Нужно попасть сюда, чтобы понять.

Но есть язвы. Они опасны! Очень!

Хорошее слово. Не хуже других.

Язвы деятельны. Именно там все и происходит. Будь я проклят, если понимаю, что они такое. Раковые клетки?

Они появляются и исчезают. Именно это я видел. Изменяются ли они сами?

Самое главное — их можно почувствовать заранее. В мертвой пустоши можно почувствовать момент жизни, почувствовать изменение. Пустошь неподвижна и безжизненна. Они — ее прямая противоположность.

Язвы как дыры в одеяле.

Если подойти близко, можно почувствовать. Что угодно. Звуки или вибрацию. В голову могут придти забавные мысли. Даже такое. Думаю, существует множество примет. А суть одна — ЧТО-ТО НЕ ТАК. Надо научиться это чувствовать».

Следующие две страницы занимал рисунок. Майклу хватило нескольких секунд, чтобы понять что это.

— Опять неразборчиво? — спросила Анна.

— Нет. Здесь карта.

— Покажи.

Анна придвинулась ближе и прижалась к нему. Майкл почувствовал прикосновение ее груди, мягкое теплое прикосновение, от которого у него на миг перехватило дыхание. Они склонились над каракулями Хорька.

В центре разворота из двух страниц был нарисован большой тщательно заштрихованный квадрат. Пересекая его, от низа до верха страницы тянулась жирная линия. «Дорога», — подумал Майкл. Другие линии, обозначенные пунктиром, змейками расползались от квадрата во все стороны. Рядом с каждой из них стояло число.

— Похоже на маршруты его вылазок, — сказала Анна. — А что за цифры?

— Не знаю. Может быть расстояния?

Большинство пунктирных линий, уходивших вверх, заканчивались кружками с надписями внутри: «Большой Дэн», «чернявки», «туннель», «верх-низ», «Канада», «змейки»... и снова «змейки» и опять «туннель».

— Эти кружки, — сказал Майкл. — Думаю, это язвы, на которые он натыкался. Видишь? Змейки.

Анна вздрогнула и отстранилась.

— Он знал о них, — сказала она и сама себе ответила. — Конечно, знал!

Линии, уходящие вниз страницы, встречали гораздо меньше кружков. Всего четыре.

— Он сидел в городке и делал вылазки вокруг.

— Линий не так много, — сказала Анна. — А он пробыл здесь долго.

— Наверное, потом он прекратил.

— Читай дальше.

Майкл в последний раз взглянул на план Хорька. Ему не понравились эти кружки на севере, если, конечно, верх страницы означал север. Они выстраивались, словно заграждение. Такие устанавливают полицейские вокруг места преступления.

Он открыл новую страницу и стал читать.

«Думаю, они приходят из туннелей. Это двери. Они больны и злы. Некоторые очень похожи на людей, но большинство нет. Туннель как дырка в этом мире. Куда он ведет? В другие пространства, как в передачах по телеку? Всегда думал, что это херня. Теперь не уверен.

Может быть, они хотят захватить Землю. А это — разведчики. Первый десант. И место отличное. Лучше не придумать. Как у Уэллса — подойдут и ткнут бластером в задницу. Чао, крошка, вот и мы!».

Следующая запись еле читалась.

«Умираю.

Черт, как больно!

Все-таки достали. Рана глубокая. Промыл, как смог, но она слишком глубокая. Очень много крови. Ненавижу кровь! Очень болит.

Они ушли назад. Как я мог их не заметить?

Кровь никого не привлечет. Здесь никого нет.

Умру, лежа на спине. Буду смотреть на их гребанные звезды, пусть им икается! Ха-ха.

Господи, как больно. Дышать больно. Все расплывается.

Жаль».

— Он показывал рану, помнишь?

Анна кивнула.

— Кто это его так?

— А ты не понимаешь?

— Ну...

— Читай дальше.

«Господь, пастырь мой! Я ни в чем не буду нуждаться.

Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим, подкрепляет душу мою, направляет меня на стези правды ради имени Своего».

Майкл нахмурился. На ум пришли слова Хорька:

«Он говорит с тобой! Как когда-то говорил со мной».

«А вдруг Хорек не сошел с ума, а вдруг он, действительно...».

«Как ты думаешь — кто говорит с тобой?».

Он покачал головой и стал читать дальше.

«Господь, ты дал мне жизнь в темных водах. Я не спрошу Тебя зачем, я говорю спасибо.

Я — Твой раб, и моя жизнь в Твоих руках. Я пойду по пустыне, потому что знаю: Ты стоишь за моей спиной».

«Самонадеянность — тяжелый грех. Самонадеянные умрут и превратятся в прах. Нельзя противостоять».

Майкл с трудом понимал значения слов, которые произносил — его мысли были далеко. «Так вот когда ты обратился, Бенни. Ты решил, что это Он спас тебя».

«Чудны дела Твои Господи и все твари и двери Твои».

«Все дороги, это лишь одна дорога. Дорога на север. Дорога к двери, за которой...

Кто?»

Майкл перевернул несколько страниц.

— Дальше одни псалмы... Погоди — вот еще!

«Дорога к свету лежит через камни и грязь. Я стал камнем, и я стал грязью, и дорога приняла меня своим.

Ты — темная ночь, а я — часть темноты. Чем дальше я иду, тем меньше святости. Не Его это творения. Его нет здесь. Не вижу.

Бог молчит. Говорю только я, и голос мой слаб».

«Змея ползет между камней, не увиденная никем».

Майкл перевернул страницу.

— Это последняя.

«Бог — это порядок. Сатана — хаос. Язва — хаос внутри порядка.

Пустошь — здесь порядок сошел с ума, а хаос — единственная логика внутри этого сумасшествия. Можно узнать язву, можно знать приметы. Можно дать названия. В пустоши нет логики — она сумасшедшая.

Так где здесь порядок?

Где здесь Бог?

Где?

Я щепка. Я плыву по волнам».

— Все.

Майкл отложил тетрадь. История человека, сумевшего выжить в пустоши, человека, загнавшего их в язву и умершего в попытках спасти, лежала перед ними. Простая и короткая, как детская сказка и страшная, как правда.

— Наверное, этим все и должно было закончиться, — сказала Анна. — Никто не может долго жить в таком напряжении. Он сошел с ума.

— Да. Наверное.

— То, что он написал... В этом нет надежды. Не за что зацепиться. Любой поступок будет ошибкой.

— Думаю, он пытался найти... точку опоры.

— А ты видишь ее, Майкл?

Он задумчиво посмотрел на Анну.

— Мы умрем, Майкл. Мы умрем здесь. И я уверена, что смерть наша будет не простой.

— Не говори так.

— А почему? Тебе страшно?

— Мы не умрем.
— Не надо врать себе. И мне тоже. Мы с тобой мертвецы. Мы мертвые.
— Нет.
Анна замолчала и теснее прижалась к нему.
— Майкл, обними меня, пожалуйста.
Он прижал ее к себе и уткнулся в растрепанные волосы.
— Скажи, что ты никогда не оставишь меня.
— Я не оставлю тебя.
— Скажи, что никогда не сделаешь мне больно.
— Я никогда не сделаю тебе больно.
— Скажи, что мы не умрем.
— Мы не умрем. Никто не умрет.
Анна прижалась к нему.
— Если бы не ты, я давно бы сошла с ума.
— Я тоже.

ГЛАВА 29

Майкл сидел в открытой двери машины, сжав в зубах сигарету, и молча наблюдал за Анной, бесцельно блуждающей вокруг «Сабурбана». Палящее солнце, казалось, ничуть ее не беспокоило. Она все ходила и ходила, как заводная игрушка. «Скажи мне...». Слова, которые она прошептала, прижавшись к нему, как растерянная маленькая девочка, взрезались в память — они напугали его. Эти слова показали, насколько хрупок тот мостик, который все еще соединяет их с прошлой жизнью. Насколько слабы они здесь, посреди молчаливой смертельной пустоши.

Но молчаливой ли?

Он пытался найти объяснение тому страшному голосу; какое-нибудь логическое обоснование. Но ни одна из выдуманных им теорий не годилась. Все они казались высосанными из пальца — жалкой попыткой ухватиться за позицию здравомыслия. Но если не так, тогда...

Хорек слышал то же самое, и, кажется, он нашел для себя ответ — Бог разговаривал с ним, словно с библейским пророком. Страшно. Очень страшно, потому что слишком похоже на правду. Этот ветер — ответ на молитву Майкла. Ему давали понять, что все это — правда.

«Ты не сошел с ума, Бенни. Он действительно говорил с тобой, пока ты не сделал что-то. Что-то плохое». Смерть Хорька очень напоминала искупление, плату за грехи. Это была цена за то, чтобы Майкл мог двигаться дальше. Мог...

«Исполнить волю Божью».

Но как еще к этому относиться? Как по-другому объяснить?

Они легли спать на закате.

Утром Майкл почувствовал себя гораздо лучше. События вчерашнего дня успели подернуться легкой дымкой, и даже нога почти не беспокоила. Он улыбнулся, выбираясь из машины и начал насвистывать, занимаясь приготовлением завтрака.

Анна проснулась через несколько минут. Выглядела она значительно лучше, чем накануне, из чего Майкл сделал вывод, что сон пошел ей на пользу не меньше, чем ему самому. Анна помахала ему рукой и перебралась на переднее сидение, где принялась приводить себя в порядок перед маленьким зеркальцем.

За завтраком они говорили обо всем на свете, кроме Хорька и пустоши. Им не пришлось договариваться об этом, оба поступили так интуитивно, понимая, что рана еще слишком свежа и не стоит ее беспокоить. Анна, хихикая, как девчонка, рассказала несколько забавных случаев, произошедших с ней, когда она была герл-скаутом. Майкл смеялся в ответ и сыпал едкими замечаниями. Завтрак еще больше поднял им настроение, и даже тогда,

когда они уселись в машину, и Майкл свернул на обочину, это обошлось без каких-либо комментариев.

Они обогнули холм, на который вчера поднимались, с правой стороны и стали удаляться от шоссе. Земля здесь была неровной, изобилующей выбоинами и камнями, которые прятались в густой траве, как партизаны, грозя сломать подвеску. Майкл вел «Сабурбан» медленно и тот плавно покачивался на неровностях, как большой белый корабль. По днищу скребла трава.

Анна высунулась в открытое окно и смотрела вперед. Майкл тоже опустил стекло, впуская в кабину воздух, лишенный ароматов и звуков — только натужно гудел двигатель, когда «Сабурбан» преодолевал очередное препятствие, и доносился слабый запах выхлопа. Скоро шоссе исчезло из вида, и они потеряли всякое представление о том, где находятся. Холмы выплывали один за другим, похожие, как близнецы. Где-то впереди темнели горные цепи. Майкл старался вести машину по солнцу, боясь сделать круг и снова вернуться к «змеям».

Холмы становились все выше. Далекие горы медленно, почти неощутимо приближались. Прошло несколько часов с тех пор, как они уехали с «поля змеек», как назвала его Анна, когда она вдруг повернулась к нему.

— Стой! — сказала она. — Что-то не так.

Майкл послушно остановился и выключил двигатель. Они посидели несколько минут в тишине, прислушиваясь и глядя по сторонам. «Сабурбан» остановился у входа в широкое «ущелье», образованное двумя холмами. Солнце уже достигло зенита и заливало все вокруг ровным ярким светом. Ни единой тени не пряталось между каменными горбами, и при желании они могли бы разглядеть каждую травинку. Ничто не указывало на опасность.

— Показалось, — сказал Майкл и взялся за ключ, чтобы завести двигатель.

— Подожди, — отозвалась Анна и повторила. — Что-то не так.

Она открыла дверцу и вышла. Обеспокоенный больше ее поведением, чем гипотетической опасностью, Майкл последовал за ней. Они встали по обе стороны капота и снова прислушались. Ничего. Анна осторожно пошла вперед.

— Ты куда? — спросил Майкл и двинулся следом. Они прошли около двадцати ярдов, и Анна остановилась.

— Чувствуешь?

— Что?

— Здесь как будто холоднее.

Майкл глубоко вдохнул.

— Я не чувствую.

Анна вытянула в стороны руки и стала двигать ими параллельно земле взад-вперед. В этот момент Майклу она вдруг напомнила Хорька, когда он вышел из машины и стал исполнять почти такую же пантомиму. И эта аналогия ему совсем не понравилась.

— Что ты делаешь?

— Сделай так же. Помаши руками.

Майкл пожал плечами, но все же повторил ее жест. Пальцы рассекали воздух, и на миг ему показалось... Нет, наверное, только показалось. Анна ожидающе смотрела на него. Майкл покачал головой и опустил руки.

— Холодно?

— Не знаю. Не уверен.

— А я уверена!

Майкл с сомнением посмотрел на холмы.

— Хорошо. Подожди здесь.

Он медленно пошел вперед, размахивая руками из стороны в сторону. Сделав несколько шагов, он, наконец, понял, о чем говорила Анна. Воздух стал как будто гуще и определенно холоднее. Майкл осторожно шел к холмам, глядя во все глаза. Холод стал заползать ему под рубашку, неприятно касаясь кожи. Из открытого рта в прозрачный воздух

вылетело маленькое облачко пара. Там впереди, что-то было. Эта четкость линий, геометрическая правильность черт.

Ощущение холода внезапно исчезло. Майкл почувствовал себя умиротворенным и немного усталым. Ощущения показались ему приятными. Он будто плыл в большой спокойной реке, белой и сверкающей, как снег. Майкл остановился и опустился на колени. Ему захотелось лечь в эту белизну и закрыть глаза. Позволить течению нести себя и баюкать, как спящего ребенка. «Я щепка», — подумал он. — «Я плыву по течению». Его руки коснулись земли. Майклу показалось, что он слышит какую-то странную музыку. Беспорядочные звуки, больше похожие на слова, но, тем не менее, музыка. Колыбельная. Тихая песня у детской кровати. Ладони коснулись чего-то мягкого, подобного перине. Майкл посмотрел вниз, но они уже скрылись в сияющей ровной белизне. Большое и медленное течение подхватило его, бережно покачивая и унося туда, куда текла белая река.

Неожиданно среди мягкости и плавности несущих его вод что-то появилось. Майкл воспринял это, как небольшое темное пятно. Оно подплыло к нему и коснулось руки. Он почувствовал боль. Тень метнулась в сторону и исчезла. «И в этой реке водятся хищники», — подумал Майкл. — «Надо быть осторожнее». Но осторожнее быть не получилось. Тень снова метнулась к нему, быстро, как жалящая змея, и вот уже бедро отозвалось ощутимой болью, как будто по нему ударили. Темная тварь отплыла чуть дальше, но на этот раз не исчезла. Майкл заметил, как, рядом с ней, воды несущей его реки стали утрачивать свою белизну. Тварь снова метнулась. Майкл попытался отмахнуться от нее, но не попал. Снова вспыхнула боль. Река помутнела. Ощущение тишины и покоя стало исчезать. Вместо этого появился страх. «Где я?» — подумал Майкл. — «Что это за река?». Белая вода вокруг заволновалась и начала темнеть. Еще несколько секунд Майклу удавалось следить за проворной тварью, атаковавшей его, но скоро та слилась с водой, и он потерял ее из вида. Перед глазами стали возникать странные образы. Они быстро изменялись, превращаясь в тонкие зеленые водоросли. Некоторое время они раскачивались перед его глазами, а потом застыли. Ногу обожгла боль, а, вместе с ней, в мир снова вернулся свет. Но он уже не был белым, он стал золотым. Майкл поднял голову и увидел солнце высоко над собой.

— Майкл!

Он обернулся. Анна стояла ярдах в ста от него. Ее очертания были размыты, как будто их разделяло залитое водой стекло. Анна наклонилась, потом выпрямилась и быстро взмахнула рукой. Майкл снова ощутил боль.

— Майкл!

Он зажмурился, а когда открыл глаза, обнаружил себя стоящим на коленях, посреди высокой зеленой травы. Вокруг лежало несколько камней, а спустя секунду, еще один ударился в его бедро и откатился в сторону.

— Не надо! — прохрипел он.

— Майкл, иди ко мне! Сейчас же!

Он попытался встать на ноги, но не удержался и упал, больно ударившись об один из снарядов Анны. Медленно, на четвереньках, он пополз в ее сторону.

В голове шумело. Снова стало холодно, и он задрожал всем телом. Но, одновременно с этим, он почувствовал, как возвращаются силы, как будто какой-то груз таял у него на спине. Он снова поднялся на ноги и, на этот раз, удержался. Сжав зубы, он пошел вперед.

— О боже, как я перепугалась!

— Вот черт, чуть не вляпались! Если бы не ты... Я даже не почувствовал ничего!

— Видишь, и я на что-то гожусь!

Неожиданно для себя Майкл обнял ее и прижал к себе. Анна не отстранилась, уткнувшись лицом ему в грудь.

— Я очень испугалась, когда ты стал пропадать. Ты будто таял, становился каким-то размытым...

Она подняла голову.

— Извини, что бросала в тебя камни. Я кричала, но ты не слышал.

— Ничего.

— Я не поранила тебя?

— Кажется, нет. Ух, черт!

Он отпустил ее, и они вместе посмотрели на холмы. Они выглядели по-прежнему, как будто ничего и не случилось.

— Как ты почувствовала? — спросил Майкл.

— Холодный воздух, — ответила Анна. — Я всегда чувствую холодный воздух. Вот здесь.

Она хлопнула себя по груди.

— У меня сразу начинает першить в горле. Из-за этого в Вермонте я часто простужалась. Что-то не так с бронхами.

— Храни Господи твои бронхи! — вырвалось у Майкла.

Он посмотрел на Анну. Она улыбалась. И тут они, не сговариваясь, захохотали, как двое ненормальных, посреди пустынной равнины. Они смеялись, схватившись друг за друга, кашляя и мотая головами. Прошло не меньше пяти минут, прежде, чем истерика отступила.

— Вроде бы это не змейки, — сказал Майкл, отдышавшись, и снова хихикнул.

— Я бы назвала это холодильником!

— Да, уж. В этом что-то есть!

Лицо Анны стало серьезным.

— Ты что-то видел? Там.

Майкл посмотрел на холмы.

— Не знаю. Я не понял. Сначала просто было холодно, а потом все вокруг стало белым. Ни травы, ни неба. Белая река.

— Белая река?

— Да. Я как-будто плыл в большой белой реке.

— О, господи!

Майкл посмотрел на нее.

— Надо обойти это место. Ты водишь машину?

— Да, а что?

— Садись в кабину и езжай в сотне футов от меня. А я пойду вдоль этой штуки. Надо найти, где она кончается.

— Ты уверен?

— Уверен. Теперь я знаю, чего опасаться. Если что-то пойдет не так, если что-то заподозришь — дави клаксон.

— Ну да. У тебя в машине есть веревка?

Майкл кивнул.

— Я хочу, чтобы ты ей обвязался. Если что, я смогу тебя вытащить.

— О'кей. Только постарайся, когда будешь тащить, не давить на газ слишком сильно.

Анна улыбнулась.

— Постараюсь.

Майкл медленно двинулся вдоль границы холодного воздуха, расставив руки, как канатоходец. Параллельно ему, переваливаясь через неровности, полз «Сабурбан». Тонкая веревка, как пуповина, тянулась от Майкла к машине.

В какой-то момент, ему показалось, что стало холоднее. Он сделал знак Анне и взял немного в сторону. Спустя несколько минут, ощущение холода на пальцах стало исчезать, а потом и вовсе пропало. Майкл прошел еще на двести ярдов вперед, желая убедиться, что опасность миновала, а потом остановился.

— Все, — прокричал он, и, развязывая на ходу веревку, направился к «Сабурбану».

— Уверен? — спросила Анна.

— Да. Там теперь жарко, как в котле. Фу! Я покурю, и поедem дальше.

— Кури, конечно.

Майкл зажег сигарету и с наслаждением затянулся.

— Мы где-то близко? — спросила Анна.

— Близко к чему?

— Ну, к тому самому северу, о котором говорил Хорек. К тому, что ты ищешь.

— Почему ты так подумала?

— Две язвы совсем рядом.

Майкл задумчиво покрутил сигарету.

— Похоже на то.

— Нам надо быть очень осторожными. Вдвойне или втройне!

— Да.

— Как ты думаешь, что там?

Майкл смотрел на сигаретный дым.

— Не знаю. Может быть, Господь Бог, а может быть... Может быть управление дорожных работ округа.

Он невесело улыбнулся.

— Что угодно.

Анна вздохнула.

— Думаю, надо устроить привал. Отдохнем, а потом поедem дальше.

— Звучит неплохо, — отозвался Майкл.

После обеда они продолжили свой путь. Майкл сидел за рулем и вел машину так медленно, как мог, морщась, когда двигатель ревел, вытаскивая тяжелый «Сабурбан» из очередной ямы. До гор впереди оставалось миль десять, не больше. После обеда те стали приближаться как будто быстрее.

Они остановились, когда по земле поползли первые тени, слишком уставшие, чтобы продолжать движение в сумерках. Майкл прошелся по округе и наломал с кустов веток для костра. Ветки были свежие, и костер сильно дымил, но они не обращали на дым внимания. При отсутствии ветра он поднимался вертикально, словно толстая греческая колонна.

— Как ты думаешь, где мы? — спросила Анна.

Майкл пожал плечами.

— Мы въезжаем в горы. На востоке, наверное, Рио Гранде. Думаю, где-то впереди национальный парк Санта Фе.

— Такие знакомые места, — сказала Анна. — Мы с родителями когда-то ездили гулять в Уайт Рок. Там красиво.

— Никогда не был.

— Обязательно побывай там...

Анна осеклась и стала смотреть в тарелку. Майкл тоже замолчал. Он подумал о том, как мало осталось припасов на борту «Сабурбана». Если они урежут рацион, то можно будет продержаться еще неделю. С топливом дела обстояли еще хуже. За сегодняшний день, двигаясь на низких передачах, они сожгли уйму бензина. Теперь оставалась лишь четверть одного бака. Майкл хотел поделиться своими наблюдениями с Анной, но передумал. Не стоит расстраивать ее еще больше.

— Знаешь, — сказала она, все еще глядя в свою тарелку. — Я все время думаю о том, что писал Хорек. О туннелях. Помнишь?

— Это про те, из которых сюда попадают разные пришельцы?

— Да.

— Мне кажется, у него разыгралось воображение.

— А те гиганты? Его рана?

— Я не уверен, что гиганты вообще были. Возможно, они просто вылезли из бутылки

«Белой лошади». А что касается раны, такой сувенир здесь можно получить тысячью способами.

— И почему ты все время врешь? Ты же знаешь, что это не так!

— С чего ты взяла..., - начал Майкл, но Анна перебила его.

— Я сама это видела.

Майкл посмотрел на нее удивленно.

— Видела? Где?

Она зябко повела плечами.

— В Санта Ана. Я видела их.

Майкл отложил тарелку и подсел к ней.

— Кого ты видела?

Анна обхватила себя руками и стала смотреть в костер. Уже почти стемнело, и огонь отбрасывал красные тени на ее лицо.

— Я сама не очень понимаю. Я очнулась в каком-то подвале. Было темно и холодно. И я не могла двигаться.

— Как это не могла? Почему?

— Не перебивай меня! Если я собьюсь, то уже ничего не расскажу!

— Извини.

— Я не могла двигаться. Не могла и все. Как-будто разучилась. Или у меня просто не было сил. Не помню, что там происходило, и сколько я там просидела. А потом пришел он... Странно. До сих пор не могу вспомнить, как он выглядел. Я очень испугалась, потому что он был чужим. Совершенно чужим. Не принадлежащим этому миру. Я подумала, что он хочет убить меня. Сначала обездвигил, чтобы я не сопротивлялась, а теперь хочет убить. Но он пришел не за этим. Когда он подошел совсем близко, я вдруг ощутила настоящее торнадо, врывающееся мне в голову. Образы, как картинки, такие холодные, такие чужие! Я чувствовала, как он заталкивает их в меня. Меня как будто насиловали, только на уровне мыслей...

Она немного помолчала.

— А потом он вышел из меня и на этот раз поток образов полился уже из моей головы. Перед глазами мелькало все, что я когда-то видела и даже то, что давно позабыла. Говорят, так бывает перед самой смертью. Наверное, я действительно была к ней очень близко. Эта река текла и текла из моей головы, а потом я отключилась. Когда пришла в себя, его уже не было.

Она посмотрела на него.

— Туннели существуют, Майкл. И оттуда действительно что-то приходит.

— А ты уверена, что это тебе не... ну не привиделось?

— Нет! — резко сказала Анна. — Я уверена в том, что видела. Я видела его так же ясно, как тебя сейчас! И, что хуже всего, я его чувствовала! Вот здесь!

Она хлопнула себя по лбу.

— У него внутри все холодное.

— Ты не знаешь, что он хотел?

Анна покачала головой.

— Не знаю. Может быть, ему тоже было страшно, и он пытался таким образом понять, где он. Как мы с тобой.

— Он был не очень дружелюбен.

— Да. Думаю, если бы у него хватило времени, он в конце концов убил бы меня. Может быть, случайно, может быть, осознанно. Я не знаю, какие у него были мотивы.

— Я верю тебе, — сказал Майкл. — Пусть это звучит жутко, но я верю. Раз здесь есть вся это чертовщина: «змейки», «холодильники» и прочее, почему бы не быть еще туннелям? Жаль, что у нас нет оружия.

— А пистолет Хорька?

— Он без магазина. Разве что как пугач. Но в нашем положении от этого мало толку.

— Наверное там, у себя, они вовсе не чудовища. Там они могут быть бизнесменами или юристами. Или продавцами из супермаркета. У них, наверное, есть дети, которые их любят.

— Не думай об этом.

— Я стараюсь. Вообще, я по натуре хорошая.

Анна улыбнулась.

— И мне трудно находиться здесь.

— Я знаю, — сказал Майкл и погладил ее по волосам. Анна положила голову ему на плечо и закрыла глаза. Перед ними весело потрескивал костер, а вокруг сгущалась темнота, охватывая их плотным кольцом ночи.

ГЛАВА 30

Они выехали на рассвете. Их гнало вперед неопределенное желание двигаться. Только движение могло противостоять медленному засасывающему влиянию пустоши. Двигаясь, они оставались чужими ей, были вне ее, получали хотя бы иллюзорный контроль над ситуацией.

Как обычно, начало поездки подействовало на Анну ободряюще. Она снова опустила окно и начала свою «вахту», внимательно вглядываясь и вслушиваясь в пустошь, стараясь уловить малейшие признаки смены ее настроения. В отличие от Анны, Майкл все утро выглядел мрачным. Он почти не разговаривал с ней, погруженный в себя.

Он мучался.

«Бог говорит со мной?».

«Нет, в это нельзя верить! Это сумасшествие! А я еще не сошел с ума!».

И одновременно он верил — полностью и безоговорочно, как верили древние пророки. Он стыдился и боялся этих мыслей. Вновь и вновь уговаривал себя успокоиться и рассуждать здраво. Наверняка есть объяснение, простое логическое объяснение, не требующее присутствия божественных сил, но в чем оно?

С того момента, как он взял в руки тетрадь Хорька и вновь услышал тот голос, сознание Майкла раздвоилось. Он понимал, что должен выбрать. Выбрать одну из двух картин мира и верить в нее, иначе на самом деле сойдет с ума. Но какая из них верна?

— Что тебя гложет? — спросила Анна. — Ты мрачный, как туча.

— Все в порядке.

— Уверен?

— На все сто.

Явно неудовлетворенная его объяснением, она отвернулась и снова стала смотреть в окно.

«Господи — я не могу! Просто не могу верить в тебя!».

Майкл продолжал придерживаться направления на север. До полудня им пришлось остановиться дважды, и оба раза тревога была ложной. Сначала Анне показалось, будто она что-то слышит. Звук действительно был — хорошо им знакомый низкий гул — но доносился он с юга. Даже, если там и находилась язва, она не имела к ним отношения, пока они двигались в противоположную сторону. Второй раз их заставили остановиться низкие облака, неподвижно висящие над землей к западу от них.

Гул на юге, облака на западе — они упрямо продолжали свой путь, стараясь держаться подальше от тех и от других.

Горы на востоке стали ближе, изменилась и окружающая их местность: теперь «Сабурбан» катил по каменистым холмам, поросшим низкой желтой травой.

Ловушка захлопнулась незадолго до полудня.

Майкл и Анна совершенно разомлели в разогревшейся от солнца кабине. Анна обмотала голову блузкой, соорудив что-то вроде тюрбана, и вяло обмахивалась картой. Оба молчали, в такой жаре никто не находил в себе сил жаловаться. Анна первая ощутила неладное. Минуту она сидела, неподвижно, пытаясь понять, что же именно почувствовала.

Позади них гулко пророкотало.

— Майкл, ты слышишь?

— Что?

— Звук стал громче.

Майкл наклонил голову.

— Похоже на то. Ты что-нибудь видишь?

Ответить Анна не успела.

В машину ударил мощный поток раскаленного воздуха. Он ворвался в открытые окна, обжигая кожу, как невидимое пламя. К гулу позади них прибавился грохот, доносящийся спереди. За холмом, до которого оставалось не больше трехсот ярдов, вспыхнули яркие, белые с оттенком синевы, молнии. Они на секунду ослепили Майкла и Анну и исчезли, и тут же над его вершиной вознесся столб песка и камней, как будто там что-то взорвалось. Звук, последовавший за этим, был оглушительным.

Майкл повернул руль и пустил машину параллельно холму.

— Опять! — сказала Анна. — Опять! Это никогда не кончится!

Снова мелькнули молнии, сопровождаемые оглушительным грохотом взрыва и фонтаном песка. В тот же момент раздался громкий рокот с другой стороны. Машину качнуло, когда в бок ей ударил поток воздуха. Он был не такой горячий, как предыдущий. Запахло озоном.

— Майкл, надо возвращаться! — закричала Анна.

— Поздно!

Майкл поворачивал машину, снова направляя ее на холм.

— Ты что делаешь?!

— Сзади! Нам не вернуться!

Анна посмотрела назад и увидела широкую длинную трещину, расколовшую землю, словно кто-то ударил туда огромным топором. Трещина быстро росла, пуская во все стороны метастазы. Некоторые из них вытягивались в направлении «Сабурбана». Появление каждой новой ветви сопровождалось вибрирующим грохотом.

— Землетрясение! — прокричала Анна.

— Пристегнись!

Майкл прибавил газа, и машина рванулась вперед и вверх, забираясь на холм, над которым танцевали тонкие молнии. Воздух со всех сторон наполнился гулом и грохотом и еще каким-то громким звуком, напоминающим визг.

«Сабурбан» налетел правым колесом на камень и подпрыгнул. Ремень безопасности удержал Анну в кресле, а Майкла бросило лицом на руль. Он больно ударился ртом и сразу же почувствовал неприятный кислый вкус крови. Времени на оценку собственных повреждений не было, поэтому он выплюнул кровь в окно и еще сильнее надавил на педаль газа.

Анна скосила глаза в боковое зеркало и увидела, как длинный черный разлом коснулся подножья холма. Та его часть, на которую пришлось это прикосновение, взорвалась, разбрасывая камни и куски земли, как шрапнель. Они врезались в «Сабурбан» вместе со взрывной волной, чуть не перевернув его. Послышался звон разбитых стекол. Сразу вслед за первым взрывом раздалось еще несколько. Холм разваливался на части.

— Что там? — закричал Майкл.

— Взрывы! Не пойму! Смотри вперед!

Анна повернулась к Майклу.

— Ты весь в крови!

— Ничего страшного! Губу прикусил!

— Я вытру!

Анна стала разматывать свой тюрбан, и в этот момент Майкл изо всех сил ударил по тормозам.

«Сабурбан» выскочил на вершину холма и застыл там, подняв облака пыли. Под ним

разверзся Армагеддон.

В паре сотен ярдов от них, у самого подножья, оказалась группа из семи огромных существ, похожих на ходячие деревья Толкиена, только без листвы, с короткими толстыми ветвями. Гиганты медленно передвигались вдоль холма, издавая громкий визг. Они пытались уйти от преследовавшей их язвы. Она напоминала эллипс, вытянутый в их направлении. Трава и земля внутри горели ослепительным синим огнем, периодически над ними вспыхивали тонкие молнии. На границе эллипса то и дело раздавались взрывы, выбрасывающие высоко вверх потоки песка и камней. В первую же секунду стало ясно, что язва расширяется быстрее, чем могут бежать ее жертвы.

Один из гигантов, оказался вблизи границы. Его качнуло назад и весь его длинный «ствол», мгновенно завился в узкую спираль. Существо завизжало так, что у Майкла заложило уши. Оно дернулось вперед, и спираль снова раскрутилась. Ему удалось сделать еще несколько шагов, прежде чем язва вновь настигла его. На этот раз «дереву» не повезло. Оно повалилось назад, прямо в холодную яркую синеву. Отчаянный вопль разрезал воздух. Над упавшим гигантом взвились синие искры, окутав его и скрыв от глаз. Через секунду вопль оборвался.

Холм тряхнуло, как будто он действительно попал в зону землетрясения. Анна обернулась.

— Майкл, холм рушится! Давай! Вперед, вперед!

Он успел взглянуть в зеркало заднего вида. Позади них выросла сплошная стена из земли и песка. Он услышал, как камни стучат в корпус машины. Еще немного, и холм просто развалится на куски.

— Майкл! — еще раз крикнула Анна.

Он принял решение. Колеса «Сабурбана» закрутились, и он покатился вниз, прямо в гущу борьбы гигантов и «синей язвы».

Машина летела с холма, как торпеда, оставляя за собой широкий желтый шлейф пыли. Майкл неожиданно вспомнил, что так и не пристегнулся, а в следующий момент, они уже влетели в самое пекло.

«Сабурбан» несся прямо на одно из огромных «деревьев». С такого расстояния высота его была футов двадцать. Майкл сильно надавил на тормоз и вывернул руль. Машина вильнула и ударилась боком в широкий гладкий «ствол». По крыше что-то сильно стукнуло, вмяная ее внутрь. Майкл не стал дожидаться следующего удара и нажал на газ. «Сабурбан» рванулся вперед и очутился в нескольких футах от границы с язвой. Разбрасываемая взрывами земля залепила стекла. Майкл снова ударил по тормозам.

В царящем со всех сторон хаосе невозможно было ориентироваться. Уши болели от непрерывного грохота, в облаках пыли почти ничего не было видно. Полагаясь больше на инстинкты, чем на глаза, Майкл включил заднюю передачу. «Сабурбан» отшатнулся от язвы и ударился во что-то задним бампером. Снова раздался громкий визг, и в следующее мгновение машина лишилась задней двери и части крыши.

Анна закричала. Майкл снова закрутил руль, бросив машину вперед и влево. Им повезло, поверни он в другую сторону, они были бы похоронены в обломках взорвавшегося холма. Камни стучали по стеклам и корпусу, корежа и разрывая металл. «Сабурбан» осел назад, и Майклу с трудом удавалось контролировать его движение. Каким-то чудом он смог поймать машину и направить ее вперед, прочь от грохота и взрывов. Они задели еще одного гиганта, разбив фары и погнув капот. На приборной панели тревожно горели сигнальные огни.

Майкл не обращал внимания на повреждения, он продолжал давить на газ. «Сабурбан», виляя из стороны в сторону, несся вперед сквозь грохот и рев.

— Включи щетки! — заорал Майкл.

Анна посмотрела на него огромными от ужаса глазами.

— Щетки!

Она сообразила, что от нее хотят и передвинула рычаг. Заработали щетки, протирая

стекло, как раз вовремя для того, чтобы избежать столкновения с очередным «деревом». Майкл закрутил руль, машина накренилась, на секунду оторвав левые колеса от земли. Он больно ударился о балку двери и громко застонал. Снова в окнах забрезжила мертвая синева. Майкл бросил «Сабурбан» в сторону. Машина поворачивала медленно, как будто не желая этого делать. Она прошла всего в нескольких дюймах от границы язвы, чуть не попав в нее задними колесами. Прогремел взрыв. «Сабурбан» подбросило вверх. На этот раз Майкл и Анна закричали вместе. Упав на колеса, машина вильнула и устремилась вперед. Кабину наполнил скрежет и запах горелой резины.

Они вылетели из облака пыли и увидели впереди равнину. Плоские холмы, покрытые жесткой травой. Солнце посреди синего неба.

— Мы выбрались! — закричал Майкл.

Двигатель работал рывками, что-то клало под днищем, запах горячей изоляции наполнял кабину, как ядовитый туман. Майкл продолжал гнать машину вперед, прочь от гудящего, ревущего и визжащего кошмара, думая только о том, чтобы уехать от него как можно дальше. Позади вновь взревело, и по истерзанному корпусу машины опять застучали камни.

Этот взрыв оказался для них последним. Они пробились, и с каждой секундой уносились все дальше от холма, чуть было не ставшего для них могилой. Через десять минут под капотом что-то заскрежетало, и двигатель заглох. «Сабурбан» остановился и, накренившись, словно корабль на мели, застыл в траве.

Майкл осторожно снял руки с руля и стер с лица кровь. Все тело ныло от боли, он вспотел, и пот ручьями стекал по коже, впитываясь в рубашку и джинсы. Он посмотрел на Анну. Она сидела, прижав руку к голове, и тихо плакала. Слезы текли из-под опущенных век, оставляя неровные дорожки на грязных щеках. Между пальцев было видно засохшую кровь. Майкл обернулся назад. Далеко из-за холмов поднимался дым, и доносились глухие раскаты взрывов.

Он открыл дверь и вышел из машины.

«Сабурбан» был уничтожен. Вся его задняя часть оказалась разорванной и искореженной, будто ее вырвали с корнем. Кузов покрывали глубокие вмятины от камней, почти все стекла были разбиты. Заднее колесо представляло собой изорванный и оплавленный кусок резины, от которой неторопливо поднимался сизый дым. Почти весь груз отсутствовал, очевидно, вывалившись из раскуроченной кабины во время их прыжков между «деревьями» и язвой. На месте остались только два металлических ящика, которые жестко крепились к полу. Один из них Майкл определил под припасы, в другом находились всякие мелочи и, в том числе, аптечка. Майкл взял ее и вернулся к Анне. Она сидела все в той же позе, только глаза теперь были открыты.

— Убери руки, — сказал он. — Я обработаю рану.

Анна послушалась. Чуть выше виска у нее оказалась длинная царапина, к счастью, не глубокая. Порез уже перестал кровоточить и, с точки зрения Майкла, не представлял опасности. Он промыл рану, обработал края йодом и перевязал. Во время этой процедуры Анна не произнесла ни слова, только тихо стонала и сжимала пальцами кресло.

— Все в порядке, — сказал Майкл, закончив. — Ничего страшного.

Анна повернулась к нему и криво усмехнулась. На ее грязном лице с размазанными по щекам слезами, усмешка выглядела неприятно.

— Мы снова живы, — сказала она. — А я уже думала, что все кончилось.

Она отвернулась.

Майкл стоял, не зная, как реагировать на эти слова. Банальные фразы вроде «все будет хорошо» вертелись у него в голове, но он не хотел их произносить. Ничего не ответив, он обошел «Сабурбан» и попытался поднять капот. После нескольких неудачных попыток он сдался. «Кого ты хочешь обмануть», — подумал он. — «Эта машина уже никуда не поедет». Болели разбитые губы. Майкл достал из аптечки аспирин и проглотил пару таблеток.

— Во что мы попали, Майкл? — спросила его Анна. — Я думала, что видела здесь уже все, но это...

— Я не знаю. Там было несколько язв, это точно.

— Я не могу поверить, что мы живы.

— Вот в этом можешь не сомневаться! — Майкл попытался улыбнуться. — Нам повезло, что мы попали к деревьям, или что там это было. Окажись на их месте змейки, нам ни за что не удалось бы прорваться.

— Я не могу так, Майкл. Больше не могу.

«Можешь», — подумал он. — «Можешь и будешь». Но ничего не сказал. Он прижал ее к себе, чувствуя, как быстро бьется ее сердце.

— Машине конец, — сказал он.

— Я знаю.

— Кое-что из продуктов уцелело. И вода. Немного, но осталось. Дальше придется идти пешком.

Анна кивнула.

— Давай уйдем отсюда.

Майкл погладил ее по голове.

— А ты сможешь?

— Смогу. Только давай поскорее уйдем.

— Хорошо. Я попробую сделать нам рюкзаки.

Майкл отпустил Анну и забрался в машину. Спальные мешки уцелели. Он достал их из ящика и нагрузил водой и продуктами. Из веревок он соорудил лямки и обмотал их тряпками, чтобы они не натерли плечи. Через пару минут к нему присоединилась Анна. Покончив со сборами, Майкл достал из кармана сигареты. В пачке оставалась только одна штука. «Это и к лучшему», — подумал он, вспомнив, что теперь они будут идти пешком. Он закурил, взял из ящика отвертку и полез в кабину.

— Что ты делаешь? — спросила Анна.

— Хочу достать рацию.

— А.

Майкл вытащил ее из защитного кожуха и присоединил ко второй, запасной, которую возил в бардачке «на всякий случай».

Они отошли уже на несколько шагов, когда он обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на машину. «Сабурбан» был грязен и напоминал больше старую развалину с автомобильной свалки, чем тот прекрасный белый корабль, каким он показался Майклу, когда впервые предстал перед ним. Их дом и защитник, не раз спасавший им жизнь, даривший им ощущение уюта и безопасности, одна из основ их надежд, был мертв. Пройдет немного времени, и он превратится в ничтожную часть безжизненного пейзажа пустоши, такой же изувеченный, как окружающий их здесь мир. Последняя нить, связывающая их с домом, оборвалась. Теперь они слабы и голы. В любой момент сила, живущая в пустоши, может раздавить их, и нечего будет ей противопоставить.

Майкл посмотрел на Анну. На ее лице он прочел то же самое. Он повернулся к «Сабурбану» спиной и решительно пошел прочь.

Дорога оказалась трудной, а рюкзаки тяжелыми. Анна то и дело спотыкалась, и Майклу приходилось ее поддерживать. Она не жаловалась и упрямо шла вперед, стремясь уйти как можно дальше от страшного места.

Спустя пару часов после того, как «Сабурбан» скрылся из вида, Майкл увидел впереди темную линию асфальта.

— Ты неверишь, — сказал он. — Мы снова вышли к шоссе.

Анна подняла голову и тут же споткнулась.

— Черт!

Перед ними действительно оказалась дорога. Такая же, по которой они ехали до того,

как встретились со «змейками» — двухполосная, с желтой разделительной линией.

— Я не поверю, — сказала Анна.

Они выбрались на шоссе, и идти стало проще. Это немного подняло их настроение.

— Знаешь, — сказал Майкл. — В том, что произошло, есть и хорошая сторона.

— Да? Интересно какая?

— Мне кажется, мы миновали барьер.

— Что?

— Барьер. Я уверен, что север окружен барьером из язв. И сегодня мы его миновали.

— Может быть. И что теперь?

— Назад дороги нет.

— Звучит не очень-то ободряюще.

Майкл пожал плечами.

— Мне кажется, без машины мы уже далеко не уйдем.

— А может быть далеко идти и не надо.

— Что ты имеешь в виду?

— Смотри.

Майкл указал вперед. Там на фоне темного асфальта выделялось синее пятно.

— Что это? Указатель?

— Похоже на то.

Они прибавили шагу, насколько позволяли силы, и через несколько минут, смогли разобрать надпись.

ЛОС-АЛАМОСС, 5 МИЛЬ

А под ней текст:

«Эта дорога и окружающая территория является собственностью правительства Соединенных Штатов. Доступ регулируется федеральными законами, законами штата и правилами Лаборатории. Эта дорога может быть закрыта в любой момент без предварительного уведомления».

— Бог любит пехоту, — улыбнулся Майкл.

— О чем это они?

— Не знаю. Должно быть, где-то рядом секретный объект. Здесь полно таких.

— Здорово!

— В любом случае, впереди город. Разживемся припасами, передохнем и решим, что делать дальше.

Они замолчали и пошли вперед.

— Тебе жалко машину? — спросила Анна.

— Да. Машина была единственной стоящей вещью, которой я когда-либо владел.

— Мне тоже. Она была, как дом.

— Не надо. Не думай о доме.

— Не могу. Человек должен иметь хотя бы какой-нибудь дом.

— Сейчас наш дом здесь.

Анна покачала головой.

— Это не дом.

Они поравнялись со знаком и остановились.

— Предлагаю устроить привал здесь, — сказал Майкл. — Тогда мы войдем в город в начале дня.

— Хорошо.

Анна стянула рюкзак и бросила его на дорогу. Она молча проследила, как Майкл

перенес его на обочину. Станный поступок, но, с другой стороны, каждый имеет право на надежду, какой бы глупой она не казалась.

ГЛАВА 31

Они вышли на рассвете, стараясь захватить ту короткую утреннюю прохладу, которая предшествует раскаленному солнечному дню. Шоссе полого поднималось в горы, впереди отчетливо были видны их величественные склоны, покрытые густой тусклой зеленью. Пустыня осталась за спиной. Они шли уже два часа, изредка переговариваясь, но больше частью молча. Неожиданно потяжелевшие рюкзаки давили на плечи.

Справа от шоссе на солнце что-то сверкнуло.

— Майкл, смотри!

— Похоже на забор.

Они сошли с дороги и через несколько минут остановились у длинной проволочной сетки, тянувшейся далеко вперед насколько хватало глаз. Майкл снял рюкзак и, порывшись в нем, извлек бинокль Хорька.

— Посмотрим, что там.

Он покрутил колесо настройки и стал медленно водить биноклем по сторонам.

— Ну? — нетерпеливо спросила Анна.

— Похоже на аэропорт. Я вижу полосу, вижу самолет.

— Дай посмотреть.

Майкл передал бинокль Анне.

— Действительно. Аэропорт. Я вижу машины.

Она отняла окуляры от глаз и посмотрела на Майкла.

— У меня странное чувство, — сказала она.

Майкл кивнул.

— У меня тоже.

— Как будто там кто-то есть.

Майкл снова кивнул.

— Пошли.

Они вернулись на шоссе, и пошли вперед, двигаясь вдоль забора. По другую сторону дороги ровными рядами росли густые кусты, усыпанные желтыми цветами. То и дело среди них мелькали высокие побеги юкки. Анна несколько раз споткнулась, глядя туда.

Майкл остановился.

— Что с тобой?

— Не знаю. Подожди-ка.

Она положила рюкзак на асфальт и пошла к зарослям.

«Что это на нее нашло?».

Майкл нерешительно стоял, глядя, как Анна подошла к живой стене, развела кусты руками и, шагнув вперед, скрылась с глаз. Он бросил свой рюкзак на землю и поспешил за ней.

Полоса зарослей оказалась широкой, не меньше десяти ярдов. Когда Майкл, наконец, одолел их, перед ним возник невысокий белый забор. Анна стояла возле него.

— Посмотри, — сказала она, не оборачиваясь.

Перед ними раскинулся глубокий, ярдов сорок, каньон с заросшими склонами. Раскидистые сосны и пихты скрывали его дно. До другого края было никак не меньше четверти мили.

— Неплохо, — высказался Майкл.

— Да, неплохо. Я заметила его, когда мы подходили к аэропорту. Знаешь, после этой пустыни, я готова простоять здесь пару дней.

Майкл улыбнулся.

— Позже. Сейчас у нас есть дела. Пойдем.

Анна нехотя повернулась, и они, вновь продравшись через кусты, вернулись к своим вещам.

Забор, огораживающий аэропорт кончился, и они увидели еще одну дорогу, отходящую в сторону терминала. «Аэропорт роад» — было написано на табличке.

Решив, что там искать нечего, они пошли дальше.

На обочине появились дома. Почти одинаковые — маленькие, белые; их стены покрывали зеленые ковры из выющихся цветов. Они сгруппировались в небольшой квартал, за которым раскинулся крохотный аккуратный парк, огороженный черным кованым забором. У ворот был припаркован пикап с торчащими из кузова черенками лопат. Майкл подошел к нему и прижал ладонь к капоту.

— Холодный.

Анна кивнула.

За парком оказалось маленькое озеро. Вокруг него на песчаной дорожке стояли выкрашенные в белый цвет скамейки. Они миновали церковь Троицы и еще одну, названия которой Майкл не разобрал. Вновь появились дома. Они стояли вдоль дороги стройными рядами, яркие и приветливые, окруженные стриженными газонами. На одном из них Майкл увидел газонокосилку.

— Этот город как будто нарисован.

— Да, — согласилась Анна. — Здесь хорошо.

Они подошли к бакалейному магазину. Майкл подергал двери, но те не поддавались. Прильнув к витрине, он смог разобрать смутные очертания полок и стойку с кассовым аппаратом. Он прикинул, что можно было бы разбить стекло и войти, но решил этого не делать. Город большой — наверняка еще найдется что-нибудь подходящее.

Дорога раздвоилась. Майкл и Анна остановились на перекрестке, глядя на указатели. Правая ветка была обозначена, как Сентрал авеню. Она являлась продолжением Ист роад, по которой они до этого шли. Налево уходила широкая Тринити драйв.

— Куда пойдем? — спросила Анна.

— Я за Сентрал. Судя по названию, там должно быть все, что нам нужно.

— Та улица шире.

— Думаю, это просто сквозное шоссе через город.

— Ладно. Наверное, ты прав.

Сентрал авеню не обманула их ожиданий. Миновав пару кварталов (дома здесь были повыше, в два-три этажа, а газоны поуже), они обнаружили длинное плоское здание супермаркета. На маленькой стоянке было припарковано с полдюжины машин, в основном, пикапов.

Двери оказались незапертыми, и они вошли. Яркие лучи солнца, проникающие через большие окна, освещали длинные ряды полок, уставленных всякой всячиной. В помещении ощущался слабый кислый запах.

— Я на склад, посмотрю, нет ли там чего подходящего, а ты осмотришь здесь. Встретимся у касс.

Анна кивнула.

Большинство продуктов на стеллажах выглядели ужасно. Хлеб давно заплесневел, и, казалось, был покрыт густой сине-зеленой щетиной. Из отдела мясных продуктов тянуло неприятным запахом, и Анна сочла разумным обойти его стороной. Вид этих стройных рядов, чистые полы, яркий солнечный свет создавали ощущение, будто совсем недавно здесь присутствовали люди. Анна не могла поверить, что это уютное здание было покинуто два года назад. Нет, это решительно невозможно! Если бы прямо сейчас в широких проходах супермаркета появились люди с тележками, она ничуть бы не удивилась. Это было бы самым естественным, что могло произойти.

Но этого не произошло. «Вспомни, как выглядел хлеб», — посоветовала Анна самой себе. — «Здесь никого нет. И не может быть». Для большего эффекта она сняла с полки раздувшийся пакет молока и посмотрела на дату, указанную на упаковке: 3 мая 2008 года.

Она поставила пакет обратно.

Холодильник оказался полон всевозможных бутылок: Кока-Кола, Пепси, целый океан разнообразного пива. Анна вытащила одну из бутылок простой воды и осторожно отвинтила крышку. Вода была теплая и пахла пластиком, но, в остальном вполне годилась к употреблению. Здесь можно было найти какие-нибудь фильтры и пропустить воду через них. Анна взяла несколько бутылок и понесла к кассам. Это действие, такое простое и такое привычное, сразу испортило ей настроение. В ее сознании супермаркет и толпы покупателей были связаны друг с другом, как хлеб и масло. И сейчас обезлюдившие проходы между полками производили угнетающее впечатление.

Она поставила воду на неподвижную ленту транспортера и вздохнула.

Спустя пару минут появился Майкл. Он катил перед собой тележку, нагруженную бутылками воды и консервами.

— На склад лучше не заходить, — сообщил он. — Там отвратительно. Не хуже, чем в Санта Ана. Вот когда пожалеешь, что нет крыс.

Анна достала одну из банок. Это оказался куриный суп «Чанки Кэмпбелс».

— Думаешь, это можно есть?

— Судя по сроку хранения, еще можно. Там полно таких. И воды полно. А в городе можно отыскать колонку. Если найдем — водой мы обеспечены.

— Кажется, нам снова повезло?

— Вроде бы. Может быть, устроим ранний обед?

— Что-то не хочется. Давай попозже.

— О'кей. В таком случае, предлагаю еще побродить по городу.

— Давай.

— Это тебе. Надеюсь, подойдет.

Майкл надел ей на голову белую бейсболку с непонятной аббревиатурой «UNM — LA» вышитой спереди.

— Нашел на складе. Еще не ношенная.

Анна улыбнулась.

— Спасибо. Как я выгляжу?

Майкл поднял большой палец.

— Клево!

Они положили рюкзаки в пустую магазинную тележку и вышли на улицу. Продукты было решено оставить в магазине, чтобы потом к ним вернуться. Пройдя квартал, они остановились перед большим зданием, с фасадом, отделанным под камень. На высоких стеклянных дверях были нарисованы индейские орлы с длинными, как у зайца, острыми ушами. Над дверями было написано «Почта».

— Давай зайдём, — предложил Майкл.

— Ты хочешь отправить письмо?

— Там может быть схема города.

Анна кивнула.

— Хорошо.

Они вошли и оказались в просторном зале, разделенном по центру длинной перегородкой, за которой раньше сидели служащие. Было жарко. Майкл распахнул двери и подпер их стульями, чтобы пустить немного воздуха. Как и везде в городе, на почте царил идеальный порядок. Его строгость нарушал только скомканный желтый листок, одиноко лежащий посреди зала. Легкий ветер из открытых дверей лениво шевельнул его. Майкл поднял его и расправил. Красными чернилами на нем было написано:

«Кинникитик, 8.30».

Он снова скомкал бумажку и отправил ее в ближайшую корзину.

— Я осмотрюсь.

— Давай.

Майкл пошел вдоль перегородки, разглядывая сквозь стекло столы. На каждом — один и тот же набор: бумаги, ручки, карандаши и конверты. Обычная мелочевка. На одном из них стояла кружка с давно испарившимся содержимым. С нее Майклу жизнерадостно улыбался кот Сильвестр, над которым разноцветными буквами пестрела надпись «Неплохой денек». «Действительно», — подумал Майкл. — «Совсем даже не плохой».

Пройдя почти до конца зала, он, наконец, увидел то, что искал. Карта висела на стене, прикрепленная разноцветными кнопками. Майкл подошел к дверце, отделяющей посетителей от офиса, и открыл щеколду.

Он угадал. Централ авеню действительно оправдывала свое название. Она тянулась через весь город с востока на запад, выпуская частые отростки-улицы во всех направлениях. Майкл увидел аэропорт, мимо которого они проходили и каньон, на который смотрели, со странным названием — Ди-Пи. Этот каньон был не единственным — город, как пирог, разрезали еще несколько: Пуэбло каньон, Лос-Аламос, Школьный. Почта, на которой они находились, располагалась почти в центре, рядом с еще одним парком и историческим музеем. Дальше на запад был обозначен Акватик центр, католическая и методистская церкви и средняя школа. За школой Централ авеню превращалась в Кэньон роад и вливалась в Даймонд роад, пересекающую город с севера на юг и уходящую дальше к городку Уайт Рок. Даймонд роад проходила по мосту через большой каньон Лос-Аламоса, а рядом с мостом был отмечен большой комплекс Лос-Аламосской Национальной Лаборатории.

Лаборатория. Именно о ней было написано на знаке. И как он сразу не догадался!

Майкл много слышал о ЛАНЛ. Лаборатория финансировалась правительством и занималась исследованиями в самых разных областях: от биологии до ядерной физики. Говорили, что большинство этих исследований засекречены. Как и многие на его факультете он лелеял мечту после окончания колледжа устроиться туда на работу. В своих фантазиях он занимался исследованием глубокого космоса или чем-нибудь еще, не менее захватывающим. Но жизнь распорядилась иначе, и он стал автомехаником в родном городке, раз и навсегда похоронив свои честолюбивые планы. И вот сейчас сама судьба привела его сюда, буквально к самым дверям, и он будет дураком, если упустит такой шанс и не увидит все собственными глазами.

Майкл снял карту со стены и вернулся к Анне. Она сидела за маленьким столиком и листала журнал.

— Нашла что-нибудь интересное? — спросил он.

— Нет. Этот «Космополитен» трехлетней выдержки. Кажется, я его уже читала. А что у тебя?

— Карта. Как я и думал. Смотри.

Он небрежно смахнул со столика журналы и разложил свою находку.

— Мы здесь.

Анна пару минут разглядывала схему, а потом указала на один из значков.

— А это что?

— Согласно легенде, медицинский центр.

— Думаю, нам стоит зайти туда.

— Зачем?

— Может быть, найдем что-нибудь полезное. Все наше медицинское обеспечение сосредоточено в твоей автомобильной аптечке, не забыл?

— Да. Ты права, можно заглянуть. А еще надо зайти вот сюда.

Майкл ткнул в большой комплекс на юге города.

— А что здесь?

— Национальная Лаборатория Лос-Аламоса. Мечта всех студентов с моего факультета.

Анна покачала головой.

— Да она же огромная!

— Мы только посмотрим.

— Ну хорошо.

— Тогда решено.

Они вышли на улицу. Солнце поднялось высоко, и жара на улице ничем не уступала духоте почтового офиса. Миновав большое сверкающее здание Акватик центра, они остановились на углу стоянки, на которой разместились дюжины три автомобилей. Большинство номерных знаков указывали на другие штаты. Майкл обнаружил даже номерные таблички Айдахо и Висконсина. Ближе всех к ним стоял новенький серебристый «Кадиллак», блестевший на солнце, как огромный бриллиант.

Майкл отпустил тележку.

— Подожди, я скоро.

— Ты куда?

— Хочу кое-что проверить.

— Майкл! Это глупо!

— Ну и пусть!

Ему не повезло — «Кадиллак» оказался запертым, зато «Додж» в соседнем ряду был открыт. Майкл уселся на водительское сиденье и принялся шарить по салону в поисках ключей. Ключей не было. Вздыхнув, он полез под рулевую колонку.

На поиск и освобождение нужных проводов у него ушло минут десять и весь запас ругательств. Когда он, наконец, разогнулся, лицо его сделалось пунцовым от прилившей крови. «Хреновый из меня угонщик». Майкл поднял глаза к потолку и соединил провода. Ничего не произошло. Он растерянно посмотрел на свои руки. Сам не отдавая себе в этом отчета, он был совершенно уверен, что машина заведется. По крайней мере, проявит хотя бы какие-нибудь признаки жизни. Теперь эта уверенность улетучилась, как эфир и ее место заняло раздражение. Хлопнув напоследок кулаком по приборной панели, Майкл выбрался из «Доджа» и вернулся к Анне.

— Убедился?

— Да.

— На самом деле, я тебя понимаю. Мне и самой иногда кажется, что в любую минуту наваждение исчезнет, и появятся люди. Только не надо поддаваться, это ощущение врет.

— Как знать.

— Так и знать. Не пори чепухи! Пошли!

Анна быстро зашагала прочь. Майкл, немного удивленный ее резкостью, взялся за ручку тележки и последовал за ней.

Размерами медицинский центр Лос-Аламоса превосходил все здания, которые они видели в этом городе. Он был: четыре этажа стекла и металла, ослепительно яркого и, казалось, взмывал в самое небо, как космический корабль. Майкл и Анна постояли перед входом пару минут, очарованные красотой здания, а потом вошли внутрь.

В центре небольшого холла располагалась стойка администратора, от которой лучами расходилось множество коридоров. Над стойкой висели на кронштейнах несколько мониторов. Ни один из них не работал. Помещение обладало хорошей акустикой, разнося звуки шагов во все стороны, как будто здание было полно людей. Иллюзия оказалась настолько совершенной, что Майкл непроизвольно еще раз осмотрел холл. Ничего. Только звенящая эхом пустота. Анна направилась к одному из коридоров.

— Я скоро вернусь.

— Я с тобой.

— Не стоит. Я на минутку.

— Хорошо. Жду тебя здесь.

Майкл сел в кресло за стойкой и принялся наугад нажимать кнопки большого пульта. Еще утром он не отпустил бы ее одну, но сейчас он не чувствовал опасности. Лос-Аламос убаюкал их, обернул, как детей пеленкой, ощущением спокойствия, подкупил своей нормальностью. И Майкл поверил ему.

Анна вернулась через двадцать минут, оторвав его от изучения регистрационной книги. В руке она тащила большой пакет. Водрузив его на стойку, она тяжело вздохнула, сняла бейсболку и вытерла блестящий от пота лоб.

— Уф! Тяжело. Я схватила все, где еще не истек срок хранения. Большую часть этих лекарств я никогда не видела, но будет время — разберемся.

— Знаешь, я тут подумал, может быть, мы слишком доверяем этим срокам хранения. Кто знает, какие фокусы со временем могут тут происходить.

— Никто не знает. Но это — единственное, на что мы можем опереться. Я, по крайней, не вижу лучшего выхода.

— Ну да. И все же, надо быть осторожнее.

— Согласна.

Анна натянула бейсболку.

— Ну что, пойдем в эту твою Лабораторию? Может быть, найдем какое-нибудь прохладное место. Я уже чувствую, как плавятся мои мозги.

Они вышли на Даймонд драйв и направились дальше на юг. Здания вокруг постепенно исчезли, уступив пространство деревьям. Они встали по обе стороны дороги, как молчаливые часовые, одаривая усталых пешеходов щедрой тенью. «Для полного счастья не хватает только пения птиц», — подумал Майкл. Дорога стала поворачивать, а в конце поворота деревья неожиданно расступились. Анна остановилась, и Майкл, глазевший по сторонам, чуть было не налетел на нее тележкой.

— Какая красота!

В раме из древесных стволов, на фоне яркого синего неба, словно парящий в пространстве, возник мост. Белые металлические своды, казалось, горели на солнце, черная лента асфальта висела над глубоким каньоном. У самого моста стояла табличка с надписью: «Омега Бридж».

— Неплохо, — сказал Майкл. — Совсем неплохо.

— Пошли!

Ширина каньона в этом месте составляла около четверти мили. Его склоны террасами спускались глубоко вниз, а там, на самом дне змейкой извивалась узкая дорожка. Каньон был сплошь покрыт соснами, и их вершины чуть покачивались на слабом ветру. Достигнув середины моста, они остановились и восхищенно стали смотреть по сторонам.

— В жизни не видел такой красоты! — признался Майкл.

Далеко на западе возвышался покрытый лесом высокий склон. Среди деревьев были видны длинные голые полосы, очевидно обозначающие лыжные трассы, появлявшиеся здесь зимой. Вид был прекрасен.

Вдоволь налюбовавшись, они перешли на другую сторону и, сверившись с картой, повернули на Вест Джемес Род. Пройдя по ней немного, они оказались на Каза Гранде Драйв, которая вывела их к большим металлическим воротам. Ворота были открыты. Майкл и Анна вошли, миновали обширную парковку, забитую машинами и подошли к высокому белому зданию, над входом в которое огромными буквами было написано: «Национальная Лаборатория Лос-Аламоса». Толкнув тяжелые двери, они оказались внутри.

Их встретил длинный коридор с белыми стенами, уходивший на добрую сотню ярдов вперед.

— Фу! — поморщилась Анна. — Как в желудке какого-нибудь чудовища!

Майкл улыбнулся.

— Зато здесь прохладно. Идем!

Они двинулись вперед и скоро оказались в просторном холле, перегороженном рамками металлоискателей. Беспрепятственно миновав их, они остановились посреди зала, напротив неподвижного эскалатора, уходившего на второй этаж. В обе стороны от эскалатора расходились такие же белые коридоры, как и тот, через который они вошли.

— Это и есть мечта твоей юности? — спросила Анна.

— Что-то вроде.

Они стояли, глядя по сторонам: Анна с легким раздражением (подумаешь, просто большое административное здание), Майкл с восхищением, когда случилось то, что сразу заставило их позабыть обо всем на свете.

Это произошло так неожиданно, что оба с трудом подавили крик. Просторный холл, в центре которого они стояли, за одно мгновение наполнился людьми и голосами. Скрипнув, заработал эскалатор. Люди шли по коридорам, поднимались на второй этаж, выходили из дверей. Они разговаривали, тихо смеялись, несли папки и бумаги. Мужчины в пиджаках и при галстуках, женщины в деловых костюмах. Белые, черные — Анна почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Она вцепилась в руку Майкла.

— Что это? — чуть слышно выдохнула она.

Они застыли со своей глупой тележкой из супермаркета, прямо посреди этого потока, растерянные, не знающие, что и подумать. И тут оба увидели его.

Он как раз сошел с эскалатора и двинулся напрямик к ним — высокий темноволосый мужчина в элегантном сером костюме с кейсом. На носу у него сидели легкомысленные круглые очки, немного подрывающие строгость его имиджа. Он улыбался. Когда до растерянных Майкла и Анны оставалось лишь пара-тройка шагов, он перехватил кейс и вытянул вперед руку.

— Хэлло, — сказал он.

ГЛАВА 32

Гораций думал. Он смутно понимал, что этим только усугубляет ситуацию, но, так уж устроен человек, если он связан по рукам и ногам, он начинает думать. Произошедшее почти раздавило его, всегда приветливого и по своему внутреннему устройству жизнерадостного человека. Вся жизнь Горация прошла в ровном темпе, и самое жестокое зрелище, которое он видел, являла собой драка в одном из кабаков Филадельфии, где он когда-то подрабатывал грузчиком. Но по сравнению с последними событиями, это казалось лишь парой беззлобных шлепков. То, что произошло с ним вчера, было настолько чудовищным, что разум все еще отказывался принять это. Ни один фильм, снятый в Голливуде, не мог даже намекнуть на такое. В тот день Гораций познал жестокую простоту и тупую бессмысленность убийства.

Хомера больше нет. Гораций это понял. Понял в тот момент, когда закапывал брата в твердую, сухую землю пустыни. А сегодня он впервые подумал о том, что и сам не хочет жить. Нападение на них было ужасным, чудовищным, но — слава Тебе, Иисус! — стремительным. Оно не давало ему времени сломаться. И вот теперь это время появилось. Теперь его сколько угодно. Пустошь заготовила им с Линдой куда более трудную смерть.

Запасов продовольствия в грузовике было немного. Ровно столько, сколько потребовалось бы для трех человек и четырех дней пути. Правда, теперь у них одним ртом меньше (не думай об этом — не думай!), но это только оттягивало неизбежную смерть.

Горацию пришлось собираться с духом почти целый час, прежде чем он решился снова забраться в залитую кровью кабину. Вонь там стояла апокалипсическая. Стараясь дышать ртом (что ничуть не помогало), он дотянулся до рации и несколько минут пытался связаться с кем-нибудь из Санта Розита. Ему никто не ответил.

Гораций был знаком с историей Хорька — это входило в обязательный набор для любого райдера. Он знал — молчащая рация, это не обязательно сломанная рация. Последнее сообщение от Хорька пришло спустя пару лет, после его аварии. Похоже, у них с Линдой та же ситуация. Какой прок от рации, если твой сигнал достигнет адресата спустя годы? К тому времени их кости уже давно поглотит пустыня.

Возможно, стоило куда-то идти. Но куда? Назад в Санта Розита? Второй постулат, который должен был знать любой райдер, утверждал, что время в пути катастрофически зависело от скорости движения. Двигаясь пешком, он потратил бы на дорогу не один год. Еще один тупик.

Линда. Она сильно беспокоила Горация. Перенесенный шок так сильно воздействовал

на нее, что теперь она вряд ли вообще представляет, где находится. Прямо сказать, Линда исчезла. Теперь на ее месте было растение. Она могла ходить (только с его помощью и не больше нескольких шагов). Могла сказать «да» или «нет». Могла остановиться, сесть на землю и сидеть так несколько часов, не шевелясь и глядя в одну точку. К тому же, она почти не ест, а выглядит так, как будто ее неделю пытали лучшие специалисты гестапо.

Таким образом, остаются лишь три возможности — сидеть, ждать, надеяться.

Половину дня Гораций потратил на приведение фургона в порядок. Просто для того, чтобы чем-нибудь заняться. Он поднимал, передвигал, носил туда-сюда вещи, каждые пять минут выходя наружу, чтобы поглядеть, как там Линда. Он устроил в фургоне два спальных места: для нее (в самом дальнем углу) и для себя (у самого входа).

Гораций работал с монотонным усердием, упорно изгоняя из головы мысли. Они пугали его. Пугал тот тихий спокойный голос, который обосновался в его собственном черепе и шептал. Шептал.

«Убей себя», — говорил он. — «И все закончится. Но сначала убей Линду. Так будет правильно. Смерть от голода — очень жестокая смерть. Не жди ее. Действуй. Действуй!».

Гораций замирал. Он мотал головой, разговаривал сам с собой, но тихий голос все равно пробивался. Он нашептывал, обволакивая своим гипнотическим спокойствием. Он был убедителен. «Убей!» — шептал он. — «Убей!».

Гораций сопротивлялся. Он снова принимался за работу, с ужасом осознавая, что с каждым разом это становится все труднее. И, чтобы отвлечь себя, он придумал сделать бомбы.

Твари боятся огня. Что ж, будет им огонь.

Он обошел машину и несколько минут постоял перед развороченным баком. Тот был пробит в нескольких местах, а часть его вообще была сорвана. Основная масса горючего давно вытекла и уже впиталась в песок. Оставалось всего около галлона. Гораций принес из кузова пять бутылок «Будвайзера», вылил пиво на землю и старательно наполнил их бензином. Запалом послужила смоченная в нем же тряпка. Если эти твари снова явятся, он с удовольствием угостит их коктейлем Молотова.

Линда снова отказалась есть. Он отвел ее в тень фургона, усадил на песок и стал осторожно поить, стараясь не терять ни капли — пополнить запасы было нечем. Вливая ей в рот теплую воду, он чуть слышно напевал «Серебряный молоток Максвелла».

Он разделил еду на две части, а потом каждую из частей разложил по дням. Получилось пять. Немного посидев, он снова перераспределил припасы, урезав рационы примерно на треть. Получилось семь. Неделя. Столько им осталось жить. В голове снова раздался шепот. Гораций слушал, чувствуя, как от страха вспотели ладони.

Сидя у могилы брата, он вспоминал. Они всегда хорошо ладили: и в детстве, когда всегда выступали единым фронтом во всех мальчишеских баталиях, и в зрелые годы тоже. Оба были холостяками. В юности судьба разделила их на двадцать с лишним лет, а потом, неожиданно для обоих, соединила вновь. С тех пор они не расставались. После смерти родителей у них почти никого не осталось. Были какие-то дальние родственники в Оклахоме, но Гораций видел их всего три раза. Причем две встречи пришлось на похороны родителей. За долгие годы они с братом притерлись друг к другу. Их жизнь в Санта Розита не отличалась разнообразием, и это вполне устраивало обоих. Потом появилась пустошь.

Теперь Гораций знал, что она не любила райдеров. Постепенно, одного за другим, она прибрала их всех, начав с Хорька и закончив Линдой. Оставался лишь Грантмахер, но здесь, полагал Гораций, дело лишь во времени. Нужно было оставить ее в покое. Пустошь усыпляла. Она заставляла их всех поверить, что ее можно контролировать. И они попались на эту самую старую в мире уловку.

Линда отказалась от ужина. Гораций растерянно стоял перед ней с куском куриного пирога в руке, чувствуя себя разбитым и беспомощным.

— Линда, ты должна поесть.

Покачала головой — «нет».

— Если не будешь есть, ты умрешь еще до того, как появится помощь, — увещевал он ее, как уговаривают капризного ребенка.

— Нет, — сказала Линда.

— Хотя бы кусочек. Всего один кусочек. Ради меня! Пожалуйста!

Линда не двигалась. Гораций потоптался перед ней еще несколько минут, безуспешно пытаясь придумать, как ее уговорить, а потом сдался. Он сам проглотил этот кусок, взял бутылку воды и вернулся к Линде.

— На, — сказал он.

Линда подняла голову и открыла рот. Гораций стал осторожно вливать в него воду.

Он стоял у дверей фургона и рассеянно смотрел на дорогу. «Если завтра не сумею уговорить ее поесть, я убью ее», — подумал он. — «Не стану наблюдать, как она угасает, будто огарок свечи. Не смогу».

Когда стемнело, он поднял Линду на руки и отнес в фургон. Уложив на кровать, он пожелал ей спокойной ночи и вышел. На черном небе висела луна. Ни один звук не тревожил густую темноту. «Может быть, я уже умер?» — думал Гораций. — «А это — загробный мир? Вот ведь как получается: ни тебе ангельского пения, ни шипения масла на сковородах. Пустыня. И тишина».

Гораций вернулся в фургон и улегся в постель. Заснул он быстро и спал без сновидений.

Утро.

Линда отказалась выходить на улицу. Сидит на кровати, подтянув колени к груди, и смотрит. Удалось скормить ей несколько хлопьев, и то, половина из них вывалилась у нее изо рта, испачкав свитер.

Гораций бесцельно бродил вокруг грузовика. Он готов был вообще не возвращаться в фургон, только бы не видеть ее.

Его мысли вновь и вновь возвращались ко дню катастрофы. Кабина притягивала его, как магнит, и он изо всех сил сопротивлялся. Вместо этого он стал собирать камни.

На маленьком холмике, который он насыпал на могиле брата, Гораций выложил крест. Получилось красиво. Он увлекся и просидел там еще два часа, выкладывая на песке различные геометрические фигуры: квадрат внутри круга, треугольники и ромбы. Когда он закончил, могила брата напоминала чертеж сумасшедшего астролога.

Полдень.

Напоив Линду, Гораций взял один из своих «коктейлей», вышел на шоссе и поджег фитиль. Огонь стал жадно пожирать пропитанную бензином тряпку. Как следует замахнувшись, Гораций швырнул свой снаряд прочь. Стекло с треском разбилось, и асфальт вспыхнул, словно маленькое огненное озеро. Гораций стоял и с жадным любопытством наблюдал, как растекаются во все стороны языки пламени.

Огонь пробудил в нем воспоминания. Ведомый ими, Гораций предпринял прогулку к останкам сгоревшей твари. От нее остались лишь черные обуглившиеся кости и какая-то невнятная, невероятно вонючая требуха между ними. Скелет показался ему ужасно большим. Огромный череп, больше уместный на плечах бизона, чем собаки, покрывали находящиеся одна на другую костные пластины. Пожалуй, такой лоб не каждой пуле под силу. Постояв над скелетом несколько минут, Гораций изо всех сил ударил по костям ногой, сильно ушибив при этом пальцы. «Сука», — сказал он и, прихрамывая, вернулся к грузовику.

Вечер.

Линда опять ничего не ела. Гораций разделил оставшиеся запасы на две неравные части. Он улыбнулся: получилось выиграть еще день. С самого утра, Линда сидела, не двигаясь, и к вечеру фургон наполнился острым запахом мочи. Гораций скривился. Придется опять ее переодевать.

Из одежды в грузовике оказался лишь старый, залитый машинным маслом, рабочий комбинезон. Гораций раздел Линду, подумал, не протереть ли ее мокрой тряпкой, но лишь махнул рукой — только зря тратить воду. На этот раз никаких эротических мыслей у него не возникло. Кожа Линды была грязной и плохо пахла, а кости выпирали так, что он чуть было не расплакался. Натянув комбинезон на вонючий скелет, он уложил Линду на кровать.

«Убей ее!»

Звезды этой ночью казались особенно яркими. Незаметно для себя Гораций заснул прямо на улице.

Рассвет.

Он проснулся от того, что замерз. Чтобы согреться, он стал бегать вокруг грузовика, пока не начал задыхаться. Разгоряченный, он вернулся в фургон и посмотрел на кровать Линды. Жар во всем теле сразу сменился холодом. Она лежала на боку и, не мигая, смотрела на него большими бессмысленными глазами.

ГЛАВА 33

Привычки человека обладают непреодолимой силой. Сбитый с толку и растерянный, Майкл протянул руку в ответ. Мужчина в сером костюме, продолжая улыбаться, сделал шаг вперед, и его ладонь проскользнула сквозь пальцы Майкла, как будто те были не более материальны, чем солнечный свет, льющийся из окон. «Сейчас он столкнется с тележкой», — подумал Майкл, отступив. — «Он что, не видит?». Еще шаг незнакомца, и он прошел сквозь металлическую тележку, оказавшись у Майкла за спиной. Выпучив от удивления глаза, Майкл обернулся. Всего в шаге позади него стоял еще один человек. На нем была белая рубашка с небрежно расстегнутым воротником. Закрепленный на кармане бейдж задорно сверкнул. «Том Бутман», — прочитал Майкл.

— Хэлло, мистер Макрой, — звонко произнес Том Бутман, и мужчины пожали друг другу руки.

Вся сцена заняла не больше десяти секунд. Обменявшись рукопожатием, парочка направилась в сторону одного из коридоров.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Майкл.

Анна выглядела потрясенной.

— Нет. Майкл, мы сошли с ума?

— Не думаю. У сумасшедших, по-моему, не бывает одинаковых галлюцинаций.

Справа от них за небольшой стойкой сидел человек в форме секьюрити. Майкл решительно направился к нему.

— Вы не могли бы мне помочь? — спросил он.

Охранник не прореагировал. Он нажал кнопку на своем пульте и, упершись локтями в стол, стал смотреть в один из мониторов.

— Эй, мистер! Вы слышите меня?

И снова не последовало никакой реакции. Майкл перегнулся через стойку и вытянул руку, пытаясь дотронуться до охранника. Его пальцы коснулись смуглой кожи и, не встретив сопротивления, погрузились внутрь черепной коробки. Майкл отшатнулся. Человек за стойкой рассеянно провел по волосам.

Подошла Анна.

— Ну, как?

— Он меня не видит. Я пытался дотронуться до него, но ничего не вышло.

— Майкл, а он настоящий?

Оба вновь посмотрели на охранника. Они не знали, что хотели увидеть, и не увидели ничего. Охранник не мерцал, сквозь него не было видно предметов, а, когда он откинулся на спинку кресла, оно вполне отчетливо скрипнуло.

— Черт возьми!

Они словно попали в чей-то дурной сон. Появление людей, событие, на которые они уже не надеялись, оказалось миражом. И этот мираж причинял боль даже большую, чем безжизненные пейзажи пустыни с подстерегающими там язвами. Чувство, которое навалилось на них, очень смахивало на отчаяние.

Растерянные и подавленные, Майкл и Анна отошли от стойки и сразу же оказались в самой гуще человеческого потока. Множество голосов ринулось им в уши со всех сторон.

— ...он пригласил нас с женой на восемь...

— ...да, конечно, все данные есть в центральном компьютере...

— ...да возьми же трубку!

— ...невероятно, это просто невероятно...

— ...гостей надо встретить в два часа...

— ...он звонил мне...

Люди сновали туда-сюда, как муравьи, не замечая двух странных, грязных пришельцев, стоящих у них на пути. Многие просто проходили сквозь них и спешили дальше по своим делам.

Майкл почувствовал, что сходит с ума. Они с Анной заматались по холлу, пытаясь спрятаться от этого бесконечного человеческого потока. Наконец, им это удалось. Они забились в угол рядом с дверью, на которой было написано «Служебное помещение. Только для персонала» и испуганно таращились на кипящий человеческую реку.

Через зал шла большая группа. Люди в ней выглядели одинаково — все в черных костюмах и с кейсами; как крупницы соли, в черноте мелькали белые блузки. Группу вела симпатичная брюнетка в зеленом деловом костюме. Она остановилась в нескольких шагах от Майкла и Анны и что-то сказала своим подопечным, указывая на них. Ей ответили. Девушка рассмеялась и пошла дальше. Группа последовала за ней. Через минуту они уже скрылись в одном из коридоров.

— Когда она показала на нас, я был уверен, что она нас видит, — произнес Майкл.

— Я тоже. Надо уходить отсюда.

— Ты...

Договорить Майкл не успел. В двери, возле которой они стояли, что-то щелкнуло, и она распахнулась. Инстинктивным жестом, Майкл вскинул руки, пытаясь заслонить голову, ожидая удара.

Но удара не было. Дверь прошла сквозь него, ударилась о фиксатор и остановилась. В проеме показалась спина уборщика. Он пятился, выкатывая за собой тележку, нагруженную швабрами и моющими средствами. Выкатив ее полностью, он закрыл дверь и, насвистывая, покатил тележку прочь, ловко избегая столкновений со снующими вокруг людьми.

— Я сейчас упаду, — прошептала Анна.

Майкл обхватил ее и прижал к себе, чувствуя, что сам недалек от того же.

— Спокойней, — сказал он. — Спокойней.

Весь спектакль продлился не больше десяти минут. А потом все исчезло. Как будто выключили свет — раз, и никого нет, только пустой холл и яркие потоки солнца, падающие из окон.

— Ни хрена себе! — сказал Майкл.

— Давай уйдем отсюда, — пролепетала Анна. — Прямо сейчас. Мне страшно!

— Но...

— Прошу тебя! Мы можем вернуться потом.

— Хорошо.

Анна высвободилась из его рук и быстро пошла к выходу. Прежде, чем последовать за ней, Майкл провел рукой по двери. Твердый, гладкий материал. Она была настолько реальной, насколько это вообще возможно. Майкл даже засомневался, что минуту назад, она прошла сквозь него, как будто он был привидением.

Он нагнал Анну в центре зала. Взявшись за ручку тележки, он покатил ее за ней вслед.

Они вновь оказались в коридоре. Преодолев половину пути, Майкл вдруг остановился.

— В чем дело? — спросила Анна.

Он посмотрел на нее, как будто впервые увидел, а потом ткнул пальцем в стену.

— Электричество, — сказал он.

Коридор не имел окон. Он освещался длинными яркими лампами дневного света, расположенными вдоль стен под самым потолком.

— Что?

— Электричество.

Майкл засмеялся.

— Лампы!

Анна мельком взглянула туда, куда он указывал, и нахмурилась. А потом, ни слова не говоря, развернулась и быстро пошла к выходу. Майкл замолчал.

Когда он подошел к двери, Анна яростно дергала за ручки. Было что-то пугающее в том, как она это делала, наваливаясь всем телом, пытаясь, без единого слова. Наконец, она сдалась и отступила.

— Заперто.

Майкл подошел к двери и потянул ее на себя. Она не поддавалась.

— Что это? — нервно спросила Анна. — Что здесь происходит?

— Я не знаю.

— Это какая-то ловушка! Черт! О, Боже! Мы все-таки попались!

— Придется возвращаться.

— Куда?

— Обратно. Здесь искать нечего. Через эту дверь нам не выйти.

— Ты серьезно?

— Да.

Анна оперлась рукой о тележку и посмотрела на него. В ее глазах читалась тоска.

— Мы умрем.

— Нет. Не думаю.

Она лишь покачала головой и медленно пошла по направлению к холлу. Майкл повернулся, чтобы следовать за ней, и в этот момент свет перед его глазами погас.

В ушах зашумело. Он сделал нетвердый шаг и привалился к стене.

«Опять! О Боже, опять!»

Темнота вокруг замерцала, и сквозь нее стали проступать неясные контуры, словно скрытые густым туманом. Майкл затаил дыхание. Плотная пелена задрожала, поплыла — все быстрее и быстрее... и вдруг исчезла. Майкл увидел большой зал, залитый ярким электрическим светом. Вдоль его левой стены располагались компьютерные стойки, а прямо перед ним висел огромный экран.

«Иди!» — раздалось у него в голове. — «Я покажу тебе... путь».

— Нет! — прошептал он и сполз на пол. — Нет!

Майкл опустил голову и подтянул ноги к груди. Образ в его сознании исчез, вновь сменившись темнотой.

— Что с тобой?

Анна склонилась над ним, положив руку на плечо.

— Майкл, тебе плохо?

Он вымученно улыбнулся и стал медленно подниматься на ноги.

— Я в порядке.
— Ты мне не нравишься, Майкл. В последнее время с тобой что-то происходит.
— Ничего страшного.
— Не хочешь поделиться?
— Нечем делиться. Правда. Просто слабость.

Анна кивнула.

— Слабость, да. Конечно. Ты врешь! Непонятно только, почему.
Силы возвращались. Майкл подошел к тележке и взялся за ручки.

— Идем.

— Майкл, скажи мне — ты ведь что-то знаешь! Правда? Скажи! Пожалуйста.

— Может быть.

— Это не ответ!

— Анна, не спрашивай меня ни о чем! Просто доверься мне. Ладно?

— Ты лгун, почему я должна тебе доверять?

— А у тебя нет выхода.

Майкл пошел прочь, оставив Анну кипеть от возмущения. Но гнев ее был недолог, почти сразу же его вытеснил страх.

«А что, если он сошел с ума? Действительно помешался. Господи, я во власти безумца! И нечего противопоставить!»

Она покосилась на дверь.

«А может быть сбежать? Пока еще не поздно. Нет, черт! Дверь заперта. Что же делать?»

Простояв на месте несколько минут и так ничего и не решив, она понуро последовала за Майклом.

Он ждал ее в холле.

— Туда, — сказал Майкл и показал на правый коридор.

— Почему туда?

Он промолчал.

Они шли по узкому длинному проходу со множеством дверей. Большинство из них не имело табличек, и все были заперты. Они прошли почти до конца, когда, неожиданно, одна из них поддалась. Майкл толкнул ее и вошел.

Они оказались в небольшой комнате. Вдоль стены, выстроившись в ряд, стояли стулья, одинаковые, как близнецы. Узкое пространство, залитое ярким светом ламп, вызывало чувство клаустрофобии.

Позади раздался тихий скрип, потом щелчок.

Анна бросилась к двери и потянула за ручку.

— Закрыто!

Майкл кивнул. Анна буравила его взглядом.

— Куда ты меня привел?!

— Все в порядке.

— Ничего не в порядке! Мы в ловушке!

— Не бойся. Смотри.

Он прошел в противоположный конец комнаты. Там оказалась еще одна дверь. Майкл толкнул ее, и она отворилась, впуская в комнату поток прохладного кондиционированного воздуха.

— Видишь?

— Откуда ты знал?

Он посмотрел на нее задумчиво, как будто решая, что ей стоит говорить, а что нет. Анна ждала.

— Бог говорит со мной, — произнес Майкл. — Он показывает мне путь.

«О Боже!».

— Майкл, ты болен!

— Я в полном порядке.
— Ты только послушай себя! Ты говоришь, как Хорек. Еще немного и ты начнешь цитировать Библию.
— Я бы начал, только ничего оттуда не знаю.
— Это из-за стресса. Перенапряжение. Тебе надо отдохнуть. Поспать. Я уверена...

— Анна, послушай — дверь закрылась неслучайно. И эта оказалась открытой не просто так. Нас ведут!
— Ты не знаешь! Никто не знает наверняка!
— Да, никто. Но это неплохое объяснение. Не хуже других.
— Хуже!
Майкл вздохнул.
— Ты можешь оставаться здесь, если хочешь.

За второй дверью оказался новый коридор. Он был уже предыдущего, и скоро разошелся на два рукава.

Майкл выбрал левый. Они миновали еще несколько поворотов и вышли к лифтовой площадке. Анна нажала на кнопку вызова, но никакой реакции не последовало. Она вопросительно посмотрела на Майкла.

— Боюсь, нам придется идти пешком, — сказал он.
— Нам не пройти с тележкой.
— Оставим ее.
— А продукты?
— Не волнуйся об этом.
— Почему?
— Скоро все закончится. Осталось совсем немного.
Анна взяла его за руку.
— Мне страшно.
— Мне тоже.
Он отвернулся и вытащил свой рюкзак.
— Пойдем.

Они стали спускаться. Лестница освещалась тусклыми желтыми лампами, создающими больше теней, чем света. Эти тени, длинные и искривленные ступенями, двигались за ними, словно злобные привидения, сопровождающие их в мрачные подвалы комплекса.

На каждом этаже они встречали одинаковые лифтовые площадки с большой двустворчатой дверью. Эта дверь раз за разом оказывалась запертой, заставляя их двигаться все глубже и глубже внутрь горы, на которой стояла Лаборатория. Они спустились уже на шесть этажей, когда, уставшие и обливающиеся потом, услышали как в шахте, вокруг которой они двигались, закрипели тросы. Тихо шурша, опускался лифт. Майкл и Анна застыли на месте, обратившись в слух.

Кабина остановилась за пару этажей до них. Постояла немного и снова стала опускаться. Донеслись приглушенные голоса. В лифте разговаривали люди.

Майкл и Анна вышли на очередную площадку. Перед дверями лифта стояли два человека в белых халатах. Они неспеша переговаривались.

— Поздновато для обеда.
— Заработался.
— Да, кутерьма сейчас еще та. Главное, чтобы Каханер остался доволен.
— На этот счет можешь не сомневаться.

Двери лифта открылись. Из них вышло еще двое, тоже в белых халатах. Они кивнули друг другу и разошлись. Кабина двинулась вверх. Один из прибывших подошел к двери и вставил в прорезь под замком пластиковую карточку. Раздался щелчок. Человек толкнул

одну из створок и вышел в залитый светом коридор. Второй последовал за ним.

— Подожди-ка.

— Что ты задумал?

— Не знаю. Но сейчас узнаю.

Майкл коснулся двери рукой. Как и в прошлый раз, пальцы легко прошли сквозь нее, не встретив никакого сопротивления. Майкл глубоко вдохнул, закрыл глаза и сделал шаг вперед.

Он ничего не почувствовал. Никаких сверхъестественных ощущений. Как будто шагнул в пустую комнату. И тем не менее, в нем колыхнулся страх. Причину его он понял сразу — свет. Когда тот человек открыл дверь, коридор был буквально залит им. Даже сквозь закрытые глаза Майкл должен был его ощутить. Но не ощущал; темнота по другую сторону его век была полная. С гулко стучащим сердцем, он открыл глаза.

Его окружили густая тьма и абсолютная тишина. Пустота. Майкл вытянул вперед руки, пощупал ногой пол, и волосы у него на голове встали дыбом. В нескольких дюймах от того места, где он стоял, пол заканчивался, и начиналось... ничего. Пустое пространство. Майклу стало страшно. Он отшатнулся назад и чуть не ослеп от непривычно ярко вспыхнувшего света. Анна, белая, как и ее бейсболка, смотрела на него испуганно.

— Что там?

Майкл прислонился к стене и медленно сполз на пол. Обхватив голову руками, он сказал:

— Ничего.

— Ничего?

— Ничего.

Он начал рассказывать ей о пустоте за дверью, и в этот момент она снова открылась, явив им ярко освещенный коридор. Из нее вышел человек и нажал на кнопку лифта.

— Какое-то сумасшествие, — сказала Анна.

Майкл промолчал.

Они пошли дальше, вниз по лестнице.

По подсчетам Анны, они спустились на десять этажей. Казалось невероятным, что здесь, глубоко под землей, в твердой скальной породе может находиться такое большое пространство. Наконец на площадке «минус десятого» этажа дверь поддалась.

Длинные коридоры, словно пещеры; развилки и двери — одна, другая, десятки, сотни дверей. Майкл и Анна шли вперед, спускались по лестницам, поворачивали и снова спускались. Люди появлялись и исчезали. С каждым разом они встречались все реже. Иногда среди белых халатов мелькала темная форма секьюрити. Они входили и выходили через двери. Двери. Двери.

Майкл заметил, что Лаборатория оживает и вновь впадает в спячку с определенной периодичностью. Каждый час-полтора, она начинала свое представление, которое длилось от пяти до двадцати минут. Если этот факт и нес какую-то полезную информацию, он ее не видел.

Шел уже восьмой час вечера, когда они вышли в небольшую столовую. Помещение было ярко освещено и выглядело уютно. Стены во множестве украшали распечатанные на принтере карикатуры. Анна села на один из стульев и стала растирать гудящие ноги. Майкл опустился рядом.

— Думаю, на сегодня хватит, — сказал он.

Анна кивнула.

— Как глубоко мы под землей?

Майкл пожал плечами.

— Не знаю. Думаю, очень глубоко.

Он хотел что-то добавить, но в этот момент Лаборатория вновь ожила. Столовая

наполнилась людьми и голосами. Два человека отделились от толпы и, держа в руках подносы, направились к их столику.

ГЛАВА 34

Уже привыкшие к внезапным появлениям и исчезновениям людей, происходящим в Лаборатории, Майкл и Анна спокойно смотрели на приближающуюся парочку. Один из них выглядел лет на сорок — сорок пять. Тонкая вертикальная линия на лбу придавала его массивному лицу строгое выражение, которое чуть смягчали глаза — большие и карие, глядящие спокойно и безмятежно. На бейдже, прикрепленном к халату было написано «Том Рашник». Второй выглядел намного моложе, ему можно было дать лет двадцать пять — не больше. Он шел, внимательно глядя на свой поднос, как будто боялся уронить его. Густые светлые волосы торчали во все стороны, делая его очень похожим на Сумасшедшего Ученого, каким того обычно рисовали на карикатурах. Звали его Майкл Смит.

На подносах, с которыми они направились к столу, было одно и то же: пластиковый стаканчик, откуда поднимались струйки пара, и две сдобные булочки. Цели они достигли одновременно и уселись друг напротив друга.

Майкл и Анна заняли свободные стулья. Не было никакого смысла уходить — эти двое причиняли неудобств не больше, чем окружающая мебель.

Майкл открыл было рот, собираясь возобновить прерванный разговор, но его опередили.

Его тезка поднял свой стаканчик, из которого все еще свешивалась нитка с ярлычком «Эрл Грей», и сказал:

— За науку!

Том Рашник медленно поднес чай ко рту и осторожно коснулся его губами.

— Горячий!

Он поставил стаканчик обратно на поднос. Его коллега все-таки сделал глоток (как-никак, он провозгласил тост) и теперь корчился, пытаясь проглотить кипяток.

— Ты сейчас являешь собой яркий пример того, что происходит с ученым, который торопится с выводами, — назидательно произнес Том. — Он часто бывает наказан.

Майкл замахал на него рукой, явно готовый спорить, как только справится с чаем.

— Сам по себе запуск установки ничего не дает. После сегодняшнего события мы еще как минимум полгода будем копать в терабайтах, пытаясь понять то, что получили.

Справившись, наконец, со своим чаем, Майкл Смит энергично замотал головой. Космы его нечесаных волос затрепыхались.

— Ты не прав, — заявил он. — Приведу аналогию: ты идешь на первое свидание с девушкой, с которого начинается ваша любовь. Потом ты начинаешь за ней ухаживать, она отвечает взаимностью, вы создаете семью, рожаете детей, покупаете в рассрочку дом и заводите собаку. Все это — смысл вашей встречи. Но ядро, само событие, породившее все остальное — именно то первое свидание, когда у тебя так горели уши, что заплетался язык, и ты еще не мог даже представить, что эта самая девушка через пять лет после свадьбы соблазнит тебя в семейном седане, когда дети будут спать в палатке во время уикэнда в Йеллоустоуне. Первое свидание — вот что важно!

Том Рашник улыбнулся и осторожно отпил из стаканчика.

— Опуская твои намеки, я не вижу здесь ничего, что опровергало бы мои слова.

— Просто ты — циник. Все теоретики — циники!

Майкл впился зубами в булку, вырвал из нее солидный кусок и принялся энергично жевать.

— Теоретик, Майки, как правило, ждет от эксперимента лишь подтверждения своей теории. В большинстве случаев он уже может предсказать результат. Для него эксперимент представляется просто формальностью. Ничего феерического.

— Ага. А тогда скажи мне, сколько из таких формальностей заканчивались пересмотром физики?

— Ты прав. Такое тоже бывает. Но редко.

— У меня предчувствие, Том!

— У тебя не предчувствие, а богатое воображение. Тебе просто не терпится посмотреть в лицо Господу Богу.

— Да. И я этого не скрываю!

— Я дам тебе бесплатный совет: не путай науку с научной фантастикой. Первое поможет тебе дописать диссертацию, второе — навсегда похоронит тебя, как ученого.

— Знаю, знаю. Только факты и ничего кроме фактов. Но за каждым научным достижением, тем более таким, всегда стоит что-то, чего мы никогда не сможем понять. Уже сама идея Большого Взрыва является прекрасным доказательством существования Бога. Акт Творения. Настолько грандиозный, что ни тебе, ни мне, ни всем нашим потомкам до сего колена не понять.

— Я бы не стал смешивать науку и религию. Это нечистоплотно. Байка о том, что, когда ученые подойдут вплотную к моменту Большого Взрыва, они увидят лицо Божества, придумана писателями. К людям науки она не имеет отношения.

— Не согласен!

— Как хочешь.

Том откусил от булки и стал, не торопясь, жевать. Майкл продолжал кипятиться.

— Вы — лицемеры. Вы заявляете, что никакого Божества нет, а сами просто даете ему другое имя, отвечающее вашим собственным вкусам. Но это — не более, чем имя. Христиане называют его Господь Бог, мусульмане — Аллах, а вы — сингулярность. Это просто имя.

— Какой же ты болтун!

— Скажешь, я не прав?

— Не хочу вдаваться в демагогию.

Том доел свою булку и посмотрел на часы.

— Пора.

Майкл взглянул на электронный циферблат, установленный над входом в столовую.

«2:14 PM»

— Черт!

Он за один укус проглотил свою булку и вскочил.

— Передавай привет Господу Богу, — сказал Том Рашник.

— Непременно! Только бы не забыть спросить про выигрышные номера в воскресной лотерее.

Майкл вышел. Том, не торопясь, закончил свой ленч и взял оба подноса, намереваясь оставить их на ленте конвейера у противоположной стены.

— Майкл-Фантастик, — сказал он, усмехнулся и покачал головой. И ушел, оставив Анну и Майкла одних.

— О чем это они? — спросила Анна.

Майкл молчал и хмурился, выстукивая пальцами по столу какой-то веселый мотивчик.

— Майкл? Але!

— А?

— О чем они говорили? Ты что-нибудь понял?

Майкл сделал неопределенный жест плечами.

— В общих чертах.

— Что они затевают?

— Похоже, они хотят поставить какой-то эксперимент, который поможет им ближе

подойти к сингулярности.

— К чему?

— Существует теория происхождения Вселенной. Согласно ей, вначале всего существовала сингулярность. Трудно объяснить, что это такое...

— Попроще.

— Постараюсь. Сингулярность — это точка, не имеющая размеров, потому, что еще не существует такого понятия — размер. Сингулярность — это потенция. Возможность, заключающая в себе все.

Майкл посмотрел на Анну и улыбнулся.

— Впрочем, на самом деле никто не знает, что это такое. Их цель как раз и заключается в том, чтобы поближе подойти к этому пониманию.

— Понятно. То есть не понятно... Но, понятно.

На этот раз улыбнулись оба.

— А что за взрыв?

— Тоже теоретическое понятие. Тот парень правильно сказал — момент Творения, когда сингулярность породила Вселенную.

— Да... Занимательно.

Анна посмотрела на часы. Те показывали «2:18 PM». Когда последняя цифра сменилась, столовая опустела. Лаборатория снова сделалась необитаемой. По крайней мере, на какое-то время.

— Похоже, у нас расхождение с местным временем, — сказала Анна. — Часы показывают два, а мне уже хочется ужинать.

Майкл посмотрел на свои.

— На моих почти восемь.

— Тогда я займусь ужином. Ты не против?

— Нет.

Анна полезла в рюкзаки.

Майкл встал и, засунув руки в карманы, медленно побрел по столовой. Голову он опустил так, что подбородок почти касался груди. Пару раз он стукнулся об стулья, будто слепой. Анна смотрела на него с тревогой. Сейчас он действительно напоминал ей приведение, блуждающее по покинутой Лаборатории. Одиноким и неприкаянным призраком науки. Похоже, на него опять нашло.

Как ни странно, эта мысль не испугала ее. Анна застыла, пытаясь проанализировать свои чувства. Майкл перестал казаться ей сумасшедшим. И то сходство с Хорьком, которое она ощутила и которое ее так сильно потрясло, казалось теперь не таким уж значительным. Хорек являл собой пример чистого безумия — помешательство без малейшей попытки анализировать. Он действовал рефлекторно, как зверь, подчиняющийся инстинктам, и именно это Анне не нравилось. Именно это ее пугало. Реакции Майкла были другие. За ними чувствовалось знание.

Те двое упомянули Бога. В их разговоре это прозвучало так непринужденно и даже обыденно, что не вызвало никакого отторжения. И, даже больше того, они успокоили Анну. Похоже, в интеллектуальных кругах божественные идеи весьма популярны. Нет ничего удивительного, что и Майкл примерял их к себе и тому, что с ними происходило.

В конце концов, какая разница, чем объяснять. Главное, чтобы объяснение работало.

Анна кивнула своим мыслям и вернулась к приготовлению ужина.

За едой Майкл продолжал хранить молчание. Его пальцы все так же барабанили по столу, выстукивая одну и ту же мелодию. Он ел автоматически, глядя на противоположную стену. «Если его сейчас спросить, что он видит, он не сможет ответить на этот вопрос. Потому что на самом деле смотрит куда-то внутрь себя», — подумала Анна.

— А тот молодой — твой тезка, — сказала она.

Майкл повернулся к ней, и лицо его немного прояснилось.

— Что ты сказала?
— Я сказала, что того, кто помоложе, тоже зовут Майкл. Он — твой тезка. Забавно.
— Да. Действительно.
Он снова отвернулся.
— Что тебя гложет?
— Пока не знаю. Что-то крутится в голове, но не могу ухватить. То, что мы сейчас услышали — очень важно.
— Почему?
— Подожди немного. Дай мне время подумать.
— Нет проблем. Судя по тому, что все часы здесь показывают одно и то же, времени у нас полно.

Майкл посмотрел на электронное табло над дверью и нахмурился. Его взгляд снова погас. Анна пожала плечами и вернулась к еде. Говорить с ним сейчас было так же бесполезно, как, например, общаться с кофеваркой.

Она убрала остатки трапезы и занялась своим спальным мешком. Несколько минут Анна бродила по столовой, держа его в руках, выбирая место, где на нее не наступит ни одно из местных приведений. Конечно, реальности в них — кот наплакал, но все равно неприятно проснуться и обнаружить, что кто-то стоит у тебя на голове.

Похоже, этой ночью никакие опасности им не грозят. Все смертельные ловушки остались позади; выражаясь фигурально, они вышли на следующий уровень. Здесь другие законы. Пустошь снова изменилась, поменяв правила игры. Она больше не поджидает их, чтобы убить; сейчас она разговаривает с Майклом. Анна приняла этот факт безо всяких оговорок и не пыталась его объяснить. Теперь их жизнь зависит от того, как много сможет понять Майкл и какое решение он примет. Анна молилась, чтобы это было верное решение, потому что второй попытки здесь, видимо, не дается.

Найдя себе подходящее место, она разложила спальный мешок, забралась в него и накрыла глаза рукой. Впервые за много дней предстояло спать при ярком свете ламп. В определенном смысле, это было даже неплохо. Они, как ночник в спальне ребенка, помогали побороть страх. Аналогия родилась у нее не случайно — Анна действительно почувствовала себя ребенком, засыпающим под защитой взрослых. От нее больше ничего не зависит. Не нужно ничего решать, надо просто лежать и ждать. И молиться.

Майкл все еще сидел за столом и выбивал пальцами барабанную дробь. «Как же меня это раздражает», — подумала Анна, засыпая. — «Может быть, сказать ему, чтобы перестал?». Решить она не успела. Сон сморил ее и бережно унес в свое призрачное царство.

Ее разбудили голоса. Щурясь от света, Анна осмотрелась. Столовая вновь наполнилась людьми. Майкл сидел за столом. Прежде, чем снова заснуть, она посмотрела на электронные часы. «2:03 PM». Анна закрыла глаза.

Майкл смотрел, как Том Рашник и его коллега уселись за стол.

— За науку! — сказал его тезка.

Майкл слушал, напряженно ловя каждый звук. В тех словах, что будут ими произнесены, находится ключ, он в этом не сомневался. Он знал, что не случайно оказался здесь. Теперь оставалось понять — зачем? Что ему хотят показать?

Насколько он мог судить, разговор повторился слово в слово. Когда Том Рашник ушел, Майкл посмотрел на часы. «2:14 PM». Через четыре минуты, столовая опустела. Порывшись в рюкзаке, Майкл вытащил тетрадь Хорька и открыл ее на чистых страницах.

В голове вновь возник слабый шум. Он ощутил, будто множество проводов подсоединились к его мозгу, наполнив образами и словами. И это было здорово.

«Сингулярность» — написал Майкл. Немного подождав, он снова склонился над тетрадью и добавил: «Вначале была сингулярность». Да, именно так! В другой стороне листа он тщательно вывел: «Вначале было Слово». И соединил обе надписи стрелкой.

Майкл закрыл глаза.

Сингулярность... Слово... — потенция, из которой может родиться все. Может быть, именно это имелось в виду в Библии? «Вначале было Слово».

Он снова взялся за ручку.

«Большой Взрыв» — написал он под словом «сингулярность» и поставил стрелку. «Акт Творения».

Две получившиеся колонки жгли ему взгляд. Они были наполнены какой-то невидимой силой — мощью. Таковой обладала истина.

Большой Взрыв. Рождение Вселенной. В первый момент она — крошечная точка, маленькая и слабая, спящая в нежных объятиях чудовищных температур и давления. А потом она начинает расширяться, и вместе с этим появляется время.

Майкл нарисовал в тетради точку и провел от нее вертикальную линию. «Время» — подписал он рядом с ней.

А что дальше?

В каждый следующий момент времени Вселенная все шире. Он нарисовал еще несколько точек по обе стороны от оси времени. Каждая новая отстояла от оси дальше предыдущей. Он соединил их с первой. Получился треугольник. Только это не треугольник, это конус — конус пространства-времени, как в теории того парня из Англии. Стэна... или Стива? Не важно.

Майкл внимательно смотрел на свой рисунок. Что-то в этих линиях показалось ему знакомым. Мысли галопом неслись в голове, рождая новое упоительное чувство. Никогда раньше сознание не было таким ясным, а интуиция такой острой. Как будто он уже все знал заранее. Оставалось только вспомнить.

Треугольник, конус — география Вселенной. География...

— Ну конечно!

Он снова полез в рюкзак и вытащил оттуда ксерокопию топографической карты центральной части Нью-Мексико. Года полтора назад он попросил ее у Пламера. На карте были нанесены все точки, из которых поступали сообщения об исчезновении людей, а так же точки, из которых сообщения не поступали, потому что сообщать было некому. Майкл разложил ее перед собой и стал внимательно рассматривать. Пустошь условно начиналась немного восточнее Лос-Аламоса. Находящаяся рядом Эспаньола в нее уже не попадала. Северная граница пустоши проходила вдоль реки Чамо, немного не доходя до озера Эль Вадо, и тянулась дальше почти до Фармингтона. Южная граница шла под углом к шоссе номер сорок, постепенно приближаясь к нему. На западе пустошь почти достигала знаменитого шоссе номер шестьсот шестьдесят шесть, не доходя до него около двадцати миль. Майкл склонился над картой и стал ручкой соединять на ней точки. Дойдя примерно до половины, он почувствовал, как пальцы его холодеют. Стараясь унять дрожь в руках, чтобы не испортить чертеж, Майкл закончил соединять точки и откинулся назад, удивленно глядя на то, что получилось.

Пустошь представляла собой треугольник. Грани его были неровными, как будто со всех сторон его сжимали и растягивали, но это был треугольник.

— О Господи!

Если треугольник вращать вокруг оси, получится конус.

Майкл отодвинул карту и написал в тетради: «Конус пространства-времени», поставил стрелку и добавил: «Пустошь».

Похоже, в Нью-Мексико родилась новая Вселенная.

Пораженный этим выводом, Майкл встал и принялся расхаживать туда-сюда вдоль стола, глядя на раскрытую тетрадь. «Вселенная — пустошь» — написал он.

А внизу листа он добавил: «Бог — это Пустошь».

Майкл Смит, так, кажется, его звали, хотел посмотреть в лицо Господа. Увидеть то, что стоит за сингулярностью. Силу, давшую первый импульс. Силу, произнесшую Слово. И...

Он увидел.

Столовая вновь ожила. Майкл вернулся к столу. На часах было «2:03 PM».

— Передавай привет Господу Богу.

— Привет, — сказал Майкл, увидев, что Анна открыла глаза. Он сидел у изголовья ее «кровати» и смотрел со странным выражением радости и грусти. — Хорошо спала?

Анна хлопала глазами, пытаясь понять, где находится. Вокруг снова были люди. Они ходили и разговаривали.

Она приподнялась на локтях.

— Ничего. На меня не наступали?

Майкл улыбнулся.

— Нет.

Анна пригляделась к нему и нахмурилась.

— Ты спал?

— Немного.

— Уверен?

— Я в порядке. Вставай. Будем завтракать.

— Ты ничего не хочешь мне сказать?

— Позже. Сначала поедим.

— Ладно.

Как это прекрасно — умыться! Анна уже четверть часа пребывала на кухне, смывая с себя пыль и грязь пустоши. Когда, в самом разгаре процедуры, рядом с ней объявились повара, Анна инстинктивным движением прикрылась, но тут же рассмеялась. Смущаться приведений? Какая глупость!

— Что тебя так развеселило? — крикнул Майкл.

— Просто я впервые моюсь в присутствии мужчин, — весело ответила Анна.

— И как ощущения?

— Очень тонизирует!

Когда Анна вернулась к столу, завтрак был уже готов. Она тряхнула мокрыми волосами и села.

— Рекомендую, — сказала она. — Вода есть в неограниченном количестве. Боже, как это хорошо — быть чистой!

Майкл улыбнулся.

— Возможно, я как-нибудь попробую. Просто, чтобы узнать, на что это похоже.

Еда оказалась великолепной. Еще до того, как Анна проснулась, Майкл наведалься к холодильнику и обнаружил, что тот работает. Как и микроволновая печь «Самсунг», стоящая в углу на металлическом столике. В результате этого перед ними лежали два солидных куса пиццы, и пахли они просто потрясающе. Анна набросилась на еду, как голодная волчица. Майкл ел не спеша, и взгляд у него опять стал отсутствующим. Но, по крайней мере, он не стучал по столу.

Анна одолела уже половину своей порции, когда Майкл неожиданно сказал.

— Я знаю, что здесь произошло.

Анна чуть не поперхнулась.

— Что ты сказал?

— Помнишь тот вчерашний разговор? Те ребята занимались исследованиями, относящимися к Большому Взрыву — к тому моменту, когда появилась Вселенная.

— Это я поняла.

— Существует теория, утверждающая, что Вселенная — это конус. Его высота, это ось времени, а сечения — расстояния, на которые удалились фотоны за это время.

— Ну... Ладно, не важно. Я поняла — Вселенная это конус. И что?

— Смотри.

Майкл положил перед ней ксерокопию карты, на которой чертил. Он поднял глаза на

Анну. Они горели. Анна медленно жевала, разглядывая чертеж.

— Конус, — сказала она. — Кривой немного.

Майкл молчал, продолжая смотреть на нее. Анна смутилась.

— Майкл, я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Я хочу сказать, что пустошь — тот же конус. И это вовсе не случайно. Я уверен, что между ней и Вселенной существует множество аналогий.

Он убрал карту и откинулся на стуле, ковыряя вилкой в тарелке.

— После Большого Взрыва, молодая Вселенная состояла из раскаленной плазмы, находящейся под колоссальным давлением. Позже, когда температура и давление упали, она пришла к тому виду, который мы знаем. Или думаем, что знаем. Не важно.

Он положил вилку и нагнулся к Анне, будто собирался рассказать ей секрет.

— Когда появилась пустошь, я уверен, она была сплошной огромной язвой. И, только спустя какое-то время, она стала такой, какая сейчас.

Он снова облокотился на спинку стула.

Анна потерла лоб.

— погоди. Ты хочешь сказать, что эти ребята из Лаборатории создали пустошь, когда экспериментировали с твоей теорией Большого Взрыва?

— Вообще-то, это не моя теория.

— Не важно!

— Анна, они не могли этого сделать. Это невозможно.

— Ну, тогда кто?

— Они так хотели посмотреть в лицо Господу Богу, что он... Он сотворил пустошь.

Анна не нашла, что ответить и постаралась перевести разговор в другое русло.

Майкл не возражал.

ГЛАВА 35

Пока Анна крутилась перед зеркалом, приводя в порядок подсохшие волосы, Майкл собрал рюкзаки и, усевшись за стол, принялся барабанить по нему пальцами.

— Майкл, ты не мог бы прекратить? Всю душу вынимает!

— Извини.

Он перестал стучать и вместо этого принялся шаркать ногами. Анна поджала губы, но промолчала. Приставать к Майклу сейчас не имело смысла, здесь присутствовало только тело, мысли же были явно далеко. Критически осмотрев себя в последний раз, она под села к нему.

— Мы чего-нибудь ждем?

— Да.

— Ага.

Ждать пришлось недолго: прошло двадцать минут, и столовая в очередной раз превратилась в сцену, а они — в зрителей. Анна сидела, упершись локтями в стол, и в который раз слушала знаменитый диалог двух ученых. Удивительно, как из этой в сущности пустой болтовни Майкл смог вытащить столько информации! Как ему удалось сплести такие непростые цепочки размышлений?

Парочка закончила свой разговор, молодой ученый встал и поспешил прочь из столовой. Майкл вскочил.

— Пора! Пошли!

Он подхватил свой рюкзак и направился вслед за Майклом Смитом. Анна завозилась, не ожидая, что события начнут разворачиваться так быстро, и ей пришлось догонять их бегом.

— Куда мы идем?

— За ним.

Они прошли по длинному коридору. Смит остановился перед одной из дверей и

вставил карточку в прорезь замка. Дверь открылась. Они снова оказались на лифтовой площадке, только на этот раз никакой лестницы не было, да и сама площадка была раза в два меньше тех, что они видели вчера. Смит вызвал лифт, который, еле слышно поскрипывая, вновь повез их вниз.

Как глубоко они находились под землей, Майкл не знал и не очень хотел думать об этом. Он никогда не страдал клаустрофобией, но это был совершенно особый случай. Стены начинали давить на него, заставляя желать только одного — чтобы все это скорее закончилось, и он снова смог увидеть над головой небо.

Дверь лифта открылась, и они оказались в большом ярко освещенном зале. Здесь было полно людей. Они ходили, говорили, сидели за компьютерами, установленными в ряд по левую руку от входа. Почти все носили белые халаты. Напротив лифта на стене, занимая почти всю ее поверхность, висел огромный экран, разделенный на несколько неравных секций.

«Так вот, что я видел», — подумал Майкл. — «Именно этот зал».

На экране, сменяя друг друга,плыли длинные вереницы чисел, рывками змеились графики. В самом центре располагалась подробная схема какого-то устройства, состоящая из множества прямоугольников всевозможных размеров. Почти все они были залиты синим цветом, и только несколько светились зеленым. Под экраном, отделенная от основного зала металлической перегородкой, вниз уходила лестница. «Опять вниз», — подумал Майкл. — «О Боже!».

Смит прошел вдоль ряда компьютеров и занял свое место среди других операторов. На экране высветилось изображение маленькой комнаты, половину которой занимал длинный пульт со множеством разноцветных огоньков. Еще два прямоугольника на схеме загорелись зеленым.

— Вау! — восхищенно произнесла Анна. — Где это мы?

— Это центр управления, — сказал Майкл. — Я так думаю. Наверное, именно отсюда они будут управлять экспериментом.

— Значит, если твои предположения верны, именно с этого места началась пустошь?

— Думаю, да. Похоже, мы с тобой пришли за несколько минут до ее появления.

— Не уверена, что хочу оказаться в первом ряду. А вдруг это опасно? Ты, по-моему, утверждал, что в первый момент после появления пустошь была сплошной язвой. Думается мне, это был очень неприятный момент.

— Нам нечего бояться. Не забывай, что пустошь появилась уже давно. Мы с тобой смотрим что-то вроде записи этих событий.

— Надеюсь, ты прав.

— Давай пройдемся.

Не дожидаясь ответа, Майкл пошел вперед. Анна не очень хотела подходить к экрану на противоположной стене, как будто это был не монитор, а окно, которое только и ждет момента, чтобы разбиться, выпустив в зал что-нибудь плохое. Очень плохое. Но и оставаться одной в толпе ученых привидений, ей тоже не хотелось. Тяжело вздохнув, она последовала за Майклом.

Когда он в очередной раз посмотрел на экран, весь чертеж горел ровным зеленым светом. Из-под самого потолка раздался женский голос:

— Диагностика завершена. Обнаружено... ноль... ошибок. «Прометей» готов к работе. Для запуска процедуры инициализации введите, пожалуйста, подтверждающий код.

— С Богом!

Майкл обернулся. Слева от него на небольшом возвышении был установлен черный цилиндр. Рядом с ним на высоком стуле сидел человек в белой рубашке. В руке он держал оптический диск. Он смотрел прямо на Майкла, как будто мог видеть его, хотя, конечно, это было невозможно.

— С Богом, — сказал человек и вставил диск куда-то внутрь цилиндра.

Динамики ожили.

— Подтверждающий код принят. Стартует процедура инициализации. До запуска «Прометея» остается три минуты.

Шум, окружающий их, сменился тихим шелестом, словно все присутствующие мгновенно потеряли голос. Майкл покрутил головой. Люди застыли, глядя на большой экран. В его центре, поверх схемы установки, появились цифры «3:00». Через секунду они сменились: «2:59».

— Обратный отсчет, — сказал Майкл.

— Что...?

— До старта «Прометея» осталось две минуты пятьдесят пять секунд. Всему персоналу покинуть пределы первой зоны. Повторяю, всему персоналу покинуть пределы первой зоны.

Графики на экране поползли вверх. Каждый из них окрасился в два цвета: синий и красный. Все кривые оставались в пределах синей области. В зале воцарилась гробовая тишина. Анна подошла ближе к Майклу и взяла его за руку. Ее ладони были влажными.

— Две минуты.

Анне показалось, что пол едва ощутимо задрожал. Она хотела сказать об этом Майклу, но передумала. Говорить было страшно. Страшно было нарушить тяжелую тишину, охватившую этот большой зал. Как будто голос мог побеспокоить злого демона, просыпающегося у них под ногами. Демона по имени «Прометей».

— Одна минута.

На чертеже появился красный квадрат. Анна почувствовала, как рука Майкла напряглась. Призраки или нет, прошлое или настоящее, но эффект погружения был ошеломительным, гораздо сильнее того, который возникает при просмотре стереофильмов. Анна могла ощутить напряжение множества людей, которых на самом деле здесь нет. Могла почувствовать, как множество глаз уставились на красный квадрат.

— Некритическая ошибка в блоке номер... семнадцать. Для отмены запуска «Прометея» введите подтверждающий код.

Все головы сразу же повернулись в сторону человека, сидевшего у черного цилиндра. Тот не шевелился, только напряженно смотрел на экран. Одна из кривых почти вошла в красную зону. По виску оператора скатилась капля пота.

Он молчал.

— Тридцать секунд.

Кривая вновь опустилась в безопасную зону, а вместе с ней погас и красный квадрат на экране. По залу пронесся чуть слышный вздох. Несколько человек, сидящих у компьютеров, работали. Удары клавиш и щелчки мыши в застывшей тишине казались громкими, как пистолетные выстрелы.

Анна чихнула, прикрыв рот рукой. Майкл вздрогнул. На какой-то миг ей показалось, что все, кто находился в зале, услышали ее.

— Извини, — прошептала она.

— Десять секунд... девять... восемь... семь...

Все смотрели на экран. Даже компьютерный персонал оторвался от своих мониторов.

— Шесть... пять...

Кто-то кашлянул и шаркнул ногой.

— Четыре... три...

Кривые задрожали, словно по ним пропустили электрический ток.

— Два... один... Проект «Прометей» начал свою работу.

По залу пронесся шелест голосов. Вначале слабый, даже робкий, он стал нарастать; словно яркие вспышки, замелькали в нем радостные возгласы. Но эта волна не успела достичь апогея.

— Внимание, — раздался электронный голос. — Перегрузка: блоки... первый... второй... третий...

В зале началось движение. Майкл и Анна заворожено смотрели, как прямоугольники чертежа стали менять цвет с зеленого на пурпурный. Каждое такое изменение сопровождалось мягким женским голосом.

— четвертый... пятый...

В следующую секунду все графики на экране взбесились: они рванулись вверх, все, как один, словно хотели вырваться из своих электронных пределов и достичь неба. Почти все кривые оказались в красных областях. Майкл смотрел на один из графиков и чувствовал, как откуда-то из глубины гортани поднимается крик. То, что он видел, можно было бы назвать кошмаром математика, если бы не было так страшно, чтобы шутить. Он не понимал обозначений на осях, но этого и не требовалось. График поменял вертикальный масштаб: вначале его пределы были от 0 до 45, потом до 100, до 1000, до 2000, 5000, а затем произошло то, отчего сердце Майкла больно ткнулось в ребра — линейный масштаб сменился экспоненциальным и продолжил расти, за секунду достигнув 100000.

Практически весь большой экран окрасился в красный цвет. Электронный голос продолжал монотонно перечислять номера блоков, выходящих из строя.

— Боже мой, — прошептал человек, стоявший у черного цилиндра.

Как только эти слова были произнесены, все в зале застыло, как будто кто-то нажал паузу на видеомагнитофоне. Сердце ударило гулко и тяжело.

И все исчезло.

Майкл осмотрелся. Они с Анной стояли посреди пустого зала. Компьютеры вдоль стены продолжали работать, как и большой экран перед ними. Казалось, пустошь на него не повлияла. Он показывал то же самое, что и пару минут назад. Майкл смотрел на него, широко открыв глаза. Анна отпустила его руку и села на пол.

— Как все просто, — сказала она. — Даже банально. Тебе не кажется, что все грандиозные события имеют банальные причины?

Майкл не слушал ее. Он подошел к черному цилиндру и что-то взял оттуда. Он поднял предмет над головой, чтобы на него попало больше света, и стал рассматривать.

— Что это? — спросила Анна.

— Оптический диск.

— Он был там?

— Да, лежал на пульте. Здесь внутри кнопки и монитор.

Майкл открыл коробку и вытащил диск. Гладкая поверхность сверкнула, как маленькая молния.

— Майкл, положи его!

— Что?

— Положи!

— Что с тобой?

— У меня плохое предчувствие! Очень плохое! Майкл, пожалуйста, положи его обратно.

Он убрал диск обратно в коробку, повернулся к Анне и взял ее за локти.

— Скажи мне одну вещь — как по-твоему он здесь оказался?

— Откуда мне знать?!

Целую минуту он смотрел на нее молча и удивленно. Анна не смела пошевелиться.

— Откуда знать?

Он выпустил ее и отвернулся.

— Его там не было! — крикнул он и медленно пошел вдоль компьютеров. — Не было, черт подери!

— Ты не знаешь наверняка!

— Знаю! Знаю! Я все знаю!

Он остановился и немного постоял, постепенно успокаиваясь. Когда он повернулся к Анне, его глаза улыбались.

— Он появился здесь так же, как и мы — его сюда положили, потому что он должен лежать на этом самом месте в это самое время. Как и мы.

— О чем ты говоришь?

— Здесь, в этом зале находятся все ответы. Это конечная остановка.

Майкл поднял диск на уровень глаз.

— Не нужно.

— А что нужно?

Анна промолчала.

Он подошел к панели, скрытой в цилиндре. Прямо под маленьким жидкокристаллическим монитором находилась узкая щель. Он покрутил диск в пальцах, пуская солнечные блики, и вставил его туда.

— Подтверждающий код принят, — сообщил механический голос.

Анна вздрогнула, услышав его. Это был тот же мягкий и приятный женский голос, который несколько минут назад сообщил о перегрузках блоков (что бы это ни значило). Это был тот самый голос, что объявил о конце света. И теперь он звучал на самом деле.

— Проект «Прометей» готов к аварийной остановке.

Майкл повернулся и посмотрел на Анну.

— Теперь ты поняла для чего мы здесь?

Анна нехотя кивнула.

Они стали ждать. Время замедлилось и потекло вяло, словно густая патока. Каждую минуту голос повторял:

— Проект «Прометей» готов к аварийной остановке.

Ничего не происходило.

Наконец Майкл не выдержал.

— Да останови ты его, сука! — закричал он.

— Проект «Прометей» готов к аварийной остановке.

— Черт!

Майкл ударил по кнопке выброса.

— Процедура остановки отменена, — сообщил голос.

Он подошел к Анне и сел рядом с ней.

— Должно произойти что-то плохое, — сказала она.

Майкл обнял ее и прижал к себе.

— Мы остановим ее, — прошептал он.

— Нет.

— Да. Я знаю способ. Я знаю, что он хочет.

— Кто?

— Он.

— Майкл, ты здоров?

— Я не понимаю только одного — зачем?

ГЛАВА 36

— Вытаскивай его. Черт, осторожней!

Чарли почувствовал, как чьи-то руки обхватили его под мышками и стали тянуть. Вокруг было темно, пахло паленой резиной. Нога стукнулась обо что-то, и ее прострелила такая боль, что Чарли вскрикнул.

— Осторожнее!

— Потерпи, приятель.

Он не узнавал голосов, а лиц в темноте было не разглядеть. Боль немного прочистила голову и вернула память. Чарли снова застонал: воспоминания свалились на него, как кирпичная кладка. Он повернул голову и увидел отца. Тот стоял рядом, придерживая голову сына.

— Отец. Надо к Пламеру. Срочно!

— Не беспокойся, машина уже в пути. Капитана предупредили, он будет ждать нас на базе.

— А почему сразу не сказали? У нас нет времени!

— Я сказал, Чарли.

Только сейчас Чарли осознал, что голова у отца перевязана. С левой стороны на белом бинте выступило красное пятно.

— С тобой все в порядке?

— Все нормально.

Один из солдат подsunул руку чуть ниже его колен. Чарли вздрогнул.

— Терпи, терпи.

Они снова потянули и, наконец, вытащили его из машины. Чарли оказался лежащим на земле, на большом куске брезента.

— Мы никого...

— Нет. Все в порядке. Все живы.

— Хорошо.

Яркий свет фар залил их, слепя глаза. Чарли все же успел увидеть отцовский «Тахо», лежащий на боку. Его правая половина сильно помялась. Чуть в стороне стоял тот самый джип, в который они врезались. Вся его передняя часть превратилась в месиво из железа и проводов. Окажись там человек, от него осталось бы немногим больше.

Подъехавшая машина остановилась, и из нее вышло три человека. Двое из них несли носилки. Они быстро огляделись и направились к тому месту, где лежал Чарли.

Один из них присел рядом.

— Я Билл Стентон. Врач. Как ты себя чувствуешь?

— Хреново. Нога болит.

— Так. Дай-ка я посмотрю.

Стентон склонился над Чарли и принялся осматривать его, светя фонариком.

— Понятно. Здесь болит?

— Нет.

— Здесь?

— Нет.

— Ладно. Грузите его, ребята. Я пока посмотрю второго.

— Мне нужно поговорить с Пламером.

— Не волнуйся, сынок. Ты встретишься с ним через четверть часа. Капитан тоже не прочь с вами пообщаться. Так что ваши желания совпадают.

Стентон отошел в сторону. К Чарли подошли два санитары и, встав по сторонам, быстро переложили его на носилки. Больная нога тут же отозвалась болью. Чарли сжал зубы.

— Поехали.

Чарли отвезли к машине и поместили в большой задний отсек. Санитары закрепили носилки и вышли, оставив его одного. Боль терзала ногу, как злая собака, и, чтобы не думать о ней, Чарли закрыл глаза и стал медленно считать про себя. Через две минуты раздался звук шагов, и машина качнулась на рессорах. В кабину вошли отец и Стентон. Врач уселся у выхода и закрыл заднюю дверь. Машина сразу же тронулась.

— Да, натворили вы делов, — сказал он.

Отец и сын промолчали. Говорить было нечего.

— Болит?

Чарли кивнул.

— Сейчас мы сделаем тебе полегче.

Стентон порылся в своей сумке и достал шприц.

— Закатайте ему рукав, — сказал он Лайану.

Чарли освободили руку, Стентон протер ее спиртом и сделал укол.

— У тебя рубашка в крови. Откуда она?

— Прокусил язык.

— Понятно.

Все оставшуюся дорогу они промолчали.

Боль в ноге притупилась — подействовал укол и, одновременно с этим, Чарли почувствовал, что хочет спать. Он протер глаза и слегка мотнул головой. Это немного помогло.

Как Стентон и обещал, через четверть часа машина остановилась перед военным госпиталем — огромной палаткой с нарисованным на брезенте красным крестом. В ее окнах тускло горел свет. Носилки покатали ко входу.

Пламер уже поджидал их. Он сидел на низком табурете, держа в руках рацию, и мрачно смотрел на прибывших.

Чарли заметил его сразу. Он приподнялся на локте.

— Капитан, я...

— На кровать его.

Чарли переложили на койку. Один из санитаров склонился над его ногами, длинными ножницами срезая пропитанную кровью штанину. Вторым занялся Лайаном, разматывая повязку у него на голове. Чарли не удержался и взглянул вниз. Нога почернела от крови и выглядела скверно. Очень скверно. Он поднял глаза.

— Капитан...

— Что с ним? — спросил Пламер, обращаясь к врачу. Чарли сжал кулаки: «Этот кретин явно настроен играть большого начальника. А ведь могут погибнуть люди!»

— У старика сотрясение и несколько ушибов. Ничего серьезного. У парня открытый перелом правой ноги в двух местах. Пара вывихов. Жить будет.

Пламер кивнул и повернулся к Лайану.

— Вы понимаете, что натворили?

Чарли не дал отцу ответить.

— Послушайте, капитан, вы, может быть, забыли, но у нас есть более важные вопросы! Мы видели...

— Я знаю, что вы видели, мистер Вайтберд. И я вам не верю.

Чарли изумленно уставился на него.

— Зачем мне врать?

— Не знаю. Но я сильно сомневаюсь в вашей уравновешенности.

Он посмотрел на Лайана.

— Это и к вам относится. Ваша семейка за неделю доставила мне столько проблем, сколько не доставляла сотня солдат за два года.

— Что вы говорите! — тут же вскипел Лайан. — У меня там дочь! Понимаете? Там мой ребенок!

— Я все понимаю. Я понимаю, что сегодня вы совершили самую большую глупость из всех возможных. И не приблизились ни на дюйм к тому, чтобы спасти дочь!

Пламер устало посмотрел в окно.

— И не могли приблизиться.

— Капитан, — сказал Чарли. — Мы теряем время. Вы должны эвакуировать город.

Чарли закрыл глаза. Его ногу чем-то обрабатывали, и теперь она горела, как будто ее облили бензином и подожгли.

— Я вам ничего не должен, — спокойно ответил Пламер. — И не вижу никаких причин для эвакуации.

— Очень скоро вы их увидите, капитан. Своими собственными глазами. Но тогда будет уже слишком поздно.

— Даже если все, о чем вы мне говорили, правда — эта штука не может покинуть пустоши. У меня есть все основания полагать, что город в безопасности. И я не буду срывать людей с мест, рискуя заполучить охваченный паникой город, только из-за одних ваших предположений. Вы уже доказали свою неадекватность. Говорить больше не о чем.

Пламер поднялся. Чарли выгнулся, стараясь ухватить его за руку, но не смог.

— Я хочу, чтобы здесь дежурил солдат. Глаз с них не спускать!

— Пламер, ради Бога подумайте! Вы же бросаетесь людьми! Пусть эта штука не может покинуть пустоши — хорошо, но она может подойти достаточно близко к городу. Что будет тогда?

— Вызовите себе гадалку.

Пламер пошел к выходу. Чарли упал на подушку.

— Идиот!

Пламер остановился. Он постоял несколько секунд, а потом вышел, так ничего и не сказав. Как только он покинул госпиталь, в палатку вошел солдат и сел на складной стул у выхода.

Стентон покачал головой.

База выглядела пустынной. Залитая светом прожекторов, она спала, но сон этот был тревожным. Все знали, что произошло сегодня вечером. Знали, что была стрельба и стреляли в штатских. Если и могло быть что-то более поганое, то представить это было трудно. Но Пламер сам отдал приказ никого не выпускать из города, пусть даже под страхом применения оружия. И спустя всего несколько часов оно было применено, как будто люди только того и ждали. Всем им крупно повезло, и Пламеру в первую очередь, что никто не погиб.

У штабной палатки на высоком тонком шесте, лениво перебирая слабым ветром, трепыхался флаг. Символ того, что все под контролем, символ силы и уверенности в завтрашнем дне. Иначе и быть не могло.

Пламер вошел в палатку и, не обращая ни на кого внимание, подошел к рации.

— Капитан Пламер вызывает первый пост. Ответьте.

— Слушаю вас, капитан.

— Машины убрали?

— Работаем над этим, сэр.

— Хорошо. Поторопитесь. Теренски...

Пламер замолчал.

— Сэр?

— У вас все в порядке?

— Да, сэр.

— Я хочу, чтобы вы не спускали глаз с пустоши. Направьте туда прожектор. Если увидите что-нибудь необычное — сразу же свяжитесь со мной.

— Понял, сэр.

— Отбой.

Пламер подошел к кофеварке и нажал на кнопку. Краем глаза он увидел, как быстро отвернулся радист. «Сколько ему еще дежурить? Часа два».

Кофеварка заворчала. Пламер сел за стол. Уже полгода в этих краях все было спокойно. Он так привык к этому спокойствию, что уже позабыл, какой может быть пустошь на самом деле. И она напомнила ему. Сначала Майкл, затем Краучеры и Линда Вайтберд. И, наконец, эта психованная парочка. Событий более чем достаточно. Ему совсем не хотелось усугублять уже и без того довольно напряженную ситуацию, объявляя эвакуацию города. Это было совершенно ни к чему. Всем известно — что бы ни происходило в пустоши, оно не распространяется за ее пределы. Да и не происходит там ничего. В худшем случае какие-то миражи, как рассказывал Майкл. Возможно, Вайтберды видели всего лишь один из них. Но напугались они до усеру, с этим не поспоришь. В здравом уме человек никогда не будет разворачиваться в пустоши, потому что делать это пришлось бы на большой скорости, рискуя навсегда там остаться. Они рискнули и гнали так, что чуть было не отправились на тот свет. Младший Вайтберд похож на паникера, но его отец показался Пламеру спокойным человеком. Теперь они поют одну и ту же песню.

«Я ведь не совершаю ошибку?»

Кофеварка автоматически отключилась. Капитан наполнил свою чашку, поставил ее на стол и развернул топографическую карту района «Прометей».

«Прометей» — крикливое название. У командования с фантазией явно не густо. И именно поэтому они должны принимать последнее решение. В ситуации опасности фантазия часто оказывается гибельной.

На карте условными знаками были нанесены точки, в которых происходили инциденты за последний год. Их было четыре и все далеко от Санта Розита. Более безопасное место в этих краях трудно найти. Море спокойствия.

«Но... Что „но“?»

Нехотя, но Пламеру пришлось признать самому себе, что его что-то гложет. Что-то беспокоит и не дает просто так отмахнуться от слов Чарли и Лайана. Они явно психи, но все-таки существует ничтожная вероятность, что они правы. А если она существует, получается, что он рискует. Целым городом. Тысяча душ.

Но для эвакуации нет оснований. Никаких.

Можно связаться с властями Форт Вингейт и осторожно предупредить их. Мало ли, что может произойти. Пожалуй, стоит.

— Соедините меня с полицейским управлением Форт Вингейт, — сказал он радисту.

Стентон оказался великолепен. Экспресс-операция, как он ее назвал, над ногой Чарли продлилась час, и уже к полуночи он вернулся в свою кровать с гипсом. Гипс — это хорошо. Чарли совсем не хотелось видеть свою изуродованную ногу. Отец сразу же подошел к нему. Лицо его было бледным.

— Ты как?

— Нормально. Местный костоправ оказался просто кудесником. Через пару часов можно будет танцевать.

Лайан улыбнулся. Но Чарли не ответил на его улыбку.

— Пламер не поверил, — сказал он. — Эта сволочь ничего не предпримет.

— Его можно понять.

— Отец, ты же видел это!

— Я не уверен в том, что видел.

— Я уверен! Эта штука не остановится!

— Почему ты так считаешь?

— Я... Я чувствую!

— В этом-то и проблема. Командир военного гарнизона не станет эвакуировать ночью целый город только потому, что ты или я что-то чувствуем. Это неизбежный факт.

— Надо что-то делать!

— Мы не можем ничего сделать.

— Надо предупредить!

— Мы не выйдем из этой палатки. А если и выйдем, то стоит нам открыть рот, как этот джентльмен, — Лайан еле заметно кивнул в сторону солдата, — с удовольствием доделает то, что им не удалось с первой попытки. Нас пристрелят, и это не изменит ровным счетом ничего.

— Но нельзя же оставить все на самотек! Через пару часов здесь разразится Армагеддон!

— Надо подумать.

Пламер почти задремал, когда его разбудил вызов по рации.

— Слушаю.

— Говорит Теренски.

— Что у тебя?

— Я не уверен, но вы приказали докладывать обо всем необычном.

- Что там у вас?
- Я вижу вспышки. Далеко. Похоже на зарницы. И еще ветер.
- Ветер?
- Анемометр показывает тридцать пять миль в час.
- Понял. Продолжайте наблюдать.
- Да, сэр.
- Машины убрали?
- Убрали, сэр.
- Хорошо.

Пламер потер ладонями лицо.

«Пока ничего опасного. Возможно, это ложная тревога».

Он нажал на кнопку рации.

- Крюгер?
- Слушаю, капитан.
- Сколько у нас грузовиков?
- Восемь.
- Они заправлены?
- Не все.
- Я хочу, чтобы через полчаса они были заправлены и прогреты.
- Сделаем.

Пламер нажал отбой.

Галлюцинация отменяется. Похоже, те двое действительно видели то, о чем говорили. Но Санта Розита вне пустоши. Здесь, черт побери, безопасно.

А безопасно ли?

Пламер встал и принялся ходить по палатке. Он понимал, какую цену могут иметь сомнения, и все же колебался. Пять минут он молча ходил взад вперед, пока, наконец, не принял решение. Да, так и надо поступить. Через полчаса грузовики будут готовы, и, если за это время ситуация ухудшится, он начнет эвакуацию.

Пламер сел и допил остывший кофе. Вкус у него был мерзкий.

Прошло четверть часа, когда его снова вызвали по рации.

— Слушаю.

Голос сержанта звучал взволнованно. Эфир наполняли какие-то посторонние шумы.

— Капитан, у нас проблемы.

— Что случилось?

— Скорость ветра возросла. Сейчас около семидесяти миль в час. И он продолжает усиливаться. Мы слышим грохот и видим молнии.

— Как далеко от вас?

— Миль десять, может быть меньше.

— Посмотри на дома. Огни горят?

— Кое-где.

— Пусть ваши люди обойдут их. Все, у кого есть личный транспорт, должны как можно быстрее выехать в Форт Вингейт. Там их встретят.

— Это эвакуация, сэр?

— Выполняйте.

Пламер снова связался с Крюгером. Через десять минут колонна грузовиков выехала с базы.

— Еще раз полицейское управление Форт Вингейт, — сказал он радиисту.

В половине первого ночи весь город был разбужен протяжным грохотом, доносившимся со стороны пустоши. Люди стали выходить на улицы, по которым двигались военные джипы с мегафонами. Вслед за джипами позли грузовики. Горожане кутались в теплые вещи и с тревогой слушали то, что говорили им военные. Через несколько минут по

оцепленным улицам поехали первые машины, направляясь в Форт Вингейт.

Пламер вышел из палатки, и тут же ему в лицо ударил ветер. Он нес какой-то неуловимый и неприятный запах. Запах опасности. Капитан поднял голову и посмотрел на флаг. Его полотно расправилось и гордо реяло над базой на своем высоком шесте. Где-то на севере мелькали яркие белые вспышки.

— А вот и он!

Пламер вошел в лазарет и посмотрел на Чарли и Лайана.

— Собирайтесь, — сказал он.

— В чем дело?

— Город эвакуируется.

— Наконец-то!

— Стентон, вы едите с ними.

Рация в кармане Пламера ожила.

— Это Теренски. Я не могу больше оставаться на месте! Ураганный ветер!

— Что? Повторите!

— Ветер, сэр. Я прошу разрешения покинуть позицию. Черт!

— Что у вас там творится?

— С одного из домов сорвало крышу! Она упала на автостоянку у бара.

— У вас там еще есть люди?

— Пара машин движется на юг. В окнах света нет.

— Поезжайте к центру. Там сейчас полно машин. Нельзя допустить пробок.

— Да, сэр!

Чарли сел на кровати.

— Вы опоздали, капитан, — сказал он.

Пламер не ответил.

На смотровой вышке ветер был таким сильным, что ему пришлось изо всех сил вцепиться в поручень. Пол раскачивался под ногами, как палуба корабля, попавшего в шторм. Вся конструкция скрипела от напряжения. Пламер достал из чехла бинокль и направил его на север.

Весь город был залит огнями автомобильных фар. Слава Богу, они двигались. В очереди машин длинными черными полосами выделялись военные грузовики. Поток огней направлялся прочь из города, но двигались они медленно. Очень медленно. Пламер посмотрел в сторону пустоши.

Словно огромные фейерверки, вспышки мелькали одна за другой, на мгновение выхватывая черные силуэты домов, многие из которых были повреждены: сорванные куски крыш, опрокинутые кресла, которые ползали теперь по газонам, как огромные пауки; в одном месте вверх била сильная струя воды. И все эти картины обрамлял грохот, густой и раскатистый, словно трубный глас.

Пламер опустил бинокль и посмотрел на часы. Четверть второго. Со стороны города донесся скрежет. Он сел на площадку вышки и достал рацию.

— Крюгер, доложите обстановку.

— Все под контролем, капитан. Мы организовали четыре пути и направляем по ним машины. Заторов нет. Пострадавших тоже. На юге еще остаются штатские. Мы сажаем их в те машины, где есть место.

— Ветер?

— Очень сильный. Вокруг все ходуном. Надеюсь, мы успеем.

Сбоку раздался звенящий звук, какой бывает, когда лопается гитарная струна. Пламер повернул голову. Тонкий трос, удерживавший флаг, не выдержал, и теперь знамя летело над базой, как большой мотылек-патриот, кувыркаясь в порывах ветра.

- Продолжайте, — прокричал он в рацию. — Нам нужно вывезти всех!
- Капитан, вам бы тоже уходить!
- Не ваше дело! Выполняйте приказ!
- Слушаюсь, сэр!

Вышку качнуло. Протяжно заскрипели ее металлические суставы. Находиться здесь становилось опасно. Пламер опустился на колени и снова посмотрел на север. В непрерывном мелькании молний он заметил какое-то движение и взялся за бинокль.

- Господи, спаси и сохрани!

Дома рушились. Они склонялись, словно таящий воск и падали, раскалываясь на части. Можно было различить четкие линии, по которым происходили разрушения. И эти линии становились все чаще, вытягиваясь на юг. Пламер перевел бинокль на центр города. Автомобили все так же толпились там, медленно растекаясь по открытым военными улицам.

Он снова посмотрел на север. От ближайшего очага разрушения до центра оставалась не больше трех кварталов.

Вышка снова качнулась. Небо впереди разрезала гигантская молния, и, на мгновение Пламеру показалось, что земля засветилась изнутри.

ГЛАВА 37

- Зачем? — переспросила Анна. — Что ты имеешь в виду?
- Не важно. Теперь не важно.
- Майкл прекрати! Перестань корчить из себя такого загадочного мудреца! Ты хочешь напугать меня до чертиков?
- Прости.
- Майкл направился к лестнице, расположенной под большим экраном.
- Майкл.
- Он остановился.
- Что?
- Откуда ты знаешь, как ее выключить?
- По-моему, я уже высказывался на эту тему.
- Но это невозможно!
- Ты пойдешь со мной или останешься здесь?

Лестница была пологой и длинной. На стенах на расстоянии нескольких футов один от другого, пульсировали красные светильники, заливая ступени неровным призрачным светом. Две темные фигуры двигались, словно вирусы, внутри огромной артерии, ведущей к невидимому сердцу. Сердцу, которое надо остановить.

Майкл и Анна спустились на два пролета и оказались в узком коридоре, в конце которого горел яркий свет. По мере того, как они приближались к нему, красное сияние блекло, растворяясь в холодной белизне, но почему-то это не приносило успокоение.

Они вошли в длинную комнату. Большую ее часть занимала консоль, усеянная множеством кнопок и индикаторов. Они то вспыхивали, то гасли вновь, окрашивая ближайшую стену всем спектром цветов. Выглядело все это в высшей степени футуристично. Посередине комнаты, немного скривившись в сторону, стояло кресло на колесиках. Белым пятном на нем выделялся листок бумаги. Майкл подошел к нему и принялся изучать.

- Что-то интересное?
- Он поднял глаза и рассеянно покачал головой.
- Нет. Какой-то график. Фамилии и даты. Ничего интересного.
- Он подошел к консоли.
- Думаешь, ты сможешь в ней разобраться?
- Вряд ли, но это и не нужно.

— Почему?

— Они сами мне все покажут.

— Не поняла.

Майкл сел в кресло и стал медленно крутиться на нем.

— Когда мы вошли в зал, установка еще не была включена, ведь так?

— Да.

— Значит, ее включили позже, когда мы с тобой уже стояли наверху и наблюдали за спектаклем. А откуда ее еще можно включить, как не из этого замечательного помещения?

— Ты хочешь посмотреть, как они это сделали, а потом запустить процесс наоборот? Так?

— Точно!

— Не самая удачная мысль.

— Почему?

— Откуда тебе знать, что она не взорвется от того, что ты тут понаделаешь. Может быть, она выключается совсем по-другому. Какой-нибудь красной кнопкой.

— Если уж говорить об опасности взрыва, то я бы как раз поставил на красную кнопку. А потом, у таких вещей обычно существует защита от идиотов. Вряд ли тут что-то взорвется.

— А как ты думаешь, здесь много идиотов?

— По крайней мере один точно имеется.

Анна покачала головой.

— Ты ведь не слушаешь меня, верно?

— Почему? Я весь внимание.

— Ты уже все решил?

Майкл молча смотрел на нее. Он не ответил. Вместо этого он достал тетрадь Хорька и положил ее на пульт. Анна отвернулась.

Комната была такой же длинной, как коридор, может быть, еще длиннее. Консоль занимала почти половину ее ширины, оставляя узкий проход, где едва могли разойтись два человека. Анна шла вдоль стены, чуть касаясь ее пальцами. Поверхность была гладкой, как зеркало, и матовой; она поглощала яркий свет ламп, словно губка. В центре комнаты одной лампы не доставало, и там царили зыбкие сумерки.

Анна думала.

Это место опасно. Если пустыня со всеми своими язвами пугала ее неприкрытой, явной враждебностью, то здесь угроза была надежно скрыта за внешним спокойствием... и оттого казалась еще более страшной. Это как конец пути, больше нет призрачных надежд, которыми они питались в пустоши, и которые помогали им двигаться вперед, их сменила последняя ставка. «All-in» — все на кону. Туман перед ними исчез. И показался выход. Вот он. Яркий, с парадной табличкой; осталось лишь протянуть руку и сделать последнее усилие. И они его сделают, а потом...

Да-да, это может быть обманом. Все может быть обманом. И, если так, то что они будут делать? Как смогут пережить такое разочарование? Это уже не робкие надежды — эта уверенность, а в случае Майкла — фатальная, безусловная, слепая вера. Если все обман, сможет ли он жить дальше?

Она обернулась и посмотрела на него. Майкл сидел в кресле, склонившись над тетрадью, и что-то рисовал. На протяжении всего пути он был сильнейшим из них, он сохранял спокойствие тогда, когда Анна уже была готова поддаться панике и бежать. Ей даже начало казаться, что он вовсе не тяготится пустошью. Что он ее... не любит — нет. Что-то другое. Какое-то другое слово.

Теперь он сорвался. Очень быстро и как-то незаметно. Если его затея не удастся, Майкл погибнет. Анна в этом не сомневалась. Убеждая ее ни на что не надеяться, он сам сохранил в сердце надежду, и она дала плоды. Уродливые и опасные плоды фанатизма и самообмана.

«Господи, только бы все получилось. Даже не ради того, чтобы выбраться отсюда, а

ради него. Если Майкл умрет, я просто не смогу жить. Не сумею».

Ее рука уперлась в какой-то выступ. Анна остановилась и подняла голову.

Она стояла в середине комнаты, как раз там, где свет казался самым тусклым. Стена и консоль уходили дальше, а ее пальцы упирались в препятствие, которого не было. Анна нахмурилась и повела рукой в сторону. Невидимая преграда перед ней не исчезала. Как перегородка, она тянулась от стены до самой консоли. На ощупь она напоминала стекло, только еще более гладкое — руки не ощущала никакого трения. И еще она была холодной и вроде бы вибрировала на какой-то высокой частоте, как бывает, когда дотронешься до кабеля высокого напряжения. Анна отступила на шаг.

«Зеркало? Нет, не может быть зеркало, иначе в нем отразился бы Майкл, и я тоже».

Она обернулась. Майкл продолжал что-то чертить в своей тетради. Огни на консоли мигали и переливались. Анна снова повернулась к призрачной стене.

«И все-таки зеркало». Пляска огоньков на панели управления была точно такая же, как и там впереди. Похоже, что комната была не такой уж длинной. Оставшаяся ее часть — это просто отражение. Но отражение странное. Какое-то избирательное. Что же это такое?

Анна еще раз с опаской коснулась преграды. Вибрация и еле различимый гул.

— Майкл.

Он оторвался от своего занятия и посмотрел на нее.

— Майкл, подойди, пожалуйста, сюда!

— Что случилось?

— Ты что-нибудь видишь?

Майкл посмотрел на нее удивленно, а потом перевел взгляд туда, куда она показывала.

— Ничего.

— Потрогай.

Он вытянул руку.

— Черт возьми!

— Как ты думаешь, что это?

— Не знаю.

— Это язва?

Вытянув палец, он осторожно провел им по невидимой стене.

— Может быть. Странно. Мы не встречали их с тех самых пор, как вошли в город.

— Я знала, что здесь опасно. Теперь ты видишь?

Майкл опустил руку.

— Она ведет себя мирно, — сказал он.

— Змейки тоже ведут себя мирно, пока в них не наступишь. И та — холодная.

— Отойди от нее.

Майкл наклонился вниз.

— Она немного искажает. Посмотри.

— Даже не подумаю! Нам лучше вообще уйти отсюда!

Он повернулся к ней.

— Анна, послушай меня. Мы уже пришли. Если нам повезет, через несколько минут все кончится. Понимаешь? Все кончится! Мы не можем остановиться сейчас! И потом, что мы будем делать?

— Не знаю я! Но здесь опасно!

— В пустоши везде опасно. Давай отойдем. Я уверен, если держаться от нее в стороне, все будет нормально. Пошли.

Он взял ее за руку. Анна еще раз посмотрела на призрачную комнату за преградой и пошла с ним обратно. Майкл снова уселся в кресло и склонился над тетрадью.

— Я почти закончил, — сказал он.

На развороте тетради был нарисован план консоли со всеми ее кнопками и индикаторами.

— Осталось немного.

Анна встала рядом, продолжая смотреть на странную язву.

— Мне кажется, я чувствую чье-то присутствие.

— Не говори ерунды. Здесь никого нет.

— Здесь нет. А там?

Майкл повернулся к ней и снова взял за руку.

— Анна, милая, успокойся. Потерпи еще немного. Все будет хорошо.

— Нет, не будет.

— Иди ко мне.

Она пожала плечами и подошла к креслу. Майкл усадил ее на колени, прижал к себе и стал покачивать, словно испуганного ребенка.

— Нам осталось совсем немного. Я отключу ее. Я уверен, что смогу — я знаю, и тогда все кончится. Мы победим. Не важно, кто нам помогает — мы уже здесь. Мы знаем, что делать. Потерпи еще немного.

Анна посмотрела на него и грустно улыбнулась.

— Дело не во мне, Майкл. Дело не во мне.

— А в чем?

— Не знаю... Может быть в нас.

— О чем ты?

— Не понимаешь?

— Анна, я...

— Ты. Ты все делал. Ты заботился обо мне. Если бы не ты, не знаю, что бы со мной было. Только...

Анна запнулась, пытаясь подобрать слово.

— Ты боишься меня?

— Нет. Почему я должен тебя бояться?

— Тогда в чем дело?

— О чем...

— Ладно, не важно.

Анна замолчала и поднялась с его колен.

— Я пойду в зал. Здесь жутко.

— Хорошо.

Майкл снова повернулся к своей проклятой тетради.

Поднимаясь по лестнице, Анна кипела от раздражения. Какая же она дура! Зачем она все это говорила?! Зачем?! Это все равно, что раскрывать душу перед куском мрамора. Майкл хороший человек, но в определенных вопросах он глух, как... как... ну как стена! А ведь он мог бы увидеть и понять, если хотя бы на минуту отвлекся от своей миссии. Все же очевидно. «И я бы успокоилась, Майкл. Я бы даже поделилась с тобой твоим делом. Но ты не слышал. Или не захотел услышать». Это злило больше всего.

Анна настолько погрузилась в свои мысли, что заметила его уже в последний момент. На мгновение она увидела очкастое лицо с обширной лысиной, мелькнул белый халат, а потом он прошел сквозь нее, как будто ее тут и не было. Она гадливо поморщилась. Пусть реальности в них не больше, чем в марсианских городах, но все равно неприятно, когда вот так. Ученый спускался по лестнице, держа путь в комнату, где сидел Майкл.

«Началось!» — мелькнуло в голове у Анны, и ее сердце забилось быстрее. Она остановилась на ступеньке, следя за тем, как человек в белом халате спустился и пропал из вида. Она постояла несколько секунд, дожидаясь пока прекратится дрожь в ногах (не хватало сейчас упасть и сломать себе лодыжку), а потом пошла обратно.

Когда она добралась до комнаты, призрак уже сидел в кресле, а Майкл стоял рядом, держа наготове свою тетрадь. Голова с остатками седых волос склонилась над консолью — он просматривал показания датчиков. Потом он положил руки на панель управления и застыл.

«Он похож на пианиста, готовящегося к выступлению», — подумала Анна. — «А играть будет, конечно же, реквием. Именно так».

В этот момент ученый приступил к делу.

Майкл следил за ним, как кошка следит за мышью. Каждое движение рук оператора он заносил в свой план, отмечая их цифрами. Тот работал размеренно и не торопясь, как будто хотел предоставить Майклу возможность точно зафиксировать все свои действия. Работа заняла не больше двух минут. Закончив, он откинулся на спинку кресла, слушая голос, раздавшийся из динамиков.

— Диагностика завершена. Обнаружено... ноль... ошибок. «Прометей» готов к работе.

Майкл отложил тетрадь и посмотрел на Анну.

— Вот и все, — сказал он.

— Успокойся, все будет хорошо.

— Я спокойна.

— Вот диск. Здесь подтверждающий код. Когда я закончу, ты должна будешь вставить его сюда.

— Хорошо.

— На экране видно комнату. Ты сможешь за мной наблюдать.

— Да.

— Я махну рукой.

— Рукой. Да.

— Хорошо. Я пошел.

Анна вздохнула.

Майкл отошел на пару шагов и остановился.

— Через несколько минут все закончится.

— Так или иначе.

— Да. Так или иначе. Не волнуйся.

— Я спокойна.

— Я махну рукой.

— Майкл.

— Что?

Анна подошла к нему и обвила руками шею. Она ощутила, как ладони Майкла осторожно опустились ей на талию. Поцелуй длился недолго, но ей показалось, что прошел не один час, прежде, чем они отступили друг от друга. Анна почувствовала головокружение и оперлась о гладкий черный цилиндр.

— На счастье, — сказала она.

Он медлил с ответом, не зная, что сказать.

— Спасибо.

— Иди. Давай закончим то, что начали.

Майкл сделал два шага назад, глядя на нее. Он явно хотел что-то добавить, но промолчал. Как всегда. Развернувшись, он пошел к лестнице.

Анна села в кресло и стала смотреть на маленький монитор, встроенный в цилиндр. Через пару минут на нем появился Майкл, он сел в кресло и поднес к губам рацию.

— Я на месте.

— Вижу.

Он посмотрел прямо в камеру, и Анна почти поверила, что он видит ее.

— Пожелай мне удачи.

— Удачи, Майкл!

Он положил рацию на консоль и открыл тетрадь. Анна почувствовала, как вспотели ладони. Не сводя глаз с монитора, она вытерла их об джинсы. Майкл глубоко вздохнул и стал методично, заглядывая в тетрадь, нажимать кнопки на пульте.

Где-то под землей раздался низкий гул. Лампы в зале моргнули и вновь засветились

ярко. Что-то происходило.

У Майкла процесс занял в два раза больше времени. Он боялся допустить ошибку и поэтому медлил. Наконец он закончил и взял рацию.

— Пора.

Анна вставила диск. Почти сразу откуда-то из-под потолка раздался голос.

— Проект «Прометей» готов к аварийной остановке. Минута до отключения.

На большом экране, обрамленные синей рамкой, появились цифры. Единица сразу же сменилась нулем, а остальные начали свой плавный спуск, тая, подводя к моменту, когда решится все.

— Что там? — спросил Майкл.

— Обратный отсчет. У нас минута.

— Да. У меня тоже появилось.

Анна неожиданно почувствовала воодушевление.

— Майкл!

— Что?

— У тебя получилось!

— Сплюнь!

— С удовольствием, как только ты поднимешься!

Майкл на экране улыбнулся.

Они застыли, как две статуи, глядя на медленно сменяющиеся цифры. Анна снова ощутила слабую вибрацию где-то под ногами.

— Ты чувствуешь? — спросила она.

— Что?

— Не важно.

— Десять секунд до отключения, — сообщил голос.

Анна увидела, как Майкл перекрестился.

Глаза его расширились. Теперь весь мир сосредоточился на маленьком дисплее, где шел обратный отсчет.

— восемь...

«Север и юг Ты сотворил...»

— семь...

«Луну, для указания времени...»

— шесть...

«Потряслась и всколебалась земля...»

— пять...

«Ты собрал, будто груды, морские воды, положил бездны в хранилищах...»

— четыре...

«Ты извлек меня из страшного рва, из тинистого болота, и поставил на камне ноги мои и утвердил стопы мои...»

— три...

«Суди меня по правде Твоей...»

— два...

«Ибо у Тебя источник жизни...»

— один...

«Ибо Ты — надежда моя...»

— Проект «Прометей» остановлен.

От напряженной позы у Анны заныла спина. Она неловко повела плечами, следя за графиками на большом экране. Поверх них, горя нулями, мигал остановившийся обратный отсчет.

Откуда-то сзади послышалось завывание вентилятора.

Майкл разглядывал пульт.

Секунды текли медленно, как вода, по каплям.

Ничего не происходило.

Анна не знала, сколько они просидели в молчании. Знала только, что очень хотелось плакать. Она сдерживалась изо всех сил, но губы дрожали, и невозможно было унять эту дрожь.

Майкл уткнулся лицом в ладони. Скрипнуло кресло. Там у пульта он поднял голову и взял рацию.

— Мы сделали все, что могли.

Анна всхлипнула.

— Да.

— Не плачь. Ты же умница. Знаешь, кажется я понял...

За его спиной в глубине комнаты произошло какое-то движение. Сначала Анна не поняла, что видит, а потом... Прямо посередине помещения, там, где была невидимая стена, пробежала рябь. Очертания консоли исказились, вытягиваясь, вспучиваясь вперед. Анна сжала в кулаке рацию и поднесла ее к губам.

— Я..., - продолжал Майкл.

Но закончить он не успел.

Позади него призрачная грань выгнулась, словно огромный мыльный пузырь и за одно мгновение заполнила собой почти все: консоль, кресло и Майкла. Еще секунду Анна видела его искаженные очертания, словно он находился в аквариуме с круглыми стенками, а потом он исчез.

Тетрадь упала на пол. Несколько страниц перелистнулось.

Комната была пуста.

Анна уронила рацию и закричала.

ГЛАВА 38

Громкие раскаты слились в непрерывный низкий гул, и нельзя было точно определить, откуда он доносится — казалось, он шел сразу отовсюду. Земля дрожала, раскачивая вышку, а там внизу город разваливался на куски. Ураганный ветер поднимал огромные облака пыли и песка. Они накрыли дома и улицы, скрыв от глаз сотни трагедий, происходящих там. Пламер стоял рядом с прожектором, вцепившись в перила, и пытался разглядеть, что творится внизу. Сквозь темную пелену едва пробивались тусклые огни автомобильных фар, яркие вспышки молний то и дело затмевали их, оставляя на сетчатке тонкие синие следы. Никаких звуков не было слышно — все поглотил торжествующий рев наступающей на них смерти.

«Я ошибся», — думал Пламер, глядя на исчезающий под ним Санта Розита. — «Я во всем виноват, и никто другой».

В этот момент включилась рация, и на фоне сильных помех он услышал крики, периодически заглушаемые громкими раскатами. Разобрать о чем речь он не смог, и молча слушал, понимая, что никакие указания уже не способны что-либо исправить. Рация замолчала, и он сунул ее в карман.

Пламер посмотрел вниз. Песок вздымался и закручивался в широкие вихри, напоминающие огромные водовороты. Иногда в ярких всполохах можно было рассмотреть землю под вышкой. «Еще утром все было хорошо. Мне даже казалось, что я контролирую ситуацию. Господи, как можно контролировать это?!». Капитан поднялся и поставил ногу на перекладину. Ветер взревел, словно почувствовав возможную жертву. Он начал хлестать его в спину, подталкивая вперед. «Тебе нужно только встать на перекладину», — говорил он. —

«Только и всего. Остальное я сделаю сам». Отрешенно глядя перед собой, Пламер поднял вторую ногу и покачнулся. Пальцы еще крепче вцепились в поручень.

«Так будет лучше», — подумал он. — «Уже ничего нельзя сделать».

Стены палатки госпиталя хлопали на ветру, словно крылья. Снаружи грохотало так, будто там шел артиллерийский обстрел. В маленьких окнах то и дело сверкали яркие вспышки. Ощутимо тряслась земля.

Солдат отошел от выхода и сел на одну из кроватей, опасливо поглядывая вверх. Он был бледен.

Чарли приподнялся на локтях, всматриваясь в темноту за порогом.

— Думаю, мы уже никуда не уедем, — сказал он спокойно. — Да здравствует мудрый капитан Ричард Пламер.

Лайан поднялся со своего места.

— Надо посмотреть, что там происходит.

— Будь осторожен.

— Да.

Лайан двинулся по проходу между кроватями. Солдат встал и нерешительно преградил ему дорогу.

— Капитан приказал никого не выпускать, — сказал он.

— По милости твоего капитана, мы оказались в ловушке, — ответил Лайан. — Если сейчас же что-то не предпринять, мы погибнем.

— У меня приказ, сэр.

— Ну и выполняй свой приказ. Я не собираюсь выходить из палатки. Я еще не сошел с ума.

Солдат медлил, с сомнением глядя на Лайана. Наконец, он кивнул.

— Хорошо.

Лайан пошел дальше. Стены госпиталя ходили ходуном. Просто чудо, что палатку еще не сорвало с места. Она выгибалась, словно парус, тонкие металлические столбы раскачивались и скрипели. Ему было страшно. Страшно, как еще никогда в жизни. Для него, как и для многих, смерть была абстрактным понятием, чем-то из будущего. Чем-то неконкретным. А теперь она обрела форму. Она ходила рядом, заглядывая им в окна, и ждала. Лайан мог чувствовать ее как что-то большое и темное с горящими белыми глазами.

Он подошел к выходу и осторожно выглянул наружу.

Ветер чуть не сбил его с ног, заставив на секунду задохнуться. Вокруг не было видно ничего, кроме серой пелены песка, который сразу же забил глаза и рот. В нескольких ярдах от палатки, словно призрак, маячила белая вышка, а немного в стороне от нее тускло светились две фары. Лайан обернулся назад.

— Здесь есть фонарь?

Он увидел Стентона и молодого санитару. Они стояли рядом с Чарли и смотрели на него.

— Нужен какой-нибудь помощнее.

— Виктор, принеси ему, — распорядился Стентон.

Санитар скрылся на брезентовой перегородкой и через несколько секунд появился вновь, держа в руке большой фонарь с широкой линзой. Он вопросительно посмотрел на Стентона.

— Неси сюда, — сказал Лайан.

Виктор немного помедлил, собираясь с духом, и подошел к нему.

Лайан включил лампу и стал размахивать фонарем в стороны. От стоящей у вышки машины никакой реакции не последовало. Он продолжал сигналить еще несколько минут, но ничего не добился. Лайан вернул фонарь санитару и отошел от выхода, стряхивая с себя песок.

— Что там? — спросил Чарли.

— Почти ничего не видно — там снаружи настоящий торнадо.

Солдат встал и направился к выходу. Остановившись на пороге, он осторожно выглянул наружу.

Они собрались у кровати Чарли, обступив ее со всех сторон, словно члены религиозной секты у алтаря: Лайан, Стентон, солдат («Крис Верхович», — представился он) и Виктор. Брезентовые стены раскачивались вокруг них, то втягиваясь внутрь, то выгибаясь, как огромный мыльный пузырь. Бледные лица, опущенные руки — люди, почувствовавшие физическую близость смерти.

— Надо что-то делать, — сказал Стентон. — Здесь нельзя оставаться.

— Капитан послал Роя за машиной, — отозвался Крис.

— Я ее видел. Она стоит рядом с вышкой с включенными фарами.

— Может быть, он там?

— Вряд ли. Я посигналил фонариком, но мне никто не ответил.

— Нужно дойти до нее, — решил Стентон. — Если удастся добраться до машины и подогнать ее сюда, у нас может появиться шанс.

— Кто пойдет? — спросил Чарли.

Повисла пауза. Люди настороженно смотрели друг на друга. Да, смерть была близка, но все же никто не хотел рисковать. Всем было страшно.

— До машины несколько ярдов. Того, кто пойдет, можно обвязать веревкой, — сказал Лайан.

Стентон посмотрел на него.

— Я пойду.

Лайан кивнул.

— Удачи вам.

— Да уж.

Крис и Лайан проводили врача к выходу. Стентон отказался от веревки. Вместо этого он попросил Виктора принести бинт, из которого соорудил повязку, закрывающую нос и рот. Доктор надел ее и посмотрел на остальных.

— Этого я не предполагал. Даже представить себе не мог.

Ему никто не ответил.

Он лег на пол и по-пластунски пополз на улицу. Спустя минуту, песок и темнота поглотили его.

— Решительный мужик, — сказал Лайан.

— Он ветеран, — сообщил Верхович.

Лайан обернулся.

— Виктор, Крис, нужно перенести Чарли к выходу. Вы можете?

— Конечно, никаких проблем.

Они подняли Чарли с кровати, закинули его руки себе на плечи и подхватили под ноги.

— Нормально?

— Да.

Они отнесли его к выходу и усадили на стул, принесенный Лайаном. Тот потрепал сына по плечу, взял фонарь и снова выглянул наружу.

Стентона видно не было. Грохот и молнии разрывали воздух на части, и уже нельзя было разобрать, где небо, а где земля. Несмотря на повязку, на зубах опять заскрипел песок. В этот момент огни машины вспыхнули ярче. Лайан повернулся.

— Он добрался. Включил дальний свет.

Машина медленно поворачивала. Фары на мгновение выхватили неясный силуэт какого-то строения и скрылись. Джип развернулся, и загорелись огни заднего хода.

— Дайте фонарь!

Виктор зажег его и протянул Лайану. Тот стал двигать им в разные стороны, надеясь, что Стентон увидит сигнал. Машина двигалась очень медленно. Прошло не меньше двух минут, пока она, наконец, подобралась к палатке. Дверца водителя открылась, и Стентон выскочил наружу.

Солдат и санитар снова подняли Чарли и вышли на улицу. Ураганный ветер ударил в них, словно исполинский кулак, и Виктор пошатнулся. Лайан поддержал его. Стентон распахнул заднюю дверь, и они все вместе усадили Чарли на кресло. Лайан сел рядом с ним, Виктор залез следом. Крис и Стентон устроились впереди.

— Одно дело сделали, — сказал врач. — Теперь самое трудное.

— Ты знаешь дорогу? — спросил Лайан.

— Да.

— Тогда, с Богом!

Стентон осторожно двинул машину вперед. Медленно-медленно, как-будто все происходило во сне, джип пополз прочь от палатки. Ветер хлестал в него со всех сторон, заставляя машину раскачиваться на рессорах. Дальний свет фар с трудом позволял видеть на несколько ярдов вперед.

— В любом случае... — начал Стентон.

И вдруг воцарилась тишина.

Грохот смолк, и яростный блеск молний погас. Стена песка продержалась в воздухе еще несколько секунд и осела. Джип стоял рядом с вышкой, заливая светом фар перевернутые ящики и груды бесформенный обломков. Ночь была тиха и прозрачна.

Целую минуту они просидели в молчании.

— Все, — сказал вдруг солдат. — Все кончилось.

Ему не ответили. Никто не мог поверить. Потом Стентон открыл дверь и вышел наружу.

Пламер застыл. В опустившейся тишине было слышно, как где-то в городе просигналила машина, и ей тут же отозвались еще несколько. Чуть севернее центра полыхал пожар. Оранжевое зарево озаряло окружающие дома, как огромный газовый фонарь. Песчаные облака плавно опустились на землю, словно гигантские серые покрывала, укрыв, словно спрятав, руины.

Пламер отступил на шаг. Рация в кармане заговорила.

— Капитан! Сэр!

— Я на связи, Теренски. Что там у тебя?

— Оно остановилось! Святой Боже — остановилось!

— Теренски?

— Да, сэр!

— Сколько мы потеряли?

Рация замолчала на несколько секунд.

— Я не могу точно сказать, сэр. Много.

— Послушай меня — нужно, чтобы эвакуация продолжалась. Ты лично будешь за этим следить. Выдели людей — пусть осмотрят развалины. Всех, кого найдут, срочно на базу. Ты понял?

— Да, сэр.

— Давай Томми, помоги тебе Бог!

— Я сделаю все, капитан.

Пламер сел на досчатый пол и заплакал.

Откуда-то издали доносились автомобильные гудки. Больше ничего не нарушало неподвижность и спокойствие ночи.

Стентон заглянул в машину.

— Все тихо.

— Дайте мне рацию, — неожиданно попросил Чарли.

Крис нагнулся и передал ее назад. Чарли покрутил ручку настройки и поднес к губам.

— Это Чарли, — сказал он. — Кто-нибудь слышит меня? Прием.

Он отпустил кнопку, но не услышал ничего кроме помех в эфире.

— Говорит Чарли. Ответьте.

Тишина. Все удивленно смотрели на него.

— Хомер? Линда?

Лайан положил руку ему на плечо.

— Если кто-нибудь меня слышит, ответьте.

— Чарли, не надо.

Он смахнул с себя руку отца.

— Майкл? Ты слышишь меня?

Стентон покачал головой... и в этот момент все они услышали голос. Женский голос. Он прозвучал неуверенно, но совершенно отчетливо, заставив их одновременно наклониться ближе к рации.

— Чарли, это ты? Ты слышишь меня?

Его прошиб пот, и накатила волна тошноты. Пришлось прикрыть глаза, чтобы справиться с приступом слабости.

— Анна?

— Да! Боже мой, да! Я тебя слышу!

— Анна!

В эфире послышались всхлипы.

— Не могу... поверить.

— Ты где? Ты знаешь, где находишься?

— Да! Чарли, я в Лос-Аламосе. Там есть научная лаборатория. Я там. Внизу.

— Майкл с тобой?

Чарли отпустил кнопку, но ответа не было. От страха задрожали руки.

— Анна!

— ...на.

— Что? Повтори!

— Нет, — ответила Анна. — Я одна. Его нет.

— Где он?

Вместо ответа Анна заплакала. Она не отпустила кнопку передачи, и они вынуждены были слушать, как она рыдает и кричит, пытаясь что-то сказать. Наконец, ей удалось справиться с собой и переключиться на прием.

— Анна! Мы приедем! Мы скоро тебя найдем! Обещаю! Очень скоро!

— Хорошо. Только не молчите. Я сойду с ума, если вы замолчите.

— Не буду. Я... Мы скоро будем! Жди нас!

— Да, я...

— Черт возьми! — новый голос звучал устало.

— Гораций?

— Он самый.

— Гораций! Все в порядке? Линда с вами?

В рации что-то затрещало.

— Хомер погиб. Он умер.

— Линда с вами?

— Линда? Она здесь.

— Мы приедем за вами! Где вы?

— На дороге. Грузовик перевернулся...

— Анна, ты слышишь?

— Да.

— Держитесь! Очень скоро мы найдем вас!

Стентон смотрел на командира. Тот стоял, привалившись к основанию вышки, и тер ладонями лоб. В темноте трудно было разглядеть, что с ним случилось. Но две вещи были ясны сразу — он жив, и он не в себе. Стентон сделал шаг вперед.

— Капитан?

— Я хреново себя чувствую, Бил. Никогда не чувствовал себя так хреново.

— Вы в порядке?

— Я в полном порядке.

— Ричард, Чарли связался с райдерами.

Пламер опустил руки и посмотрел на него, будто впервые увидел.

— Что?

— Он связался с грузовиком. И еще с кем-то. Ее зовут Анна.

— Анна? Какая Анна? Они живы?

— Насколько я понял — не все.

— Где Чарли?

— В машине.

Пламер быстро пошел к джипу.

Чарли продолжал говорить по рации. Из джипа выбрался Лайан.

— Похоже, это все, капитан, — сказал он.

Пламер стоял, не зная, что сделать.

— Но как?

— Анна говорит, что они нашли источник.

— Какая Анна?

— Она поехала с Майклом Хоупом в Кубу. Они пропали пару недель назад.

— Майкл взял пассажира?

— Вы понимаете меня, капитан? Пустоши больше нет.

— Где он?

— Боюсь, он погиб. Они добрались до Лос-Аламоса. Анна сейчас в Лаборатории.

Лицо Пламера изменилось. Лайан решил, что до капитана, наконец, дошел смысл сказанного.

— Черт возьми!

— Мы должны забрать их.

Пламер засмеялся.

— Вы даже не представляете, Лайан, как скоро это произойдет. Ждите меня здесь!

Капитан действовал быстро. Он известил начальство о том, что произошло, и уже через полчаса из Вашингтона вылетел самолет. Выживших райдеров было приказано отвезти в Кубу. Сам Пламер должен был оставаться на базе и ждать прибытия руководства.

Теренски сообщил, что уцелевшие жители покинут Санта Розита не позже, чем через час. Что касается жертв — их было немало. Поисковая команда за первые пятнадцать минут нашла восемнадцать тел, и были все основания полагать, что скоро их окажется гораздо больше. Рядом с центром возник большой пожар. Им понадобятся еще люди, чтобы справиться с ним. Пламер приступил к работе, и ей не было видно конца.

Через полчаса три джипа выехали за пределы базы, взяв курс на город.

Лайан смотрел, как огни фар выхватывали страшные следы катастрофы. Севернее центральной площади Санта Розита был почти полностью разрушен. Толстый слой песка, словно саван, покрывал улицы и дома. Повсюду валялись куски кровли, перевернутые летние стулья и что-то еще — толком было не рассмотреть.

На одном из перекрестков они увидели разбитый автомобиль. Он стоял, уткнувшись в

стену дома. Из пассажирского окна торчала рука. Она была черной.

Проехав несколько ярдов, они наткнулись на первую трещину. Джип впереди остановился, и из него вышли солдаты. Они встали на краю, направив вниз луч фонаря. Насколько Лайан мог разглядеть, трещина была довольно узкой, не больше фута в ширину. Скорее всего, она относилась к авангарду. Там дальше должны были появиться разломы куда большие.

Солдаты вернулись в машину, и вся колонна повернула в сторону, объезжая препятствие.

Они проезжали разрушенные дома. Один из них, точнее, его половина, удивительно ровная, будто срезанная ножом, пылала.

Чарли все говорил по рации, общаясь одновременно со всеми. Пару минут назад он пробовал поговорить с сестрой, но разговора не получилось. Гораций сказал, что Линда в шоке. Но это было не так страшно, главное — она жива, все остальное можно исправить.

Дорога становилась все хуже, и, в конце концов, колонна была вынуждена покинуть город. Лайан успел заметить, что его северная оконечность полностью исчезла в образовавшемся гигантском каньоне. Машины повернули на восток и спустя десять минут пересекли границу пустоши.

ГЛАВА 39

Анна сидела в кресле у пульта управления установкой и бездумно смотрела на маленький монитор. Узкая комната с консолью управления вдоль стены, залитая ярким светом ламп, была пуста и неподвижна. Прошло уже два часа с того момента, как Майкл отключил установку. Уже два часа, как пустошь перестала существовать. Ей хотелось спуститься туда, где он находился в последние минуты их безумного путешествия, но она не решалась, и продолжала сидеть и смотреть на экран. Майкл исчез — поверить в это было просто, в конце концов, она видела все своими собственными глазами, но принять это оказалось гораздо сложнее. Если вообще возможно.

Ее спасло чудо, явившееся в голосе Чарли. Опоздай он хотя бы на четверть часа, все могло бы сложиться иначе. Он заставил ее поверить в две очень важные вещи — все кончилось, и все было не зря. Этого оказалось достаточно, чтобы жить дальше.

Еще задолго до того, как Майкл исчез, она знала, где-то очень глубоко, знала, что он останется в пустоши. Это место хотело, чтобы они поверили в счастливый исход, только так можно было заставить их пройти весь путь до конца. Но уже с самого начала была установлена плата — самая древняя из всех, древняя, как сам род человеческий, простая и единственно возможная — жертва. Эта уверенность сформировалась сама собой, для нее не было никаких причин, но сердце всегда знает больше, чем разум. И никому не дано понять, откуда приходит это знание.

Подобные мысли душили ее, вновь и вновь поднимая потоки слез к глазам, терзая ее и сводя с ума. Понимал ли это Чарли? Кто знает. Но он говорил с Анной, говорил практически без перерыва, заглушая голос у нее в голове, лишая его тишины, лишая его пищи.

Он рассказывал, как они покинули полуразрушенный город. Анна догадывалась по его голосу, что он о многом умалчивает, и была благодарна за это. Рассказывал, как они выехали в пустошь и что только через час смогли выбраться на шоссе. Где-то впереди их ждут Гораций и Линда — еще два осколка, чудом уцелевшие в этой мясорубке. Мысль о них согревала Анну, она лишний раз подтверждала единственно важный факт — все кончилось.

— Анна, мы видим их, — сказал вдруг Чарли. — Я ненадолго отключусь. Хорошо?

— Конечно.

— Не волнуйся.

— Не буду.

Анна положила руки на пульт и опустила на них голову. Теперь она видела экран под

углом. Комната под ней по-прежнему оставалась пустой.

Сначала они увидели костер — высокое яркое пламя. Учитывая то, на какой скорости двигалась колонна, Гораций поступил правильно. Не хватало еще устроить аварию, после всего, что случилось. У передней машины зажглись тормозные огни, и скоро яркий свет фар выхватил из темноты массивный силуэт опрокинутого грузовика. Гораций стоял перед ним и размахивал руками.

Машины остановились. Лайан открыл дверь и выскочил наружу. Оставшись один, Чарли наклонился вперед, стараясь рассмотреть, что там происходит.

Из головного джипа вылезали солдаты, но Лайан их опередил. Он подбежал к Горацию и схватил его за плечи.

— Где она?

— В фургоне.

Не сказав больше ни слова, Лайан бросился туда.

Линда лежала в глубине фуры. Вокруг нее стоял тяжелый неприятный запах. В темноте, лишь немного разбавленной светом автомобильных фар, Лайан с трудом различал ее фигуру. Он подошел к дочери и опустился на колени.

— Линда?

Вошли солдаты. Тьма в фургоне отступила от света их фонарей.

— Линда?

Она повернула голову и посмотрела на отца. Лайан с трудом удержался, чтобы не отпрянуть. Эти глаза были пусты, как два осколка стекла. Худое грязное лицо с выступившими скулами даже не дрогнуло. «Узнала ли она меня?», — мелькнуло у него в голове.

— Линда?

Что-то в ее взгляде изменилось. Она облизала губы.

— Папа?

— Линда! Слава Богу, ты жива! Все будет хорошо! Теперь все будет хорошо! Я тебе обещаю!

— Папа.

Спутанные волосы грязными космами рассыпались по подушке, когда она попробовала приподняться. Растрескавшиеся губы дрогнули. Линда попыталась улыбнуться. Не смотря ни на что, в этот момент она показалась Лайану красивой. Тупое мертвое выражение на ее лице сменилось умиротворением, как у мадонны кисти средневековых художников — изможденной, но непостижимо прекрасной. Лайан погладил ее по голове.

— Что с вами случилось? — спросил он у Горация.

Тот повернулся к солдатам.

— Ребята, у вас найдется закурить?

Один из них протянул ему пачку «Пэлл-Мэлл». Гораций вытащил сигарету и прикурил от собственной зажигалки.

— Я не буду говорить при ней.

— Почему?

— Не хочу.

— Гораций...

— Уведи дочь. И возвращайся.

Лайан отвел Линду к машине и усадил рядом с Чарли, накрыв одеялом, которое принес один из солдат. Чарли обнял сестру, и она прижалась к нему, закрыв глаза. Лайан несколько минут постоял в двери, глядя на них, и пошел обратно.

Солдаты ходили вокруг грузовика, а Гораций сидел возле костра и курил. Лайан подошел к нему.

— Рассказывай.

— А ты поверишь?

— Я теперь во все поверю.

— Тогда слушай.

Рассказ Горация занял минут пятнадцать. Пока он говорил, Лайан не раз и не два начинал сомневаться в его словах — слишком уж страшные вещи он слышал. Но он заставлял себя вспомнить, что произошло в Санта Розита, заставлял себя вспомнить, в каком состоянии он нашел свою дочь, и тогда рассказ Горация вовсе не казался ему таким уж диким, он казался почти... обыденностью, как будто тот рассказывал всего лишь историю из жизни.

«Дело в том, что все истории в пустоши именно такие. Как она сама».

Гораций говорил ровно, как автомат. Его голос не дрогнул даже тогда, когда он описывал гибель брата. Иногда он путался в событиях и не мог припомнить точно, когда происходило то или другое. Лайан чувствовал, что некоторые факты он опускает вовсе. Но он не переспрашивал, потому что не был уверен, хочет ли он услышать то, о чем Гораций счел лучшим промолчать.

Пока они сидели у костра, солдаты успели обойти грузовик и теперь копошились у кабины. Один из них громко выругался. Гораций вздрогнул и обернулся.

— Они хотят забрать эту штуку, — сказал Лайан.

— Ни за что к ней не притронусь!

— Тебе и не надо.

— Да...

Он пошевелил веткой затухающий костер.

— Это все. По крайней мере, все, что помню.

— Гораций.

— Что?

— Спасибо тебе за Линду.

— Не стоит.

— Стоит. И мне очень жаль, что так вышло с Хомером.

— Мне тоже. Очень жаль.

Он немного помолчал, глядя, как солдаты тащат что-то завернутое в брезент к головной машине.

— Что с нами теперь будет?

— Надо подобрать еще одного.

— Анну.

— Да. А потом, вроде бы, нас приказали доставить в Кубу.

— Зачем в Кубу? Почему не домой?

Лайан вздохнул и покачал головой.

— Санта Розита разрушен.

— Вот черт!

— Да, сегодня ночью. Если бы не Майкл, никого из нас уже не было бы в живых.

Гораций кивнул.

— В конечном счете, он спас всех нас. В этом месте смерть жестокая. Плохая смерть.

— Теперь никому не нужно умирать. Полагаю, он это сделал за всех.

К ним подошел солдат.

— Нам пора отправляться.

Лайан повернулся к Горацию.

— Что будешь делать с могилой?

— Не знаю. Потом решу. Сейчас не могу.

— Хорошо. Пошли.

Линда спала, положив голову на плечо брата. Лайан уселся рядом с ней, а Гораций устроился впереди, возле водителя. Тот повернулся назад.

— Нам приказано двигаться сразу в Кубу, сэр.

— А Анна?

— Ее подберут другие. Они уже на подъезде к Лос-Аламосу и будут там быстрее. К тому же, у нас нет места.

Чарли полез за рацией. Линда пошевелилась и чуть слышно застонала во сне. Машины тронулись, по обочине объезжая грузовик, и через пару минут он исчез из вида.

— Анна!

Она подняла голову и нажала на кнопку рации.

— Я слушаю, Чарли.

— Планы немного изменились. Мы едем в Кубу. За тобой придет другой отряд.

— Почему? Что происходит?

— Не волнуйся. Они уже в городе и будут у тебя гораздо раньше нас. Мы встретимся в Кубе.

— Ты уверен?

— Да.

Анна вздохнула.

— Хорошо. Как Линда?

— В порядке. Сейчас она спит.

— Рада слышать.

— Скоро мы все будем вместе.

— Скорее бы.

— Оставайся на связи.

— Ладно.

Чарли отключился.

Анна встала и медленно пошла по залу. Он выглядел пустым. Теперь по-настоящему пустым. Электричество по-прежнему было: горели лампы, работали компьютеры, но что-то исчезло. Что-то, следившее за ними. Теперь оно ушло. Она осталась совсем одна.

Вот на этом самом месте они с Майклом остановились, когда вошли в зал. Отсюда они наблюдали за тем, как появилась пустошь. Она держала его за руку.

Больше не нужно бояться. Не нужно каждую секунду думать о том, что будет, если ошибешься. Не нужно вздрагивать и не нужно надеяться. Господи, как хорошо и плохо одновременно.

Рация у нее в руках заговорила.

— Анна Билингз. Вы слышите меня?

Голос был незнакомый. Анна нажала на кнопку.

— Слышу. Кто вы?

— Капрал Брюс Хартман, армия США. Мы на Омега Бридж.

Сердце Анны трепыхнулось.

— Через несколько минут мы войдем в Лабораторию. Где вы находитесь?

— Я внизу. Где-то глубоко. Мы несколько раз спускались на лифтах.

— Опишите помещение.

— Большой зал. На стене экран. Отсюда запускался «Прометей».

— Я понял, мэм. Оставайтесь на месте. Мы придем за вами.

— Конечно, я останусь. Двери закрыты.

— Ждите.

Анна вернулась к панели управления и села в кресло.

Мост «Омега». Казалось, это было так давно. Как будто в прошлой жизни. Она вспомнила, как они стояли, держась за поручни, захваченные и восхищенные красотой гор и покрытого лесом ущелья под ногами. Если она когда-нибудь и верила в то, что они спасутся, и все будет хорошо, то именно тогда. Невозможно было не верить.

Прошло полчаса, и дверь в противоположном конце зала открылась. Анна повернулась в кресле. Их было восемь человек: пятеро в форме и трое штатских. Они лишь мельком взглянули на Анну и, как муравьи, разбежались по помещению, садясь за компьютеры. Двое

направились к лестнице. Анне с трудом удалось сдержаться, чтобы не закричать им: «Не ходите! Не ходите туда!». Она встала. В этот момент к ней подошел один из солдат.

— Капрал Хартман. Это я говорил с вами.

— Рада видеть вас, капрал. А кто эти люди?

— Специалисты. Теперь у них будет много работы.

Он улыбнулся, и Анна ответила на эту улыбку.

— Мне приказано доставить вас в Кубу.

— Остальные уже там?

— Думаю да, но точно не знаю. Мы прибудем часа через два.

— Сколько времени?

Капрал посмотрел на часы.

— Без десяти четыре утра.

Анна подошла к своему рюкзаку, достала бейсболку и надела ее.

— Я готова.

Хартман кивнул и направился к двери.

— Капрал.

Он обернулся.

— Да, мэм?

— Вы, случайно, не знаете, что означает аббревиатура «UNM-LA»?

Он посмотрел на нее удивленно.

— Нет, мэм.

— Хорошо, идемте.

Странное чувство охватило ее, когда они шли по коридорам Лаборатории. Она узнавала места, и одновременно не узнавала. Все немного изменилось. Изменения были настолько неуловимы, что невозможно было осознать их — только почувствовать. Когда они вышли к лифтам, она уже готова была к тому, что в любой момент комплекс преобразится, и вновь появятся ученые и лаборанты, одетые в белые халаты, и все вновь оживет и наполнится призрачной жизнью. Ощущение было настолько сильным, что ей на миг показалась, будто она действительно видит их. Анна вздрогнула.

— Все в порядке? — спросил капрал.

— В полном.

И все было в полном порядке, до тех пор, пока они не вышли в большой холл, с которого началось их с Майклом путешествие по Лаборатории. По нему сновала масса людей, многие из которых были одеты в белые халаты. За стойкой охраны стоял человек и смотрел на мониторы. Анна остановилась и поднесла руку к горлу. Ощущение *de ja vu* было настолько захватывающим, что у нее перехватило дыхание. Все в точности, как тогда, когда они вошли сюда. Она смотрела расширившимися глазами на людской поток и не могла заставить себя сдвинуться с места.

— Мэм? Вам плохо?

Анна повернулась. Хартман смотрел на нее с выражением терпеливого участия.

— Мне? Нет. Просто... Просто это так... Так много людей.

— Разрешите предложить вам руку?

— Спасибо.

Стоянка перед Лабораторией была сплошь забита военными машинами: множество джипов, грузовики, пикапы. Солдаты сновали между ними, выгружая тяжелые ящики, и несли их ко входу в комплекс. Хартман повел Анну напрямик, не обращая внимания на суету. Казалось, их никто не замечал — все были заняты делом. Они подошли к джипу, припаркованному у самых ворот, и капрал помог Анне усесться.

Они выехали со стоянки и взяли курс на запад по Вест Джемес Род.

Всю поездку Хартман молчал, и Анна была ему за это благодарна. Она не могла оторваться от окна. Джип летел по ровной дороге быстро и бесшумно, как самолет, а по

сторонам проплывали бесчисленные сосны и пихты, покрывающие сплошным зеленым ковром отроги далеких гор. Все это было так не похоже на пустошь, через которую ехали они с Майклом. Как будто ничего и не было. Только сон. Дурной сон, от которого она, наконец, проснулась.

Спустя час местность изменилась. Горы остались далеко на севере, а вдоль дороги потянулась унылая равнина, покрытая выпцветшей на солнце травой и полынью. И все вернулось вновь.

«Сабурбан» летел по шоссе, наматывая на колеса милю за милей, а вокруг него простирался неподвижный пейзаж, пустой и мертвый, как старая фотография. Тихо гудел мотор. Шесть часов — и они доберутся до Кубы. Главное не потерять скорость и ни в коем случае не останавливаться!

Анна тряхнула головой, прогоняя наваждение. «Сабурбан» превратился в военный «Хаммер», но равнина осталась прежней: неподвижной и мертвой. «Теперь так будет всегда», — подумала Анна. — «Мы уже никогда не станем прежними». Она закрыла глаза и прижалась лбом к холодному стеклу.

Хартман сдержал свое слово, и спустя два часа в размытом свете раннего утра они увидели Кубу. Джип сбросил скорость, а потом и вовсе остановился перед шлагбаумом, перегородившим дорогу. Пока капрал разговаривал с солдатами, Анна смотрела на город впереди и пыталась представить себе, что чувствуют сейчас его жители. Каково это — после стольких месяцев блокады и отчаяния вновь обрести свободу? Каково это — перестать бояться?

Хартман вернулся в машину и повел ее к центру.

Все тротуары были заполнены людьми. Они ходили, как зомби из фильмов Ромеро, как будто не понимали, где находятся. Солдаты пытались справиться с этим разобщенным человеческим потоком, и Хартман был вынужден сбросить скорость, чтобы случайно не задавить кого-нибудь. Анна смотрела на их лица, и то, что она видела, озадачило ее. Они выглядели так, как будто посреди Кубы приземлились инопланетяне. «А что ты ожидала?» — подумала она. — «Они еще не могут осознать, что произошло».

— У меня здесь сестра, — сказала она. — Ее зовут София. Она живет...

— Извините, мэм. У меня приказ доставить вас в госпиталь к остальным. Вас должны осмотреть врачи, а потом, думаю, вы сможете пойти к сестре. Будет лучше, если пройдет немного времени. Вы же видите, что тут творится.

Анна видела. По улице впереди них медленно катился джип. На крыше у него были закреплены мегафоны. За машиной, словно сомнамбулы, шли люди. Человек пятьдесят, может быть, больше.

«Хаммер» свернул, и процессия скрылась из вида.

Они остановились перед серым трехэтажным зданием. Над дверями было написано «Медицинский Центр Кубы». Хартман вышел из машины и открыл Анне дверь.

В медицинском центре было прохладно и темно. Капрал подвел Анну к человеку за стойкой.

— Анна Билингз, — сказал он.

Человек кивнул и встал с места.

— Прошу вас, следуйте за мной, — сказал он.

Анна кивнула и повернулась к Хартману.

— Спасибо, — сказала она.

Капрал улыбнулся и махнул рукой.

Вместе с врачом они поднялись на третий этаж.

— Ваши друзья уже здесь, — сказал он. — Палата триста одиннадцать.

Он подвел ее к двери и остановился. Анна тоже остановилась.

Ковер под ногами был мягким, и от него как будто исходили волны спокойного тепла. Сердце ее забило. Она посмотрела на врача. Тот ободряюще улыбнулся и сделал рукой

приглашающий жест. Анна с трудом сглотнула и открыла дверь.

Они все собрались в этой комнате. Некоторых она знала, других видела впервые. На одной из кроватей лежала Линда. Ее накрыли простыней, доходящей до самого подбородка. Кажется, она спала. Рядом с ней сидел седой мужчина, его лицо чем-то напомнило ей Чарли. Тот полусидел на другой кровати, облокотившись на большую подушку. Загипсованная нога была закреплена на растяжках. У окна сидел еще один мужчина. Он был старше остальных. Его лицо покрывала густая сеть глубоких морщин.

Увидев ее, Чарли поднял рацию и улыбнулся.

— Привет! — сказал он.

ГЛАВА 40

Линда проснулась, когда принесли завтрак. Молодой санитар вкатил в палату тележку, уставленную чашками и тарелками, и принялся перегружать ее содержимое на стол у входа. Занимаясь этим, он то и дело бросал любопытные взгляды на... них. Госпиталь был полон слухов. Никто точно не знал, что произошло с этими людьми в пустоши; говорили о каких-то немыслимых приключениях, нападениях каких-то тварей, о мертвых городах, и это было просто захватывающе!

Санитар не торопился. В его голове вертелись тысячи вопросов и, хотя всему персоналу было строго приказано не разговаривать с ними, он готов был нарушить запрет. Главное — решить, какие вопросы задать. «Господи, о чем же их спросить?».

Терпение Лайана лопнуло.

— Спасибо за завтрак. Идите. Мы сами справимся.

Санитар застыл.

— Я...

Он силился что-нибудь придумать, хотя бы один вопрос, чтобы было о чем рассказать после смены, но от волнения в голову ничего не приходило.

Лайан поднял брови.

— Какая она? — выпалил санитар.

— Что?

— Пустошь. Какая она?

Лайан встал.

— Уходите.

Санитар смутился и опустил глаза.

— Извините, — промямлил он.

От волнения задрожали руки, и он чуть было не уронил кофейник.

— Идите, — повторил Лайан. — Мы сами все сделаем.

— Да. Хорошо. Извините.

Санитар выскользнул за дверь.

— Сопляк.

— Ему любопытно, — сказал Чарли. — Им всем любопытно.

Подошел Гораций.

— Что тут у нас?

Они с удовольствием позавтракали, наслаждаясь вкусной едой и спокойствием. Для большинства из них, привыкших к тому, что в любой момент может случиться что-нибудь ужасное, такое ощущение было новым и приятным. Если бы не мысли о Майкле, преследующие ее неотступно, Анна насладились бы этим моментом по полной программе. В последний раз она ела в Лаборатории в компании призраков, с человеком, которому оставалось жить лишь несколько часов. Теперь это казалось таким далеким, как будто ее мозг намеренно старался позабыть все, что связано с пустошью. Наверное, когда-нибудь ему это удастся.

Линда тоже съела несколько кусочков сыра и запила их водой. Когда с завтраком было покончено, Анна подошла к ее кровати. В ногах сидел Лайан и задумчиво жевал кусок пирога.

— Можно с ней поговорить?

Он посмотрел на нее и встал.

— Конечно. Садись.

Он отошел к Чарли.

За все утро Линда едва произнесла пару слов. Когда с ней разговаривали, она обходилась лишь вялыми жестами — кивала и качала головой. Анна села на кровать.

— Привет.

Линда медленно опустила веки и снова открыла глаза — «привет».

— Как ты себя чувствуешь?

Жест повторился.

Анна замолчала, не зная, что говорить.

— Ты Анна, — сказала вдруг Линда. Она произнесла это очень тихо, почти шепотом. Краем глаза Анна заметила, как Лайан и Чарли (да и Гораций тоже) подались вперед, чтобы расслышать то, что она говорит.

Анна кивнула.

— Да. Ты прятала меня в магазине. Помнишь?

Линда улыбнулась.

— Да.

— Ты заставила меня переодеться в свою одежду.

— Да.

Линда дотронулась до ее рукава.

— Моя, — сказала она.

— Точно.

— Тебе хорошо.

— Я потом верну. Как только доберусь до своих вещей.

Линда покачала головой.

— Не надо.

— Это тебе.

Анна сняла свою бейсболку и надела ее на голову Линды, повернув козырек немного в сторону. Получилось забавно. Анна хихикнула.

— Ты выглядишь, как девчонка.

— Зеркало, — попросила Линда.

За спиной Анны упал стул, и все вздрогнули. Лайан покраснел и поставил его на место. Быстрым шагом, почти бегом, он бросился в ванную и вернулся оттуда с небольшим зеркалом, висевшим над раковиной. Анна взяла его и поднесла к Линде.

Та долго смотрела на свое отражение и молчала. Анна с трудом сдерживала слезы. Ей легко было представить, что она сейчас чувствует; и смотрит она вовсе не на бейсболку, а на то, что осталось от нее самой, на то, что сделала с ней пустошь. «Контраст должен быть ужасным».

Губы Линды подрагивали. Наконец она отвернулась и посмотрела на Анну.

— Смешно.

— Она твоя.

Линда тихонько сжала ее руку. Ладонь была сухой и теплой.

— Спасибо. Где Майкл?

Улыбка на лице Анны застыла и медленно растворилась. Она поставила зеркало рядом с кроватью и в свою очередь накрыла ладонь Линды своей.

— Он остался там.

Лайан закрыл рукой лицо. Гораций покачал головой. Линда смотрела спокойно и ничего не говорила, только по щекам ее потекли слезы. Она плакала беззвучно, глядя на Анну.

блестящими глазами, и у той разрывалось сердце. Линда была беззащитна, как маленький ребенок, наверное, не стоило ей такого говорить; но обманывать ее — нет, это было еще хуже. Анна наклонилась к ней и обняла.

— Не плачь, — прошептала она и стала гладить Линду по волосам. — Он нас спас. Меня, вас с Горацием, Чарли и твоего папу. Он спас всех. И мы будем любить его. Всегда. Правда?

Линда кивнула.

Они посидели так несколько минут, пока Линда не отстранилась.

— Там есть апельсиновый сок? — спросила она.

Лайан направился к столу.

До полудня их никто не тревожил. Линда разговаривала с Анной о всякой ерунде, и пусть она говорила односложно, голос ее звучал тихо, а паузы между словами были слишком долгими — она говорила. Лайан сидел в стороне и смотрел на них, как на чудо — он был готов молиться на Анну. Ей удалось вернуть его дочь к жизни, разбудить от кошмарного сна, в котором она пребывала, и теперь все будет хорошо. Нужно только дать ей время.

Потом Линда заснула, и Лайан снова занял свое место у нее в ногах. Анна и Гораций взяли стулья и уселись рядом с Чарли. Они чувствовали, что надо поговорить... но разговор не шел. Они сидели, стараясь не смотреть друг на друга, и молчали.

— Странно, — сказала, наконец, Анна. — Я думала, что буду трещать, как сорока, а слов нет.

Гораций кивнул.

— Может быть, потом, когда все уляжется.

— Может быть.

Они так и сидели, разглядывая свои руки и пустые желтые стены, когда дверь палаты открылась, и на пороге возник чернокожий мужчина в военной форме. В руках он держал тонкий кейс.

— Прошу прощения, — тихо сказал он. — Я майор Джеймс Фришер.

Он посмотрел на Анну.

— Мисс Билингз, могу я с вами поговорить?

Она встала.

— Конечно.

Фришер проводил ее в небольшой зал, практически все свободное пространство которого занимал длинный стол. Не смотря на ясный день, в помещении горел свет: оба окна были прикрыты шторами. Он указал на один из стульев.

— Садитесь.

Анна села. Майор положил на стол свой кейс, достал оттуда маленький цифровой диктофон и блокнот. Диктофон показался Анне похожим на рацию. «Наверное, теперь все такие штуки будут напоминать мне рацию», — подумала она. — «От этого никуда не денешься». Фришер сел, положил перед собой руки и сплел пальцы.

— Мисс Билингз, я хочу поговорить о том, что произошло с вами в пустоши, — сказал он. — Вы очень поможете мне, если согласитесь ответить на мои вопросы.

Анна кивнула.

— Конечно. Но у меня есть два условия.

— Я слушаю.

— Во-первых, после того, как я отвечу на ваши вопросы, я хочу, чтобы и вы ответили на мои.

— Принимается.

— Во-вторых, у меня в городе сестра. Я хотела бы увидеться с ней.

Фришер кивнул.

— Это не трудно. После того, как наша беседа закончится, кто-нибудь из моих людей

отвезет вас.

— Хорошо. В таком случае, я готова. Спрашивайте.

Фришер нажал на кнопку своего диктофона. Загорелся красный огонек.

— Мисс Билингз, расскажите мне, что произошло после того, как вы и Майкл Хоуп пересекли линию в Санта Розита.

— Анна. Называйте меня Анна. После того, что я вам скажу, мы станем ближе, чем брат и сестра.

Она улыбнулась.

— Фигурально.

— В таком случае, я — Джеймс.

— Принято. Итак...

Рассказ Анны занял два часа. Фришер слушал ее молча, иногда делая пометки в своем блокноте. Он не перебивал ее, предоставляя возможность вести рассказ так, как она сочтет нужным. Только один раз он попросил ее остановиться, чтобы сменить какую-то штуку в своем диктофоне. Анна незаметно наблюдала за ним. У майора было выразительное, подвижное лицо, не способное по настоящему скрыть эмоции. Она видела, что ее рассказ трогает Фришера, и это ей нравилось. Анне показалось, что он действительно хочет понять, а для этого мало было просто собрать факты и записать показания — нужно было почувствовать. Незаметно история в ее устах стала приобретать все больший драматизм. Сначала Анна хотела ограничиться лишь пересказом событий, не заостряя внимания на своих переживаниях, но как-то само собой получилось, что ее рассказ стал все больше напоминать исповедь. Она рассказала этому человеку все, зная, что уже никогда не повторит это. Когда она закончила, в зале повисло молчание.

Фришер о чем-то думал, постукивая ручкой по столу.

— Скажите, Майкл был религиозным человеком?

— Нет, не думаю. Он очень рациональный. Любит находить всему объяснение. По крайней мере, так было, пока мы не попали в Лабораторию.

— И что произошло?

— Он решил, что Бог разговаривает с ним.

— Интересно. И о чем они говорили?

— Джеймс, вы серьезно?

Фришер вздохнул.

— Не знаю. Я пытаюсь понять, что с вами произошло. Честно говоря, записи в тетради меня очень intrigуют.

— А что там?

— Вы не читали?

— Нет.

— Вот послушайте — это написал Майкл.

Фришер пролистал свой блокнот и прочел: «Конус пространства-времени. Пустошь. Вселенная — пустошь. Бог — это пустошь».

Он посмотрел на Анну. Сердце у нее забилося быстрее, и она отвела глаза.

«А если это не помешательство? А если он действительно...».

— Вы меня слышите?

— Что?

— Я спросил, что вы об этом думаете.

— В пустоши очень страшно, Джеймс. Это все равно, что ходить по весеннему льду. Можно очень внимательно смотреть под ноги и все равно провалиться. Или нет. Слепая удача. Я думаю, что в таких условиях каждый ищет то, за что можно ухватиться. Например, религия.

— И в этом все дело?

— Наверное.

— А у вас не было...

— Нет.

Майор вздохнул.

— Ладно. А что вы хотите знать?

Анна мотнула головой, отгоняя непрошенные мысли.

— Когда вы узнали, что пустошь исчезла?

— Сегодня ночью. Нам сообщили из Санта Розита.

— Чарли?

— Капитан Пламер. Командир военной базы.

— Наверное, вы сразу же послали туда людей?

— Верно.

— Джеймс, что вы там видели?

Он посмотрел на нее, словно сомневаясь, говорить или нет, а потом выключил диктофон.

— То, что я сейчас скажу, не должно выйти за пределы этой комнаты.

Анна сделала движение, будто застегивает рот на «молнию».

— Правильно.

— Я слушаю.

— После того, как из Санта Розита пришло сообщение, мои люди выехали в пустошь.

Фактически, мы организовали полное прочесывание местности по всем правилам.

— И что?

— Мы кое-что нашли.

— Что?

— Вы говорили мне о туннелях и тех существах, которые приходили через них.

— Да.

— Мы нашли их.

Анна наклонилась к нему.

— Кого?

— Сам не понимаю, что это. Они ни на что не похожи, большинство из них. Некоторые были еще живы.

— Боже мой!

— Да уж. Но привезти живым не удалось никого. Они все погибли. Одни раньше, другие позже. И знаете что, я вот подумал... Судя по вашему рассказу, эти существа должны находиться в пределах того, что вы называете туннелями.

— Хорек их так назвал.

— Не важно. Важно то, что они могут жить в очень ограниченном пространстве, покидая которое, они погибают. Некоторые могут растягивать туннель, но все равно, они ограничены им.

— Наверное.

— Мы нашли живых, а это значит, что туннели еще некоторое время сохранялись.

Пустошь исчезла, но они остались. Вы понимаете, что это значит?

Анна вздрогнула. Фришер не стал ждать ответа.

— Эти «пришельцы» умирали в разное время: наверное, где-то сила, удерживающая их, была больше, где-то меньше. Но в итоге они погибли все. К этому моменту ни одного из них не осталось в живых.

— Я думала, что она исчезла совсем. Сразу.

— Нет.

Фришер помедлил и значительно произнес.

— Остаточные явления. Они сохранились. Не знаю, сколько еще они просуществуют, и что мы еще сможем найти, но я уверен — это опасно.

— И поэтому вы окружили Кубу постами?

— И поэтому тоже. Вы только представьте себе, что эти туннели могут существовать долго. Что тогда?

Анна не ответила. Смутился и Фришер.

— Извините. Я не должен был этого говорить.

— Хорек привез с собой людей, — сказала Анна. — Почему они погибли?

Фришер покачал головой.

— Я не знаю. Они были в порядке — все тесты показывали норму. Только у девочки было воспаление уха. Их уже собирались отпустить. А потом... Вы знаете.

— И вы запретили ему привозить людей.

— Да.

— Значит, вы ничего не знаете о том, от чего они погибли?

— К сожалению.

Анна стала растирать пальцами виски.

— Что это за проект, «Прометей»? Военные исследования?

— Нет. Ничего такого. Фактически, это был довольно простой эксперимент, касающийся физики высоких энергий. Оборонного значения он не имел.

— И он не был засекречен?

— Не был.

— Вы знаете, что там произошло?

Фришер перестал вертеть в пальцах карандаш и посмотрел на нее.

— «Прометей» не мог привести к тому, что случилось, если вы это имеете в виду, — сказал он. — Ни теоретически, ни, тем более, практически. Не мог.

— Понятно.

Неожиданно у Анны разболелась голова. Пересказ произошедших с ней событий, как будто вновь вернул ее туда. В пустошь. И опять возникло то иррациональное чувство, которое преследовало ее в Лаборатории — словно кто-то наблюдает за ней. Анна посмотрела на Фришера.

Майор сидел неподвижно, сплетя пальцы, уставившись на нее, словно на какое-то удивительное существо. Его карие глаза казались теперь почти черными, они глядели спокойно и внимательно, как будто Фишер старался запомнить ее черты. Анна почувствовала, что воздух в комнате стал плотнее, и даже яркий до того свет ламп сделался тусклым, приглушенным. Лицо Фришера начало расти и вдруг обрело необычную четкость, такую, что Анна могла рассмотреть мельчайшие морщинки возле рта и в уголках глаз. В комнате стало темно, и теперь Анна видела лишь эти черные, словно уголь, необычные глаза. Огромные, они заполнили собой все поле зрения, и ей показалось, что они светятся изнутри. Анна почувствовала чужую волю, рвущуюся к ней, сокрушая тонкие преграды ее собственного Я. Жадную, настойчивую.

Она тряхнула головой.

В тот же миг наваждение исчезло. Анна вновь увидела себя сидящей в зале и майора, спокойно глядящего на нее.

— С вами все в порядке? — спросил он.

Анна провела по лбу.

— Да. Кажется, да.

— Мне показалось, что вы вот-вот потеряете сознание.

— Наверное, я просто устала.

— А если нет?

— Простите?

Фришер открыл кейс и извлек оттуда длинную сигару. Несколько секунд он рассматривал ее, затем откусил кончик, сунул в зубы и старательно раскурил.

— Скажите, Анна, что вы думаете о пустоши?

— Я вроде бы уже говорила...

— Нет. Не то. Давайте так — какие слова первыми приходят на ум?

— Страшно. Одиноко. Безысходно.

— Да!

- Зачем вам это?
- Скажите — а вы сами верите в Бога?
- Я не понимаю!
- Майкл верил. И Бенжамин верил.

Анна посмотрела на него удивленно и промолчала, не зная, как реагировать на такие слова.

«Что с ним? Что за чушь он несет?»

Фришер вытащил сигару изо рта и заговорил быстро, как аукционист.

— Вера — это дар. Самый ценный дар, преподнесенный человечеству. Голос, вызывающий к божеству, слаб и незаметен. Но если их тысячи — этих голосов? Сотни тысяч? Миллионы? Какой посыл они способны дать! Представьте себе, что человечество на протяжении всей своей истории хотело узнать ответ на вопрос, как возник этот мир и где его начало. Молодой, еще слабый разум лишь робко вопрошал, но потом он окреп и стал требовать. А не получив ответа — барабанить кулаками в дверь, кричать и ругаться. Но и этого мало — надо вышибить дверь! Пусть Бог или Природа или кто там за ней — пусть он скажет. Они хотели знать!

Он замолчал и затянулся.

— А теперь представьте себе, что есть некая высшая сущность. Возможно Бог, а возможно и нет, просто люди воспринимают ее через идею Бога. И вопль миллионов голосов достиг ее, научные эксперименты, как неловкие отмычки, заскребли по замкам ее дома. И она пробудилась. Она встала и произнесла: «Я покажу тебе творение не человека!».

— И что произошло?

— Вы сами видели, что произошло.

— Я не понимаю.

— Эксперимент — это символ. Два разума, существующие на разных уровнях, способны общаться при помощи аллегорий. Пустошь и есть ответ на вопрос. Это образ, содержащий в себе разгадку. А «Прометей» — просто символ. Символ заданного вопроса.

— Ничего себе ответ! Пустошь ужасна!

— А почему вы думаете, что момент рождения должен быть прекрасен? Все живое рождается в боли и крови. И этот мир не исключение.

— Но как эта ваша высшая сущность могла создать такое? Ведь это жестоко!

— Абсолютный разум не оперирует производными понятиями. Истина — его единственное орудие.

— Все это очень странно. Сейчас вы утверждаете, что эксперимент «Прометей» на самом деле не привел к появлению пустоши, тогда почему, стоило Майклу отключить установку, как она исчезла?

— Я говорил, что эксперимент стал символом. Он послужил началу пустоши, он же послужил ей концом. Майкл только выразил волю. На самом деле, человек не ищет знания — он ищет власти. Пустошь не дала ее, она лишь принесла единственное следствие знания — боль. Вы не хотели боли, не хотели ответов, вы отказались от них.

Анна с сомнением покачала головой.

— Кто вы, Джеймс? Почему вы говорите мне все это?

— Я не смогу вам ответить, Анна. У великого всегда есть малое. Я — малое. Я мысль, облеченная в слово. Письмо. Мой адресат — вы.

— Я не понимаю!

— И не надо. Вам достаточно поверить.

— А Майкл? Что с ним? Он умер?

Фришер перегнулся через стол, наклонившись к Анне, и положил свою широкую темную ладонь ей на руку.

Комната и все предметы в ней колыхнулись, словно находились под водой. Черные глаза майора поймали взгляд Анны, и она почувствовала, что тонет, растворяется в них. Рука под его пальцами дрогнула, но сил высвободиться не было. Тело отказалось подчиняться, и

последнее, что она увидела перед тем, как темнота поглотила весь мир, была его улыбка, такая теплая и такая далекая.

— Мисс Биллингз? Вы слышите меня? Мисс Биллингз?

Анна с трудом подняла отяжелевшую голову и осмотрелась. Она находилась все в том же зале. Майор стоял, склонившись над ней, и осторожно тряс ее за плечо.

— Что случилось?

— Вы потеряли сознание. Думаю вам лучше вернуться в палату. Договорим позже.

— Вы мне не ответили, — прошептала Анна.

— Простите?

— Что с Майклом? Он жив?

— Я... не знаю.

— Вы знаете! Почему вы не говорите? Скажите мне!

Их взгляды встретились. Выпуклые карие глаза майора выражали беспокойство.

«Не черные!».

— Думаю, вам лучше пройти в палату, — повторил Фришер. — Вам нужно отдохнуть.

«Не черные!».

Анна медленно поднялась. Ноги у нее задрожали. Неизвестно откуда, ей в голову пришла мысль, что все это — пустошь. Она не исчезла. Она играет с ней, забавляется, как сытая кошка. Хочет свести ее с ума.

«Этого не может быть!», — подумала она. — «Мне надо выбраться отсюда!»

— Я провожу вас.

— Я хотела бы повидать свою сестру.

— Вы уверены?

— Да.

— Я бы предпочел, чтобы вы вернулись в палату. Стресс...

— Мне будет лучше с сестрой!

— Подумайте еще раз. Я приглашу врача.

— Я хочу к сестре! — Анна почти кричала.

Фришер вздохнул.

— Хорошо. Подождите немного. Вас отвезут.

Как только дверь за ним закрылась, Анна снова опустилась в кресло и прижала ладони к лицу.

«Я не знаю, во что верить! И отстаньте от меня! Я хочу к Софии! Хочу домой!».

ГЛАВА 41

На первый звонок в дверь никто не отозвался, и Анна нажала кнопку еще раз. Ее охватило волнение: конец пути, то, за что заплатил своей жизнью Майкл, то, к чему она так стремилась в начале и о чем почти позабыла в конце — вот оно. Где-то в глубине дома слышались шаги. Анна отступила и нервно провела рукой по волосам, пытаясь убедиться, что они не торчат во все стороны. Внутренняя дверь приоткрылась и, сквозь противомоскитную сетку, Анна увидела лицо сестры. Улыбка, уже готовая появиться на ее губах, только ждущая для этого повода, застыла. «Она что, покрасила волосы?».

— Анна! Боже мой!

Дверь захлопнулась и снова распахнулась. София оттолкнула сетку и бросилась к Анне. Не успела та опомниться, как оказалась в ее теплых, пахнущих лавандой объятиях.

— Господи, я так рада! Как хорошо, что ты приехала!

Она отстранилась, держа Анну за руки, глядя на нее большими восторженными глазами. Полы ее халата распахнулись, и стало видно розовую комбинацию, сквозь которую проступала грудь.

— Ты чудесно выглядишь!

— Спасибо! Ты тоже!

Анна выразительно посмотрела на сестру и та, наконец, заметила в каком виде выбежала на улицу.

— Ой!

София запахнула халат и схватила Анну за руку.

— Пойдем!

Она буквально втащила ее в дом и закрыла дверь. Анна оказалась в небольшой уютной гостиной, залитой ярким солнцем, отражающимся от покрытых лаком деревянных стен. Посередине стоял длинный зеленый диван, из-за которого выглядывала белобрысая мальчишечья голова. «Мой племянник», — подумала Анна, делая шаг вперед. — «Даже не помню, как его зовут».

— Привет, — сказала она мальчику.

Тот улыбнулся, но не ответил, продолжая прятаться за диваном. Пол в гостиной был завален игрушками.

София подошла к мальчику и потрепала его по волосам.

— Брайан, это твоя тетя. Помнишь, я рассказывала тебе о ней? Ее зовут Анна. Поздоровайся.

— Здравсьте, — послушно сказал мальчик.

Анна хотела ответить, но прежде, чем она успела открыть рот, он сорвался с места и с громким индейским улюлюканьем скрылся в кухне.

— Не обращай внимания, — сказала София. — Он немного стеснительный.

Она мотнула головой, и ее длинные светлые волосы рассыпались по плечам.

— Если бы я знала, что ты приедешь, никуда бы Тревиса не отпустила! Ты голодная?

— Не очень.

— Я организую чай.

Она повернулась к кухне.

— Брайан!

— Что, мам?

— Милый, поставь чайник!

Она повернулась к Анне.

— Душ?

— Да! То, что надо!

— Пойдем, я тебе покажу.

София вышла в небольшой коридорчик, и Анна последовала за ней, внимательно глядя под ноги, чтобы не наступить на одну из игрушек Брайана. В коридорчике не было окон: он освещался одинокой лампочкой без абажура. Как будто поняв, о чем думает сестра, София сказала:

— Брайан разбил ее год назад, когда играл в индейцев. Все никак не можем заменить.

Она остановилась у одной из дверей.

— Вот. Можешь взять любое полотенце. Там, в шкафчике, несколько чистых. У тебя есть во что переодеться?

Анна развела руками.

— Мой багаж сюда не добрался. Даже зубной щетки нет.

София кивнула.

— Ерунда. Мы тебе все дадим.

— Спасибо!

— Пойду, посмотрю что-нибудь из одежды. А ты не торопись.

В этот момент на кухне что-то зазвенело.

— Брайан!

— Я не специально!

— Что ты там расколотил?

София побежала на кухню, оставив Анну одну.

«Достанется мальчишке», — подумала она и вошла в ванну.

Душ освежил ее. Усталость и настороженность, ставшие такими привычными спутниками в последнее время, стекли водой, оставив ее обновленной и радостной. «Я дома», — подумала она. — «Наконец-то я дома».

София оставила для нее одежду у двери. Вещи пахли чистотой и приятно скользили по коже, когда она одевалась. Джинсы оказались слегка тесноватыми, а на белой футболке красовалась аппликация с улыбающимся детским лицом и надписью: «Я люблю абрикосы!». Анна хихикнула, и, положив грязную одежду в корзину под раковиной, вышла в коридор.

— ...и убери игрушки! Не хватало еще, чтобы кто-нибудь наступил на твою машину и упал.

В гостиную вошел Брайан. Вид у него был виноватый. Он увидел Анну, стоящую у входа и сказал:

— Осторожно, тетя Анна. Не споткнитесь.

«Тетя Анна! О, Боже!»

— Хочешь, я тебе помогу?

— Нет. Я сам.

— Ладно.

Анна обошла диван и направилась на кухню, из которой доносилось шипение, сопровождаемое чудесным запахом жаркого. София стояла у плиты и деревянной лопаточкой переворачивала большие сочные куски мяса в глубокой сковороде. Анна оглядела скромную обстановку кухни и решила, что ей нравится то, что она видит: квадратный стол, покрытый выцветшей, но идеально чистой желтой скатертью; над ним на вбитом в стену кронштейне маленький телевизор «Шарп»; низкий холодильник в углу, на его дверце буквами-магнитиками выложено «Счастливого дня!» — София явно не купалась в деньгах, но, при этом постаралась сделать кухню аккуратной и уютной. И ей это прекрасно удалось. Из большого окна лился яркий солнечный свет. Анна подошла к столу.

— Брайан занялся уборкой, — сказала она.

София обернулась.

— Давно пора.

Она некоторое время разглядывала Анну. Та раскинула руки в стороны и повернулась на месте.

— Ну как?

— Отлично! Как будто специально на тебя!

— Не совсем, — улыбнулась Анна.

— Почему?

— Я не люблю абрикосы!

Они обе рассмеялись.

— Садись! Будем пить чай. А на ужин у нас этот замечательный бифштекс!

— Давай я помогу.

— О'кей, чашки в шкафчике над мойкой. Там же и сахар. А ложки вон там.

— У тебя здесь так хорошо!

— Я рада, что тебе нравится. От моих оглоедов доброго слова не дождешься.

Анна быстро накрыла на стол и села, глядя, как сестра колдует над мясом. Наконец София отложила лопаточку и накрыла сковороду крышкой.

Вошел Брайан.

— Мама, я все убрал! Можно я посмотрю видик?

— Хорошо. Только не бери папины кассеты, ладно?

— Не буду.

София открыла дверцу еще одного шкафчика и вытащила оттуда блюдо с печеньем.

— Вот это то, что нам надо!

Она села и принялась разливать чай.

— Говорят, военные закрыли город. Как тебе удалось проехать?

Анна пожала плечами.

— Не знаю. Я сказала, что у меня здесь живет сестра, и проехала. Наверное, на въезд в город ограничений нет.

Анна взяла ложку и стала помешивать чай.

— Я волновалась за тебя.

— Да. Здесь было страшно. Особенно в первые месяцы. Ты в курсе того, что произошло?

— В общих чертах.

София сделала маленький глоток и поставила чашку на стол.

— Когда появилась пустошь, пропало много народу. Никто ничего не знал. Люди уезжали и не возвращались. Очень много было таких. Наши соседи, Олдфилды, они живут через дорогу, и другие тоже. Хорошо, что мы с Тревисом работаем в городе!

Она помолчала.

— А потом стало еще хуже. Я никогда бы не поверила, что такое возможно, если бы сама не видела — люди штурмовали магазины, хватали все, что можно было схватить. Ужас, что творилось! Если бы не копы, мы бы поубивали друг друга... Страшно. А потом приехал Бенжамин, и все изменилось.

Она откусила от своего печенья.

— Через какое-то время мы привыкли. В итоге ко всему привыкаешь. А что у тебя?

— Ну, я волновалась. Я много раз пыталась вам дозвониться, но ничего не вышло.

София кивнула.

— Да, кстати, телефоны до сих пор не работают. И Тревису не позвонить... Извини, я тебя перебила.

— Ничего. Вобщем, я поехала в Нью-Мексико и попала в эту кашу.

— Тебе повезло, что ты не застала пустошь. Если бы ты приехала раньше... Даже думать об этом не хочется!

София умолкла. Анна обратила внимание на маленькую родинку у нее под нижней губой. Вроде бы, раньше ее не было. Или она просто не замечала?

— Ты покрасила волосы?

— А? Брайан, сделай потише!

В гостиной убавили звук.

— Что ты говоришь?

— Ты покрасила волосы?

— Нет. С чего ты взяла?

— Мне показалось.

София озадаченно улыбнулась.

— А зачем мне краситься в тот же цвет?

У Анны перехватило дыхание. Ей даже пришлось поставить чашку, чтобы не расплескать. София всегда была брюнеткой. Это так же точно, как то, что она — ее сестра. «Я что — схожу с ума?»

— С тобой все в порядке?

— Да, все нормально. Я просто задумалась.

— А. Ты приехала с военными?

— Нет, меня привез Майкл Хоуп.

— О! Майк! Наш герой!

— Да? А мне он не показался.

— Ты что! Если бы не он, мы бы тут перегрызли друг друга!

— А что он сделал?

— Он провел сюда колонну военных грузовиков с водой и продуктами. Потом они стали ездить сами, да и не только военные, но он показал им, как это можно сделать.

— Вот как?

— Да! Наверное, ему здесь поставят памятник! Кстати, где он сейчас?
— Не знаю. Мы разошлись.
— Жаль. Можно было бы позвать его к нам.
Они немного помолчали, погруженные каждая в свои мысли.
— Ты сменила прическу, — заметила София. — Тебе идет.
— Правда?
— Точно!
Она взяла еще одно печенье и отправила его в рот.
— София, расскажи мне о вас.
— Ну... У нас все хорошо. Тревис работает... работал... в департаменте общественных работ, а я в «Вэнди». Тебе это может показаться смешным, но там не так плохо. Даже весело, иногда. Брайан ходит в школу. Их снова открыли полтора года назад. До того, как все это началось, мы все вместе ездили в Вегас.

София хихикнула.
— Просадили пятьдесят баксов!
— Ты счастлива?
— Думаю, да. У меня все есть: муж, которого я люблю, замечательный сын, свой дом.
Что еще может хотеть женщина?
Она посмотрела на Анну.
— А ты все еще одна?
— Да.
— Не надоело жить холостячкой?
— Я уже привыкла. А потом — карьера. Сама понимаешь.
— Глупости это — вот, что я понимаю! А на примете кто-нибудь есть?
Анна покачала головой.
— Смотри, не останься старой девой!

Спустя час из гостиной послышались крики Брайана.
— Папа пришел!
София встала, и Анна поднялась вслед за ней.
— Папа, к нам приехала тетя Анна!
Они вышли в гостиную.
— Привет, милый.
Анна плохо помнила, как он выглядит. Они встречали всего пару раз, и это было давно. Перед ней стоял высокий мужчина со светлыми волосами и сильно загоревшими лицом и руками. Он был очень похож на Брайана.
— Моя сестра, — сказала София. — Анна.
Он протянул руку.
— Здравствуйте. Рад с вами познакомиться. София много рассказывала мне о вас.
Анна почувствовала, что у нее обмякли ноги. «Рад познакомиться! Какого черта?!». Усилием воли заставив себя улыбнуться, она протянула руку в ответ.
— Мне тоже.

Они расположились в гостиной. Брайан переключился на свои игрушечные автомобили, а Тревис принялся рассказывать о том, что происходит в городе: военные, действительно, все перекрыли, и никто не знал, до каких пор это будет продолжаться.
— Они говорят, что это для нашей же безопасности, — сказал Тревис. — Знаю я эти песни: запереть нас в клетку на всю оставшуюся жизнь — вот что они хотят!
— Успокойся, милый. Они этого не сделают.
— Посмотрим.

Как-то незаметно наступил вечер, и Тревис зажег свет. Брайан сидел на коленях у Анны, и они вместе читали о приключениях Алисы в Зазеркалье. В этот момент она ощутила, что должна быть счастлива. О чем еще можно мечтать, после всего пережитого в пустоши, как не об этом. Гостиная Софии была, как символ счастливого домашнего очага, откуда никогда не захочется уйти. Все было так... и не было.

Волосы сестры и эта родинка, странные слова Тревиса «рад познакомиться» — что все это значит? Анна пыталась найти ответ и не могла.

— Тетя Анна, подождите! Вы еще не дочитали на этой странице!

— Извини.

София ушла на кухню и через несколько минут позвала всех ужинать. Воздав должное приготовленному ею мясу, они снова вернулись в гостиную. Брайан принялся выстраивать на полу гоночную трассу.

— Смотрите, тетя Анна! Я покажу вам «инди»!

Тревис взял бутылку пива и устроился в кресле с книгой в руках. София занялась шитьем, периодически отвлекаясь от работы, когда Брайан требовал, чтобы она посмотрела на очередной заезд. Так они просидели до десяти часов, пока Брайана не отправили спать.

Анна осталась одна. Она сидела, отрешенно разглядывая разбросанные на полу игрушки, и продолжала искать объяснение сегодняшним странностям. Но ничего не выходило. Она так разволновалась, что почти решила уйти обратно в госпиталь. Обладая Анна решительным характером, она бы так и поступила, но вместо этого продолжала сидеть на диване и мучиться, изводя себя одними и теми же вопросами: Почему? Как? Что?

Спустя четверть часа вернулись София и Тревис.

— Ты ему понравилась, — сообщила ей сестра. — Вообще-то, Брайан не очень общительный ребенок.

— Я рада.

Тревис снова уселся в кресло.

— Завтра должны привезти продукты, — сказал он. — Майерс хочет, чтобы мы пришли к десяти.

— Значит, надо быть в девять?

— Да.

— Ладно. Я тебя разбужу.

София потеряла виски.

— Что-то у меня весь вечер болит голова, — сказала она. — Схожу за аспирином.

— И мне захвати! — отозвался Тревис.

— И у тебя болит? Странно. А ты как?

— У меня все нормально, — ответила Анна.

— Хорошо.

— Что там, в Санта Розита? — спросил Тревис, когда София вышла. — Говорят, город разрушен?

Анна внутренне напряглась: к такому разговору она не была готова. Слухи о событиях в Санта Розита до нее дошли, но это были лишь слухи. Тревис мог быть осведомлен гораздо лучше, чем она. Она мучительно думала, что же ему ответить, когда вошла София.

— Вот, — она протянула Тревису таблетку и стакан воды. — Думаю, нам всем стоит пойти спать. День был суматошный, а тебе завтра рано вставать.

— Да, — согласился Тревис. — Пожалуй.

София отвела Анну в предназначенную для нее комнату. Она находилась в том же коридорчике, напротив ванной.

— Извини, здесь не прибрано, — сказала она. — Я не ждала гостей.

— Ничего.

— Я сейчас принесу белье.

София вышла. Ожидая ее возвращения, Анна стала смотреть в окно. На улице горели фонари, освещая военные автомобили. Жителей почти не было заметно: очевидно, все разошлись спать. По дороге проехала «скорая помощь» с выключенными мигалками. Солдаты равнодушно проводили ее глазами.

Тихо скрипнула дверь.

— Вот.

София положила белье на кровать и тоже подошла к окну.

— Что там?

— Ничего. Все тихо и мирно.

— Даже не верится, что все закончилось. Для всех нас, кто жил здесь последние годы, это просто чудо.

— Да. Чудо.

София повернулась к ней.

— Я рада, что ты приехала, сестренка. Я скучала по тебе.

— Я тоже.

Они обнялись.

— Наверное, теперь все будет хорошо.

— Я в этом уверена.

— Тогда, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

София ушла. Анна застелила кровать, разделась и с наслаждением растянулась на чистых, пахнущих чем-то приятным простынях. Как хорошо было лежать в постели после всех этих ночевок в пустыне. Как это хорошо — быть дома.

Она уже почти заснула, когда в голову снова полезли мысли о Софии и о том, как она изменилась. Эти изменения очень тревожили Анну, и она мучалась, пытаясь найти им объяснение. Но его не было. И от этого она мучалась еще больше. Прокрутившись в кровати целый час, окончательно измученная сомнениями и страхом, она, наконец, заснула.

Ее разбудил солнечный свет, льющийся из окна. Анна потянулась и посмотрела на часы в виде кота, стоящие у нее на тумбочке. Усы-стрелки показывали шесть минут одиннадцатого. Анна вскочила и начала спешно одеваться.

Ее ночные размышления не были бесполезны. Одно решение она приняла — надо поговорить с Фришером. Рассказать ему все.

«И пусть он сам решает, сумасшедшая я или нет!»

Когда она, умывшись, вошла в гостиную, то обнаружила там сестру, наполовину лежащую на диване. На лбу у нее была тряпка. Выглядела София неважно: ее лицо сделалось каким-то серым, под глазами наметились темные круги.

— Привет, — сказала Анна. — Плохо себя чувствуешь?

— Голова раскалывается. Наверное, давление.

— Может тебе сходить к врачу?

— Если к вечеру не пройдет, схожу.

— Как Тревис?

— Вроде бы, ничего. Точно не знаю, он встал, когда я еще спала.

— А Брайан?

— Он у соседей. Ты будешь завтракать?

— Да. Но ты сиди — я сама.

— Ничего. Я тоже еще не завтракала. Надо выпить кофе, может быть, полегчает.

Они устроили себе скромный завтрак с хлопьями. София молчала, отхлебывая кофе маленькими глотками, и все время терла лоб.

— Мне нужно отлучиться ненадолго, — сказала Анна. — У меня в городе дела.

— Когда вернешься?

— К обеду.
— Ладно. Только будь осторожней.
— Не волнуйся. Со мной ничего не случится.

За окном послышалось завывание автомобильной сирены. София поморщилась. Звук быстро нарастал, а потом так же быстро стих — автомобиль двигался на большой скорости.

— Не заблудись. Ты знаешь адрес? Давай, я тебе напишу.

Анна улыбнулась.

— Ты говоришь, будто старшая сестра. Не волнуйся, со мной все будет в порядке.

— А как же мне еще говорить? — удивилась София. — Я должна присматривать за тобой, малышка.

Анна перестала жевать и посмотрела на нее. София улыбалась.

На улице было жарко и почти безлюдно. Только сновали туда-сюда армейские машины. Анна шла по узкому тротуару мимо одинаковых одноэтажных домов, направляясь в сторону госпиталя. Насколько она помнила, до него было всего пара-тройка кварталов. Она снова думала о сестре.

«А как я должна говорить?», «Малышка...» — это еще что такое? Анна была старшей из них, уж это она помнила совершенно точно! Да и... Сумасшествие какое-то! Надо будет взять что-нибудь для Софии в госпитале. У них должно быть.

Погруженная в собственные мысли, она не заметила, как добралась до места. Не дойдя до госпиталя пару десятков ярдов, Анна остановилась, удивленная и встревоженная одновременно.

Двойные ворота были распахнуты. Две кареты скорой помощи перекрыли вход. Вокруг толпились люди и кричали. Санитары сновали между машин, перекладывая людей на носилки. Им помогали солдаты. Насколько Анна могла видеть, в каждой «скорой» было как минимум по три человека. «Что здесь такое происходит?».

Сзади послышался рев двигателя. Анна инстинктивно отскочила в сторону, увидев, как военный джип промелькнул в паре футов от нее и затормозил у «скорых». К нему сразу же подошли люди.

Анна сжала губы и решительно направилась в самую гущу толпы.

Протолкаться через нее было нелегко. Получив несколько тычков, она оказалась в приемной, больше напоминающей бомбоубежище во время налета. Повсюду: на стульях, скамьях, даже на полу сидели люди и громко стонали. Между ними ходили несколько врачей. Мимо пробежала медсестра, зажав подмышкой кипу прозрачных папок. Было душно и шумно.

Анна схватила за рукав одного из солдат, сопровождающего очередные носилки.

— Мне нужен майор Фришер! — закричала она. — Это очень важно!

— Что?

— Майор Фришер!

— Его здесь нет!

Солдат попытался освободить руку, но Анна удержала его.

— Где он?

— В полицейском управлении! Мэм, отпустите! Вы что, не видите ничего?!

Он выдернул руку из ее пальцев и быстро пошел прочь. С бьющимся, как молот, сердцем Анна стала пробираться назад к выходу.

ГЛАВА 42

Полицейское управление Кубы располагалось рядом с госпиталем: Анна увидела его сразу, как только оказалась на улице. Ей повезло, потому что спрашивать дорогу во все прибывающей толпе людей, большинство из которых находились в состоянии истерики, было совершенно бесполезно. Суэта госпиталя осталась позади, здесь не было кричащих

людей и врачей в белых халатах: в управлении хозяйничали военные. Возле входа стояли два «Хаммера», рядом с которыми полицейские «Каприсы» выглядели странно и инородно.

У дверей Анну остановили солдаты, и она потеряла несколько минут, пытаясь убедить их связаться с майором. Мимо нее то и дело проходили люди, и, хотя внешне они казались спокойными, ощущение надвигающейся паники угадывалось на их лицах. Наконец, солдаты сдались, вызвали по рации Фришера, и спустя несколько секунд Анна вошла в управление.

Миновав стойку, она повернула налево и оказалась на лестнице, ведущей на второй этаж. По ней сновали военные, но никто не обращал на нее внимания. Выйдя в коридор, она сразу увидела Фришера, стоящего у одной из открытых дверей. Заметив Анну, он махнул ей рукой, приглашая следовать за собой.

В комнате было душно и шумно — множество людей в форме заполняли почти все свободное пространство: кто-то говорил по рации, кто-то писал; шипели статические помехи, гудели компьютеры, хлопала дверь. Майор провел Анну в смежное помещение и усадил за стол.

— Слушаю вас.

— Я думаю, что должна вам кое-что рассказать. Это может показаться странным, но прошу вас — выслушайте меня!

— Говорите.

Анна беспокойно заерзала в кресле, в последнюю минуту засомневавшись, стоило ли ей затевать этот разговор. Но отступать было поздно. И потом, это действительно может оказаться важным.

Она рассказала все: о своем странном видении во время их разговора в госпитале, об изменениях, которые произошли с сестрой и Тревисом. Фришер слушал ее, не перебивая. Когда она замолчала, он встал и подошел к окну. Анна ждала.

— Я вам верю, — наконец произнес он. — Хотя и не понимаю, что это может значить.

— И что нам делать?

Майор повернулся и посмотрел на нее.

— Вы ведь от сестры?

— Да.

— Как она?

— Мучается головной болью.

Фришер кивнул.

— К вечеру нас ждут большие проблемы.

— Вы о чем?

— Вы видели, что творится у госпиталя?

— Да.

— Вспомните Бенжамина Флая и его пассажиров. Происходящее там, — он кивнул в сторону окна, — вам ничего не напоминает?

Анна побледнела.

— Боже!

— История повторяется, но теперь мы имеем целый город.

— Пустошь исчезла, и они...

— Да.

— Господи! Они все погибли?

— Не знаю. Люди здоровы, но им все хуже. Нам совершенно не за что зацепиться!

Он посмотрел на Анну.

— Мы собираем на южной окраине полевой госпиталь. Вы можете перевести туда своих родных. Я пришлю машину, как только смогу.

— Спасибо!

— Не за что.

Фришер поднялся.

— У вас все?

— Да... То есть — нет! Джеймс — они изменились! Все они! Не намного, но они другие. Не те. Неправильные.

— Я понял. Но что вы хотите от меня?

— Не знаю! — голос Анны звучал раздраженно. — Мне кажется, вы должны что-то сделать, а не стоять здесь и пялиться в окно!

— Сделать?! Вы посмотрите вокруг! Через несколько часов весь город превратиться в чумной барак — вот с чем я должен что-то сделать! Там сотни людей! И это все реально — вот здесь! Я не могу тратить время на ваши теории!

— Все это связано.

— О чем вы?

— Эти странности с Софией и Тревисом, эти изменения и история с пассажирами Хорька, мое видение — все это связано.

Фришер покачал головой.

— Ждите машину. И не ходите на улицу.

Майор встал, показывая, что разговор окончен. Анна тоже поднялась.

— Я понимаю — у вас нет времени, но это важно. Я чувствую!

— Хорошо.

Анна вышла на улицу. Солнце раскалило асфальт и стены домов, и, даже несмотря на легкий ветер, дышать было нечем. Воздух сделался густым и почти осязаемым. Даже здоровые люди в такую погоду могут почувствовать себя плохо, стоит ли удивляться тому, что происходит? Анна посмотрела в сторону госпиталя. Там все так же толпились люди, но крики стихли. Жара делала свое дело: многие уже не стояли на ногах — кто-то лежал в тени здания, кто-то сидел на тротуаре, кого-то вели солдаты, подхватив под руки. Белых халатов видно не было.

Над головой загрохотало, и Анна вздрогнула, зажав рот рукой. Низко над домами пролетел военный вертолет, направляясь на южную окраину города. Он промелькнул, словно черная грозовая туча и исчез. Рев его винта стих, и Анна перевела дыхание. Она перешла на другую сторону улицы и быстрым шагом направилась к дому сестры.

Шторы на окнах гостиной были опущены, и в комнате царил сумрак. Почти на ощупь, видя перед глазами яркий блик солнца, Анна подошла к дивану и увидела сестру. София лежала неподвижно, свесив руку, и сначала Анне показалось, что она в обмороке.

— София? Ты спишь?

— Анна?

Голос ее звучал слабо.

— Как ты?

— Плохо. Голова кружится. Даже ходить не могу.

— Брайан все еще у соседей?

— Да. А что случилось?

— Я приведу его домой. Тревис не возвращался?

София открыла рот, но не успела ничего сказать: за окном раскатисто прогрохотало.

— Что это?

— Наверное, вертолет. У кого Брайан?

— У Хантов. Соседний дом, дальше по улице.

— Я приведу его.

Анна направилась к выходу.

— Принеси, пожалуйста, воды.

Дверь у Хантов оказалась незапертой.

— Эй? Здесь кто-нибудь есть?

— Кто там?

Голос донесся из арки, отделяющей прихожую от одной из комнат. Раздвинув полог из разноцветных бечевек, Анна прошла туда. Брайана она увидела сразу: он и еще один мальчик стояли на стульях, придвинутых к окну, и смотрели на улицу. У стены, на низкой кушетке, привалившись к толстой подушке, полулежала женщина примерно одного возраста с Софией. В руке у нее была открытая книга.

— Тетя Анна! — крикнул Брайан.

— Здравствуйте. Извините за вторжение — дверь была не заперта. Я за Брайаном.

Женщина села ровнее.

— А вы кто?

— Я сестра Софии.

— Это тетя Анна! — повторил Брайан.

— Извините, что не могу встретить вас по-человечески. Я неважно себя чувствую.

— У мамы болит голова, — сообщил второй мальчик. — И у меня тоже!

Анна вежливо кивнула.

— Брайан, попрощайся. Мы идем домой.

Брайан слез со стула.

— Пока, Спайк, — сказал он и хлопнул приятеля по протянутой ладони. — До свидания, тетя Вики!

— До свидания, милый. Передавай привет маме.

— До свидания.

Анна протянула руку.

— Берись и пошли.

— Тетя Анна! — запротестовал Брайан.

— Не спорь!

Нехотя, мальчик подчинился, и они вышли на улицу. Анна спешила, и Брайан с трудом поспевал за ней, но молчал, уловив ее настрой. Когда они вошли в гостиную, Брайан бросился к Софии.

— Мама! У тети Вики болит голова! Как у тебя!

— Ничего, милый скоро все пройдет. Как ты себя чувствуешь? У тебя ничего не болит?

— Нет.

— Хорошо. Иди, поиграй в своей комнате.

Брайан немного постоял рядом с ней, переминаясь с ноги на ногу, глядя на мать испуганными, удивленными глазами. Потом он ушел.

— Спасибо, что привела его.

— Не за что. София, я ходила к майору Фришеру, он здесь главный. Он обещал послать за вами машину. Вас отвезут в госпиталь.

— Я не уверена, что хочу куда-то ехать. Может быть, все еще обойдется?

— Может быть. Надеюсь на это.

— Я очень переживаю за Тревиса. Какое свинство, что нельзя никуда позвонить!

За окном снова прогрохотало. Звякнуло стекло.

— Вертолет, — сказала София.

Руки у Анны похолодели. Она натянуто улыбнулась.

— Да. Тебе что-нибудь принести?

— Нет, ничего.

— Пойдем, я отведу тебя в комнату.

— Спасибо.

София поднялась с дивана и покачнулась. Анна поддержала ее и, обняв за плечи, медленно, как инвалида, повела в спальню, молясь, чтобы в этот момент не выглянул Брайан и не увидел, в каком состоянии действительно находится его мать. Молитва была услышана. Она довела Софию до постели и помогла ей лечь.

— Спасибо, Анна. Даже не знаю, что делала бы одна. Сам Господь послал тебя к нам.

— Поспи.

— Извини. Ты приехала к нам в гости, а в итоге возишься с больными. Сама не знаю, что со мной происходит.

— Не переживай. Все пройдет, — сказала Анна. — Я присмотрю за Брайаном.

София еще что-то пробормотала, но Анна не разобрала слов. Она постояла над сестрой несколько секунд, раздумывая, стоит ли накрыть ее одеялом или нет. От жары в доме делалось дурно, и она решила, что не стоит. Опустив шторы, она вышла и закрыла за собой дверь.

И снова с улицы слышался низкий рокот. Некоторое время он нарастал, словно набираясь сил, а потом смолк, оставив лишь мертвую тишину. Во всем доме не было слышно ни звука.

Анна села в кресло и закрыла лицо ладонями. Она старалась не шуметь, но не могла удержать рыданий, на это не оставалось сил.

Это было жестоко, жестоко и несправедливо вот так отнимать у нее последнее утешение. Последнюю уверенность, которая оправдывала все, что произошло в Лос-Аламосе. Майкл погиб, и кто был этому причиной, как не она! Единственное, что Анна могла противопоставить этой мысли, была уверенность в том, что своей смертью он помог спасти множество жизней, избавив людей от пустоши. Уничтожив ее. Она хваталась за эту мысль, как за спасительную соломинку, которая, единственная, удерживала Анну от депрессии и полного опустошения. И вот теперь эта соломинка сломалась. Они не учли, да и не могли учесть, что люди из Кубы, оказавшись за пределами пустоши, за границей своего микрокосма — умирали. Это как-то забылось, стерлось из памяти, ушло на второй план, и вот теперь выступило, так рельефно и ясно, как всполох молнии. Они не спасли этих людей — они убили их. Целый город умирал, в этом не было никакого сомнения. Не ангелом-хранителем оказался для Кубы Майкл, а ангелом смерти. И не было оправданий ни его гибели, ни тому, что ждало теперь город. И ее сестру. И Брайана.

Анна сидела и плакала, а за окном ей вторила невидимая гроза.

Немного успокоившись, Анна пошла на кухню и выглянула в окно. Ветер без устали гнал по улицам мусор и обрывки бумаги. Воздух еще больше сгустился, он вибрировал над асфальтом, как будто город погрузился под воду. Медленно проехал джип. И снова загрохотало.

Анна отошла от окна и оглядела кухню. Наверное, стоит что-нибудь съесть и накормить Брайана. С вечера должно было остаться мясо. Его можно разогреть в микроволновке и сварить какой-нибудь лапши.

В холодильнике было темно: лампочка почему-то не зажглась, а по внутренней стенке лениво стекали капли воды. Анна вытащила мясо, понюхала и понесла к микроволновке.

Она тоже не работала. Как не горела люстра, не включался телевизор, даже вода из крана, пролившись несколькими каплями в мойку, иссякла.

Анна села на стул. Если в городе отключилось электричество, то не осталось никакой надежды. Все эти аппараты в госпитале: искусственные легкие, мониторы — они перестанут работать. Это конец.

Брайан сидел на кровати, обхватив руками живот. На полу валялись разбросанные игрушки.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила Анна, присев рядом.

— Живот болит.

Анна пощупала его лоб, и он показался ей горячим.

Стены дома завибрировали в такт глухому грохоту на улице. Он теперь почти не умолкал, становясь то громче, то чуть затихая.

— Ты знаешь, где у вас лекарства?

— Да. В ванной. В шкафчике рядом с раковиной.

— Я сейчас вернусь.

— Ладно.

В аптечке обнаружился аспирин и баночка «Каопектата». Анна подставила под кран чашку и набрала немного оставшейся воды. Со всем этим она вернулась к Брайану. Он послушно проглотил лекарство; на первую таблетку воды хватило, а вторую ему пришлось глотать с трудом.

— Мама тоже заболела? — спросил он.

— Да, Брайан.

— Что с нами, тетя Анна?

Она погладила его по голове.

— Все будет хорошо. Ложись. Вам с мамой надо поспать.

Брайан улегся на постель, и Анна сняла с него кроссовки.

— Я буду в гостиной.

— Хорошо.

Анна поцеловала его и вышла из комнаты.

В гостиной было ужасно душно. Со стороны кухни раздавались стук и позвякивание. Анна пошла туда и увидела, что это бьется о раму открытое окно. Ветер окреп. Он поднял над улицей облака пыли и песка, укрыв город непрозрачной желто-серой пеленой. Она закрыла окно, и в доме стало немного тише.

Мясо все еще лежало у микроволновки, и Анна, не задумываясь, сунула его обратно в теплый холодильник. У нее заложило уши, а голову как будто сжали в тисках. Гул доставал до самых внутренностей, и негде было от него спрятаться. Он проникал повсюду через стены и пол, и они вибрировали ему в такт, словно дрожали.

За ними никто не приехал. Анна прождала два часа, но весь город как будто вымер. Несколько раз она ходила проведать Софию и Брайана. Они спали; София тихо, а Брайан постанывал и ворочался. Пот стекал по его щекам и впитывался в подушку. В гостиной дребезжала люстра, словно кто-то пересыпал битое стекло. А грохот все усиливался, поднимаясь к самому небу.

Анна сидела на диване, когда эта мысль пришла ей в голову. Пришла, что называется, «без стука» — целая и оформившаяся. И все сразу встало на свои места. Конечно, она уже слышала этот грохот, уже чувствовала эту дрожь под ногами и вокруг — Санта Ана! — вот, где это было. Хорек сказал, что так появляется язва. Но Майкл выключил установку, никаких язв уже возникнуть не могло. Или могло? А тогда... Эти странности в Софии — все становится понятным. Куба — это туннель. И теперь он разрушается, а те, кто прошли сквозь него — погибают.

Туннель. Но тогда кто же они, эти существа, так похожие на ее родных? И где настоящие София, Брайан и Тревис?

Ответ один: там — на другой стороне.

На улице бабахнуло так сильно, что качнулись стены. В своей комнате закричал Брайан, и Анна побежала к нему. Мальчик лежал, свесившись с кровати, и его волосы почти касались пола. Под головой темнела лужица рвоты. Его кожа казалось серой, как будто он...

— Нет!

Анна бросилась к нему и снова уложила на кровать. Лицо Брайана — мертвая маска с черными губами и закатившимися глазами, такое страшное, такое чужое, врезалось ей в память, как будто выжженное раскаленным железом. Никогда, проживи она еще хоть тысячу лет, не вытравить ей этот образ и не забыть его. Это лицо. Это...

Но, похоже, тысячи лет у нее не было.

Во всем доме задрожали стекла, словно рядом пролетел самолет. От грохота заболели уши. Стены затряслись. Анна обхватила голову руками и закрыла глаза. Тело вибрировало и

болело, как сплошная рана. Еще немного, и черепная коробка взорвется, и это будет последним, что произойдет с Анной в ее короткой, глупой и суетливой жизни.

Воздух сгустился и давил на кожу, обжигая ее и ранив каждую клетку. Не было сил терпеть, и Анна закричала, но крик ее тут же растворился в шуме и реве, поглотивших все вокруг. Грохот все усиливался и рос, превращаясь в чудовищный вопль, заполняя целый мир, и скоро не осталось ничего, кроме боли, звука и темноты.

ГЛАВА 43

Она почувствовала свет и открыла глаза. Комната купалась в солнечных лучах, словно в потоках воды; каждый предмет в ней казался ярким и резким, как на объемной фотографии. Брайан лежал на кровати, в той же позе, в которой Анна его оставила, но вид его разительно изменился: лицо утратило тот ужасный серый оттенок, который так напугал ее, на кожу вернулись краски и жизнь. Его грудь медленно вздымалась и опадала, во сне Брайан немного посапывал. Анна поднялась на ноги, качнулась и оперлась рукой о стену. С улицы донесся шум автомобильного двигателя, машина проехала мимо, и все стихло, только было слышно, как где-то в доме журчит вода. Анна опустила руку и медленно вышла в коридор.

Плеск воды доносился из ванной: кран был полностью открыт, а раковина наполнена почти до краев. Анна завернула его и некоторое время смотрела, как вода уходит в сливное отверстие, закручиваясь тонкой спиралью.

Открыв дверь в комнату сестры, она замерла на пороге, и ей пришлось прислониться к стене, чтобы устоять на ногах. София лежала на кровати, ее темные волосы рассыпались по подушке беспорядочными прядями. Во сне она открыла рот. Никакой родинки над губой не было. Перед Анной лежала та София, какой она ее помнила. Ее родная сестра, с которой она уже успела попрощаться — дурной сон развеялся.

Она сходила в ванну, намочила полотенце и стала водить им по лицу сестры. Веки Софии дрогнули, и она открыла глаза.

— Анна?

— Привет. Как ты себя чувствуешь?

София нахмурилась.

— Хорошо. Да, хорошо.

— Голова не болит?

— Нет.

Она приподнялась на локтях.

— Что случилось? Где Брайан?

— Не волнуйся. Все хорошо, он спит у себя в комнате.

— Я хочу к нему!

София стала подниматься.

— Давай, я тебе помогу.

Анна помогла ей встать, и они вместе пошли в комнату Брайана. Увидев сына, София отпустила Анну и встала перед ним на колени.

— Брайан. Брайан!

Она легонько потрясла его за плечо.

— Он что, спит?

— Думаю, да.

София снова повернулась к сыну.

— Брайан!

Не открывая глаз, тот стал всхлипывать, как иногда бывает с детьми, которые еще толком не проснулись.

София обняла его.

— Не плачь, — прошептала она. — Проснись. Брайан, пожалуйста, проснись!

Он открыл глаза. Увидев мать, он обхватил ее руками и на этот раз расплакался по-настоящему. София прижала его к себе и тоже заплакала. Анна некоторое время смотрела на них, чувствуя, как у нее самой по щекам побежали слезы. Она не стала их удерживать.

Спустя несколько минут они успокоились. София усадила Брайана на колени, вытерла ему лицо и повернулась к Анне.

— Ты не знаешь, где Тревис? — спросила она.

— Нет. Думаю, он может быть в госпитале.

— Нам надо пойти туда!

Анна энергично затрясла головой.

— Ни в коем случае! Вы останетесь здесь! Я схожу сама, так будет быстрее.

— Спасибо!

София посмотрела на сестру, губы у нее чуть-чуть дрожали.

— Что с нами произошло?

Анна пожала плечами.

— Не знаю. Но я знаю, что все позади. Теперь уже — точно!

София прижала сына к груди.

Анна шла по улице медленно, словно человек, который никак не может очнуться ото сна. София была прежней, как будто ничего и не изменялось, как будто не было всех тех жутких несоответствий, которые превратили ее лишь в подобие той прежней Софии. И, казалось, она сама не знала, что была другой. Если это так, то хорошо. Просто отлично! Надо только забыть. Постараться забыть.

Она почти столкнулась с Тревисом, заметив его в последний момент. Он шел ей навстречу, и выражение на его лице было точно таким же, каким оно, наверное, было у нее самой.

— Тревис?

— Анна?

Он схватил ее за руку.

— Ты из дома? С ними все в порядке?

— Все хорошо, Тревис. С ними все хорошо. Они тебя ждут.

— Слава Богу!

Анна осторожно освободила руку из его хватки.

— Иди домой. Я скоро вернусь.

У входа в госпиталь лежали люди. По меньшей мере, дюжина. Между ними ходили солдаты. Анна смотрела, как они брали лежащих за руки и за ноги и несли к припаркованному рядом грузовику. Положив одного человека, они возвращались за следующим. Все это делалось почти в полной тишине, лишь изредка разбавляемой короткими фразами. Над одним из лежащих склонился врач.

— Анна!

Она подняла голову. Из окна на третьем этаже выглядывал Лайан. Увидев, что она его заметила, он замахал ей рукой. Анна ответила на его жест и пошла к дверям госпиталя, стараясь, по возможности, обойти тех, кто лежал перед ними.

Ее никто не остановил, никто не спросил, куда она идет.

Холл был почти пуст, лишь несколько человек сидели на складных стульях и тихо переговаривались. Анна миновала стойку регистратуры и подошла к лифту. Она уже поднесла палец к кнопке вызова, но передумала и стала подниматься по лестнице. Со второго этажа послышался шум и отрывистые выкрики, что-то звякнуло.

У двери в палату ее поджидал Лайан.

— Слава Богу, что ты появилась! Линда спрашивает о тебе уже полчаса, и я просто не знаю, что ей говорить. Я уже хотел пойти тебя разыскивать.

— Как она?

— В порядке. Нам крепко досталось, хотя, как я понимаю, не нам одним. Чертова пустошь!

— Не волнуйся, она нас больше не побеспокоит.

— Ты так думаешь?

— Да. Думаю.

Анна вошла в палату. Казалось, здесь ничего не изменилось с того момента, как она ее покинула. Линда и Чарли лежали на кроватях, а Гораций сидел у окна. Как будто все, что произошло за последние часы, было сном.

— Привет!

Она посмотрела на Линду.

— Ты цела?

— Да. Нормально. Я переживала.

— Не надо. Все хорошо.

Анна повернулась к Чарли.

— Вы в порядке?

— В полном. Ты не знаешь, что здесь стряслось?

— Может быть.

— Не хочешь рассказать?

— Не сейчас. Когда-нибудь, потом.

Гораций посмотрел в окно и покачал головой.

— Еще один, — сказал он.

Анна села на стул рядом с кроватью Линды и взяла ее за руку.

— Я посижу с тобой немного, а потом пойду к сестре. Она волнуется.

Линда кивнула.

Город тяжело пережил потрясение. Смерть собрала чуть больше ста жизней. В основном, это были старики и маленькие дети — те, кто оказался слишком слаб, чтобы выжить. Большинство из них умерло в госпитале, некоторые на улице или дома. По городу сновали машины и собирали тела. К тому моменту, когда Анна вышла, почти все они были перевезены на окраину.

Военные и врачи организовали несколько пунктов психологической помощи, но почти никто туда не обратился — люди просто возвращались домой. Они шли по улицам, медленно, как и Анна, глядя по сторонам, будто впервые видели свой город, удивленные и растерянные, как потерявшиеся дети. Анна шла среди них, подставив лицо теплым лучам солнца. Она улыбалась. Ни страха, ни сомнений не осталось в ее сердце: оно, как и сердца всех этих людей, было опустошено. Из них было вычеркнуто все: боль, радость, зависть, любовь — все, и сейчас, в этот самый момент, они наполнялись заново. Этим ярким днем, этим солнцем, этой свободой. Все прежние грехи были смыты, все эти люди родились заново, чтобы жить и уже никогда не стать прежними.

Дверь открыла София. Она стояла на пороге и, улыбаясь, смотрела на Анну. Рядом, обхватив ее за талию, стоял Брайан. Он тоже улыбался. Мгновение спустя к ним присоединился Тревис. Он обнял их за плечи, и в его глазах Анна увидела то, что заставило ее улыбнуться в ответ, улыбнуться сквозь слезы, помимо воли текущие из глаз — это был покой, и любовь, и чистая страница души, на которой еще не было ни единой записи.

Ветер шевельнул их волосы и устремился дальше — мимо окон, мимо покатых красных крыш, столбов с натянутыми проводами — выше и выше — к небу, синему и безмятежному — ввысь.

ГЛАВА 44

Бурлингтон, штат Вермонт

6 сентября 2015 года

— Как там Сэм?

— Спит.

Анна повернулась к мужу и улыбнулась.

— У него сегодня было столько впечатлений!

— Да уж! Кстати, Барбара ему явно понравилась.

— Весь в отца!

— О чем это ты?

Он подошел к ней сзади и обнял. Анна хихикнула.

— Что ты делаешь? А если они войдут?

— Пусть входят. Я имею право приставать к собственной жене!

— О, мистер Стивенс! Я еще не закончила мыть посуду, мистер Стивенс!

Она повернулась и брызнула на него водой.

— Ах ты...!

— На.

Анна дала мужу блюдо с фруктами.

— Развлекай их пока.

— Для тебя — все, что угодно, дорогая! Но если Курт опять начнет нудить по поводу налоговой системы штата, я сбегу из дома!

— Ты справишься, Дуг. Я в тебя верю.

Он дошел до двери и повернулся к ней.

— Не возись долго. Все-таки, это твой день.

— Я мигом.

Он вышел.

Анна быстренько домыла посуду и сняла халат. Под ним оказалось легкое красное платье, с глубоким декольте, от которого у Дуга всегда захватывало дыхание. Ей это нравилось. Со дня свадьбы прошло уже три года, а он все так же пламенно и нежно любит ее, как в самом начале. Не многие могут похвастаться этим. И не только этим. Что скажете о собственном доме в три этажа на берегу Чемплэйна? О новенькой «Тойоте» в гараже и «Мерседесе» Дугласа? Неплохо, правда?

Но самое главное сокровище Анны — двухлетний Сэм — белобрысый, как его отец, и красивый, как ангел, спал сейчас на втором этаже. Каждый раз, когда Анна думала о нем, ее сердце наполняла нежность, и даже хотелось плакать, потому что не верилось. Не верилось, что все может быть настолько хорошо. Как сбывшаяся мечта, как прекрасный сон, вдруг ставший явью.

Она улыбнулась своему отражению в зеркале и пошла к гостям.

С Дугласом Стивенсом, тридцатитрехлетним адвокатом из Бурлингтона, Анна познакомилась на ежегодном фестивале джаза, который проводился на острове Бартон, по ее мнению — самом чудесном месте на земле. Роскошь летней природы, дух веселого праздника и высокий, светловолосый красавец с бокалом шампанского в руке; темная вода озера, в которой отражались разноцветные огоньки, прикосновения его рук — так все и началось.

Их роман, вспыхнув, как факел, всего за две недели разгорелся до настоящего лесного пожара. Анна сгорела в нем, вся без остатка, а потом, словно мифический Феникс, возродилась снова, и что-то исчезло, что-то покинуло ее душу, отпустило. Дуглас — он смог это сделать, сделать так легко и без усилий, решительно перевернуть страницу ее жизни, и нет ничего удивительного в том, что на новом листе она, сжав рукой в белой шелковой перчатке перо, написала «Анна Стивенс».

Она переехала к мужу, и с этого момента в ее жизни начались счастливые перемены: они с Дугом стали работать вместе, и за последний год их доход составил почти миллион

долларов; они купили дом, который больше походил на сказочный замок, чем на жилище; потом родился сын — самый прекрасный ребенок на свете — все, что бы они не делали, получалось. И еще — они любили друг друга.

Но была и тайна. Тайна, которую Анна привезла с собой и берегла от стороннего любопытства. От всех и даже от Дугласа.

Он пытался поговорить об этом, но получил такой решительный отказ, что разговор закончился, так и не начавшись. В прошлом его молодой жены что-то было. Несколько раз в год Анна получала письма из Нью-Мексико. Некоторые были от Софии Ватерс, ее сестры, другие были подписаны просто «Линда» или «Чарли». Однажды пришло письмо от человека по имени «Гораций». Письма Анна читала в одиночестве, уходя в свою студию. Не раз и не два она возвращалась оттуда с покрасневшими от слез глазами. Дуглас пытался расспрашивать ее, но Анна всегда уходила от ответа.

И еще эта рация у нее на столе. Неуклюжая рация армейского образца, которую Анна соединила с записывающим устройством. Она стояла, как божок, среди бумаг и канцелярских принадлежностей, глядя на пришельцев ярким красным глазом.

Но если позабыть об этих маленьких странностях, Анна была лучшей женщиной из всех, живущих на свете. А жизнь была прекрасна. И будет прекрасна. Аминь!

Дуглас встал, держа в руке бокал шампанского. Гости прекратили свои разговоры, и все взгляды устремились на Анну. Она улыбалась.

— Друзья, есть у людей несколько вопросов, на которые они пытаются найти ответ на протяжении всей своей истории. Откуда мы пришли и куда идем? Как выглядит душа? Что такое счастье? Из поколения в поколение мудрецы ломают над ними голову и пишут тома, где при помощи логики, религии или наркотиков пытаются познать вечные истины. Сегодня, перед всеми вами, я — Дуглас Трентон Стивенс, заявляю — я нашел ответ. По крайней мере, на один вопрос. Что такое счастье? Друзья, счастье — это женщина, которая живет со мной под одной крышей. Она прекрасна, как мечта — нежная и загадочная. Она уникальна, как самый редкий на свете бриллиант, и во много раз дороже его. Она — ответ, которому не нужны слова — моя жена. Анна. Я пью за тебя, все еще пытаюсь поверить в твое существование. Я люблю тебя и обожаю. За тебя!

Анна подняла бокал и встретила глазами с Дугласом.

— Спасибо, — сказала она ослабевшим голосом, и тут же ее слова утонули в радостном шуме, с которым встретили тост гости.

— Ну, Дуг, ты даешь!

— Надо бы записать!

— Господи, я сейчас расплачусь!

— Поэт!

Анна чокалась с гостями. Ее переполняли радость и благодарность. Она смеялась, отвечая на комплементы, чувствуя себя королевой на балу, который продлится целую жизнь.

Когда с первыми блюдами было покончено, и мужчины стали собираться курить, к ней подошла Барбара Мак-Генри:

— Милая, ты сделала парижские фотографии? Я так хочу их увидеть! Мы с Доном собираемся туда в будущем году. Мне безумно любопытно!

— Ой, хорошо, что ты сказала! Сейчас я принесу!

Анна встала из-за стола и, мелькнув в гостиной яркой красной молнией, поспешила за альбомом. Фотографии были напечатаны еще в прошлом месяце, и все эти дни Анна предвкушала, как будет их показывать. Это все Дуг — из-за его тоста она позабыла обо всем на свете. Тихо пройдя мимо комнаты Сэма, она вошла в свою студию.

В темноте, озаряя стол тревожным красным светом, мигала лампочка записывающего устройства. Анна почувствовала, как ноги внезапно ослабели и, чтобы не упасть, ухватилась за спинку стула. Сердце бухало в груди, как молот; казалось, еще немного и оно разорвется.

Нет, этого не может быть! Это просто чья-то передача, случайно оказавшаяся на той же волне. Точно! Только и всего!

Анна медленно села. Лампочка мигала, словно хотела что-то сказать, словно кричала ей о чем-то. На маленьком дисплее горела цифра «1». Осторожно, словно боясь, что рация ее укусит, Анна поднесла палец к кнопке воспроизведения и нажала на нее.

Голос был такой, каким она его запомнила: напряженный, немного печальный — родной голос. Слова прозвучали четко, и врезались в ее сознание, как образы, вернув с неожиданной отчетливостью видение большого зала, Майкла, сидящего за длинным пультом, узкую комнату. «Не плачь», — сказал он ей. — «Ты же умница. Знаешь, кажется я понял — я...».

— ...люблю тебя.

Воспроизведение закончилось, и лампочка перестала мигать. По щекам Анны побежали слезы. Из груди, изнутри, из самого сердца поднималась боль, и нельзя было это остановить. Она сжала зубы, голова закружилась, а мысли стали путаться и разбегаться, как опавшие листья на осеннем ветру. Дрожали руки.

Анна сняла рацию с записывающего устройства и нажала на кнопку.

— Я слышу тебя, Майкл...

Она заплакала, роняя слезы на праздничное платье.

— Ты говори. Говори со мной! Не бойся — я буду ждать. Всегда. Всю жизнь. Я тоже — очень — люблю тебя — Майкл!

\$

Дуглас повернулся и посмотрел в темноту длинного коридора туда, где находилась комната его сына. Анна рыдала у себя в студии. Он ощутил пустоту, огромную, как море — молчаливую, угрюмую пустошь.

КОНЕЦ

E-mail: iv0lga тяф tail точка ru (слово iv0lga пишется через цифру «0»)